Матушка–зима

Предисловие

Трудно, наверное, отыскать человека, которого бы не интересовал вопрос: какой будет зима, весна или осень? Хотя бы - что готовит нам погода через месяц или на будущей неделе? Ведь каждому интересно, выглянет ли завтра солнышко, и прилетят ли вскоре птицы, как об этом пророчествует народный календарь.

Все перемены в народном календаре соотнесены с именами святых, память о которых хотели сохранить среди людей церковные служители. Но обыкновенный крестьянский люд был далёк от почитания недоступных для него небожителей, его, скорее, интересовал хлеб насущный, и принял он предлагаемый календарь только потому, что это был удобный способ запоминания сроков работ на земле. Ведь гораздо проще запомнить, что какое-то важное для семьи событие, может быть, свадьба дочери, произошло после Покрова, а великое дело - последний посев озими, пришлось на Семёна-летопроводца.

Святцы, или Месяцеслов, с полным обозначением на всякий день памяти святым, составляли лишь часть календаря, а сведения астрономические, по суточному и годовому обращению Земли и планет, - другую. И хоть говаривали в народе после случившегося неурожая: кто по календарю сеет, тот редко веет, и будто бы календарным теплом не угреешься, а всё-таки не могли от него отречься и лишь вносили, успокоившись, новые заметки, которые в скором времени оказывались как нельзя к месту. Роспись всех дней в году, с показанием каких-либо ценных примет, что накапливались постепенно, рано или поздно оказывала крестьянину верную службу.

За каждым днём Месяцеслова веками закреплялись определённые обычаи, поверья и обряды, приметы, ритуалы и правила. Каждому дню сопутствовали свои песни и пословицы, приуроченные к нему гуляния и празднества с гаданиями, посиделки и заклинания. Каждый день Месяцеслова был осмыслен крестьянами, пережит ими в нелёгких, но радостных заботах, проникнут на своём вековом протяжении постоянным духовным трудом. Месяцеслов полностью вобрал в себя взгляды народа на свою собственную жизнь и окружающую его природу.

Неграмотные крестьяне, не имея возможности вести записи, запоминали памятные для себя даты, увязывая их со святыми, которые теперь становились родными и близкими. Такие даты обрастали занятными приметами и поговорками, календарь становился истинно народным, и его уже можно было причислить к исконно крестьянскому творчеству. Постепенно и самому народу пришлось по душе наблюдать за природой, в особенности, когда завершались полевые работы, всё замирало в природе в ожидании зимы, и крестьянин, заполнив добрым урожаем свои закрома, уже мог обратить внимание на то, что совсем недавно проходило мимо...

«Примечай будни - праздники сами придут», - это правило стало обычным состоянием для человека, живущего на земле.

Отправляясь, скажем, в лес, чтобы проверить настороженные ловушки, человек взглядывал ненароком на небо, примечал, как ведут себя перед отлетом птицы, или какую траву заготавливают перед лёжкой на зиму звери, и призадумывался: со временем из всего этого слагался верный прогноз. И великие святые тут были не причём - сам крестьянин слагал из своих сравнений и вёдро, и непогодицу. Свят, как говорится, святой, да не искусен, а вот обыкновенный мужик хоть Богу и молится, но не покладая рук трудится, отчего и не упускает из окружающей его жизни ни единой мелочи.

Облака идут против ветра - к снегу. Дым из трубы столбом - к холодам. Красный огонь в печи и дрова горят с треском, или вороны раскаркались всей стаей - жди морозов. Сорока летает близ жилья, лезет под стреху - подоспеет скорая вьюга. Всё имело место и смысл в богатом до выдумок, проницательном русском народе, и народный календарь год от году становился всё более глубоким, красивым и точным. Русские люди, может быть, тем и сильны, что с большим уважением, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

Так уж выходило, что удобнее всего можно было отмечать для себя знаки природы с поры, когда земля засыпала, то есть с зимы, которая подходит обычно издалека и незаметно. Сначала на Покров робкие снежинки белыми мухами в воздухе закружат и тотчас растают. Зима от их нежного прикосновения встрепенётся и, ахнув, в удовлетворении переворачивается на другой бок. Она ещё до конца не проснулась.

Разбудить её суждено Сергию, который инеем траву бьёт, зиму долгожданную начинает. Затем Яков Студёный белую крупицу на землю посылает, дороги с тропами остужает, светлый день укорачивает. Холод в эту пору в себе почувствуешь – гляди в оба: не застудить бы ненароком сердце да звезде своей не дать угаснуть.

А зима уже на пороге: с белого гнезда снялась, вот-вот в гостях появится. Дай-ка, думает, я России необъятные просторы навещу, душистых пирогов её отведаю. Всю метелями укутаю-замету, звонким инеем дыхание заморожу, чтобы не было ей со мной сладу!

За этими долгими приготовлениями многим зима ленивой начинает казаться. Вот и первый снег припорошит землю, что душа незнакомого: сплошные потёмки. Верить ему никак нельзя, потому как пропадёт: только его и видели.

Человек к прихотям зимы привыкать уже станет, а она опять застит свет своими обещаниями. Замутит, завьюжит, неведомо куда унесёт и … бросит. Не один раз снег на землю падёт, прежде чем санный путь установится.

Не хватило октябрю времени зиму сотворить, принялся ему ноябрь помогать. Всех наших северных кочевников – снегирей, поползней и свиристелей приветил, а они своими нежными глоссами человека от

наступившей предзимней одури взбодрили, чтобы он перед большими снегами землю покормил, и тем её успокоил.

Рассвет уж сумеркам под стать: плачет тёмными слезами, зазывает поскорее белый день в гости. Зима на распутьях-перекрёстках, открытых всем четырём сторонам света, своими белыми руками надоевшую осеннюю хмарь потихоньку разводит, жизнь угасающую наполняет. Снег, бывает, в несколько дней всё завалит: вокруг белым-бело…

Тихо и глухо становится в лесу. Но и это ещё не зима: рыхлый снег неуклюжими шапками с деревьев свисает и тотчас срывается: увязнуть в нём почти невозможно. Он и холодит как-то не по-зимнему, будто только балуется.

По-настоящему зима встаёт на ноги только с Матрёны. И вот уж тогда вся лень с неё долой слетает. Пробудив всю свою силушку, гонит она на русские поля седые метели, небеса с землёй равняет, белым саваном деревни и леса укрывает. Велико её царство, никому в нём не укрыться!

По народному поверью, зима первым делом пегую кобылу запрягает, чтобы вьюгам своим дороженьку указать через осеннюю непогодицу, и себя в лучшем свете представить. Да только велика матушка Русь, не одолеть её с наскоку. Велит тогда зима запрячь кобылку белую, более выносливую и скорую. А сама не ждёт, целыми верстами свою поступь меряет.

Приходит зима, и, кажется, навсегда прощается мир с теплом. И хоть всё злей завывают метели и за сердце хватает мороз, у зимы есть своя сила, и она непорочна. Зима как будто сама вдыхает в человека нужные слова, мысли и знания для будущих ясных дней и новых счастливых откровений: душа его должна переболеть всем тем, что зима с собой приносит.

Ведь не счесть радостных забот зимы, пока она, их переделывая, человеку надоест: кружева белые навесит, непогодицу осеннюю уберёт, ветра между собою помирит и чистоту долгожданную везде наведёт. Нет, сурова русская зима, да на сказку похожа, а русский человек без сказки никак не может.

В самом своём начале зима на всё искусна: и на холод, и на ростепель, и на безудержную метелицу. Надо в такую пору у русской печи дольше бывать, её задушевные разговоры слушать и на пасмурное небо внимания не обращать. Безмолвно взглядывая при этом на грустную картину зимы в окне, так же безмолвно вспоминать свою добрую жизнь и думать, думать, думать...

В какое бы время и с какой бы силой ни застигла тебя зима, никогда не поздно ей поклонное слово сказать. О том, на что досадуешь в душе, или - что чашу твоей жизни радостью полнит. Матушка-зима всегда тебя выслушает, и, если приблизит, взойти к ней на порог не гнушайся, и хлеба-соли откушай: она – хранительница жизни, даже в самую студёную свою пору.

Белыми снегами зима поля, леса и реки прибирает, от мороза лютого избавляет, исстрадавшейся в праведных трудах земле отдых даёт. Зверей и птиц мягкими сугробами укроет, муравьиные кучи защитит и долгого

терпения всем пожелает. Никого без внимания не оставит, отнесётся по-матерински сердечно и ласково. Не зря в народе о её добрых и чистых замыслах издавна сказывают, и в народном календаре уделяют внимания больше, чем какому-либо другому времени года.

Но уж если вовремя не поберёгся, душу ей не открыл, то после Фёдора Студёного зима сильно может осердиться. И тогда ветры её голодными волками в рваном беге на всё живое накинутся, а робкие оттепели уступят место отчаянным холодам.

Посреди огромной белой ночи с неба, с оледенелой улыбкой, будет теперь взирать на землю одинокая луна, а зима пойдёт на новую, более сильную и необыкновенную жизнь. Всю свою неудержимую свиту выпустит она на волю из далёкой ледяной страны, и в голове - гнедая, самая отчаянная и сильная кобыла!

Первая часть. Зимний месяцеслов

Студень

Ворота в зиму открывает несговорчивый декабрь, что тешит себя и людей снежными сугробами, наваленными ворохами заячьих шкур, да удалыми морозами, пробивающими до слёз. Морозы удерживают первые завоевания зимы, и помогают не спеша разобраться в своей жизни. Декабрь начинает Введение.

Введение пришло, говорили на Руси, зиму привело, и хотя этот народный праздник служил лишь предисловием к долгой и суровой поре, охватывающей собою всё живое, по нему уже примечали, что если до Введения снег выпадет, то обязательно растает, а если после Введения пойдёт, то ляжет зима. На Введение, которое приходилось на четвёртое декабря, раньше делались пробные выезды на санях и открывались Введенские ярмарки, где продавались всевозможные сани. Но морозы на Введенье зимы не ставят.

Каждое время года обладает своей мерой силы, и зима с декабрём в этом отношении - начало начал. Именно зимой человек способен обрести власть над собственными способностями, а декабрь как будто выносит тебя за границы себя самого, чтобы даровать свободу. Так хорошо укрепиться в его начале сердцем в ожидании той замечательной непредсказуемости, которую он несёт.

Закутавшись в медвежью шубу, декабрь наделяет неотъемлемой властью вьюги и метели, что просят у него забавы. Грозно стучат они по крышам и окнам, будят по ночам людей, заставляя подтапливать печи. И люди, с настороженной озабоченностью предваряя отчаянные утехи декабря, просят от зимы у Бога чести да радости, чтобы всё шло в лад да сладость.

Не зря после Введения подступал Прокоп. Пришёл, замечали, Прокоп, разрыл сугроб, по снегу ступает, дорогу копает. В этот день всем миром выходили расставлять вешки вдоль дорог от деревни до деревни, чтоб путники не сбились с пути. Считалось, что с Прокопа устанавливается хороший санный путь.

Но неразумно ждать от зимы в декабре проку, потому как ничто ещё наперед неизвестно, а на разъяснения она не больно охотлива. Быть ли вскоре ростепелям или лютым холодам, и принесёт ли лихо зимы мор и неизлечимые болезни, никому неведомо. Сурово бросает зима вызов деревьям, животным и птицам, околдовывая душу у всего живого.

А что значит зима для человека, что успел собрать осенью урожай своей жизни? Какая пустота охватит его сердце, и возможно ли такое после заслуженного плодородия? Может быть, во имя чего-то большего готовит его матушка-зима, научает и закаляет, тихо благовествует. И ещё пророчит соблюдать бережливость в достигнутом добре, догляд во всём и скромность.

Проведя всех через себя в зиму, декабрь редко закуёт землю морозами, а больше оглушит снегами. И тогда ублажит уставшие за год глаза его нетронутая белизна, растечётся по телу животворящим ознобом. Белый цвет народится в душе грядущим праздником чистоты и света, ожидая который, человек уже успел отчаяться и позабыться.

Спокойно и просторно становится от присутствия снежной белизны. Некоторая невнятность, размытость всего окружающего сужает видение находящегося рядом, заостряет на нём внимание и выявляет самое родное. Оттого - и уют зимний, когда весь мир оказывается перед твоим домом, и нет в тебе ни смятений, ни тоски. Только к весне сердце загорюет в накопившейся безвестности происходящего повсюду царства белого цвета, и захочется ему нескончаемых далей, простора и света. Пока же снег убаюкивает человеческие думы, предвосхищая в них будущие решительные поступки.

Белый цвет - это успокоение и зарождение в глуби зимы новой жизни, поначалу лишь зыбких и неуловимых её оттенков. Но к лету они образуются в цвета, и заиграют всеми красками радуги. Игру же цвета зимой поймать трудно, почти невозможно, ибо она - переменчивое мгновение. Слово оказывается бессильно в выражении его, а картина, хотя и немного отдаленная от подлинника, не так радует. Лучше самому утопать в этой белизне, и тогда её невидимые лучи, прошедшие через твоё сердце, приобретут все оттенки света, разливаемого солнцем зимой, что помогает видеть, чувствовать и не уставать душой.

А тут уж на двор и Екатерина-сенница поспевала, что празднуется в народе седьмого декабря, самое время для зимнего пути на санях, которые готовили ещё с лета. Каковы, говорили, сами, таковы и сани. Обычно в этот день собирались в отъезд от хозяев вольные слуги и устраивались повсюду Екатерининские гуляния, первые катания на санях. Ещё вечер на Екатерину славился гаданиями, когда девушки обращались за помощью к деревенской ворожее, а перед сном клали под подушку кусок хлеба и загадывали: какой будет суженый?

Новый снег на Екатерину всегда приносит с собой живое тепло зимы, и это сразу ухватывают ребятишки. Они оживляются, радостно утопая в навалившихся детских заботах. Словно маленькими солнышками становятся под вечер их разгорячённые лица, излучающие восторг и свежесть.

Одна за другой вырастают по дворам ледяные горки, весело голубеют закованные в панцирь склоны холмов. Весь день слышится там заливистый смех, то и дело вспугивающий любознательных сорок, и, кажется, что ни в ком не осталось безделья и скуки. Даже старики в эту пору оттаивают душой и, оставляя полати и печи, подсаживаются поближе к светлеющим окошкам. Хорошо и покойно становится у них на душе.

Детвора резвится, наслаждаясь снегом и радостным привольем, которое он принёс. Юркие снегурки разрисовали замороженные речки и пруды, повсюду незаметно поднялись неловко улыбающиеся снежные бабы. А как зазывно повизгивают старенькие салазки, целый год без внимания к себе провисевшие в каком-нибудь тёмном чулане! В их голосе слышатся давно скрываемая зависть и необузданное восхищение.

По всей земле русской идёт долгожданная потеха, между тем, заповедующая к ней любовь и святость. Возможность хранить и любить отчую землю даёт зима с малых лет каждому, и всякий несёт её в себе по-своему. Только, может быть, не сразу уразумеет, но чувствует сердцем обязательно.

Вот уже появились первые снежные завалы, и потянулись сквозь них заботливо расчищенные дорожки. Неугомонная ребятня, утехи свои не прекращая, целый день в сугробах проваляется, снег повсюду раскидает, а под утро дорожки опять ухоженные. А то завидишь, бывало, на улице дровни, неизвестно чему возрадуешься и долго потом глядишь им вслед. Сани катят не медленно и не быстро, и ты вдруг ощутишь, как слетела с души какая-то тягость, долгое время не позволяющая вдохнуть полной грудью.

Снежная пороша заметает след от берёзовых полозьев, зазывно хрустят под ними отливающие серебром ледяные сколки... Глядя на неторопливый, но верный бег лошадки, почему-то тоже пожелаешь себе с пути зимой не сбиваться. Утвердившись в этой вере, будто начнёшь погонять несуществующих лошадей, зная, что ничего худого с тобой не может случиться. А потом в сердцах спохватишься: до чего чародейка-зима околдовать может - про всё, уже случившееся с тобой, посреди дороги позабудешь!

А декабрь ещё и не на то горазд! Нежданно-негаданно ярые морозы подпустит, словно подзадоривает: живи - не тужи, бей в ладоши да пляши! Ровно нет у мужика забот более никаких, как только радоваться приходу зимы.

Но сказана она ему подобно волку на добычу, который на Егория в заступники мужику народной молвою избран. На что волк со своей звериной лихостью решится, то и мужик одолеет, если зиму за обычай встретит. Правда, для этого ему надо много перетерпеть, с незавидною судьбою, если она случится, не смириться, а главное - в себе самом зимой не околеть.

Мудро и не спеша следует мужику зиму начать жить. Хвост, подобно псу обездоленному, не поджимать и не озираться, а верить в лес, лунный свет и теплоту сугробов. Коли же навалится на душу иссушающая хмарь, надлежит на заре лицом к северному ветру встать, чтобы смёл он с души все надсадные думы. Да ещё у звёзд холодных загадать верную примету, и никому об этом не рассказывать. Животворная сила зимы тогда в тебя с морозцем трескучим войдёт, и уже до самой весны не оставит.

В старину на Руси не различали имен: Юрий, Егорий и Георгий - считались одним именем, только в разном именовании. Наши предки отмечали два Егория: один - холодный, девятого декабря, другой - голодный, приходящийся на шестое мая. Оттого меж людей велась поговорка: весной Георгий с летом, Никола - с кормом; в зиму Георгий с мостом, а Никола - с гвоздём. До Юрия, мол, бью дурня, а после Юрия - и разумного, который не запас кормов.

Кстати, до шестнадцатого века безземельным батракам разрешалось переходить от одного барина к другому - в Юрьев день, когда все полевые работы были завершены. Иван Грозный, как известно, отменил все эти переходы. Тогда и родилась поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Помимо того, что волки с Егория начинали выбираться за добычей, люди ходили слушать воду в колодцах: если тихо, вода не волнуется - зима будет тёплая; послышатся звуки - жди сильных вьюг и морозов. Примечали также, что если на Егория мороз, то под кустом овёс. Медведь в эту пору уже засыпал в берлоге, а что у волка было в зубах, то, говорили, Егорий дал. Ведь все звери у Егория под рукой.

В декабре обычно видятся странные сны... Всё глушь, всё снег, и будто едешь ты на сером волке верхом, ухватившись за его шею. Волк неспешно перескакивает сугробы, оставляя за собой глубокую борозду, и ты чувствуешь, как прохладна шерсть у него на загривке. Что-то неведомое даёт ему силы.

Волк бежит по лунной дорожке, не опасаясь, что его кто-то нагонит. Сразу видно, что он - волшебного рода: с горящими аметистовыми глазами и о двух серебристых крылах. Тебе легко и свободно, и ещё немного страшно оттого, что волк такой необычный, но не чужой.

Отдаваясь его скорому бегу, ты надеешься на самое лучшее. Даже не думаешь просить заступничества перед волчьей стаей, что, остерегаясь, идёт по пятам. Чувствуется, что волк знаком с нею, но недостижим для обыкновенных зверей, возжелавших по-своему почесть чудесного пришельца. Он как предвестье или знак: следуйте за мной - и откроете грядущее.

Но только зачем это знать волкам, которым силы в студёную пору даёт тёплый кусок добычи, а по душе - непрекращающийся бег. Всё им едино в этом заснеженном мире, и ведают они о себе ровно столько, сколько необходимо для их неприкаянной жизни. Но именно волк повёл тебя в декабрьском сне за собой, и это не мог сделать никто другой, потому как он живой символ самой зимы, утверждающей силу, мудрость и страх.

А зима между тем по своим делам хлопочет, несёт невидимый белый крест. Завалила всю околицу и огороды, за которые уходит желанный сердцу простор, да взялась насылать на людей приворот, чтобы всё нажитое до зимы человек забыл, освободился от него и только бы её одну теперь желал.

Человек во всё это верил и почитал. Верил, что ворожба сбывается, и коли прорубь на реке поутру прорубить - услышишь свою радость или печаль. И что, набрав в вёдра воды, надобно её прежде успокоить, чтобы с этой водой порчу в дом не занести. Для всякого спасения заговорное слово знали, которому Пресвятая Матерь Богородица учила.

Ты тоже поклонялся ей, но больше доверялся волку во снах, что приходил ночным дозором проверить: кто ты и чем жив? Он будто боялся не успеть разбудить в тебе главную силу жизни, торопился управиться до Рождества. Мятежно, но беззлобно волк рвался к порогу и, минуя красный угол, увлекал за собой... Не было сил сопротивляться его неудержимому порыву.

Так и декабрь: не заставлял себя долго ждать - день за днём справлял свои святые праздники. На Варвару, которую встречали семнадцатого декабря, ледяными иглами шубейку притачивал, на Савву, следующего сразу за ней, дорогу мостил да укатывал, а на Николу, к девятнадцатому декабря, хрустальными гвоздями ковал. До Спиридона декабрю немало дел следовало устроить, и это могло не на шутку нарушить его покой.

Уверенной поступью меж домов пройтись, крыши кое-где подлатать, снежком подоткнуть - это декабрю за радость. Не терпит он в своём царстве беспорядка, без устали укутывает снегом человеческое жильё и землю. Но больше всего первенец зимы на крыше избы посидеть любит, у трубы пение русской печи послушать.

Вдыхая в себя берестяной дух, декабрь, должно быть, сладкие думы переживает. Хочется ему у человека в гостях побывать, за одним столом с ним посидеть да его душистых ватрушек отведать. Чудный огонь в печи манит декабрь и, в тоже время, страх у него вызывает. Оттого он себе покою найти не может: изнемогает в тоске вынужденного одиночества, воет, пуржит. Человеку, что заблаговременно к зиме приготовился, его завывания забавны, он отчаянные стенания зимы горячим борщом встречает, родных и друзей пирогами потчует.

Декабрь всё это в замороженных окошках высматривает, и от этого ему ещё обиднее становится. А человек про зиму не забывает, и будущими праздниками её живёт, к ним готовится, чтобы вечера святые достойно встретить, тайну рождественскую, сокровенную, через весь год в себе пронести.

Между тем, и по Варваре, и по Савве люди добрые и верные приметы слагали: на день Саввы, к примеру, зима реки засалит, а Варвара ночи убавит и дни приточит. Ещё смотрели, как ведёт себя в эту пору дым: идёт столбом - к морозу, волоком - к ненастью, когда же его без ветра бьёт к земле - жди снега. На Савву даже нельзя было ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

А вот Никола зимний олицетворял собой Николая Чудотворца, который был самым любимым крестьянским святым. Его в народе очень почитали, и оттого повелась пословица, что благому чудотворцу Николаю два праздника

в году: Никола зимний - девятнадцатого декабря, и Никола весенний - двадцать второго мая, а Касьяну немилостивому - один в четыре года.

Во многих местах на Руси по нескольку дней кряду справлялась Никольщина вскладчину, с пивом и брагой из зерна нового урожая. Молодежь в Никольщине не участвовала: это был праздник стариков и их старших сыновей. К ним съезжались ближайшие родственники, а тех, кто отказывался от складчины и уклонялся от празднования, изводили насмешками целый год. Недаром в Николин день во всяком доме водилось пиво, и если никольскую брагу пили, то за никольское похмелье били. На Никольщину, утверждали в народе, и друга зови, и недруга.

Ещё с Николина дня начиналось сватовство, служили молебны те, кто задумывал жениться или женить детей. Хорошую невесту, замечали особо мудрые острословы, и на печи найдут, свату же - первая чарка и первая палка: мол, не заламывай рябинку, что не вызрела, не сватай девку, пока не вызнал её, ведь доброю женою и муж честен.

Ну, а уж то, что по Николину дню загадывали погоду и урожай, так это было за обычай! Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего. Первые серьёзные морозы - никольские. Иней на Николу сулил к урожаю, а никольский обоз для боярской казны считался дороже золота. Вот и зиму хвалили только после Николина дня.

Русские женщины с особым усердием предстоящие таинства зимы ожидали. Синими вечерами принимались за неторопливое рукоделие, обновки себе необыкновенные ладили, чтобы в них перед суженым покрасоваться. Сама зима им рисунки диковинные подсказывала, по серебряному полю иглою волшебною водя, на окнах узоры расписные оставляя.

За этими приятными для них занятиями надо было остерегаться сглаза и порчи, на которые искусны чёрные силы зимою. Светлый же декабрьский день мог обижаться и негодовать только по своему добродушию. Потому девушки в эти вечера нить шёлковую вокруг запястья обвивали, а старшие их от разных напастей оберегали, к осмотрительности приучали.

Без неё под конец декабря никак было не обойтись: на землю наползали самые тёмные и долгие ночи, слывшие в народе недобрыми: вся нечистая сила вместе с ведьмами да упырями над белым светом надсмехалась, с угасающим солнцем осатанело тягаясь. Люди по домам доброго света прибавляли, и ещё чаще к Господу обращались: просили солнце поскорее на землю сойти, разогнать нечистые силы.

И вот подступает долгожданное двадцать пятое декабря - Спиридон-солнцеворот, когда умершее солнце от дурного сна освобождается, тёмные путы с себя сбрасывает. Взойдя над землей во всей своей красе, солнце людям улыбается, и радость несёт, словно призывает ласково: выходите, люди добрые, мои лучи светозарные встречать, и я повернусь для вас ликом на лето. В народе замечали: солнце на лето, зима на мороз, ночи на убыль,

дни на подрост! После солнцеворота хоть на воробьиный скок да прибудет день.

В народе солнце воспринимали как оберегающую силу, готовились к его приходу, пекли круглый хлеб. Под воскресшее солнце загадывали о домашнем очаге, о сохранении доброго духа в доме и боготворили его, желая поскорее разгореться и окрепнуть. Даже медведь в этот день поворачивался в берлоге на другой бок, засыпая ещё более крепко и сладко уже до самой весны.

С утра в этот день выходили в сад и отряхивали яблони от снега, так как обилие его могло обломать ветки деревьев, и приговаривали: «Спиридоньев день, подымайся вверх!» Старые люди в приговор верили крепче нашего, оттого и сопровождали им любую работу, которая без доброго поверья ничего не стоила. Ведь без сказки, говорили на Руси, и правда не стоит.

А наверху вихри снежные неистово наседали, стараясь, изо всех сил, солнце красное замести, чтобы всю зиму оно в чертогах неведомых почивало, не заботясь о роде людском. Голодная стужа опять безжалостно на всё живое наваливалась, вызывая за собой перекинувшихся в зловещих волков оборотней. Оборотни вместе с вьюгой по занесённым дорогам и деревням в остервенении мечутся, редких путников поджидают. Всё им нипочём в это проклятое время, когда и птица на лету замерзает.

В народе издавна сказ идёт, что в самую непроглядную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пень и превращается в волка. Всю ночь он неуязвимостью и наглостью своей потешается, безжалостно людям сердца выедает, а под утро оборачивается вновь в человека и ведёт жизнь незаметную, праведную. Ни за что не распознать его изворотливое обличье, коли только не решишься в полночь проследить за ним да воткнуть в тот осиновый пень нож булатный: оборотень до скончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу. Но только тогда не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девицей с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянёшь его про себя, а он уже тут как тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, понимая поговорку - верь волчьим слезам. Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми опрокидывающиеся сани, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своенравный декабрь вместе с народной молвой о зловещем ведуне-волке исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желали. Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие разжигали да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала темь зимняя от человеческого жилья, а жизнь добрая на свет поворачивала.

Декабрь, говорили, старый год кончает, новому - дорожку новым счастьем стелет. Виделся он людям могучим деревом, на нём двенадцать гнёзд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семи цыплят. От

того, как зиму встречали да проживали, будущее благополучие зависело. Декабрь же всему живому головой был, и потому слыл в году хозяином.

Просинец

Истинно зима начиналась с Нового года. К этому времени она прочно утверждалась и заводила промеж людей много занятных обычаев. Так в новогоднюю ночь от каждого дома приносили на красное место за деревней по снопу хлебов, обвязывали праздничным льняным полотенцем и оставляли до утра. А потом сходились и глядели: чей сноп снегом больше укроется, у того и летом в достатке уродится.

Девушки старались в первый день Нового года одеться как можно наряднее, и переодевались несколько раз, чтобы у них в году было больше обнов. В Новый год первому покупателю отдавали товар за дешёво, ибо «дорог почин». Не следовало в Новый год платить долгов - весь год будешь расплачиваться, а соседи, родственники и дети ходили из дома в дом под видом «сеятелей»: бросали горсть зерна в красный угол и поздравляли хозяев, желая здоровья да урожая. В благодарность хозяева должны были этих «сеятелей» угостить.

Нечистая сила, изрядно напуганная приходом Спиридона-солнцеворота, с нового года из-под коряг лесных вылезала, чтобы свои последние потехи учинить. Во всякую оставленную на столе плошку могла она вселиться, и как только хлебнёшь из неё водицы, начнёт тебя гнести немощь неизлечимая да разного рода недуги. Никак нельзя было в эту пору оставлять на столе посуду неприкрытой. Если же по забывчивости закрутишься и не убережёшься, следовало слова стародавние заговорные произнести, всякую нежить и мороки из дому без оглядки выпроводить.

Хуже того было ввечеру нож без присмотра оставить. Тёмная сила тотчас в него вселялась и начинала так бесноваться, что у малого дитяти живот болеть не унимался, пока нож не убирали, заговаривая его от порчи, рези и невольных стенаний. Сказочный страх перед этой силой занимал воображение всех, от мала до велика.

А она будто ещё пуще выходила из себя. Так и норовила поближе к жилью человека пробраться, спрятаться под крыльцом или в сенцах, а то и в печную трубу завалиться. Только на любой жизненный час имел народ против неё ответное слово, которое белый свет прибавляло да долгий век обещало.

Не было на Руси такой деревни, чтобы не жила в ней бабка-ворожея, к которой тайно шли погадать на скорую судьбу парни и девки. В обыденные дни её как будто не примечали, старались стороной обойти, в глаза не смотреть, но с начала января каждый стремился своё грядущее узнать. Тут уж про всякий страх забывали, с горем и болью в её магическую ворожбу отдавались и, не переставая, кланялись. Велика была в эту тёмную пору её тайная власть.

Но тем и чудесны новогодние вечера, что можно было без помощи ворожеи в будущее заглянуть. Для этого в неглубокую миску воду наливали да уговаривали её блажь не наводить, не шуметь, через края не литься и всё как есть рассказать. Затем посудину несли на улицу, ставили под холодным небом у крыльца и рано поутру глядели, как замерзнёт в ней за ночь вода. Если лёд застывал ровно - такой и жизнь обещала быть, поднимался буграми - горе вперемежку со счастьем пророчил, а замерзал воронкой - ущербом опалял. Лишь горка в плошке добрый год сулила.

Ещё под Новый год был обычай опутывать ноги у стола, за которым в праздничный вечер все друзья и родные собирались. Чтобы их беда в будущем году не разлучила да по свету не разметала. Оттого и повелось на Руси между своих родных в этот праздник хлеб-соль делить и совет держать. Ясным золотом над ними зимняя ночь спину выгибала, чёрным соболем укутывала.

И рождался из неё необыкновенный первенец года - январь-просинец. В прозрачную синь он реки и озера выстуживал, хрустальные кружева на окнах навешивал. Восторженной синевой была подёрнута его заснеженная равнина.

Январь силу народившемуся году закалял, в морозах трескучих её выпестовав. С малых лет он был славен в народе смелостью и отвагой, завещая братьям своим и далее не робеть, помогая людям в жизни правду, не переставая, искать. Бодрости и удальства молодецкого ему было не занимать: о нескольких ногах вокруг изб скачет, в окна то и дело стучит да красный огонь в печи, что было сил, раздувает. Хоть от задора такого умри, но с места не сходи!

Уголья, вроде как, сами на загнётке разгораются, до того бывает крепок мороз в январе. Дым из печной трубы идёт столбом - ярый мороз за окном. В этакую пору и хлеб у хозяюшки лучше подрумянивается, выходит слаще и ароматнее.

В обычаях старины повелось жить в особом ладу с январем да вести хозяйство слаженно. А это подразумевало великую ответственность перед своим родом и семьёй, чтобы поддерживать между людьми любовь друг к другу, к лесу и зиме. И ещё - к закованной на время, но не смиряющейся жизни.

Боль, заронённая в сердце ледяным январем, должна была стать общей. Залихватский восторг, вдруг пробудившийся в тебе от переполняющей природу силы, неминуемо бы охватывал своим ладом и всех близких. Поживи да потужи не за себя одного - не сочтёшь потом отрады. Январь же только подзадоривает!

Дом родной всё это чувствовал, слышал, жил зимними заботами своих хозяев. Вместе с ними радовался и кручинился, помогал преодолеть пору, когда что-то не ладилось. Хозяева любили его и бережно относились к нему, охраняя от неведомой силы. Верили, что не заступит беда в дом, если вклинить в порог точёный топор, тем самым оберегая домочадцев и быт.

Морозы с метелями уже очереди своей не ждут, знай, накручивают сугробы под самые крыши, а коли снегу много - будут богатым колос, зернистым зерно. Крестьянину требовалось немалое терпение, чтобы всё это пережить, встретив следующую зиму с полными коробами и сусеками. На этом зиждилось его богатство, потому как хлебные запасы нужды не терпят.

От того, как хозяин доглядывал за ними гибельной порой, зависел достаток в доме. Надобно было вовремя зерно деревянной лопаткой в ларе пошевелить, чтобы оно жару не дало или, на худой конец, мыши не завелись. Без Божьего оберега тут было не обойтись, потому, как нечистая сила могла утоптать хлеб, забрав в себя его всхожую силу.

Даже входя в дом и желая хозяевам удачи, говорили с порога: «Спорынья в квашню!» Те на доброе приветствие в свою очередь отвечали: «Сто рублей вам в мошну!» Спорынья была дороже богатства: в ней и бедный проживал, а отсутствие её и богатого губило.

Но чтобы в достатке грядущий год провести, самое время было мать землю, родительницу всего живого, помянуть. За неторопливой домашней работой, когда за окнами зима во всю силушку разгуляется, славили её по чести, душу живым теплом полня. Заповедь старикову при этом не забывали: «Держись за мать сыру землю, от которой сам Господь повелел кормиться!»

Заморозил её январь, застудил, куда как долго ещё до плодородия! Но разрешиться от бремени суждено было на сей раз женщине - хранительнице очага. Для неё в дому вышивали узорчатое полотенце, раскрывающее белый свет новорождённому, так что ребёнок выходил из бабьего чрева легко, и ничто не препятствовало его появлению. Сила добра, идущая от самой земли и сопутствующая продолжению человеческого рода, переходила роженицам: подступал праздник повивальных бабок и рожениц - Бабьи каши.

Никто в деревнях лучше стариков не знал давние обычаи и своё дело. Радеющее за лёгкие родины, оно веками укоренялось меж людьми добрым словом и молитвами, а с наступлением святых вечеров сряжалось на бабьи каши, когда полагалось навестить бабку-повитуху с теми детьми, которых она в своё время приняла. Под этот праздник бабке требовалось особо угодить, потчуя её пирогами да водочкой, после чего та рассаживала всех по лавочкам и выставляла горшок с кашей. Сдобренная её душевными уговорами да руками каша эта семью любую как бы скрепляла, и от этого высился незаметно и крепчал русский народ.

«Бог с милостью, а бабка с руками», - говорили на деревне, тем самым отводя достойное место повитухе. Её умение приносило лёгкие роды и помогало бесплодным женщинам. Попу что: окрестил – и с плеч долой, а вот сделать, чтобы дитятко выросло крепким и счастливым, могла только бабка. Праздника краше бабкины каши!

Только что появившееся дитя заботливо обтирали полотенцем в душистом пару, очищающие слова приговаривали: от худобы и сухоты, во имя спокойствия великого. А потом ему бабка колыбельную тихо напевала,

злые чары разгоняла. Сладкими казались сказки под завывание январской вьюги, сладкими да безбрежными, младенцу на здоровьице и крепкий сон.

И к земле, и к дому, и к роженицам с детьми благоволила зима и, конечно, не могла не уберечь скотину. Для всякого живущего она предполагала доброту и здоровье. А кто как не животные предупреждали людей о погоде?

Лишний раз подстелить корове, навести пойло коню, задать корму птице было человеку главной заботой, чтобы от них прознать о готовящейся доле: стуже ли быть на дворе, ветер ли сырой скоро начнёт лютовать или метель налетит. Оттого и полагалось им во все времена должное почтение.

В уходе за домашними животными и сам человек оживал. Ходить да убирать за ними значило лени не поддаваться, да одурманивающую сонливость с души стряхнуть. За этими делами не по плечу было тёмным силам зимы околдовать человека своим притворным коварством.

В народе издавна подмечали, что коли станет хуже некуда, так и пойдёт на лад. Для того и праздники всю зиму один за другим встречали да провожали, - они скучать не давали. Так незаметно подходили Святые вечера, которые обозначали человеку верный путь, открывая собой двухнедельные новогодние празднества - Святки. Первая неделя Святок, с Рождества до Васильева вечера, называлась Святые вечера, а вторая, от Василия Щедрого вечера до Крещения, - Страшные.

Что есть Святки? Это - весёлые колядки и ряженые, славильщики со звездой и вертепом, тысячи песен и игрищ. А ещё - посиделки с гаданиями, что предвещают богатство или бедность, свадьбу или вечное девичество, разлуку или свидание. И, конечно, множество поверий и примет: тёмные Святки - молочные коровы, светлые Святки - ноские куры; будешь же делать клубок святочной пряжи туже - тугими будут капустные кочаны. Словом, Святки сводились к одному: к плодородию земли, скота и всего доброго люда.

Вечер и ночь накануне Рождества Христова - это Сочельник, в народе его ещё называли Кутейником, так как полагалось на него готовить кутью. Но главным блюдом были сочни - пресные, тонкие лепёшки с кашей, сметаной или творогом. Ужину в Рождественский сочельник придавалось большое значение: избу тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью, ели в торжественном и строгом молчании. При этом крестьяне заставляли ребятишек залезать под стол и «цыкать» там цыплёнком, чтобы хорошо водились куры.

Первый блин в Сочельник доставался овцам, в эту ночь скот обычно кормили обильно. На снятых дверях жгли костры, полагая, что усопшие родители приходят обогреваться и от этого огня пшеница народится ярая. Все деревья в садах обвязывали соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили, а в душе с нетерпением ожидали Рождества.

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна горят живым теплом. Там, за окнами, вдумчивая людская озабоченность и доброта. Пламя

свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, уютно потрескивают в печке дрова, а сердце ровно бьётся в груди для дальнейшей здоровой жизни.

И вот уже дивный сон наваливается на плечи, так что слипаются веки, и тогда всплывает посреди зимы её самая волшебная сказка – Рождество, вместе со всеми чудесами, что оно в себе несёт.

Выйдешь в рождественский вечер на крыльцо - дух в груди перехватит: такой весёлый озноб по телу пробежит, что и слова не вымолвить. Каково!

Звёзды в напружиненном небе, кажется, съёжились от мороза, а так и играют разноцветными каменьями, задорно вспыхивая в торжественной вышине. Если голову не опускать, и всё вверх глядеть, то начнёт казаться, что они – живые.

Среди поблескивающих сугробов тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая к колодцу тянется, взвизгивая, словно поросёнок. Деревья в снегу по пояс застыли, но тоже всему происходящему тихо радуются, сопереживают.

Морозный воздух от фонарей искрится, осыпая восторженным блеском шапки, валенки, шубы, и они мгновенно смерзаются, отчего во всём теле – удивительная приподнятость, бодрость. Так бы и полетел прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку, а на душе тепло от счастья, празднично.

Плывёт кругом рождественское сияние, не утихает! Мечта одна другую перегоняет, в звонкую тишину тянется: от предвкушения того, что всё задуманное сбудется, даже как-то неловко становится. А как если самое сокровенное загадать – будет ли тебе отрада?!

Святой вечер, и такое необыкновенное настроение, что не передать словами. Окна в домах совсем замёрзли, тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом. Где-то там, в уголке, замерла отогретая с мороза ёлка: распушив густые лапы, сладко дышит хвойным жаром. Золотые и серебряные шары слабо прокручиваются в ней на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой…

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под мерцающие звёзды, а с мороза – к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном инее, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме её метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо длится рождественский вечер, и, кажется, ему не будет конца. В такую сказочную пору всё представляется нерассказанным, и его хочется передать: спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору.

Пять раз в году солнце играет, и впервые это происходит на Рождество. Красное, большое, оно разливает ласково свой живительный свет: мол, не обессудь, морозец! А народ радуется, на него глядя, Христа Спасителя величает и всех с праздником поздравляет! Как тут не возжелаешь о богатстве в грядущем?!

Январь его уже в приметах пророчит, которые не к случаю сказывали, а ко дню прикладывали. Метель рождественская добрый пчелиный рой обещала, иней - урожай на хлеб, а звёздная ночь - ягод с болота по осени не уволочь. Всё небесное оборачивалось на деле дорогим и желанным матушке-земле, питающим род людской.

Надёжно укутанная снегом земля слышала в эти дни особенно чутко: нельзя было солгать, не очутившись в её холодных чертогах. А солнце наверху так и играло, гнало лохматую нечисть в глубокие щели, от чего тёмная сила становилась махонькой, неприметной. Перемётывалась с улицы на улицу, норовя угодить в какой-нибудь дом, чтобы в дальних его углах схорониться, или под печкой. Добрая хозяюшка на этот случай ещё загодя веники приготавливала, а со святых вечеров выметать её начинала.

Мужики на Рождество надевали новые рубахи, а то - жди неурожая. И охотиться им в эту пору на зверей и птиц было заказано, иначе - грех: с охотником обязательно несчастье случится. А ещё было нехорошо, коли на Рождество войдёт в избу чужая женщина - в той избе весь год будут болеть бабы. Верным считалось для большого приплода ягнят дождаться первого гостя, пришедшего «славить» в день Рождества Христова, и посадить его на шубу.

Ближе к Страшным вечерам старые люди советовали выставлять за деревни колья, что ведунов и ведьм отпугивают, к избам не пускают. Хозяева приходили туда и повязывали на колья тряпицы, каждый про себя желание сокровенное загадывая. Старики же к тому времени из постелей своих натрясали под колья соломы и поджигали, чтобы в пепел обратились все мытарства людские, неурожаи и недуги.

Так, за благими святочными делами да приятными заботами приваживали дорогой для крестьянина Васильев вечер, что приходится на четырнадцатое января. Сошедший на землю в ночь, разделяющую Святочные и Страшные вечера, веселый бог плодородия со своим потешным окружением ехал на поросёнке между встречающими его, в ответ на приветствие головы хозяев зерном обсыпал и приговаривал: «Новое счастье уродись, с добрым хлебом поднимись!» Потому полагалось в этот вечер ставить голову поросёнка на стол и верить, что Василий зимний её освятит. Деревенские люди про то свои земные слова имели, зная, что у Бога нет ничего нечистого, и, знай, приговаривали: «Свинку да боровка для Васильева вечерка!»

В такую пору просыпается в сердце желание выйти из дому и щедрым голосом открыться душой всему свету, обещая добрым людям сытую зиму, ясную весну и раздольное лето! На дворе крупными хлопьями валит снег на счастье и благополучие, радостные лица рдеют здоровым румянцем и шуткой. А другие ещё вырежут маску из бересты, вымажут её кто сажей, кто свёклой, и айда по крестьянским дворам подглядывать, кто как живёт. Тут уж успевай засветло двери прикрыть: ряженые идут!

По ним чудесное зимнее время как никакое другое запоминалось, люди с затаенным страхом пытались под маской узнать друг друга, и становились при этом по-детски счастливыми. Несмотря на творящуюся по вечерам на улице беспутицу и несусветный лик, ряженые славились в народе гонителями порчи и охранителями здоровья. Рыком и хохотом запутывали они нечистую силу, изводили её из деревни, и никто на шутки ряженых никогда не обижался. Исстари на Руси было отмечено это чудо зимы - Святки.

Но у нечистой силы свой праздник, ибо кончаются Святые вечера, и потому в ночь после Васильева вечера вся нежить - тут, как тут: бесы и ведьмаки, колдуньи и домовые, луканьки и недобрики, нелёгкие с кикиморами, отяпы и окаяшки, анчутки беспятые, и так до самого Сатаны. Вся нечистая сила собирается в эту ночь на Лысую гору и, чтобы не было видно ни с земли, ни с небес этого великого беснования, крадут с неба луну и прячут её до утра. Только звёздочки рябят в чёрной вышине, но и их черти норовят с неба украсть, все дороги на земле перемесить.

Именно в это время ударяют крепкие морозы, и пошли по свету виноватых искать двенадцать злых сестер: Лихорадка и Лихоманка, Трясуха и Гнетуха, Кумоха и Китюха, Желтуха, Бледнуха, Знобуха, Трепуха да Ломовая с Маяльницей. В иных местностях на Руси подобных лихоманок насчитывали не двенадцать, а семьдесят семь, и называли их по-другому, но суть та же: нечистая сила несла болячки, и от них надо было оборонить всех, от старого до малого.

И как только хватало сил добрым людям управляться в течение зимы со всей этой порченой немочью, что норовила сглазить их жизнь?! К самой середине зимы лихоманка куролапая по избам пробегала, бабам стряпню наводить мешала: на хлеб гнёт наложит, из печи тепло вытравит да жжёт сердце горечью своей. Или возьмёт и напустит по всей деревне куриную слепоту, так что куры потом три года нестись не могут. Сохнет после неё всё молодое и здоровое, безвозвратно хиреет.

Торопились тогда сердобольные хозяйки нечисть хитроумную угольями запугать. Ещё пышущие жаром головёшки собирали из печи в ведро и несли на двор, чтобы добавить туда для дыма навозу. После этого окуривали птичник, изводя всю гниль хворую, а мелкие угольки вываливались в снег, что недовольно шипели в зимней утробе. Зима благодушно наблюдала за каждодневными заботами человека и, наверное, любила его со всей строгостью отпущенной ей силы.

Да и как было не любить русского человека, если в неутомимости своей он душу добрую оберегал. Всей радости он видел вперемежку с горечью, да и то ненароком, на миг, вот в такие праздники, но, увидев однажды, запоминал надолго, и нёс с собой через всю жизнь. Великие стремления его не одолевали, поскольку сам он был велик в простоте и незаметности изо дня в день совершаемых дел.

Но и у него терпение переводилось от того, как сила тёмная его всю зиму мытарила, добро со злом мешала, любовь с души скатывала. То она собакой шелудивой к дому прибьётся и чёрным вороном на крыльце обернётся, то непутёвым чёртом объявится да стонет так, что сердце той тоской разрывает. Вселяя в человека тягостные сомнения, тёмная сила, не подозревая того, сама себе судьбу лихую выбирала.

Собирались мужики ввечеру с топорами да кольями гнать набедокурившего чёрта из деревни. Тулупы наизнанку надевали, чтобы чёрта того распознать в чужом обличье, и с зажжёнными огнями по дворам ходили, нечисть вызывали. На том месте, где чёрта застигали, разводили костер и прыгали через него, оберегая тем самым своё здоровье. Вот где начинались потеха и веселье, за ними отходил душой мужик от бесконечных забот и работы.

За всем этим гулянием зимним Святкам выходил срок, и завершало их девятнадцатого января Крещение. Вместе с Рождеством оно приобретало в глубине зимы красивый, и даже какой-то зачарованный смысл. Само слово - «крещение», таило в себе что-то особенное, необыкновенное.

Ещё этот праздник в старину называли Богоявлением, потому что при крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица. Бог возглашал с небес о Сыне, Сын крестился от Святого Предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошёл на Сына в виде голубя. Оттого Богоявлением и называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который крестился и освятил естество вод в присутствии пророка Иоанна Крестителя в священной реке Иордан.

Главное событие Крещения - Водосвятие, для чего в одном из водоёмов, на издавна установленном месте, вырубалась прорубь - Иордань. Торжественный крёстный ход, молебен и святая вода - всё это было полно для христианина особенного значения. Для него не подлежало сомнению, что сама прорубь и место вокруг неё обладают чудесной силой. В День Крещения, после молебна на реке, купались в ней раздетые: и для того, чтобы омыться освящённой водой, и для того, чтобы излечиться от болезней, очиститься от грехов. После Водосвятия обычно втыкали в прорубь палку, чтобы плодились пчёлы.

Утверждали, будто в полночь на Крещение чаша с водой сама колыхнуться может, если Господа своего узришь, а перед заутреней небо открывается, и то, о чём ему помолишься, то сбудется. Крещенский снег кропили водою - для беленья холстов и от разных недугов. А ещё с Крещением было связано много добрых примет и поверий.

Примечали издавна, что коли в Крещение собаки много лают, будет в достатке зверя и дичи. Синие облака в полдень пророчили богатые урожаи, крещенские же яркие звёзды - белых ярок. И только в одном всё настоящее и зимнее оборачивалось неожиданным несогласием: ясный, солнечный день порождал грядущие недороды…

После Крещения, на двадцать первое января, в народе принято было встречать Емельянов день, в который угощали кума с кумой, ибо считалось,

что это приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в позванный дом, приносят в подарок кусок мыла и полотенце, а вручая их, говорят: «Вот тебе, кума, мыльце да белое белильце для крестника». Использовать подарки надо было при первом же купании ребенка.

Именно на Емельяна-перезимника возникла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Произошла она от обычая в долгие зимние вечера рассказывать сказки и истории. «Твоя неделя» - значит, неделя, на которую приходится Емельянов день.

В эту пору устраивались также смотрины и венчания - предвестники свадеб. Обременённому делами деревенскому человеку лучшего для них времени, чем зима, было не найти. Те, к кому не приехали сваты или кто не выбрал невесту, начинали беспокоиться, теряя надежду до Масленицы сыграть свадьбу. Тем же, кто обретал суженого или суженую, на Ивана-бражника требовалось запить только что сложенное счастье, дабы не пролились понапрасну девичьи слезы.

Все эти добрые завоевания зимы и людей закрепляли в самом конце месяца, тридцать первого января, Афанасий да Кирилла, которые забирают за рыло: наступали знаменитые афанасьевские морозы. Пришёл Афанасий-ломонос, шутили в народе, береги щёки и нос, ибо в такой мороз и старик вприпрыжку бежит. Но, между тем, замечали, как ведут себя месяц и солнце: на Афанасия месяц, всходя на небо, играет - к урожаю, чистое солнце в полдень предвещало раннюю весну.

Отведя напоследок душу в крепкие афанасьевские морозы, зима постепенно успокаивалась, перевалив через ели угадываемый раздел. Она уже достаточно укоренилась за январь, закалённая крещенскими морозами, что лютуют по заснеженной земле уже не один день. Давно распахнутые в зиму ворота незаметно для людей запахнулись, ни у кого не оставив в душе смутных сомнений в том, что зима может передумать. Зима неторопливо перебирала свои дремотные думы, храня величавый покой.

Сечень

В феврале люди уже молились каждодневно набирающему силу солнцу, которое тоже с любовью обожествляли. Весь январь они противились худым следам, что оставляла за собой зимняя тьма, но не ожесточились и не иссякли душой. Неведомые силы молитвами, обрядовыми песнями и заговорами были изгнаны с родного порога, выпровожены из деревни, и крестьянский быт всё больше обогревала русская печка, что дарила необходимое тепло, яства и вольный избяной дух.

Печка на Руси всегда была мать родная, и именно с неё загадывали о предстоящих временах года: в печурке три чурки, три гуся, три утки и три тетерева. С печным теплом в дорогу не ездили, но и одно воспоминание о печи грело душу так, словно у самой печи погрелся. И по летам, и по годам в зиму было одно место - печь, на которой лежать-зимовать! О сладости снов,

которые переживали на ней долгими зимними ночами, лучше всех знала бабка, что летела с печи да успела передумать при этом семьдесят семь дум.

Но, конечно, известно, что не сама печь кормит, а работящие женские руки, от которых она угарной не бывает. У доброй хозяйки и ковши не дремлют, и квашня не пустует, а если уж она начнёт печь топить, то знает, как избу нагреть и жару из неё не упустить. Хлеб из таких рук выходил под стать самому солнышку - пропечённый и пахучий, хранящий здоровый земной дух.

Мороз за окном, кошка на печи клубком свернулась, а вокруг стола семья большая собирается. Хлебу дают остыть и разламывают его так, что всякому должно достаться от солнечного каравая. Кажется, все земные силы тогда в дому сходятся, благополучия ему желают. Благословен был дом с хлебом и печью, с добрым хозяином и хозяйкой!

К началу февраля на снегу появлялись сенные дорожки от дальних стоговищ. Снаряжая туда сани, мужик вспоминал добрым словом знойное лето, и словно стряхивал с себя зимний сон. Чудились ему опять благодать и раздолье, и занимающая все дни работа, и неспешные думы о своем житье. По душе ему были такие зимние утра, когда, собирая лошадку, дышится легко и свободно, а воздух переполнен зарождающейся надеждой.

Всё в руках мужика делается тогда ловко, с доброй улыбкой, и хочется ему ехать между лесных сугробов и елей долго, совсем не боясь зимы. И чтобы лошадка знала дорогу и понимала тебя, как ты сам понимаешь свою ладно обустроенную жизнь. А все мечты кажутся осуществимыми и близкими, стоит только совершить небольшое усилие.

Впереди клубится лиловая февральская заря, изо рта кобылки выбивается душистый парок. Про себя приятно сознавать, что зима перевалила за половину, и порча со всей нечистой силой отступила. Жена к твоему возвращению настряпает ароматных колобков, и дети, вволю накатавшись с горок, прибегут в избу весёлые и возбуждённые. И ты опять будешь рассказывать им перед сном сказки о том, какой волшебной бывает жизнь русской зимой. А может быть, о грядущей весне, что принесёт на землю желанное тепло и свет, и ещё о непутевых и славных зайцах, которые без боязни выбегают погреться на солнечных полянках.

От всех этих дум тебе самому становится тепло и радостно на душе, а мороз отчего-то забирает крепче, ядрёнее. И тогда радостное смятение, охватившее было тебя, поджимается махоньким угольком где-то вверху груди, не даёт дышать, и на глазах выступают слёзы. И в тебе тоже, исподволь, поднимается крепкий дух - он и успокаивает, как будто нет иных забот, чем накидать в сани доброе душистое сено и везти его скоту. Февраль незаметно вмещает в тебя пробудившиеся в нём к тому времени запахи, нашёптывает что-то сокровенное и приятное.

Едешь, понукая время от времени лошадку, и постепенно высыхают выступившие на глазах от крепыша-мороза слёзы, а всё лицо зацеловывает стужа. Озноб невидимым зверьком пробегает под полушубком, ластится,

играет, и дух захватывает от его силы. Не желает зима доживать до скорой старости, всем нутром тому противится и негодует.

Да только отсекает её февраль своими холодными ветрами, что поют песни, на вешние птичьи перезвоны не похожие. Что-то невидимое переламывается в зиме, и стремится она снежными заносами небо с землёй смешать. Что было сил, переметает зима пути-дороги в свой последний месяц, насылая на землю вьюги да метели.

Февраль - месяц, который богат до разного рода плутовства и неожиданностей. Названный в народе за это плутом, от которого ничего не уйдёт, он не был худ душой и хранил в себе достаточно смекалки и силы. Под завязку зимы от него уже было не отвязаться, но и правды не добиться, потому как оставался он, из года в год, неповторимым. По нему более, чем по какому-либо другому месяцу судили-рядили о сроках прихода весны.

Одному февраль сулил тепло да усладу, а другому - хлопот полон рот. Чтобы отведал нерадивый человек нужды в избытке и не поворачивался от февральских забот на другой бок. У справного же мужика последний зимний месяц рождал в душе беспокойство, так что он места себе в избе не находил, одержимо желая переделать прорву дел, поспешая из дома к скоту, а затем в лес или на пасеку. Голову мог закружить февраль только тому, кто заблудился в зиме…

Всякий день февраля меж людьми был на примете. Крестьяне чутко следили: солнечно ли, метельно, или в полночь взойдёт затуманившийся месяц. О приближении каждого дня говорили задолго, потому, как мог он стать в будущем животу верным подспорьем, а судьбу направить на доброе житьё. Долгая зима-кума порядком извела закрома, и февраль своими предсказаниями теплил в мужике надежду.

Главной, кто указывал в народе приближение весны - была Аксинья-полузимница, которую встречали шестого февраля. Аксинья-полузимница, или полухлебница, как её ещё называли, мужика торопила, чтобы он весну не упустил, и солнышко на крыши гнала. Половина срока с этой поры осталась до нового хлеба, примечали люди, поскольку озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода. Но хоть Аксинья-полузимница и делит зиму пополам, да не ровно: к весне мужику, как не крути, тяжелее.

Со дня Преподобной Ксении полагают, что до новых хлебов нужно столько же хлеба, сколько уже съедено. Потому она и называется ещё полухлебницей. Если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет, будет урожай и новый хлеб дешевле; коли на Аксинью-полухлебницу цена хлеба низкая, то до нового хлеба она не поднимется. Какова Аксинья, примечали крестьяне, такова и весна.

Но февраль ещё пока холоду изрядно подпускает, да только в лесу уже первые предвестники тепла завелись. В раскидистых ветвях сосны и ели в гнезде у клеста - птенцы-крохи, этакая невидаль! Знай, наворачивают посреди зимы свою еловую кашу и в ус не дуют: мол, не озябла бы душа у

самой природы, а мы выдюжим! Как тут ими не восхититься и в душе не улыбнуться!

Мир людской к желанной Масленице по-своему готовился: девки про холостых парней меж собой толкотню на реке у проруби затевали, друг дружку подзадоривали; бабы замужние опять же к русской печи прислушивались, чтоб нажить пылу да жару в семейной жизни. По народному поверью, требовалось справлять в февральские вечера именины доброго духа дома, хранителя домашнего очага, которые приходились на Ефрема-Сирина.

В Ефремов день, отмечаемый десятого февраля, домовой обычно глумится во дворах, и для него ставят кашу на загнётке печи. По представлению деревенских жителей, домовой - это рачительный, заботливый дух, помогающий трудолюбивой и дружной семье; тех же, кто плохо вёл хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, ленился, он пугал и по-своему вредничал, наводя на людей неурядицы, которые сильно били по домашнему ладу. Старики каждому хозяину заповедовали поддерживать добрый дух своего жилья, от которого и была сотворена однажды любовь и добрый совет. В почитании его слышалось тёплое дыхание домового, поддерживающего покой в доме и жар в печи.

Оставляя старый дом, люди всегда просили прощения у домового за своё нерадивое житьё, и уважительно зазывали его с собой. С болью пекущийся о своих родных, домовой обычно не оставлял их без внимания, и принимал приглашение. Ничего так не любил он в своём доме, как покой и достаток, от непутевых же хозяев уходил на чужую окраину, к тому, кто в нём нуждался.

Кошка ли не своим голосом зарыдает, посуда ли из рук на пол брякнет или в сенях ведро с грохотом опрокинется - значит, кто-то не угодил батюшке в дому. Словно в ребёнка обращался он, и начинал бедокурить почем зря, пока не отводил до конца душу.

За окном, так что в озноб бросает, февральские вьюги беснуются, метели все тропы перемели, а домовой, знай, в тёплой избе забавляется, по ночам, у русской печи, сдобренной коровьим маслицем кашей угощаясь. Отчего бы временами не потакать его незатейливым причудам, дабы сохранить зимой в доме уют и доброе величание!

А вьюги злобные сводили все дороги на нет, раннюю весну между тем предвещая. Звёзды мглистые изредка вспыхнут в разрывах туч, тихим огнём ожгут сердце, и исчезнут. Будто назло тебя пытают, душу трепетную февральскую хотят извести. Уколовшемуся таким чужим светом человеку, по старинному поверью, уже не было спасу.

С середины февраля, когда подступает Сретенье, зима встречается с летом, а шуба с кафтаном. Солнце, говорили в народе, на лето пошло, зима же на мороз: недаром сретенские морозы одними из самых крутых в зиму почитались. Пока зима - владыка, она без устали неподражаемые художества

на окнах выводит, отчаянных воробьев под стреху гонит. В Сретенье солнце с морозом пуще прежнего хороводят!

Но негоже было этому февральскому дню верить, ибо погода на Сретенье - что весенний дождик. То снег дорогу переметёт, что обязательно сулило богатый урожай, а то, бывает, зима весну красную заморозить хочет - и это предвещало летом хорошие льны, бывает же - капель наладится, и тогда санный путь уже не стоит и пускаться по-зимнему в дорогу опасно. В народе существовала известная поговорка про мужика, который к Масленой решил привезти издалека рыбки, да пока собирался - Сретенье подошло. Вот и бабы про себя пророчили: ростепель, мол, не к добру - то поп навстречу попадётся, то девка с пустыми вёдрами.

И всё-таки чаще всего февраль называют месяцем кривых дорог. Ветер в эту пору становится всё более неуёмным: временами он дует так надрывно, что кажется, ничего уже более не уродится. Настырность его в душе озлобленность непонятную поднимает, в непроглядную густоту свет белый перемешивает: против ветра особо не надуешься. Ветер, вроде бы, даже зиме не служит, а остаётся сам по себе - неукротимый, свободный и всё же - какой-то неприкаянный.

Будто он доказать что-то пытается, но никого его порывы не донимают, и ветер злится. А может быть, он по натуре такой остервеневший, и ему всё живое нипочём. Из-за гордости своей, что высоко взметнулся, он себя одного любит и никому подчиняться не желает. Потому и говорят: выше ветра головы не носи, силы его всё равно ничем не измеришь и в поле за ним не угонишься.

Как бы то ни было, а зима с ветром ссориться не хочет: она его умело по своим заботам в оборот берёт. То нашлёт с ним на людей тревоги да забвения в круговерти безостановочной, то пытается творить нечто недозволенное: нет на неё никакой управы. Без ветра безудержного и мороза лютого ей со своей обузой ни за что не справиться.

Сама зима при этом выглядит странно: ни сверкающей короны на голове, ни роскошного платья, усыпанного жемчугами и серебром, у неё нет. И хрустальных башмачков на своих ногах она не носит. Да и в представлении людей зима снежной королевой никогда не была. Скорее - основательной хозяйкой, для всякого доступной и заботливой, но и недосягаемой, а если суровой, то в меру.

Владелица снегов хорошо знала, чем пронять мужика. Девки на деревне красуются, обновками парней молодых завораживают, зима же в себе иную цену несёт. Норовит она исподтишка да раненько человека вовремя разбудить, на дело его верное наставить. Сколько бы тому от неё ни бегать, а всё равно встретиться и по душам поговорить обязательно придётся. Потому и пословица такая слыла, что в зимний холод всякий молод.

Зимкой, зимочкой, зимушкой, зимовейкой - так ласково называли люди её, как будто хорошо знали, но всегда зима оставалась загадочной и характером неприступной. Бывала она в разные годы и строгой долгой

зимищей, и хилой зимушкой, но всегда вызывала уважение. Более всего зима представлялась властной дородной бабой. Имея в услужении морозы да вьюги, она и сама могла обернуться в медвежью шкуру, чтобы заглянуть мужику в глаза или пробежаться по задворкам волчьей тенью: радейте, люди хорошие, за своё дело, так и добро ваше оставлю в целости-сохранности.

И люди глядели в лицо зиме, и на печи не засиживались: знали, что наперекор всему скоро придёт весна, и будет снова много доброй работы, за которую чем раньше примешься, тем больше вешней поре угодишь. Да только зима не хотела так просто уступать свои права и владения, и боролась изо всех сил, чтобы не опростоволоситься. Ведь именно об эту февральскую пору в народе замечали, что весна зиме рог сшибает, а та досаду горькую в себе избывает.

На какое-то время зима словно отступала от всех этих переживаний, и тогда выходили на свои тропы звери. Почувствовав её слабость, они становились хозяевами в лесу, заполняя свою жизнь только зарождающимися желаниями. Всюду были видны следы их возмужания, и люди осторожно постигали его, и стремились не мешать зверям. Люди видели в этом постепенное утверждение таинственной лесной силы, способной одухотворить их собственную жизнь.

И приходил семнадцатого февраля Никола Студёный - волчий сват, который ведал в эту пору зверьми. Знал он, как и любой охочий до лесного царства мужик, все звериные повадки, и даже где устраивает своё логово мать своим волчатам - волчица. Там, в укромных дебрях хвойной чащи, она пряталась от выхолаживающей душу зимы, готовясь к вырастающему с каждым днём солнечному времени: подступала пора волчьих свадеб.

Это же февральское время вдыхало верную силу и в других зверей, и те также стряхивали с себя зимний сон. Морозы, между тем, слабели, вьюги укладывались в неведомые буераки, и холод забирался к ещё не сломленной зиме под мышки, в надежде только там обрести спасение. Что-то трагическое и прекрасное происходило с зимой, и она переживала всё это, но, наверное, принимала как должное. А может быть, зиме было горько сознавать свою скорую кончину, и она становилась несправедливой и жестокосердной: невозможно было вымолить у неё прощение, если потерял себя ещё с декабря.

В народе про эту пору повелось такое присловье: «На Прохора зима заохала», тем более, что не заставлял ожидать себя и Влас, следующий сразу за Прохором, двадцать четвертого февраля: «Пришел Прохор да Влас - никак скоро весна у нас!» Власий - скотий бог, сшибал рог зиме, но и приводил за собой власьевские морозы - последние, что завершали зиму. Власьевские морозы были строги, бураны непроглядны, вьюги завывали хуже волчьей стаи, а все пословицы и думы людей, тем временем, были о весне… Не к Святкам дело шло - к Масленой!

Предрассветные сумерки в феврале с каждым утром становятся всё яснее и чище. На небе вспыхивают и играют невидимые раньше

разноцветные звёзды, от чистого сияния которых в тебе прибывает недостающей зоркости. К концу февраля можно было уже окликать их, прося чего-то несбыточного: звёзды всё слышали и понимали, отзываясь в вышине живым и весёлым блеском.

В полдень чутко ощущалось, как снег оседает и охает, ровно баба на сносях, почувствовав в себе первые толчки новой неведомой жизни. Так и зима видно спохватывалась о зарождающейся в её утробе наследнице, что вернётся на землю через год заматеревшей и властной хозяйкой. А пока она только изредка давала о себе знать маленькой белой ножкой, и незаметно крепла. Старая зима любовно берегла её, растрачивая всё своё внимание и силы, как будто забываясь в себе.

Но печаль зимы была тяжела - не могла она просто так сдаться весне. Глядела из-под сдвинутых бровей хмуро: от такого взгляда на душе становилось тоскливо и тревожно. Не зря завершал зиму лютый Касьян, который на что ни взглянет - всё вянет. В народном календаре Касьянов день занимает особое место: он приходится только на високосные годы, и из-за злопамятности святого считается самым страшным. Гнев Касьяна признавался настолько опасным, что крестьяне в этот день предпочитали вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода.

Да и сам белый февральский свет был уже не мил - душа желала животворящего света и пьянящей голубизны. И ещё хотелось настоящего праздника перед Великим постом, чествуя и провожая матушку зиму. А чтобы не грустить по безвозвратно утраченному времени, гуляли целую неделю весело и широко: пекли блины, катались на санках с гор и на лошадях, потешались, как могли. Сытной и сладкой Масленой прозвали это торжество, когда нужно было хоть что-нибудь заложить, но зиму достойно проводить!

Зима к этому времени нуждой пояс затягивала. Человек все свои хвори и беспокойные метания собирал в хлам и солому, да меж собой перевязывал. Такое несусветное чучело втыкали за деревней на пригорке, и волокли к нему самое ненужное и худое: кто тряпки и рухлядь домашнюю, кто сношенные валенки. Каждому хотелось избавиться от накопившихся за зиму ненужных вещей и прочей напасти, заговорив на лучшее свою судьбу.

На всеобщем сборе всегда царили мир и лад. Встреча новой жизни сама собой давала предлог на сближение отдалившихся друг от друга за зиму душ. В последний день Масленицы люди прощали и друзей и недругов своих, забывая всякие обиды, а ввечеру зажигали разукрашенное чучело.

Желая, наверное, ещё завьюжить и закрутить, это чучело горестно шипело и… таяло. И люди, почуявшие в душе обновление, дружно брались за руки и ходили вокруг него, приговаривая: «Ты гори, гори, старуха, на осиновых дровах, пук соломы в головах!»

Зима на это не обижалась, и понапрасну не ожесточалась: самой природой ей путь к весенним просторам был заказан. Не оставаясь ко всему беспристрастной, она хранила в себе неизменную мудрость.

Великодушно прощая людей за их страсти, зима, завершаемая февралём, постепенно отступала. Но отправляясь летучими облаками на север, она, тем не менее, оставляла за собой право вновь вернуться в положенный срок, чтобы осенить землю и людей долгожданными зимними чудесами, без остатка подарив им своё материнское чувство.

Вторая часть. Матушка-зима

Декабрь

В декабре уральский лес уже утопает в непроходимом снегу. Спряталась под тяжёлыми белыми сугробами продрогшая от дождей осенняя земля. В глубоких логах давно заволокло льдом неугомонно струящиеся ручьи, и уверенно подбирающиеся морозы вовсю пытаются подчинить уже замедленное течение реки.

Местами река всё же пробивает сковывающий её панцирь и, вырвавшись на свободу, радостно журчит под берегом. Но с каждым днём спорить с декабрём становится труднее. Всё ниже ходит над горизонтом солнце, и из-за низкой облачности кажется, что оно и вовсе отсутствует. Лишь изредка пробивается его свет желтовато-матовым бельмом, неживым, холодным.

Воздух пронизан бесцветными кристаллами, словно стеклянными бусами унизан сосредоточенный в себе лес. Ломко посверкивая на его ветвях, они образуют хрупкую безмятежность, кажется, навеки намёрзшего хрустального льда. Не успевший набрать силы для своего разнообразия, декабрь без заносчивости величествен и нежен.

Ещё декабрьский день напоминает, как ни странно, перламутровую внутренность большой белой раковины. Возникающая в восприятии декабрьского дня тончайшая таинственность его шелковистых переливов вмиг перевоплощается в прекрасную и тотчас ускользающую действительность. Декабрю присуща и радужная фееричность, которая привносит в природу цвет нарождающегося жемчуга, опоясывающего его холодный и светлый облик.

Декабрь... Пунцовыми розами рдеют на белой берёзе надутые снегири. Живыми игрушками свисают с еловых ветвей красногрудые клесты. Оливковыми комочками снуют в ветвях кроткие корольки, а запорошенные снегом верхушки елей венчают малиновые щуры, трогательно насвистывающие в мороз свои лесные арии. Цветов у заснеженного декабря немало, но главный - один: перламутрово-розоватый, несмотря на суровую пору, может быть, самый проникновенный и нежный из всех, что переживает в себе за год природа. Таким он представляется благодаря розовым закатам и перламутровым восходам, незаметно вспыхивающим в светлой декабрьской вышине.

А снизу, навстречу им, дыбятся жемчужные сугробы, пухлые, нежные, ещё не обременённые цветом драгоценных январских каменьев. Это пока только тонкий матовый налёт, мягкое серебрение и узорчатая кайма будущей зимы. Жемчужно-белыми облаками кружится с небес снежный пух, и снежные оборки на ветвях деревьев под вечер тоже кажутся жемчужными.

Простота и тонкость цветов соседствуют в декабре, составляя его очаровательную зимнюю суть. Если же попытаться подыскать первому

месяцу зимы камень, который бы сосредоточил в себе его цвет, то, по сравнению с январским морозным родонитом и мягкостью февральского агата, лесной декабрь горд прозрачным хрусталем: ажурны его снежные гирлянды, нависшие на ветвях деревьев, непостижима светлая глубина, манящи переливчато-сказочные дали...

Трепетен лик уральской природы в декабре, когда леса и молодые снега будто оживают, слегка розовея. Ненавязчиво скоро продвигается по небу трогательное солнце, так что воздух не успевает наполниться его робким свечением. Все краски еле приметны, хрупки, и, кажется, что они вот-вот рассыплются от лёгкого душистого морозца.

Приятно стоять у края просёлочной дороги и просто наблюдать, как украдкой простирается над заснеженной землей такой непритязательный декабрьский день. Почти не слышны и еле различимы его чуткие цветовые оттенки и отзвуки. Всё охвачено сказочным сном, в котором даже нелегко находиться из-за нереальной тонкости происходящего. Но реален уральский розовато-перламутровый декабрь, хотя и почти неуловим.

В декабре и мысли твои как-то незаметно розовеют, слегка клубятся неясными зимними образами. Только что было одно, красивое и милое, а в следующее мгновение уже растаяло. Но отыскивать его почему-то не хочется, ибо потеря совсем не ощущается. Хорошо вокруг - воздушно, легко!

Что и говорить: люба человеку декабрьская скатерть-самобранка своими предновогодними гостинцами! Пленительная краса перламутровых сугробов сливается с перламутровым широким горизонтом. Жемчуга следов бесчисленных дорог утопают в жемчужном звучании серебряных сказочных колокольчиков. Весёлыми снежными искорками играет на солнце проказник декабрь, и разве можно ему за это не улыбнуться!

Декабрь весьма чувствителен и требует к себе достойного внимания. Без него месяц, будто фарфор, со временем тускнеет. Тогда опустошённость и глухота, что возникают в его неведомых недрах, словно неуправляемая настырная сила, неодолимо берут верх над засыпающей природой, тем не менее, поддерживая зимнюю, неугасающую до конца жизнь.

Жизнь эта никогда не прекращается, и даже в самую суровую пору продолжает биться непроглядной голубоватой жилкой замерзающей подо льдом реки. Царство белого цвета, превращающегося в редких просветах между заснеженными деревьями в россыпь волшебных драгоценностей, в сумерки постепенно переходит в фиолетовые тени. Скорее, в нежно-лиловые, что всё более сгущаются, пока зима несгибаемо утверждает свои законные права.

Такими представляются снеговые отсветы предвечернего декабря, ёмкие овалы впадин между горделиво вздымающимися и не успевшими устать от себя сугробами, потаённые уголки усыпанных снежком разлапистых ельников... В них к середине декабря успевают собраться в стаи волки, которые страшно смотрят оттуда розовато-светящимися, поблескивающими от возбуждения глазами. В бледновато-пурпурной сгущающейся темноте они

почему-то притягивают к себе, словно укрепляя стойкость против неизъяснимых декабрьских ухищрений, и одновременно противодействуют возникающему опьянению уральского перламутрового декабря.

Спастись от дурного блеска волчьих глаз можно только с помощью драгоценного камня, которому в старину приписывались сверхъестественные свойства. Уральский самоцвет, однажды подаренный деревенской бабушкой и обладающий, как и свет волчьих глаз, бледновато-пурпурным оттенком, не раз помогал мне избавиться от собственного удручающего несовершенства, когда покоился на груди, под рубашкой. Бывало, вспыхивая в сумерках надвигающейся декабрьской ночи сдержанно светящимися аметистами, и бесследно потухая в омертвевшей лесной чаще, волчьи глаза завораживали, но не пугали. Верилось, они, как и счастливый камень, предрекали только счастливые откровения.

В декабре, когда земля умолкает и впадает в долгий сон, задремавшая было человеческая душа неожиданно пробуждается… Не помня поначалу ни того, что происходило с тобой совсем недавно, ни окружающего зимнего пространства, ни его суровой воли, она скоро приходит в себя, и, казалось бы, из ничего возникает её новая жизнь. Вернее, происходит необъяснимое очищение души, которой никогда не суждено умереть, если она принимает и зиму, и Бога.

Объяснить все эти превращения души трудно, почти невозможно, и декабрь дан человеку, наверное, для того, чтобы, забывшись в перламутрово-белом сне, поддерживать в себе восходящую жемчужно-нежную надежду, и в момент молодой нарождающейся любви природы, не переставая, переживать радость.

Январь

Наступила настоящая зима, утвердив себя крепкими морозами и душистой прохладой. Розоватый воздух пышет скрытой бодростью и здоровьем, невидимым облачком замирает в нём дыхание.

Пришёл январь и убелил снегом леса и землю. Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сне, он принёс всему живому долгожданный покой, так нужный каждому.

Метели уже надули огромные сугробы по опушкам, белым пуховым одеялом мягко укутали поля, берега замёрзших речек, дороги. Усыпанные седым инеем, отрешённо стоят замкнувшиеся в себе пихты и ели. Заиндевевшие берёзы, словно пронзённые хрусталиками очарования, спокойно замерли под выстуженным небом.

Но заснеженный мир в январе не одноцветен, и, казалось бы, поблёкший, он на самом деле только готовится к своему новому рождению. Перед наступлением сумерек снег из белого постепенно перетекает в

розоватый, с заходом солнца - в зеленовато-лазоревый, в надвигающейся темноте - в сиреневый, а с установлением глубокой ночи - в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-вишнёвый или лиловый, с бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восторженно-белым и немножко глупым.

Если декабрь - только снежный терем, то январь - уже белокаменный сказочный замок. Самый суровый месяц зимы - это глыбы белого мрамора, в которых безжизненно застыл и сосновый бор. Ему вторят строгие шпили елок, а белая парча снега на их ветвях горит ярко-красными отсветами. Деревья, кажется, ещё не оправились от радостной встречи чудесного нового года...

От света январской зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид, и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки. Пунцовое перо снегиря - тоже под цвет январской зари, что ещё пока сохраняет нежность до наступления суровых крещенских морозов. Как красная тетеревиная бровь, горит над лесом узкая январская зорька, а сами тетерева ещё не проснулись, досматривая под снегом свои спутанные, красно-сине-белые сны...

Говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь... Морозный же январский день для птиц - в одну кормёжку, когда они взлетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы к розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий световой день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжёлыми чёрными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам, из которых они неожиданно вырвутся однажды поутру, и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину. С ярко-красными бровями и тёмно-синим оперением, тетерева на заснеженных берёзах - может быть, самая красочная картинка января, отражающая его короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладостный, дивный сон.

Январский рассвет льёт отражающийся от неба зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему красному солнцу. Таким оно приходит к нам из русских сказок. В особенно морозные дни его острые красноватые искорки будто вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, подобно зверю в берлоге, вдруг вспыхивает, как солнце, и уже до самой весны не угасает.

В морозный январский день отрывисто гаркнет старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких ярко-красных

хрусталиков. Вот и в срубленной под Новый год зелёной красавице ёлке, которую всегда немножко жалко, мерцают ярко-красные, алые и оранжевые огоньки.

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов - это румяные яблоки на белой скатерти зимы. Даже в жестокую январскую метель не перестают издавать они свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно заметишь, и тоже про себя улыбнёшься. А уж в январские редкие оттепели, первые предвестники весны, всё неожиданно так обнажается, что в этом радостном весеннем предвкушении не ведаешь, куда себя деть.

В январе и месяц светит по-особому ясно. Снег сверкает и вспыхивает в алмазных искрах, а в морозном воздухе повисает прозрачная мгла серебряного тумана. Благодаря лунному свету всё в январском лесу волшебно.

В самые Святки, когда устанавливаются крепкие морозы, месяц наклоняется, словно из сказочного ушата высыпает на небо синие, зелёные, алые и пурпурные каменья, а душа переполняется счастьем и весело играет. Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь...

Кругом царство нежного порфира, яхонта и яшмы, а небо можно вбирать в себя без конца и края. Свет зимой, особенно в январе, становится наиболее насыщенным, в зависимости от солнца, снега, состояния природы в этот миг, и ещё каких-то перемен в твоей душе.

А бывает, в морозные январские дни между деревьями ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной. В морозный январский день и ели с соснами становятся ещё зеленее, а обыкновенная снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе и потом в один миг разрядилась. В январском лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам.

Невозможно постигнуть, как из года в год январь приходит со всеми своими яркими праздниками, и незаметно очаровывает ими. Нелегко определить и глубинный январский цвет...

Январь - вершина зимы. С прибавлением дня ещё сильнее становится стужа. В морозные дни заснеженные просеки в лесу светлеют, а шапки сосен воспламеняются алыми бликами. Вот этот алый цвет от восходящего огромного солнца, может быть, и есть самый важный в январскую пору. Только ему одному удаётся просочиться сквозь величественную колоннаду деревьев. Алым цветом окрашены нетронутая глазурь снега и прозрачные дали. Им пронизан сверкающий воздух.

Удивительно ярко и одновременно светло в январе. Если в декабре свет робко розовел, то сейчас он восторженно ликует румяными отсветами!

Январское солнце - это кремень, блестящий морозный камень, что жарит красками, а не теплом. Поутру солнце ослепительно огненное, неудержимое, без разбору поливает присмиревший лес и проистекающую в его глуши жизнь обжигающим алым светом. Светом не на шутку разыгравшегося

родонита, который спешит за короткий зимний миг насытиться своей на глазах каменеющей силой.

Мраморный облик января ярко-красен, пронзителен. Он торопится наполнить собой самые тончайшие оттенки зимы. Так и железо в мраморе придаёт ему необыкновенно стойкое и гордое существование.

Мелкозернистый снег неслышно впитывает выплеснувшуюся на него за день киноварь, без устали пьёт бледно-голубую эмаль неба, отрешённо поблескивает. Посторонние примеси ему ни к чему, он это хорошо знает, и потому на свежем изломе январский снег - сахарный и ароматный, будто только что надкушенное яблоко.

Как и у добротного мрамора, в январе отсутствуют пустоты. Дополняющие его оттенки живо изменяют первоначально белоснежный цвет зимней породы, ненавязчиво сообщая ей муаровый, пятнистый или жилковатый, в зависимости от времени дня, узор.

С пламенными восходами январский морозный день оживает и, быстро перегорая в голубоватых искорках, к своей середине как будто затаивается. К вечеру же, налившись невидимой стойкой силой, он вновь воскресает в разноцветном холоде нарождающихся прожилок: лимонно-кремовых, отражающих нескончаемую густоту звёзд; молочно-белых, вбирающих в себя потаённо исхоженные зверьми зимние тропы; голубовато-дымчатых, призванных к зачарованному созерцанию лесных таинственных сумерек...

В глухие январские ночи, когда снег начисто заметает все пути-дороги, а луна тревожно вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище твоё сердце согревает только робкий фитилёк проржавевшей от времени керосиновой лампы. В такие ночи снег словно прислушивается к звёздам и впитывает их свет. Выйдя из избушки, смотришь на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

Если ты не связан с миром природы, то тебе невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная январская стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты, а вечерний январский отсвет на сугробах нежнее любого самого трепетного цветка. Иной раз, несмотря на свою неприступность, январская мгла, снег и чёрный лес оказываются ближе, чем самые родные люди.

Морозный январский день жаден до броских красок. Желая задержаться в окружающей лесной жизни подольше, он, наверное, попросил об этом природу, и она помогла ему, разрисовав брови красующимся по деревьям глухарям, тетеревам и рябчикам. С тех пор птицы эти, провозвестники короткого и радостного январского дня, не перестают прославлять его, даже когда солнце скрывают тяжелые свинцовые тучи, густой стеной сыплет надоедливый снег и тебя совсем не тянет в неприветливый и хмурый лес.

Февраль

Войдёшь в февральский лес - и поначалу покажется, будто нет в нём никаких изменений в сравнении с январем: всё так же тихо, сонно, бездыханно. Только восход трогательного солнца чуть нежнее и дольше вспыхивает за лесом. Чем-то он безотчётно привлекает, манит неотступно, так что хочется нарисовать его.

Горит за чёрным еловым лесом нежно-радужный восход, и отблески его мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились лазоревые и синие тени. И вдруг неожиданно слышится голос одного рябчика, затем ещё, и ещё...

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными следками, что тянутся параллельно друг другу: рябчики начинают сбиваться в пары. Скоро им тоже предстоит зачать новую жизнь, и они ожили, огласив задремавший февральский лес своим призывным свистом.

Затянутое мутновато-кремовой плёнкой, февральское солнце ещё нехотя выкатывается на размытое неясными отсветами небо, но чем больше смотришь на него, тем труднее от него оторваться: чем-то неизъяснимым притягивает оно к себе в этом занесённом метелями мире. Солнце, то и дело, ныряет в радужно-серых облаках и, кажется, совсем не светит. Если не упустишь случая понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет. Всё в феврале предполагает скорую весну, хоть краски ещё не ярки и размыты, даже бледноваты.

В феврале едва пробивается лучик грядущей весны - такой робкий, незаметный, что почти никто его не замечает, и он, подавленный этим невниманием, всё же, пытается всех радовать. Трудно себе представить, что обычное февральское солнце может переливаться всеми цветами радуги, как это происходит в марте, и пока оно только незаметно копит их в себе, и лишь изредка одаривает в нежные утра. Ведь и зимнему солнцу важно, для кого оно светит.

Правда, для маленьких пташек - неспешных лесных обитателей, изредка перепархивающих в еловом пологе, ему достаточно работать вполсилы. Незачем понапрасну напрягаться и тратить энергию, которая пригодится весной и летом, когда придётся вытягивать из оледеневшей земли цветы и травы. Февральское солнце дремлет, но в нём чувствуется неизбывная затаенная сила, которая притягивает к себе среди безжизненных снегов.

Февральское солнце почему-то хочется запомнить и унести с собой, и потому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь его. Ждёшь, когда тучи откроют его кремовые, нежно очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Солнце в каждом своем неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемого света, и всё снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а

солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно катит по небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах.

Нелегко отыскать цвет неопределённому февралю, соединяющему два таких ярко выраженных в цветовом отношении месяца, как январь и март. Окаймляющий зиму неясной, седовато-туманной дымкой, он полон загадочных недоговорённостей. Февраль одного года никогда не схож с февралём другого, и, тем не менее, этот месяц имеет свой цвет, который может быть скорее светом, исходящим из его непредсказуемой природы.

Неизменно возникая однажды на зимнем небосклоне, февраль приносит с собой невиданно захватывающие воображение картинки. Он - отдушина зимы, её радостное предвестье весеннего наступления, волнение и боль. Своей неясной глубиной февраль способен тяжело ранить, одурманить глухими метелями и унести с собой.

Трудно описать словами февральский цвет, и лучше всего переболеть этой февральской переменчивостью, внутренне, ни на миг, не прекращая пристально вглядываться в обманчивый месяц.

Живёт в прибойной полосе дальневосточных морей на первый взгляд неприметный, но на самом деле очень изящный, необыкновенный камень. Камень, который как бы предлагает собой первое знакомство с морем, с его необозримой и глубинной синью, сгущающейся у горизонта. Имя ему - агат.

Однажды приметив агат у самого уреза воды, и приглядевшись к его мутновато-чарующему блеску, ты обязательно нагнёшься и поднимешь камень, для чего-то положишь его в карман, и будешь долго носить его там, в душе ощущая при этом необъяснимую тихую радость. И даже потом, по истечении многих лет, когда, не решившись расстаться с ним, ты всё же приберёшь камень в какую-нибудь коробочку, он будет, подобно морскому прибою, не переставать тревожить твоё сердце, время от времени обдавая его живительной пеной радостных воспоминаний.

Агат - это нежный переход от зимнего тепла к загадочной неизменности крепких весенних утренников. Сам февраль - преддверие мартовской ослепительной синевы, подобно агату, многократно переслаивается тонкими, различно окрашенными и еле уловимыми слоями. Это и белый, и голубовато-серый, и фиолетовый, и слегка тронутый выстуженной за зиму сиренью месяц. По красоте ему нет равных в окаймлённом холодом, неподражаемом зимнем ожерелье. Он - неброский, радужно-облачный, с трогательными дальними просветами и неясно щемящей предвесенней тоской, жадно желающей грядущей нарождающейся жизни.

К третьему месяцу зимы снег как будто устаёт от своей белой свежести, и после частых оттепелей постепенно приобретает сиреневый оттенок. Тяжёлые тёмные тучи нависают низко над лесом, и ещё более сгущают сиреневатую белизну. Изумительно проникновенна она в такие влажные дни, и сколько бы ни пытался постичь её действительную цветовую суть - февраль не позволяет! То замутит, то холодным безмолвием насторожит, а то

и девственной порошей одарит: ловок последний месяц зимы до диковинных загадок и перевоплощений!

Не алое пламя тихой январской зари рдеет в эту пору на величественных сугробах, а неясные фиолетовые отсветы. В них чудятся робкие мечты февраля стать весенним, что не вяжется с его лютой сутью и редкими малиновыми восходами. Все эти противоположности ввергают февраль в беспрестанное противодействие белого, красного и синего цвета, из чего и слагается фиолетовая палитра.

В феврале небо густеет тяжёлыми фиолетовыми красками, солнца почти не видно, а редкие его лучи, пробивающиеся сквозь низкие облака, ещё более оттеняют блеск тёмно-синего инея на деревьях. Всё вокруг проникнуто радужной сиренью, лиловыми отсветами и непостижимой чернотой, что, впрочем, быстро растворяется на горизонте, перетекая в фиолетовую синеву, а затем и лазурь. Переменчивость февральского неба, его многослойная природа обусловлены надвигающимся буранным временем зимы и неожиданными оттепелями, влага от которых смешивает небесные краски и превращает белые тона - в фиолетовые.

Фиолетовый цвет сочетается с самим названием месяца - его начальной буквой, мягким предвесенним выдохом «фе-фи-и...», вызывающим такие неопределённые настроения. В нём ещё не чувствуется будущая ясная синь марта, но полно тревожащих душу замечательных перевоплощений: голубовато-дымчатых, серовато-мшистых, аметистовых... Все они призваны растопить фиолетовый ледок последнего месяца зимы и пробудить замершее в его крошеве трепетное сердце.

Смутно февральское время, и фиолетовые дни его - как отражение редко достигаемой сути месяца. И сильные метели ещё пеленают солнце, и реки с ручьями в суровых оковах льда, а уже пахнет весной. Не серо-зелёно, как в апреле, и не с небесной синевой, как в марте, а именно нежно-фиолетово: с невесть откуда налетевшим озорным ветерком, принёсшего в окружающую жизнь сладко томящуюся тревогу, предвестницу будущей, ослепительно трогательной весенней надежды.

Словно тени по ясному снегу, разбегаются на льду извилистые фиолетовые трещины... Река вздымается под ледяным панцирем упругой рыбьей спиной, и вот-вот взорвётся от перенасыщенной глубинной сини. Так и метельный воздух в феврале наполнен невероятными по цвету и свету ощущениями, самые трогательные из которых - аметистовые.

Белесовато-молочный лунный свет тоже имеет фиолетовые оттенки. Хорошо различимы ночью следы от полозьев, что синеют глубоко в снегу. Это – санная дорога к дальним деревенским стоговищам, что сберегал рачительный хозяин к концу зимы.

Смотришь и не поймёшь сразу, откуда струятся по её краям густые темно-лиловые тени. Тени гасят снежные блестки, а под утро переливаются в крадущиеся сумерки, что тоже кажутся фиолетовыми, необыкновенно

таинственными. Как призрачны цвета февральской луны, что она - то крадёт, то дарит!

Холодный фиолетовый огонь февраля неяркий, вроде бы и бессильный, но уверенно полыхает предвесенним радостным чувством. Облака от его нежных прикосновений кажутся ещё более пушистыми, как вата, а снега - шелковистыми. Огонь этот не опаляет, он нежно будоражит бездонные кобальтовые дали.

Иногда фиолетовая густота февраля неожиданно сменяется васильковым дневным светом, что непривычно зачаровывает. Цветочным июльским полем вдруг раскинется февральское небо, и если какое-то время не отрывать от него взгляд - позабудешь обо всём на свете. Только на вершине зимы случаются такие чудесные перемены.

Февраль - канун весны! И как ни крути зима, а утренняя светлынь ласковой улыбкой голубеет. Морозная симфония ясной лазури, шёлковый белый шлейф затуманенных далей... Всё в противоречивом феврале загадочно и изящно, хрупкие цвета по-весеннему волшебны.

Линии сугробов тоже не выглядят никогда замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадываются и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка, которая выдувает фиолетово-радужную, тонкую мелодию февраля.

А то вдруг обернётся февраль тетеревом - иссиня-чёрным лесным петухом! Лирой приспустит хвост, выгнет спину, и как будто предостережёт: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко!» - мол, не миновать ещё тугих сретенских морозов. Вот она, потаённая февральская краса - краснобровый косач-черныш на белоствольной берёзе в морозный день!

Студёный фиолетовый февраль необыкновенно нажимист, смел. Упругой губкой вбирает в себя все запахи, звуки и дуновения заснеженной земли, держит какое-то время, а в приключившуюся вдруг оттепель щедро отдаёт, так что повергает всё живое в неописуемо восторженную растерянность. Как одолеть этот фиолетовый напор февраля, что ему противопоставить?! Может быть, самому стать февралём, в своих фиолетовых чувствах желая быстрее дотянуться до весны?

И вот выдастся в конце февраля чуткий день почти с весенней капелью, с размытой неопределенностью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в себе самом.

Третья часть. Самобранная скатерть зимы

Зима… Наибольшая мера всего прекрасного, что суждено передать ей людям, это – быть собой, тем, что она в себе несёт, конечно, облагораживая нашу жизнь. Зима – божественна, если воспринимать её такой, какая она есть, имея, хоть какое-то воображение, и как подумаешь, сколько зима приносит радости, никогда не представишь себе весну или лето. Зима – особенное время года, и именно поэтому она отдаёт всю себя без остатка.

Вы спросите: кому, и отчего? В первую очередь, зима радует саму себя, так ей суждено Господом чтить свою удалую снежную душу. Ну и, конечно, зима строго соблюдает внутренний распорядок своего замечательного истечения жизни, когда она – хозяйка всего сущего! И разве не может она, с присущей ей сердобольностью, так же восхитительно радовать и всю землю, в том числе – человека?!

Зима, весь её образ, это - корзина волшебных подарков: со смолистым еловым духом, морозными ясными утрами, подпоясанными алыми зорями, сиреневыми загадочными вечерами и ослепительно белыми холстами раскинувшихся повсюду сугробов. Зима – краса, и она никогда не оставит человека без внимания, если тот не позабудет про свою душу, тоже полную самых чудесных надежд и мечтаний, готовую воплотить их в реальность именно зимой. Зима сказана русскому человеку!

X X X

Если человеку приведётся побывать зимою в глухом хвойном лесу, то ему обязательно откроется какая-нибудь чудесная тайна.

X X X

Сумрачно, но с загаданною тайною глядится в человека зимою могучий хвойный лес, где самая высокая ёлка, чаще всего растущая посреди дремучей чащи, похожа на зелёную таинственную колокольню, что своим бесшумным звоном собирает вокруг себя все деревья и не даёт им потеряться.

X X X

Даже немотствующие, занесённые к концу января снегом овраги, кажется, живут полной, неспешной жизнью, что представляется глубокой, содержательной и очень таинственной.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

От холодных северных ветров ели опускают свои нижние разлапистые ветви к самой земле, и так образуется еловый шалаш - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Бывает, в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная тьма, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко, и всё же твоя душа, не задумываясь, зачем-то отправляется туда, в скрытую ото всех чащу, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

X X X

Когда научишься принимать жестокую декабрьскую метель, как твёрдое устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся такое же твёрдое намерение быть любимым и любить, и оно обязательно сбывается.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне? Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, не представляя без них жизни, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выглянет из-за туч солнце, и от их стебельков не упадут на снег синенькие радостные тени.

X X X

Снег опускается бесшумно, отрешённо припадая к замершей земле, но если прислушаться – в нём угадывается шёпот снежинок, будто неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес…

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему и чему-то улыбается.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ожидал я того момента, когда положу на ладошку ещё не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, взмахнёт крылышками, и в миг улетит.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной!

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются между собой, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает - как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Приятно открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, сияющей на зимнем небосводе, когда она перемещается ночной порой со стороны востока так стремительно, что пока мысленно ставишь для неё небесные вехи, загадочная планета к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

По хмурой февральской заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся.

X X X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - это та неотъемлемая от жизни всемогущая сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Сколько незабываемого и прекрасного несёт в себе молодая весна, но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой старуха-зима.

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, даже чуточку растерянные, как будто и не зима, если смотреть только вверх. Но ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежною пудрой, а наутро опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в лесу, на снегу, не сливаются одна с другой, будто каждая живёт своей потаённой жизнью, чего-то ещё ожидая от неё с приходом ночи. А ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в вещий зимний сон.

X X X

Клесты любят зимой присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают крючковатыми клювиками свои замысловатые переливчатые коленца…

Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Всю зиму снег гнетёт верхушку молоденького деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся, поникает. К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

X X X

Когда последний солнечный луч зимой скользнёт по верхушкам самых высоких сосен – снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона, гордо восседающего на одной из них.

X X X

Всего-то и увидишь за зимний день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от пронизывающей морозной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Месяц морозной ночью наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубенькие каменья, а душа переполнилась счастьем и весело заиграла.

X X X

Когда зимой над вершинами тёмных дремучих елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда переживаешь в душе ощущение чего-то радостного, но ещё несбывшегося, что, веришь, рано или поздно обязательно придёт и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупицам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме.

X X X

Всё в природе уже взыграло, справило весну света, и только зимнее заснеженное поле будто затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся в февральскую оттепель под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес вдали стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо.

И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый зимний вид.

X X X

Снегири - это трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, даже в самую суровую зиму отсутствует перед ней всякая боязнь, и они уверены в своём робком обаянии.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью добрую сказку из детства.

X X X

Зимнее поле не одноцветно, и поблёкший, казалось бы, занесённый снегом мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

X X X

В декабре и поле, и лес, и небо – всё уже ослепительно белоснежное… Но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, жёлтые и вишнёвые тени.

X X X

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

X X X

Выпадет первый снег – и весь мир изменяется, так что, кажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше и чище.

X X X

Смотришь зимней морозной ночью на сияющие в бархатной черноте далёкие звёзды – и не боишься их потерять.

X X X

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, ещё не успевает закатиться, а луна уж давно выклюнулась, засветилась неполным белым диском,

будто никуда не исчезала, и у тебя замирает сердце от её нетерпеливой оголённости, с которой она пытается опередить время.

X X X

Только у волка зимою мерцает в глазах луна…

X X X

Предзимняя морозная чистота так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Иногда, в феврале, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Всю зиму, либо перед восходом Солнца, либо перед закатом, ярко сияет на небе одинокая Венера, но никогда не назовёшь её волчьей звездой.

X X X

После ночного снегопада деревья в лесу светятся, как на солнце!

X X X

Тёмный-претёмный лес в звёздную зимнюю ночь ещё более затаивается в себе, устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам и ничуть не пугает.

X X X

С детства помню, как краснели зимой ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволики, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью… С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Холодной январской ночью взвоет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Перламутрово-розоватый снег слетает с небес в декабре, в январе валит тёмно-вишнёвый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи без умолку щебечут, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Звёздная рождественская ночь - это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

X X X

Удивительно точен русский язык, нет в нём ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудрёного: пурга пуржит, вьюга вьюжит, метель метёт, всё одно и то же – снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метёт понизу, вьюга над землёй крутит и вьёт, а пурга, знай, снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

X X X

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зелёный, но уж никак не белый.

X X X

Когда вокруг ни души, и над утопающим в снегах лесом одиноко блуждает холодная луна, ещё сильнее хочется быть человеком.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому что каждый ещё загодя, может быть - даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

В самом начале зимы, с весёлыми ядрёными морозцами, в воздухе носится нечто неуловимое, но такое по-хорошему предрешённое, исконно русское, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

X X X

Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаёшься один на маленьком полустанке, немного погодя из тьмы заснеженного леса выступает его душа, и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

X X X

Когда сижу зимой напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Более всего, почему-то, соблазняют зимой звёзды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав которое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фёкла, Алиот, Бенеташ, Мизар…

X X X

Самый молодой, только что выпавший снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги, и загрызть.

X X X

В декабре, когда всё, наконец, укрывается снегом, и взгляду, кажется, не на чем остановиться, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

X X X

До чего же хороши наши вороны, что даже снегопад могут приветствовать карканьем!

X X X

Многие птицы, которые прилетают к нам на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже припрыгивает на одной лапе, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полуопущенным крылом.

X X X

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костёр из цельных брёвен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки».

X X X

Тетерев-косач - это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворённости. Взорвавшись с ночной лёжки из-под снега и, порядком, напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда.

Усевшись же для кормёжки на заснеженную берёзу, тетерев становится похож на чёрную грушу и вызывает в душе покой и неожиданное умиротворение.

X X X

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытоптать зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого.

Но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

X X X

В декабре звёзды колючие и недосягаемые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

X X X

Услышишь русское - «колотьё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с хрустящим ледком, и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттает уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенеет, сковывая ледяным дыханием… А всего лишь одно слово – «колотьё».

X X X

После полудня сосульки в феврале сваливаются с крыш и бесшумно утопают в снегу, ещё какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за зиму тепло.

X X X

Странно, но на снегу никогда не бывает чёрных теней, а только синие, сиреневые, голубые и лазоревые…

X X X

Первый снег покроет землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без устали бормочут по всей округе до самого утра. В августе - волчью, с проникновенным и вдумчивым завыванием загадочных животных. А зимой упоительно угадывать тетеревиную, что укутана пушистыми снегами, переливающимися под звёздами драгоценными каменьями!

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый лис, кажется, позабывший себя, и тот хорошеет…

X X X

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с ещё большим достоинством восседает на голом суку, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

X X X

Нет для человека более величественного зрелища, чем звёздное небо, особенно - морозной зимней ночью, когда находишься в каком-нибудь маленьком зимовье, посреди глухого заснеженного леса. Однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

X X X

Свет от луны в ночном зимнем лесу никогда не бывает жёлтым, а всегда таинственно бледным, даже белёсым, и лишь изредка – мёртвенно-серебристым.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, малиновок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь, как они ночуют в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Ещё стоит на дворе сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной зимней голубизной.

X X X

Уже в конце января ворон начинает носить в клюве пёрышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле точно такую же работу по обустройству своих гнёзд завершают ласточка и коноплянка.

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Звон апрельской капели ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался, наконец, о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

В самом своём начале зима бросается заметать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда всё уже давно предрешено, покойно, хотя и недосказано.

X X X

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошёл, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперёд, к нескончаемым открытиям.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает с себя последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяя себя.

X X X

Ночное январское небо – словно добротная крыша, склёпанная морозом, а звёздочки в ней - яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные каким-то неведомым художником в недостижимой небесной мастерской.

X X X

Белые поля в декабре лежат мёртво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним - никак не насмотришься!

X X X

Как бы ни чаяли в народе приход зимы, а она подступает всегда будто нечаянно, распуская свои белёсые космы в самый зверский мороз, когда даже не греют костры, а визг шагов разрывает всё слуховое пространство!

Но сказана русскому люду наша зима, и на ноги она встаёт с преподобной Матрёны, что тотчас сулит осматривать амбары, проверять зимнюю одёжку и заваривать высушенные травы. Этого только и ждали на Руси, чтобы окунуться в зимние заботы, а зима людей за собой твёрдою рукою ведёт: закладывай, мужик, санки!

X X X

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тыкается в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

X X X

В трудное для всех птиц зимнее время ворона тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка - обрывочек блестящей фольги.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли. Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

Мыши, бывает, забираются зимой в берлогу к спящему медведю, и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнёзд, а он ничего не чует.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом зимнюю ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Белоснежный… Молочно-кисейный… Жемчужный… Сливочно-перламутровый… При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете в природе, всегда представляется нечто чистое, тёплое и родное, как молоко матери, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

X X X

Одинокий ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землёй и выцветшим небом.

X X X

Так часто, в мельчайших подробностях, рисовал я в воображении ночную поездку на санях, по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с ещё большим удовольствием.

X X X

В первое снежное утро хорошеют облетевшие кусты и деревья, неугомонное вороньё и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовёшь его молодцеватым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная: тихий, немножко печальный, да пригожий.

X X X

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцвечивают его зажигающимися звёздами, ослепительной луной и таинственными снегами.

X X X

Долгая декабрьская вьюга - это радость, счастье и светлая надежда на такую же затяжную и замечательную зиму, которую, наконец-то, можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы на будущую.

X X X

Глядя на звёздное небо в ночном зимнем лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более – быть застигнутым врасплох.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном посвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Чёрная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как февральская темнота переливается в трогательные весенние сумерки.

X X X

Белый холст заснеженного поля, чёрные ивняки у занесённой реки, рыжеватые копны сена… Всё, вроде бы, пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

X X X

Из белых снежных вихрей возникает мрак зимы.

X X X

Холодное зимнее небо так отрешённо, что ворон, кажется, застывает на лету.

X X X

Вступая зимней ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Вешки по краям занесённой снегом дороги по реке, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают её, более заметны и почему-то успокаивают.

X X X

Деревья в ночном лесу, зимой, всегда еле слышно шумят, будто нашёптывая друг другу: «Здесь ничуть не страшно, верь нам». И у тебя, действительно, на сердце становится покойно, так что всякая жуть куда-то пропадает. Век бы, кажется, бродил ночной чащей, и никого не боялся, наслаждаясь зимним лесом и его тишиной.

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющийся снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то обратно, в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеривается, как бы удобнее ему это сделать, наконец укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Всё в зимнем лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчёмным, будто оно однажды умерло, но вот вдруг воскресло и не в силах постичь: во имя чего?!

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы. Весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их, по-детски радуясь возможности ещё до восхода солнца побывать там, где скоро запоют твои любимые глухари…

X X X

Первый снег, говорят, на сонных нападает, потому что приходит всегда ночью, когда все спят, и, кажется, залегает вокруг тысячами притаившихся зайцев, чья белизна так проникновенна, что совершенно обезоруживает и усыпляет.

X X X

Из всех деревьев нашего леса только сосны зимой умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Снег в морозные зимние ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть, и, кажется, даже не замечают, что переполнены разноцветной жизнью, готовой незаметно перетечь в незапятнанную ничем снежную белизну.

X X X

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадывается и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка.

X X X

Даже в жестокую январскую заметь, снегири не перестают изливать свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно угадаешь и тоже про себя улыбнёшься.

X X X

Зимний рассвет льёт зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты подымаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а сами тетерева ещё не просыпались.

X X X

Вечерние звёзды в зимнюю пору зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, и не восклицают, а только прислушиваются друг к другу, думают и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, на лес налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и долго ещё будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому на то, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание… Как хорошо!

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках, и, кажется, совсем не светит, но если не упустишь случая понаблюдать за ним - вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

От света январской зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки.

X X X

Ночные снежинки падают на землю как будто из ниоткуда, радостно переливаются, играют, и, отражаясь от излучаемого собой волшебного света, кажется, так же волшебно и просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто посмотришь какое-то время на бесконечное пространство занесённых снегами русских лесов и полей, а вернёшься к себе уже с новым, углублённым на жизнь взглядом.

X X X

Ночная пороша ложится легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимется вдруг целой тучей метущихся звёздочек, и ну всех жечь, да колоть без разбору!

X X X

От задорного предвесеннего солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

Зимней буре порой, кажется, не будет конца, до того она случается безудержной и жестокой, но и она неохотно утихает в дебрях нескончаемой таёжной чащи…

X X X

Бывает, пройдётся зимой по уснувшему лесу крепкий ветер, разворошит его, и лес, на мгновение, проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

X X X

Выпал первый снег - и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться. Он сплетён из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, что проявляются в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, что и отражает их, и скрывает, но всегда чутко сопереживает всему, что происходит вокруг.

X X X

Как просто и радостно сознавать, что можно в зимнюю пору держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь!

X X X

В зиму люди по деревням часто вынуждены скрывать друг от друга желание к общению, когда уже, кажется, не по разу посетил всех соседей, больше, вроде бы, некуда и не к кому пойти, и душу остро одолевает чувство одиночества… Но в этом хочется видеть не злую обыденность надолго затянувшейся суровой поры, а её доброе участие, располагающее к заботе о своих соседях.

X X X

Обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе лёгкую и белую, похожую именно на снег прохладу, что стелется белоснежной скатертью, готовой всех обнять и принять за своим самобраным уютом и чистотой.

X X X

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что часто на них никто не обращает внимания.

X X X

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нём изящные росписи-завитки, а малютка несёт свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, ещё не научилась писать.

X X X

Заяц на лёжке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

X X X

На дворе мечется лютая февральская вьюга, завывает диким зверьём, но за окнами с синими узорами всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

Во всём есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворённо замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А ещё – в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит зимой у окна…

В избе мирно тикают настенные часы, кошка сонно урчит на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

X X X

Выпал первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубах, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

Бывает, засмотришься зимою на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегиря, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее нежное горлышко, и вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна жить тонкая и трепетная душа!

X X X

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

X X X

Пурга, застав в дороге, не голосит, как метель, надсадно в спину: «О-о-ой-й, возврати-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает с собой.

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна представляется такой же строптивой, то опережая саму себя, то отставая, и только лето всё выровняет и успокоит, отчего и на душе, наконец, воцаряется благостное умиротворение.

X X X

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой…

X X X

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март, то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но, всё же, несказанно веселит!

X X X

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

X X X

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

X X X

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нём звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только уютнее уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

X X X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа…

X X X

В лучах скупого декабрьского солнца качаются на розовеющих шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнём.

X X X

И в зимнем безмолвии угадаешь волнение трепетного лесного сердца.

X X X

С начала ноября до середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда приходит крайняя нужда - с великой неохотой выбирается наружу.

X X X

Только на миг появилась у опушки заснеженного леса огненная лисица, чуть повела носом – и сразу тебя охватила неописуемая радость!

X X X

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо задувает навстречу, пронизывая насквозь, что можно наклониться на неё, почти лечь, и не упадёшь.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала не весна, а безудержная декабрьская метель.

X X X

В зимнюю студёную пору, кажется, что волчий вой и разбойничий свист бури родились в единой утробе.

X X X

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило.

X X X

Поздней осенью лес нахмуривается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой позёмки заснеженная мёртвая трава, и становится так хорошо от ощущения предзимнего безвременья, что она навевает… Так же неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу и ни о чём не сожалеешь.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Перенова - какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший прочный снег, случающийся обычно по первозимью, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Из всех певчих птиц русского леса у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не

слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло. А самец заботливо кормит её, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить её самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и услаждает подругу бодрой красивой песенкой.

X X X

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретя красоту и силу, пни стоят, лихо подбоченившись, пристально вслушиваясь в потаённые шорохи замершего леса.

X X X

Буровато-малиновые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые для зимы песни неожиданно нежно и переливчато: «уить-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить…»

Птицы преображают свои пронзительные голоса скрещенными между собой половинками клювов, так устроенными природой для более удобного шелушения крепких еловых шишек, и это искусное пение выходит у них всегда с радостью, и никогда не надоедает.

X X X

Зимняя ночь выдалась большая и грозная, как могучий медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться…

X X X

Всеобъемлющая зимняя тишина в лесу - одно из его чудес. Её несказанно чарующий свет покоится в низких небесах, глубоких сугробах и уснувших деревьях. Свет этой волшебной тишины окрашивает их в белый цвет, подчиняя и растворяя в себе утомившуюся и пресыщенную жизнью зелень и желтизну.

X X X

Зимой всегда много восхода и заката… Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Когда зажигается в морозном небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи… Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Сколько зимой не броди в округе, а не сыскать столько лисиных следов, как вблизи деревни… Так привлекает рыжую кумушку дух куриного и гусиного жилья, что она пренебрегает главной опасностью – человеком!

X X X

Волчьим оком светит в сумерках, вдали, обездоленная луна, зыбко видится за полем присмиревший лес… Всё сильней заметают и кружат в нём злые метели, заносят неуверенные санные пути.

По деревням дрожат, словно оледенелые зрачки, окна изб. Идёт по земле зима, и покажется вдруг, что всякий в ней, как старый ворон, одинок…

X X X

Беззащитен заяц, чаще всего пуглив и осторожен, а всегда рад зимнему солнышку, сиянию синих снегов и сладкой осиновой корке.

X X X

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться – это её лесная обитель: холод, голод и куриная лавочка.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых капелях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января постигаешь потаённую суть лесной жизни.

X X X

Злые метели звериному чуткому сну не помеха.

X X X

Дивному снегу все чудеса доступны.

X X X

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут её покой волки.

X X X

Ворона зимой всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение: ветер скользит по её плотному перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

X X X

Господь Бог вырастил леса на пользу человеку, и потому каждое дерево, зверь или птица в нём – Божьи, их надо оберегать. Зима помогает человеку в этом, заботливо укрывая лесных обитателей своим теплом от ненужных волнений и тревог.

X X X

За всю зиму множество созвездий может ссыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любуешься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же неприхотливо дарит нам к началу весны.

X X X

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого лончака, так и Большая Медведица в морозной вышине вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе её звёздное место.

X X X

Светило яркое январское солнце… Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют, и вот-вот прекратят свою жестокую забаву. Но, всё же, волки добрали косого, как это обычно происходит у зверей: просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью…

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала его так, что трудно было жить весь тот день, и ещё всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в сердце, что никак не могло успокоиться, необъяснимую и дикую тоску.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Полночной зимней порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Когда научишься принимать безудержную декабрьскую метель как устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Жалко до слёз поваленную под Новый год красивую зелёную ёлку…

X X X

Белый снег, кажется, так устремлён охватить в свои объятия всё жизненное пространство, что никто не в силах разделить его с ним, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит.

Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что однажды обрекло его на неразделённость необъятной печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух. Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без устали перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору оживляет лес заливистый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего дома – гайно… Оно как будто не подходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком.

Но вот однажды услышал, что в народе его переиначили по-своему – «гайнушко», где белочке не дует, и где ей тепло и уютно пересиживать жестокие холода, и сразу всем сердцем принял.

X X X

Каждый зверь хоть как-то устроен в суровую зимнюю пору, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от беды к беде.

X X X

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обсудить в ней, научившись быть внимательным и немногословным.

X X X

Яркая зимняя луна скучна в окне нелюбознательного человека.

X X X

В особо лютые зимы в гайно собираются по две-три белки.

X X X

В январские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X X X

Свист рябчика морозным зимним утром - будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X X X

Из всех времён года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

X X X

Увидишь безудержно токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда ещё сияют в морозном небе рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, благодаря долгой зиме становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

Чудные слова переполняют меня и летом, и осенью, и зимой, а ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, и на душе всё это время - покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

В морозный зимний день гаркнет старый ворон - и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков…

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Когда в глухом зимнем лесу отсутствует солнце, и ты немного запутался в его потаённых дорожках, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддаётся этому сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а, следовательно, ещё более блуждать, идя наобум.

Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющий жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчуждённым он ни представлялся. Меньше паники, больше

доверия и любви к лесу – и ты непременно достигнешь с ним гармонии, и выйдешь к людям.

X X X

В доме тепло, уютно, а берёзовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло, и время от времени в растерянности затихает.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут.

X X X

С восходом солнца зимой в лесной чаще загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины - вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно переливается, сверкает… А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги, их на короткое время оживили первые лучи солнца, они растаяли и весело заиграли!

X X X

В морозный солнечный день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

X X X

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит… Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

X X X

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звёзды, и чутко впитывает их свет.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Из всех деревьев только сосны зимою умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать: сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсходованным, а на период весенней бескормицы. Когда зверь поднимается из берлоги голодный, он может отыскать в пустом лесу лишь малую толику личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае - горсть кедровых орешков в разорённой им норке бурундука.

X X X

Бесшумен снегопад, и с ним всё в мире становится ещё тише…

X X X

Когда случается в зиму злое ненастье - круто гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

После долгой, надоевшей всем ноябрьской непогоды особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь, и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца. Месяц взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить там, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит в природе самое беспросветное время, когда никто почему-то не противится однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В волчьем вое, порой доносящемся из лесного мрака зимы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Всю зиму бушует в лесах ветер, от натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берёз и елей, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

По-особому уютно бывает в зимнем лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении ей поклонился.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкою на яркое будущее, отчего непременно улыбнёшься в душе тому, что оно такое трогательное, живое, и тоже не в силах сдержать свою радость.

X X X

Крепко спят зимой старые ели, а только прошумит лёгкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются.

X X X

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов - это румяные яблоки, кем-то щедро высыпанные на белую скатерть зимы.

X X X

Когда нежданно застигает в лесу ночь, нужно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячего костра или даже под снеговым надувом.

X X X

Пока матушка-зима не доскажет всё человеку - ни за что его не оставит.

X X X

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки, всё же, вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг тоже вспыхивает как солнце, и уже до самой весны не угасает.

X X X

Многие думают, что берёза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

X X X

Издали зимний лес представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать – густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветке – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем превозмочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, важно не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не потеряв чуткости видения и интереса - возгореться ещё большим желанием овладения её тайной, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную.

X X X

Метель может быть жестокой, всегда испытывающей тебя на крепость, и даже порой - неодолимой, но никогда - страшной.

X X X

Из последних сил светит в морозной вышине месяц, находящийся на ущербе, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

Развеяв зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе уже нелегко чувствовать себя стеснённой нескончаемыми зимними ночами, она не находит себе места и рвётся наружу…

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая проницательность. Весной же, после долгой зимы, все помыслы души чуть ли не распяты, и она возносится к ослепительно синим, волнующим небесам, но не в силах куда-либо лететь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу, и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и ещё долго будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом – опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого и прекрасного мира.

X X X

Так ярко, зазывно играют звёзды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Иногда, в январе, над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко. И всё же душа твоя, не задумываясь, отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на встречу.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать возможности понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

Ночные снежинки падают на землю словно бы из ничего, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного волшебного света, устилающего землю, так же просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто смотришь на бесконечное пространство покрытых снегами русских лесов и полей, а к себе возвращаешься уже с новым, углублённым взглядом.

X X X

Звёзды зимой сверкают на небе как будто из одной плоскости, но на самом деле - из разных точек бесконечности. Ночная земля в эту пору - самое удобное место для созерцания их зримой недосягаемости и прекрасной беспредельности.

X X X

Добродушным недотёпой представляется лесной боярин-топтыга, пока проводит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун…

X X X

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

От солнца, ветра и поблескивающего наста молодой березняк в конце зимы, вроде бы, отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком.

X X X

При видимом однообразии зимней повести – никогда не устаёшь листать её заснеженные страницы.

X X X

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа уже желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет, и во всём уже чувствуется весна, в ней незаметно совершается счастливый поворот на лето.

Теперь на дворе стоит батюшка июль, и я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь, даже не помышляя о лучезарно-жемчужном декабре, и всё пью и пью благословенное чудо природы, и никак не напьюсь, с каждым временем года воскресая в себе каким-то новым, неизвестным мне человеком.

X X X

Морозной январской ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями, и никак не могут расцепиться.

X X X

Словно забавляясь, беззлобно тешат весной людские души бесплотные, но сильно ощущаемые лесные существа, аж дух захватывает. С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника. «Чёрт ногу сломит», - можно сказать про осень. Но ни в какую другую пору, кроме как зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком, отчего становится ещё слаще жить, втайне загадывая у жизни о самом сокровенном.

X X X

Хотя берёзы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а ёлочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

X X X

Бывает, в одну ночь всё вокруг застилает белое остолбенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

X X X

Рад старый глухарь чуткой лесной тишине, на склоне зимы, когда его никто не беспокоит. Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием укладываются там прямо на мёрзлый снег, и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца.

X X X

Полная луна легко скользит в чуть замутнённом морозном небе. Всё в природе околдовано её пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчёркивают залёгшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень…

Стоит чудесная зимняя тишина, и синие, рассыпающиеся морозной пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России.

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь пронизывает ускользающим дыханием зимы, что ещё многое хочет сказать, но уже не может.

X X X

В морозное январское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Пунцовое перо трогательного снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё отличает необыкновенная нежность до наступления суровых январских холодов.

X X X

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

X X X

Ранней зимой, когда снежный покров ещё не установился, оголившиеся деревья в отрешённом отдохновении застывают от чёрствого морозца, который упрям и въедлив. Всюду проникает он своими невидимыми прикосновениями, так что и у человека с затаенным удовольствием замирает сердце, благодаря чему удаётся почувствовать неслышно ускользающее время, означающее приход зимнего всепоглощающего сна.

X X X

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают.

Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже … мыслями.

X X X

Кажется, будто крупные зимние звёзды непременно чего-то обещают, так они призывно переливаются в морозном небе, играют, но на деле, обычно, влекут за собой долгий мучительный рассвет…

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Если первый снег налетает неудержимо, с метелью, то и зима вступает в свои права сразу, по-настоящему.

X X X

В начале зимы на деревне обычно слышится звонкий лай собак, пока они ободрены недавней сменой времени года – приходом новой, более весёлой поры, и первые морозы ещё не вызывают в них озабоченность будущей суровой

жизнью. Пришла зима, и принесла пока только пляшущие морозцы, что одним своим появлением бодрят, отчего всем живым существам становится радостно!

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот самый миг, и ещё каких-то важных перемен в твоей душе.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и лист, с треском, начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Посреди белого дня, зимой, вспугнёшь сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно тыкается то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушным, нисколько его не замечая. Но он, задавленный этим невниманием, всё же, пытается всех радовать.

X X X

Скребётся в углу маленькой лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда…

Кажется, ничего особого не происходит, но от всего этого ты переживаешь в себе неимоверную приподнятость и силу, исходящую от объявшей зимовьё долгой морозной ночи.

X X X

Как хрупкий рисунок нежнейших снежинок, в конце концов, образует тяжёлый несокрушимый лёд, так, незаметно сменяя друг друга, короткие дни слагают собой необозримо величественную зиму. Происходит что-то равносильно тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в тоже время,

укрывает людей, птиц и зверей от крайнего холода. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров. По-видимому, решительная устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днём берёзовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую зиму!

X X X

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены, и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредотачивала в себе Россия!

Но как тяжёл для сердца вид занесённых снегом ворот, у которых теряется даже собачий след…

X X X

Очень мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов: они воздушны, легки, и дышат таким желанным покоем, что хочется улечься на них, переживая сладкое забытье.

X X X

Чего можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле или дремучем лесу, когда звери голодны и терять им нечего? Загнать зайца, даже – росомаху, в особо гиблые зимы – поднять с берлоги медведя и загрызть его, серым разбойникам ничего не стоит. Звери могут даже расправиться со свадебным поездом, следующим с сочетающимися браком и гостями из церкви в деревню, не оставив ни единого человека в живых. Случалось в жизни и такое.

Но не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни. Многого звери не возьмут, если на то нет серьёзных причин. Когда же

человек истребляет в лесу кажущееся ему зло, то так называемое добро погибает вместе с ним.

X X X

На первый взгляд, кажется, что все звери для человека на один лад: среди медведей навряд ли отличишь одного от другого, волки – одинаково серые, неутомимые и кровожадные, а лисицы – огненно-рыжие пройдохи, охваченные единственным желанием без устали рыскать в поисках мышей. Но на самом деле животные разные.

Вот, к примеру, белки… Есть среди них очень хитрые: они ходят по кругу, и по их следам охотнику гайно никак не найти. Другие зверьки предусмотрительно прыгают по деревьям далеко от гайно, а потом на снег спускаются, путик протаптывают. Третьи – следы оставляют прямо от дерева, незамысловато прокладывая одну длинную тропу. У четвёртых же тропы от гнезда во все стороны идут – по какой ни пойдёшь, обязательно к гайно придёшь.

X X X

Вкус к жизни копится долго, зарождаясь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

X X X

Установился декабрь и, вроде бы, всех лесных птиц уравнял и объединил в зимних неприхотливых правах. Но тетерева облюбовали белоснежные берёзы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на ёлках красуются краснопёрые клесты, неустанно шелуша шишки, а рябчики днюют на кормёжках в ольховниках по берегам овражных ручьёв.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, что залёгли в меже… Долго смотришь, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, то на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек весной всё равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку жизненных красок.

X X X

Необыкновенно хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы… Редко увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, и весело искрится на фоне нежного голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Но нет, всё тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дрёме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют унылый предзимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

X X X

Свист снегиря зимой – её тонкая снежная печаль.

X X X

Пришла зима и убелила снегом леса и землю… Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял всё живое.

Чистый и ещё не тронутый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем оцепенении, снег принёс долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

X X X

Люблю распутывать следы зверей в природе, что они оставляют за собой на снегу, и в устремлении во что бы то ни стало раскрыть их тайны, они незаметно уводят тебя от чего-то непутёвого в себе - к поистине главному и дорогому.

X X X

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж. Затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия. И, наконец, в весну, что неотступно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям…

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне…

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Тихо падает снег, и с неба снисходит благодать.

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве инеем весь день… Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалея об утраченной красе.

X X X

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но вот отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей загадочной величиной.

X X X

Представляя, как привычно укладывается на всю зиму в своём укромном гайно наша чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением холодов в уютный комок и … застываешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым…

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Хорошо любоваться в зимний день на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные и восторженные!

X X X

Какая-то страшная, необъяснимая сила охватывает нас зимой, в северном лесу… Наверное, её слагают прожитые им века, что до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в его душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой своей открывшейся глубинной силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в зимнем лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что неосознанно переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев наполненную восхитительными событиями жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в

благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры…

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё зимними ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться.

X X X

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаённому лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже созидают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны, да только и в них живёт еле угадываемое, хоть ещё и не высказанное обаяние вековой зимней чащи.

Вот прилетел на старую осину большой чёрный дятел-желна, удобнее упёрся о ствол хвостом, и затеял монотонную барабанную дробь. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным и красивым.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка - красноватой. Но вот случится вдруг увидеть её однажды в зиму зелёной, свет от неё беспрепятственно проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Зимняя поляна иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить весь её свет, что проникает в тебя, заполняя чистотой, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа. Белый снег ей к лицу!

X X X

Незаметно сменяют друг друга короткие дни, слагая необозримую зиму. Это незримое истечение умиротворённой жизни равносильно тому, когда снег, способный околдовать ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает всех своим теплом. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

За всю зиму хоть раз, да захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир.

X X X

Если зимой проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Как же мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и в то же время уверенно дышат желанным и умиротворённым покоем.

X X X

Никогда не задумаешься о том, что посреди морозного января, где-то в таёжном северном лесу, медведицы рожают своих ещё непутёвых малышей.

Лежат с ними под глубокими сугробами в мирном полусне, подоткнув их под мышки, и совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме, что так же уютно и заботливо, как это выходит у медведицы, обнимает собой весь живой мир.

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных снегом полей.

X X X

Устав от людей, бывает, укроешься где-нибудь в лесном зимовище, с затаенной мыслью только о красавице-луне или прекрасных звёздах, желая оказаться вместе с ними там, в сказочной вышине, а они глядятся в тебя из неведомых небесных далей, и становятся всё краше и краше.

X X X

Только однажды, в рождественскую ночь, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает через оголённые окна, каждому напоминая или подсказывая что-то сокровенное, своё. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь, и борется с воображаемыми слезами умиления.

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее - в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, декабрь думает только о прекрасном, поддерживая в сердцах людей надежду на переживание одной радости.

X X X

Проснувшись посреди ночи, зимой, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе либо сияют звёзды. И если небо звёздное – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься, и опять окунёшься в сладкие сновидения. А если пасмурно – долго ворочаешься, всё о чём-то думаешь, и, так ни к чему не придя, тяжело забываешься только под утро.

X X X

Оказавшись на краю заснеженного поля, среди притаившейся тишины и длинных синих теней от уснувших берёз всегда мечтается о том, чтобы появилась огненная лисица, быть может, пего-коричневый смирный лось, или, на худой конец, резвый зайчишка. Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на плечах леса, и всё вокруг ожило, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и чуткое изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе всегда почему-то захочется как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твоё присутствие, и ты слегка присвистнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечёт поляну прямо перед тобой, и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы ни следы, подумается, что всё чудесным образом тебе привиделось.

Наверное, можно многое узнать о звере вот так, один на один с ним, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности тебе не в тягость пройти десяток километров, и сколько угодно времени простоять, не двигаясь, на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадётся навстречу, и как это произойдёт? Но лес откроет новое, совсем неожиданное, потому как никогда не повторяется в своём откровении.

X X X

Многим хороша зима, но главное её достоинство - глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря её чистым снегам можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как на ладони!

Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвенят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом – надёжным и тёплым укрытием. Мыши-полёвки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, всю зиму проводя жизнь в надёжно

замаскированных норках. Ласки и горностаи – белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и чёрным кончиком хвоста, так же проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы.

На свет зверьки выбираются только за тем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, да подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило, с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Не ровен час, налетит, откуда ни возьмись, ушастый филин или подберётся неслышной поступью кумушка-лиса!

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норовит глубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание. Только непонятно, как такому вёрткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом сидеть: ни порезвиться тебе, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живётся, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

X X X

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубокому непролазному снегу, но постепенно выдыхаешься, волей-неволей умеряешь шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

X X X

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за десятки пройденных по лесу километров однажды зимой выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

X X X

Вошёл я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нём никаких изменений в сравнении с январём. Всё так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть дольше разгорается за лесом: чем-то он безотчётно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за чёрным еловым лесом розоватая утренняя заря, и отблески её мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, заслышится голос рябчика, затем ещё и ещё…

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными следками, что тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары. Скоро им предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив ещё не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься и никак не можешь понять – чего тебе на самом деле не доставало? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе всю зиму, оказывается, ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

X X X

Хуже всего в зимнем лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой, когда оно живёт, наверное, без чувств и мыслей.

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Однажды поздним январским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком холодный ветер льнёт

ни к земле, и ни к лесу, а к человеку. Именно со мной он почему-то ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище сердце твоё согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя зимой у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

В зимний день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце… Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого черноглазого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с конца января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе, издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!».

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё далёкой радостной поры!

X X X

Выйдешь в январскую ночь под звёзды - и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни весной, ни летом, ни осенью.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

В свете скупой декабрьской зари изредка вспыхивают золотистым огнём лишь макушки вековых сосен, но зато морозный воздух благоухает свежестью надкушенного яблока, а шишки на ёлках представляются новогодними игрушками!

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Зарождению во мне любви к природе я обязан своей прабабушке – Ольге Филипповне: с маленьким женским ружьецом она пыталась охотиться на зайцев, но ничего у неё не получалось…

X X X

Когда я гляжу зимой в застывшие волчьи глаза, они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных им природных инстинктов.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что, кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь. Ещё у декабря есть молодой снег, не обременённый собственной, надоевшей ему самому тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной зимы.

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою мятущуюся душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей зимней тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отрешённо бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное, сравнимое с возвращением на родину дорогих сердцу журавлей, когда душа с Богом беседует!

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот, переживать от всего происходящего радостную удовлетворённость и покой!

X X X

Месяц от мороза наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и красные каменья, и душа переполнилась счастьем, и тоже весело заиграла!

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают по-особенному затаенное неизбывное чувство, что почему-то не даёт спокойно жить.

X X X

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой произошедшей с тобой перемене станет необыкновенно ясна и понятна вся последующая жизнь.

X X X

Когда зимою над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда посещает ощущение чего-то радостного, ещё не сбывшегося, но ты веришь - рано или поздно оно обязательно утвердится в тебе, и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розоватый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и чистое, что даже не верится: как может оно ещё больше обновиться в марте!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно заиграла под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо.

И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника, оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются, и совершенно изменяют своим присутствием унылый зимний вид.

X X X

Только народившийся ломтик месяца тоненький, изящный, а между тем – царит на зимнем небе!

X X X

Снегири – трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь перед безудержными метелями и жестоким морозом, и они всегда уверены в своей вечной молодости.

X X X

Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студёного ветра и долгий изматывающий путь в пургу, потому как только в них и растёт душа.

X X X

В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, ещё более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осмотрительность… Лиса завсегда с оглядкой живёт, и ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов.

Прежде, чем перейти, скажем, через замёрзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течёт, и по этому звуку судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лёд пройдёт, тогда через него можно и пушки возить, до того он крепок, замечали в народе, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лёд не ступает – боится… Сторожка лиса так, что семерых волков проведёт!

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон…

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

X X X

У меня всегда бывает так: глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память о неподражаемо чудесном сказочном мире.

X X X

В начале декабря, когда сильные морозы ещё не укоренились и воздух мягко пронизан розоватыми лучами, особенно ослепительно искрятся и играют в солнечных лучах молодые сугробы.

X X X

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни пройти - ни проехать, то ли дело для зверей открытое поле! Именно сюда первой устремляется коротконогая кумушка-лисичка. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в неё с головой, так что на поверхности вздрагивает один огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника - и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение, словно в танце, уже опять выгибается над снегом её ярко-рыжая спина!

Лиса ловко отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, замерев так огненным изваянием на фоне ослепительного снега… А затем, изогнувшись в воздухе, стремительно опускается на передние, задрав задние кверху.

Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розоватому солнцу, и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё зимними ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Собираясь накануне в зимний лес, всё думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пяту, ни на что не отвлекаясь и до самого конца.

Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрёшь в ознобе восторга от увиденного и - будь здоров, позабыв обо всём, куда глаза глядят… Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки зимой!

X X X

Бывает, станет так хорошо зимой в морозной лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки

X X X

Первый снег - будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

X X X

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубоким снегам, но постепенно задыхаешься, волей-неволей умеряешь свой шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с конца января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!»

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что послужило основанием такой убеждённости? Может быть, синица, раньше времени, восторженно запинькала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе тучные облака или что-то ещё необычное, совсем уже не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: большая, длиннохвостая, гаичка, хохлатая, усатая, лазоревка… Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в тоже время, ни на миг, не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить наше ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать его, делая богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

X X X

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки или уголок небесной монетки. Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле.

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая, и находясь в сладостном полузабытьи, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это - зимние проделки ясного месяца!

X X X

В тихий зимний день вдруг прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепенётся в твоей душе. Взмахнув крыльями, он усаживается на старой сосне, у самого дома, и, упруго упершись хвостом о ствол, тотчас затевает свою гулкую барабанную трель.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт увесистым носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабоченность до предела.

Глядя на неугомонную птицу - и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, негаданно врываться в чью-либо печаль… И ещё жить так же

неудержимо, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей светом восхищённой зимней тишины.

X X X

Не припомню, чтобы попав в самую гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, настроение!

X X X

Редко, когда что-либо значительное в природе, особенно – в зимнюю пору, олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна зимою и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им непостижимой лунной мастью, готовые преодолевать и стужу, и голод, и не пугающую зверей безысходность их неприкаянной судьбы.

X X X

Утренние и вечерние сумерки в зимней природе, казалось бы, абсолютно схожие. Однако, о первых в народе говорят возвышенно и проникновенно – сиреневые, а о последних – с налётом необъяснимой грусти – тёмно-синие.

Виной тому – день, обременённый множеством дел и событий. Утром наше восприятие отдохнуло, и оно переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждём ничего, кроме успокаивающей темноты, располагающей ко сну.

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь себе – как они ночуют в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Следы на снегу - это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя.

Заячий – малик, лисий – нарыск, волчий – сакма, медвежий – переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, - побежка, а чуть приметные кресты на снегу, уводящие в таинственную хвойную глушь, принадлежат глухарям, это - наброды. Торный же след выдры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом.

Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

Х Х Х

Несмотря на то, что летом хватает тайны – и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо очаровательных розоватых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой она по-настоящему необъяснима и сказочно обворожительна. Зима – самое таинственное время года, и тайна в ней так загадочно тиха, что кажется, будто она постоянно находится рядом.

Чудится, что эта тайна всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, будто предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину, и тогда всё неведомое, что скрывает в себе зима, действительно хочется разгадать, втайне будто причащаясь к сокровенному божественному замыслу.

Х Х Х

Иной раз заслышишь в зимнем лесу дробную трель, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдоволь, всё, кажется, про них узнал и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на лыжную палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в тоже время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его … целует.

Х Х Х

Выдался однажды такой год, что только в первых числах декабря случился уже почти неожидаемый снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались наверх наличников, и сразу принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стояла жуткая возня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на подступающую зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

X X X

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению – всё всегда как бы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё - задует пронизывающий северо-западный ветер.

Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли на сей раз сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю, и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

X X X

Ястребиная сова… Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да ещё то, что остальные совы отдыхают зимою в дуплах, забиваясь в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за скупым декабрьским солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

X X X

К концу зимы снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

X X X

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот зароился нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, пополэни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

X X X

Декабрьская метель, словно заблудившаяся в своих беспрестанных метаниях ведьма, тыкается в стены и окна домов, наговаривает то там, то здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всём забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святую. Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, что только леденит до смерти, не ведая каких-нибудь перевоплощений!

Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печёными в сахаре жаворонками, румяными караваями на разноцветных полотенцах, и спокойной верою в далёкую и близкую звезду, которая пророчит вечную радость постижения в себе божественного.

X X X

Даже не помню: обвязывал ли я ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы подвешивать их на пушистые ёлочные ветви, и доставляло ли мне это в детстве какое-то удовольствие?

Но никогда не забуду лёгкого, сладко кружащего голову аромата, что поднимался откуда-то снизу, из-под привезённого из леса срубленного смолистого деревца, с появлением которого в комнате всегда воцарялся ни с чем несравнимый волшебный покой и неописуемая радость, что были присущи только чудесному зимнему празднику…

X X X

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты недоумеваешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думается тебе, стоит только сосредоточиться – и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны источает … подтаивающий снег, который в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно также, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

X X X

В начале декабря, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на

каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

X X X

Наша зима – это большой и ослепительно белый заяц, что весь год присутствует где-то открыто для всех, но, в тоже время, остаётся невидимым.

X X X

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе с этим шёпотом слышится чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего – своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

X X X

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. В лунном свете зимнего леса лицо человека тогда превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытав его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой.

Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и

сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

X X X

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

X X X

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И всё-таки лиса-огнёвка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно застаём её мышкующей посреди заснеженного поля и, радуясь тому, что увидели, в тоже время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной?

Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

X X X

Иной раз, сквозь сон, чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге… Уютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как она одинока и беспомощна в бушующем море снегов. Даже не смотря на свою удаль.

Можно представлять себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но - ни вьюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит её безжалостно застывшего в своём отчаянном порыве ледяного крошева, и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

X X X

Бывают такие зимние сады, в которых с наслаждением бродишь по дорожкам, осыпаемых снежными хлопьями. Где-нибудь в старой части

города или села, достаточно удалённые от шумного центра, чаще всего – неподалёку от леса, они удивительно располагают к уединению.

Под вечер окна ближайших уютных домиков, непременно с какими-либо непритязательно вырезанными, но загадочно украшающими их наличниками, зажигаются оранжевыми огоньками, и тёплые лучи от них ложатся поперёк заснеженных аллей. Всё окружающее пространство постепенно тонет в потемневшем воздухе, так что скоро уже нельзя различить опускающихся снежинок, и ты с приятными надеждами ступаешь по ровно устланной ими земле, представляя, что это – молоко земное.

А невидимое небо неустанно изливает свою сказочную густоту и благость, питая ею живые души, и на сердце становится легко и привольно. В такие моменты, кажется, будто снег очищает, ненавязчиво подсказывая вероятность долгой счастливой жизни.

X X X

Зимою огонь в костре из сосновых чурок гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда смотришь на небо, то видишь искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких неизведанных миров…

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще.

Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

X X X

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картинка: зимний морозный день, и крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки… Под валенками скрипит смёрзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колышется - стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного её вида начинает приятно ломить в затылке…

Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту, и думаешь про себя о чём-то простом и хорошем.

X X X

Поначалу кажется, будто слуховое пространство зимой сжимается: оно становится густым, вязким, и человек будто бы вовсе перестаёт слышать. Как глухой, когда вместо слухового органа он воспринимает совершаемые рядом сотрясения всем телом. Усвоение музыкальности, проистекающей в окружающей природе, вроде как, пропадает, и согласие всех существующих в ней звуков тоже нарушается.

Но стоит вороне морозным утром гаркнуть во всё своё воронье горло – вмиг лопается слуховая перепонка, и на тебя будто обрушивается звон из-под повизгивающих полозьев салазок, поскрипывающих валенок прохожего, переливающейся на солнце хрустальной воды у колодца, весёлого треска льда на реке, и особенно хорошо звучит в напрягшемся от удовольствия воздухе соседская пила, взявшаяся с самого утра перепиливать пузатые берёзовые чурбаки… А как поют в остановившемся, будто замершем от мороза воздухе обыкновенные дровни!

Нет, гудит зимнее пространство невообразимой гаммой самых расчудесных звукосочетаний, отчего и тебе самому, как и вороне, захочется гаркнуть на весь белый свет: «И душа видит, и сердце слышит студёною зимой, какая радость!»

X X X

Зимняя ночь… Светит полная луна, мерцают звёзды, а в воздухе стоит морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясённые пучки сена – излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка, будто их и не было.

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неутомимости и терпения, чтобы подглядеть её, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

X X X

Зимою часто попадаются на глаза небольшие дырочки в снегу… Идёшь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а вдоль лыжни, то и дело, возникают неприметные отверстия.

Бывало, остановишься и, присев на корточки, разглядываешь внимательно: кому это отверстие может принадлежать? Ясно, что маленькому грызуну – мышке-полёвке или бурозубке, но вот зачем зверьку выбираться в мороз на поверхность, оставляя свои тёплые кладовые, заготовленные ещё с осени, не сразу разберёшь.

А оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, заметёт всё вокруг, а под утро глядишь – опять виднеются тут и там аккуратные углубления-оконца. Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее краешек света белого увидеть, что для неё - милая отрада!

X X X

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как заячье или глухариное. На худой конец оно славится богатым урожаем земляники или грибами. Но уж никак - ни волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим декабрьским вечером или под хмурое утро, натолкнёшься в лесу на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта войдёт в тебя словно осиновый кол. Разбередит в душе всё, что ты знал об этих зверях, напугает, отчего вдруг мысленно перекинешься в такого же хитрого и кровожадного волка, ровно, как оборотень-ведун…

Вспомнишь тут, что в народе издавна сказ идёт, как в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пень и превращается в волка. Всю ночь он своей неуязвимой наглостью потешается, безжалостно людям сердца, якобы, выедая, а под утро оборачивается вновь в человека, и ведёт жизнь неприметную, праведную.

Ни за что бывает не разобрать его изворотливое обличье, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пень нож булатный. Оборотень тогда до окончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу, но только не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем и бабой, что идёт навстречу с полными вёдрами, как некое доброе известие. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, хорошо понимая поговорку про то, что нужно верить волчьим слезам! Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми сани, что постоянно опрокидываются, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своевольный декабрь вместе с народной молвой о зловещем волке-ведуне исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желая.

Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие растапливали, да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала зимняя темь от человеческого жилья, а жизнь на добрый лад поворачивала. Ведь декабрь, говорили в народе, старый год кончает, новому – дорожку с радостью и счастьем стелет,

после чего тоже захочется пожелать и себе, и нашему чудесному декабрю, и всему русскому миру с его доброй молвой крепкого душевного здоровья!

X X X

Бывает, душевные мучения за лесных обитателей одолевают тебя больше, чем за окружающих людей. Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес, и уехал от него за много километров в город: переживания тем острее жгут твоё сердце, чем дальше ты уходишь.

Так, однажды испытывал я муки за барсука, удавленного в петле охотниками. Не один год наблюдал я за ним, встречая в весеннем ночном лесу, на глухарином току, и шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу… А ещё стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон.

Снег тогда крупными хлопьями неслышно валил с невидимых небес, мягко укутывая землю, и было мне так, будто барсук знает, что я нахожусь рядом с ним, почему-то доверяет мне, и оттого ему ещё слаще преодолевать в своих снах добрую зиму. А вот теперь я никак не могу взять в толк, что барсука нет, навечно нарушены нехитрые зимние сновидения милого зверька, и сердце моё никак не может успокоиться, преодолевая неизбывную боль.

X X X

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигант-сохатый… Развесистыми рогами он ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнувшись в розовеющий на закате снег.

Выбежавший на жировку зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, навострив длинные уши, но успокоившись, повёл усами и принялся с удовольствием обгладывать отломившуюся веточку…

Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лосю!

X X X

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. И отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в февральском, уже порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и

озираясь, смешно шевеля красным влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли ни ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что откровенно оголяют и без того мало защищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

X X X

Перед наступлением сумерек белый снег незаметно окрашивается в розовато-малиновый, с заходом солнца – в сиреневый, в надвигающейся темноте – в фиолетовый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу так неожиданно остро волнуют сердце, что хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Трудно поверить, но однажды, в студёную декабрьскую ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

X X X

Когда зимой задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет допроситься до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою исстрадавшуюся душу и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё не природные весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Толстого, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет запах слипшихся глянцевых страниц.

X X X

Кому хоть однажды довелось оказаться зимой, под Рождество, в омшанике, и послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в морозной вышине роятся по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

X X X

Каждый день – удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как уютно утверждается над землёй свет, и как радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Без устали «летают» в переулках собаки, завидев малейший для себя интерес. Как безропотно замерли в остановившемся морозном воздухе веточки тополей, рябины и сирени.

Розоватое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворённый крестьянский быт. Всё так трепетно, доступно, что, иной раз, кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного природного порядка.

Но тщётно… Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день всё повторяется снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим. И так, целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно протекает он мимо не дающей покоя драгоценной тайны в этом сладостном зимнем времяпрепровождении.

И всё чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как и утром, получаешь скрытое наслаждение, и всё же, к концу дня, только лёгкая усталость опять начинает донимать твоё взбудораженное приятными размышлениями сердце. День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки… Что-то принесёт завтрашний?!

X X X

Лунные ночи зимой тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся.

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти…

X X X

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идёт снег, и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Всё просто. Но воспринимаешь увиденное с неописуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чиста, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно, и отрешённо замирая в своей грусти, сидят неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова. Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом, или таким же неслышным белым сном, что однажды сокровенно приходит хрупким розовеющим утром, и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую подо льдом реку и лес.

Невозможно постигнуть, как из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая в одно и то же время, волшебница-зима всех очаровывает и оставляет без ответа: зачем она это делает?!

X X X

Белёсое, затянутое мутной плёнкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесённом метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь. Ждёшь, когда тучи минуют его кремовые, чётко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своём неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемо загадочного и рассеянного света, и всё снимаешь и снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекатывается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах…

X X X

Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, наострив уши.

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому - чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нём молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетёт зайка на снегу замысловатые кружева - основательно, с усердием.

Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды! Заяц всегда готов предупредить её, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир, и даже когда уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваются: как там обстоят делишки? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой»!

X X X

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, километров за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ. Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему существованию. И тут

вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, взявшись как будто бы ниоткуда, словно мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу в сплошной снежной пелене, то тотчас услышал гул приближающейся машины, которая очень быстро подбросила меня до самого посёлка. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце.

X X X

В конце зимы возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга. Им, после свадебных боёв, остаётся матёрый волк. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную волю и свободу выбора.

Волк понимает: только добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, так же надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободен. Свобода не даёт ему удовлетворения и покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он, отказываясь от неё, старается поскорее найти более лёгкий путь следования. При этом человек ещё посягает на свободу других людей, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса, особенно - зимою, более гармонична, нежели жизнь многих людей, потому как является самым обыденным проявлением подлинности всего сущего. В отсутствие извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека. А боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не хватает для поддержания жизни, как это обычно происходит у зверей в зимнюю пору, что им за обычай. Не первую зиму волку зимовать!

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывая в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна. Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогревают зябкую зимнюю пору, и всё вокруг вскоре приходит в радостное движение, и воздух словно начинает играть…

Не боятся зяблики февральских метелей и стужи, зябнут, но провозглашают скорую весну, оттого их в народе так и прозвали!

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, и в воздухе будто повеет весной. Снег на молодых еловых веточках быстро подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, вроде бы, даже чуточку растерянные, словно и не зима вокруг, если смотреть только вверх.

Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а на утро – опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

Стоит конец февраля, а птицы и звери уже начинают делиться на пары. Клесты в лесу единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неутомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей.

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом, они в эту пору не похожи на себя. Белки, цокая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево, возбуждённо играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы, тихо протекает лесная жизнь, надёжно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружит и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца.

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку – скрадывать добычу, лосю – отыскивать более сочную кору. Только лёгкому на подъём зайцу всё нипочём: в тёплые дни изредка можно услышать его предвесеннее бормотание.

Долго ещё лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилёта птиц, но в февральские оттепели уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

Четвертая часть. Наша зима

Царство белого цвета

Появление снега в России всегда ожидалось с нетерпением, так как с ним устанавливался зимний путь. Это было лучшее и наиболее дешёвое средство сообщения там, где нет ни железных дорог, ни судоходных рек. Но первая порошка - ещё не санная дорожка, до неё от первого снега, по народным приметам, шесть недель.

Считали, что только тот снег и прочен, который сверху падает, а не тот, который ветром наносит. Чтобы зимний путь установился, нужен был наст - когда бы снег достаточно уплотнился под собственной тяжестью и от мороза. На Руси издавна велась пословица: если на дворе мороз - смело клади сорок пудов на воз.

Но нелегко через зиму до настоящего наста добираться, не сразу он складывается. Рыхлые и глубокие сугробы мешают, в них не только лошади, а и человек проваливается: гибельная та дорога и изматывающая. Да и не уровнять её во всю зиму - снежная метель рано или поздно своё возьмёт.

Под снегом зимою всё укроется: снег старые следы заметёт, а новые по нему пролягут, да тоже уцелеют только до первой метели. Снег - что молоко земное: изливая неустанно свою сказочную густоту и благость, оно питает ею людские души. Пошёл снег, говорят, знать, будет русское дело, что сплеталось из неиссякаемой смекалки человека и его удали. Всё оно было отображено в неувядающих зимних поговорках.

Про то, как скатерть бела весь свет одела и никого не забыла, а белый цвет на чёрную землю всегда к лицу. Про материнский гнев, что вешний снег: и много его нападает, да скоро истает. Если же снегу и в самом деле порядком надует, то хлеба прибудет, а вода разольётся - сена наберётся. Много снегу - много хлеба, много воды - много травы. И ещё бытовало спокойное верование: как ни мойся, белей снега не будешь.

Из загадок, вырастающих из снега, можно слепить целую бабу. Снег в них приходил тихо, а ложился мягко. Летал без крыльев и рос без корней. Взлетая или оставаясь неподвижным, он молчал, когда же умирал - заливался слезами.

Снег мог возникнуть на дворе пухлою горою, а в хате вдруг обратиться водою. Был он белее ваты и зайца, мягок, как шерсть, лёгок, как перо. Матушка из него муку молола, и весь свет им в белое одевала.

Зима - время снежное и любимое для всей русской земли. Снег на всё пригоден человеку, и любовь к нему - чувство для русских общее, исконное. Снег - первая примета зимы, и ему приписывали множество чудодейственных свойств.

Верили, что снег земле - всё равно как шуба или одеяло: он защищает её от сильных морозов. Снег благотворно влияет на почву, привнося в неё

будущее течение соков. Снег на землю, говорят в народе, тот же назём, он полезен для неё, как дождь.

Времени и условиям выпадения снега придавалось также немалое значение. Коли в свой час снег у нас - так и урожай Бог спас. Как снег пойдёт да как ляжет, так на лето мужику про жнитво скажет. И ещё примечали, что если зимою снегу наметает близ изгороди - к урожаю, коли далеко - во всём ожидай недостатка.

Особо обращали внимание на первый снег, что за сорок дней до зимы выпадает, а самый прочный - только ночью. Дневной снег не больно долго лежит. Скоро тает и тот, который появляется осенью, когда ещё деревья не сбросили листьев.

Замечали также: сколько дней пролежит первый выпавший осенью снег, столько раз зимою он сойдёт и снова нападает. Если уляжется на мокрую землю, то останется, и ожидай тёплой зимы, а опустится на сухую - скоро опять сойдёт. Когда же снегу наносило рано осенью, то весна предполагалась ранняя, позднее же его выпадение внушало крестьянам опасения.

Необыкновенное отношение в народе к первому снегу возникло и благодаря его целительному действию. Утверждали, что если первым выпавшим снегом вытереть глаза, они никогда не будут болеть. Кто же умоет им лицо - будет белым и пригожим, как снег. Последнее более подходило молодым девушкам, приваживающим женихов.

Часто по снегу предрекали предстоящую погоду. Если снег ослепительно блестел на солнце, можно было ожидать его скорого появления. Новый снег и новые холода приносит: на него лучше смотреть, стоя у хорошо натопленной печки.

Снежный буран днём мог ещё предвещать мороз ночью. Продолжительных и сильных холодов следовало ожидать в особенности тогда, когда снег идёт мелкий и лёгкий. Тот, что падает пушистыми хлопьями - обещал оттепель.

Когда деревья покрывали обильные снежные хлопья - означало скорое тепло. Снег плотно улёгся - быть мокрому лету, легко - к сухому. Обильная на снег зима приносила дождливое лето, а образовавшийся на снегу наст - хороший год. Если же наста не было, год вообще устанавливался тяжёлый.

Выпадая в разное время, снег также часто менял и свое лицо. Первый по осени снег, не дающий ещё зимнего пути, назывался «мелкоснежник». Пушистый снег, выпадающий крупными хлопьями - «видь» или «падь». Метель без падающего сверху снега и развеивающая уже улёгшийся на земле сильным ветром - «подносуха» или «кура». Снежная заметь, срываемая ветром с верхушек сугробов и расстилающаяся больше понизу, именовалась «позёмка». А первые по зиме снежные метели называли «заверухами».

Нечто среднее между снегом и градом называлось «крупа» или «голуха». Густой мокрый снег носил название «липуха», снег же с дождём - «рянда» или «лепень». С туманом и моросью - «чидега». А тот, что вновь нападал весною, после схода зимнего снега, звали иногда «отзимок».

Снег, падающий густой массой в незамёрзшую воду, прозвали «сало» - предвестник ледостава. Он был мягок и рыхл, сочный от вобранной в себя влаги. Но никогда не тонул, лениво переворачиваясь в воде с боку на бок.

Когда снег идёт и крутит сверху - «буран», если метёт только низом - «волокуша» или «сипуха». Снег пылью, как облетевший иней, - «искра», «блёстка». Снег на талую землю, который не лежит, - «снежура».

Одинаково падая на всех, снег как будто объединяет людей - им всем приходится его сметать. Причём, каждый делает эту работу для себя, и всем от того хорошо. Знай, обметай снег у своих дверей, а сосед в это время будет скалывать лед на своей крыше!

Господь Бог снег по нужде всего живого посылает: не только людям, но и домам, животным, деревьям. Для каждого столько, сколько ему надобно. Большому дереву - целую гору, маленькому – с ермолку. С выпадением снега заметно меняется их образ жизни. Форма и размер деревьев могут зависеть от снеговых нагрузок. Возможно, наша новогодняя ель - результат её приспособления к снегу.

Некоторые деревья способны захватить обильные охапки снега. Кажется, они привыкают к нему, и так живут всю зиму. Даже с наступлением тепла - им, вроде бы, недостаёт чего-то, и деревья тоскуют. Они очень сблизились со снегом и полюбили его за то, что он укрывал их долгую зиму от морозов.

Обыкновенные мёрзлые пары, ниспадающие в виде воздушных хлопьев с облаков, уже сами по себе необыкновенны. Они сыплются, падают, придавая при этом разные оттенки настроению и, соответственно, чудесным образом влияют при этом на людей.

Так, пушные хлопья очаровывают и усыпляют.

Снег крупой, пополам с мелкими градинками - наотмашь сечёт лицо, и ты вскоре начинаешь казаться себе совершенно пустым и бездушным.

Снег мокрый, с дождём лепит глаза и лоб стылой безысходностью; с туманом и моросью - пробуждает в душе слабую надежду; с сильным ветром - как будто заносит её.

Снег с вихрем, охлаждая горячую голову, неожиданно выдувает в ней единственно верное решение.

Снег, что заметает низом, вызывает необъяснимую досаду, зато снег пылью, как облетевший иней, словно услаждает успокоенное сердце колкими и радостными блёстками.

Ослепительная пороша очищает душу, весело и ненавязчиво подсказывая вероятность долгой будущей жизни.

Рыхлые и глубокие сугробы бессовестно отнимают ещё не укрепившиеся в сердце желания.

Обледеневший сверху тонкою корочкой снег, чуть надломившись, обещает нечто чудесное и несбыточное.

Плотно слежавшийся и надёжный наст укрепляет веру в бесконечность лесной дороги, осенённой чьей-то непрекращающейся благосклонностью...

Такой бодрящей благодарностью, оказывается, пронизано всё существо нарождающегося однажды снега, каким бы он ни приходил на обременённую заботами землю. Уставшая за осень, земля всегда терпеливо ждёт его, а укрытая им - умиротворённо засыпает. И тогда начинается удивительное царство белого цвета, предназначенного утихомирить никогда до конца не затихающую жизнь, давая ей возможность сладостной передышки.

Обитель снегов

Распахивает зимой Русь свою белую душу, будто высказывает что-то важное, без чего не прожить человеку на земле. Охватив всех, выносит к открытому небу, чтобы возжелало сердце в глуби зимы радостного полёта. Каждому это становится понятным и близким: хоть сейчас лети навстречу Господу, и предавайся восторженной песне.

Песне без слов, по имени Россия… Лети и постигай свою необъятную родину с её заснеженными таинственными просторами, волей и убаюкивающими метелями под уютный свет душистой берестяной лампадки у пречистого образа Богородицы, что ведёт тебя к истокам настоящей жизни, и ты готов испить до дна весь аромат своей загадочной и дорогой страны.

Великая песня снегов плывёт над огромной Россией, зовёт за собой вдаль и печалит, воет злым зверьём и за что-то корит. Единым жребием ты связан со своею белой родиной, словно отчего-то овдовевшей зимою. Такою чудится она, придавленная снегом, под бременем мятежных дум обуреваемого свободой народа… Нет прекраснее его, в глубокой синеве глаз которого отражены белоснежные вольные птицы, готовые всегда взлететь и не упасть, свободно наслаждаясь премудростью жизненного полёта.

Белизна, рождённая снегом, опьяняет, от неё идёт кругом голова. Созданная Божьей волей, зима на нём только стоит, им исповедуется и освящает.

Снег мягко изливает из себя свет - он яркий, с играющим ласковым блеском. А ещё он зеркальный и прозрачный, радостный, торжественный и веселый. И, конечно, праздничный. Иногда, кажется, что снег смотрит ясно, всё видит и объемлет, чем-то глубинным завораживает.

Зимнее чудо - снега белого глубь и простор, теряющийся в нескончаемой России, его чистое и святое лицо, будто молча обращённое с иконы. В душу каждого русского западает оно потаённой струйкой, никогда не истрачивается. Великодушно являет снег человеку свой непорочный белый лик, изысканной чистотой умывает его, и так они белы живут. Недаром на Руси всегда говорилось: хорош - значит бел. Доброта между людьми была даже белее снега.

Что и говорить, белый цвет Россию не погубит. Он её целит и красит, и земля, и место святое, и страна им именуется. Белая земля, белая церковь, белая Россия... Даже народ за истинную веру в себя и в своё отечество

называли этим чудодейственным цветом. И свет на Руси тоже белый, по которому можно ходить-бродить в поисках правды.

«Одёжка черна, да совесть бела», - сказывали о самом главном для человека и, наверное, вспоминали при этом о снеге. А из чёрного - белое ни за что не сотворить. Каким бы добрым ты ни хотел стать, далеко тебе до снежной чистоты.

Бел душой - значит, волен, с открытым миру взором. Всё, что есть в целом свете святого, вбираешь ты в неё сполна вместе с волшебной снежной белизной.

Белый зимний день - это Божий день, приветливое любому русскому человеку слово. Дан он ему Богом на вольную волю. Но так этот белый цвет необъятно велик, что правда людская по нему бесконечно ходит.

Будит в людях премудрые струны души и белые крылья, слагает безумные и лёгкие пророчества. Белизна снега слепит только неискушенного истинной жизнью человека, для которого Россия молчаливо белеет непроходимыми сугробами. Глубока белая российская душа!

Полнеба страны глядится в одно её окно, сам же белый терем России сочетает в себе бесчисленное множество перепутий. Вещие мысли не прекращают своего полёта над ними, никакой вороньей стае ими не обедать. Лики святых на иконах вопрошают лазурными глазницами, не угасают.

Не далеко и не близко лежат к этому терему белые дороги... Отстоящие друг от друга во времени и пространстве, они удачно сочетаются у его порога. Там, на самом подступе к заветному чуду, происходит встреча скоромных дней и постных, блаженной мужественной рати и милого девичьего лика. Всякому русскому в его родном доме - белом духовном тереме, неминуемая услада, что сравнима лишь с морошковой свежестью или сотовым медом.

Говорят, что бел снег невкусен... Но незнакома эта песня русскому, хоть однажды застрявшему в глубоких снегах. Не скоро ему представится судьбой выбраться, и жадными глотками выпивает он окружившую его белизну, мягко прикусывает губами выхваченный клок снежной душистой ваты...

Тотчас в виски ударяют хрустальные молоточки, а во рту вспыхивает морозный жар. Сочная снеговая мякоть схватывает всё в груди - и что ни дальше, то лучше. Натопив на костре котелок этой снежной свежести, опростаешь его до дна единым махом и не ощутишь ничего, кроме преданности необъятной белой зиме.

Но не пугает дальностью снегов Россия... Наезженная на всём своём протяжении, она - средство постижения русским человеком дорогого его сердцу смысла жизни, без которого ему никак не быть.

Запала эта зимняя дорога в душу человеку так, что хоть, не переставая, молись Богу! Не запрет ходить по ней всякому, кто на это сподобится. Каждому по-своему дорога она, на ней всегда приветствуют встречного.

Ведёт человека по жизни зимний путь, ровно добрая кобыла, которая дорожку эту давно знает. Кто только по нему не хаживал, да кого он только

за собой не важивал! Оттого и убелён русский человек изрядно, в переживаниях людских не раз осиротевший.

А зима эту дорогу серебром устилает, чтобы пуще она пела. Весело по ней проехаться и привольно, потому как дорога зимой - что скатерть: садись да катись! Лёгким ветерком ласково нашёптывает она на ухо: «Краше меня на всём белом свете никого не отыщешь!» Не зря в народе говорят, что русский человек перед смертью бредит зимой и дорогой.

Снега, что в его душе каждый год выпадают, обильны. Как бескрайний простор России, её свобода и раздолье. Простор духовный, которому в неправедных людях – теснота!

Оттого настоящая обитель снегов - слияние воедино человеческого духа и его родины. В ней простору на все четыре стороны хватает, где люди не волка гоняют, а живут. Русский ум этот необычайный простор любит и благословляет. Гадает про себя: как бы ему ещё так вольно развернуться, чтобы, наконец, одолеть небывалое?!

Осуществить это можно только с чистого снежного поля, широкого раздолья, где отражены чистые небеса и молочные облака, где живёт мудрый покой и седина. Священна родная российская сторона, что полнит душу неоглядным простором, а сердце - необъяснимой грустью о былом. Именно ей отдаёт русский человек предпочтение, когда ему приходится выбирать в своей жизни самое главное.

А зима каждый год наносит в эту жизнь пушистые снега, убаюкивает ими душу и лелеет. Волшебна её чистота и милость, несказанно богатство. Русская зима человеку - то самое поприще, без которого бы он постепенно истаял, обернувшись сирою птицею, что навсегда замерла в полёте.

Иной раз зима словно грозит человеку белым крестом, завывая снежною пургою. Гудит в жилах, будто лесная пчела, навевая сон густой, непробудный. Дух тогда замирает от этой лютой метели, что стелет в сердце человека пока неведомую для него самого дорогу.

Дорога эта идёт через глубокие снега, едва позвякивая колокольчиком, поёт свою дремотную мелодию и убаюкивает. Ни звезд, ни месяца на небе, ни согревающего душу каждого путника огонька. Лишь белые зрачки зимы вглядываются в тебя непрестанно и пугают.

Ты продираешься сквозь снежный ветер, зная: за этой нескончаемой стылой стеной - свобода и священный труд, что умножит твоё знание, даст силу, убережёт от сглаза и печали. Ещё почувствуешь в этом противоборстве соединение со стихией, счастье, которое не променять ни на какие ценности.

Потом откроется тебе твоё предназначение, великий смысл всего живого. Тогда только изменишься лицом и взглядом, помолодеешь телом, воспылаешь духом. Запавшие от усталости глаза приободрятся ясным блеском, снежной чистотой, и ты сподобишься, наконец, на подвиг, к которому идти - такая тягостная сладость!

Великие снега России преодолеваешь ты с котомкой своих неистраченных чувств и дум. Их белым вином пьян, снежный же ангел неотступно витает за твоей спиной.

Без конца и без края длится сказка этой снежной жизни, через долгую зиму ноет родимая вьюга. Словно к сосцам материнским припадет к ней человек. А и было бы куда бежать от этой самоедской стужи - не побежал бы!

Всю белую песню снегов, каплю за каплей, с лихвою бы выпил, не застудившись и не расплескав ни капли, свою нагаданную дорогу осилил бы и с зимой не смирился. И ещё бы посулил кому-либо зимы не бояться, к снегам душой обратившись. Чтоб стало человеку в жизни не угарно, а уютно и свободно.

Русский снег - что сад непроходимый, но сладостны в нём еле ощутимые, тихие песнопения. Всё русское здесь, как и падающий без конца снег, незамысловато напевает свои нескончаемые сказки. Тянутся они сквозь далёкие синие вечера, рассыпая в душах людей неизгладимый животворный бисер. Не жить русскому человеку без снега, стылой поступью прокрадывающегося в душу.

Нерукотворен снег России, любовно овевающий её столетиями. Идёт неспешно по горам и долам, одушевляет жизнь. И вдруг как прыснет оледенелыми губами: «Святая Русь, я за тебя в твоих грехах молюсь и каюсь!»

Порой снег бормочет про себя то, что ему на ум придёт, но отчего-то всегда уютное, родное. Оно, наверное, дано от Бога, и потому - святое, которым снег готов поделиться с каждым. Слова его полны мудрого знания, присущего самой зиме.

Но почти мёртвенным бывает снег в самую глухую её пору, гулко окликая человека матушкой-совой. Грызть начинает сердце с конца января, а завершает только в марте. Поджарым волком рыщет всё голодное зазимье и, не насытившись, съедает своею горькою тоской.

Вой метели тогда изливается печально, порой страшно, подобно скованному временем шамканью старухи. Или - как безродный лай, лишь отдалённо напоминающий сорочье стрекотанье. Страданием обдаёт от него, что душу человеку неимоверно бередит, но и такое гибельное время зимы человеку не во вред, если он и снегу, и России верен.

Неспроста русская душа постоянно находится в снежном ознобе: для помощи себе и оставшимся в неведении людским братьям, не ведающим Бога. Сколько их в России не понимают зиму! Снегов ее необъятных, манящей хвойной чащи и беспредельного простора. Не понимают саму страну, что существует для того, чтобы возрождать в душах правду.

Нет им счёта, ладившим не храм, а богадельню. Чадящим, не живущим, что свои душевные заботы спихивают ближним. Слышатся средь них лишь всхлипы, дрожь да ругань. Белизна сугробов залита кровью, над такими снегами носятся разбойные ветры.

Но сильна Россия на снега спасающие, ничто в них, кажется, не потревожено. Скоро припорошит зима таким снегом все напасти с горестями, и вновь засияет её белое неистраченное пространство, которое отзовётся в сердце досужего человека доброй заботою. А тот опять примется прикидывать эту белую возможность, предоставленную ему снегом, для того, чтобы зажить как исконно русский человек, праведно, чтобы духом сказочным запахло.

Снегу дивному все чудеса доступны… Словно исподволь осеняет он своим беленьким молочком, да таким живительным, сладким. Живёшь на снежном свете зимы и не нарадуешься ему: он – необычайный мир в своей чудесной белизне. Перед ним только преклонить колена и крепко молиться, выпрашивая у зимы благословенья.

Видно, снег на свет волшебством дорогим уродился. Чистая у него порода, без примеси. Весь во плоти белый, цельный, он ровно Христос снизошедший: чиста его душа, дружелюбны помыслы.

От чистоты снега и на душе опрятность, когда с радостью готов служить и людям, и зиме, и Богу. На что только не надоумит единение со снежной белизной, охватившей всю Россию!

По-настоящему благостная весть этот снег: утеха - взрослым, а малышам - наслаждение. Нет лучше веселья, чем кататься по нему, кувыркаться и, обессилев, позабыться потом дома в сладком сне. Старикам же приятно любоваться в нём самими собой, своей ладно прожитой жизнью в каком-то необыкновенном русском времени. Что за чудо этот снег, за которым все горести забывались, и жизнь текла в честь да радость! Именно снежная радость слагала мудрый зимний век.

Ради снега, ради русской зимы хотелось вечно жить. Не просить Христа ради, а ради Христа умолять жить и других. И подавать, чтобы не оскудела рука никогда, не пропадало радушие к окружающему тебя миру.

Божий храм зимы собирал в себе людские радения и щедро раздавал их всем нуждающимся. Была присуща ему святость, истинность русской веры. Предметом высокого почитания и поклонения служил он людям. Священные снега словно освящали их лица, обожествляли души. В самой зиме просыпалось что-то возвышенное и умиротворённое.

Понимающие зиму люди всегда исповедовали в народе добрую волю, её крепость и глубину, схожие с подвижничеством. Может быть, им было присуще и блаженное скитальчество, свободное от юродства. Содеянное зимой благо оказывалось невероятно близким любому русскому человеку, и милостиво им принималось.

Каждый русский носил в своем сердце Бога, и всякий не мог обойтись без зимнего света. Не всегда являясь праведником, он чествовал его в себе, как только мог. Завет зимы гласил держаться крепче этой святыни, и он не упускал её из виду. Даже, когда не знал, какому святому молиться.

Но не всякому, говорят, со святыми сидеть, лишь бы жизнь под образом не прекращалась. Самое дорогое, связанное с истиною и благом, таилось где-

то в глубине зимних месяцев, под снегом. Человек порой и не знал, как его взять, зато свято верил, что оно нерушимо.

Свет и боль давала зима, необъятный воздух и великую тишину, что слагали российское белое пространство. Святить его требовалось всем воедино, во имя всеобщей совести и благодати. Служба зиме отпевалась долго, во всю её широту и бескрайность, как будто не было у человека более важной заботы.

Свет зимы, изливаемый повсюду снегом, открывал людям способ по-новому видеть. Иные принимали его за пустое излучение природы. Для тех же, кто впитывал свечение снегов сердцем, значило заново родиться.

Когда же человек был склонен смотреть с завистью на то, что не принадлежало ему, свет зимы в очах его надолго потухал, уступая место томительной боли. А белизна снегов только усиливала её. Словно бы человеку предстояло поплатиться за свою ограниченность, переболев тем, чего он ни в какую не желал замечать. Белый свет зимы обнимал сердце такого человека морозным крошевом до весны.

Подумаешь тут, как чудно создан Богом белый свет! Зима и провидение идут в нём бок о бок. Священна его тишина, блажен воздух. Сколько ты его ни пей - всё будет мало.

Но не нами чудный свет зимы начался, не нами и кончится. Да и не захватить его всего человеку. Ему бы только жить в нём время от времени, и уповать на добрую судьбу. Ведь зима никогда не встанет перед Богом на колени, а встанет человеческая душа, осознающая себя в этом прекрасном божественном мире.

Душевная боль, испытываемая при этом, не недуг. Она человека как раз и поддерживает в жизни, к чему-то важному в ней приучает. Боль эта очень привязчива, она в человеке его досадливую тревогу ищет и страдание облагораживает. Боль может стоять в глазах белой тоской целый год, а скажется только в зиму, зима же её и излечит.

По чувству своему душевная боль бывает и острой, и гнетущей, и тупой. Может быть ещё палящей и ноющей - в зависимости от чистоты переживаемого горя. Не тот, говорят, болен, кто лежит, а тот, кто у изголовья боли сидит и, значит, в жизнь, несмотря ни на что, вмешивается… Такому и до Руси, и до её снегов бескрайних есть дело.

Чувство постоянно испытываемого переживания за доброе дело, наверное, присуще большинству русских. Наиболее ощутимо оно в глухое первозимье, когда в природе, так же, как и в человеческой душе, наступает временное наваждение. Душа уже пережила самые невероятные потрясения, и теперь желает тишины и покоя: их ей может принести только зима.

Зима утихомирит одержимого скорбью человека, ласково укачает его тоску. Рад тогда любой больной её приходу, зима ему мила. Не вспоминает он с её приходом, как больно было падать, потому, что встал здоровым. Снега, морозы и ветра помогли ему в этом, и с благодарностью к ним он забылся в сладком зимнем сне, чтобы через какое-то время опять загореться

и болеть из-за несправедливости странных русских дел. Нерадивому же человеку - и в зиму не живётся в ладу с собою.

Жалкому да несчастному милости никогда не сотворить, и с Господом Богом не говорить, зима ему только помеха. Свою болячку он чужим здоровьем лечит - нет, чтобы снега к вискам приложить. Не ведает он, что мудрая тишина зимы любого привечает, лишь молчаливо откройся ей.

Тогда зима непременно прокрадётся в твой дом, ответит на душевные страдания смиренным вздохом: добро её не лихо, среди людей ему бродить пристало тихо, незаметно. Укромней только тени сумеречных елей, или - как поступь волчьей стаи в глухой ночи. Потише - к истине поближе, вот в чём правда русской зимы.

А воздух снежный? До дурноты томительно его безбрежное пространство, неприметно западающее в душу. В нём хочется парить, мечтать и впитывать его неустанно, чтобы раствориться и вновь воскреснуть. Хочется жить этим воздухом долго, не пренебрегая дорогими сердцу снегами.

Они – как море, что вздымаются и тают в поднебесной морозной дымке. Дышать велят свободно и спокойно, привнося в окружающее пространство радостную жизнь. Хвалить их надлежит, не уставая, платя всему миру добром. Не перевестись ему тогда в России, где столько снега, его белой спасительной воли.

Добро, рождённое в душе снегами, величаво. С ним так уютно жить, что хочется поклоны бить зиме и так же величать её добрым словом. Всякое добро бы лилось, как снежный свет, век горя человеку не видеть!

Крылья человеческой души тоже посреди снегов российских возникают, и пропасть выпавшего снега кажется непостигаемой. Это - неисчерпаемая бездна, глубже которой только человеческое сердце. В нём хранятся исконные мечты и желания человека, что образуют недостающее ему глубокомыслие.

Окрыляя людей, зима на Руси так их особую породу порождает - небывалого достоинства и веры. Богу это ведомо, и Он людей непрестанно проверяет: то ли они о жизни своей знают, видят ли далее собственного носа? Живи по-людски, говорят на Руси, значит, живи возвышенно.

Только такой народ может жить на земле, которая ему - Матерь Божья. И рай для него здесь, и родной край, и открытые небеса, и общее для всех сердце. Вместе с зимой, снегами и неизбывной печалью русский человек незаметно созидает свою судьбу, и ни о чём другом не помышляет.

Радостно ему каждый день земные создания наблюдать, ощущать свою свободную волю и одаривать других людей весельем и добрым нравом. Нравится человеку язык, на котором он со всеми разговаривает, и речь, присущая только исконному россиянину. Ещё он - плотский и живой, и любит холод так же, как жару. Дух его бодр, с зимою лютою в ладу!

По вере своей русский человек живёт в добре и истине, цель его – не пугающая и радостная вечность, закон - совесть. В искушении побеждает он

себя, и родная заснеженная земля одаривает его благодатью. Через неё постигает он свою любовь, духовным чутьем угадывая тонкие перемены в природе: и весеннее откровение, и радость летних побед, и озарения осени.

Только зимой, освящённой божественными снегами, человек достигает праведной жизни. Блажен он в эту пору, что уготавливает его душе необходимое отдохновение. Но даже не каждый русский распознает помощь зимы, потому как сокровенная тайна в ней не от человека, а от Бога.

Поклоняясь Богу, народ и зиме своё признание выказывает, сохраняя милосердие в самые жестокие снежные бури. Всё равно, как любовь к ближнему человеку, сочувствие к незнакомым тебе людям. Заметёт зима всё кругом так, что ни пройти, ни проехать, замутит свет белый, а человек прикидывает: никак не обойтись белому свету без этого снежного богатства, за которое земля потом только спасибо скажет.

Земле на себе целый год жизнь держать придётся, и снега, всё заметающие, ей только в помощь: с ними она успокаивается. Чувствует человек, как земля под белым покрывалом зимы отдыхает, соку живительного в себе набирается: молчит и впитывает мудрость зимы, которую та ей великодушно дарит.

Кто из них мать - сразу не разберёшь. Одна во всю силушку верховодит, другая замерла, но обе оказывают влияние на человека. Земля, говорят, мать, подарит клад, а зима от семи бед спасает. Да что про то переживать русскому человеку, которого они всё равно не обманут.

Сулят человеку снега земные рай небесный, если, конечно, он эти снега почитает да живёт по сердцу. Вся Россия тогда для него - великий дар, Господнее приношение, и нелёгкими бывают ей поклоны по пояс в снегу.

Да только кому-то в этот рай белоснежный и с большой милостыней не войти. Потолок зимы, ледяным сводом в небеса упёршийся, не пускает. Не всякому, видно, в высоких палатах бывать суждено, прежде надо с земным теплом разобраться. А оно, как известно, из сердца зимы проистекает.

Небеса в середине зимы, как и снега, глубоки и неохватны. Они несут в себе какую-то неслышную музыку - по-зимнему особенную, умиротворяющую. Торжественно её звучание и в вышине, и на земле, мерно окутывает она душу человека. Одновременно и успокаивает, и возносит, переселяя своей белой тишиной в блаженную вечность.

Зимнее небо, как ни в какое другое время года, открыто, и ему удобно молиться. Именно зимою почему-то с ним хочется поделиться сокровенным и попросить для себя и родных того, что никак не сбывалось. Кажется, что зимним небом любое горе будет покрыто, а счастье - огорожено.

Заблудшему же в себе человеку небо зимою - как в тумане, а земля - в обмане. Пусто и безрадостно такому человеку живётся, а зима ему на голову сваливается. Не ведает он в ней истинной жизни, где сверху - безмолвное небо, снизу - замершая земля, с боков ничего нет: вот, оно и продувает!

Без вольного чистого снега сердце человека скудеет, воля иссыхает, да и судьба не выносит. Не сулит тогда зима царства небесного и истинной

обители красоты. А ведь русский человек, говорят, небесный по своему роду, снежный же - по сути.

Его родной край - это больше снега, нежели цветочное раздолье. Обилие и неудержимость сочных трав, буйство красок осени и лета не так подходят русскому для жизни, как студёная зима. Больше он подгадывает для себя снежный рай, который для него света белого край. Дар чистой божественной новизны, обретаемой человеком во имя знания и веры.

К концу зимы снежный воздух размечен уже свершившимися в ней событиями. Везде присутствуют голоса и радостные звуки, как бы подтверждая, что огромное белое пространство живо. Всё это - несравненная и величественная Россия.

Ничего подобного не чувствовалось в глубине зимы, может быть, только в самом конце января, когда в природе почему-то происходит первый, еле уловимый перелом к весне. Как незаметно преодолевает зима свои мятежные долгие сны!

В сумасбродных метелях и упрямых морозах, мученически утопая в гибельных снегах, ей, на самом деле, хорошо и сладко быть в самой себе. Обладая неповторимым даром внушения, довольная ненавязчивым смыслом своего мудрого существования, зима незаметно устанавливает в душах людей непреклонную веру в божественность жизни.

С зимой нельзя никак разговаривать, тем более, её невозможно постигнуть, но можно быть околдованным непревзойденной зимней тайной, преодолевая в ней бесконечные вечера сомнений, раскаяния и восхищения. Отблеск горящих в печке поленьев всегда отрезвляет, успокаивает, но жар на лице и руках, каким бы это ни казалось странным, возвращает в мыслях к оставленным на ночь бескрайним снегам, простирающимся за тёмными окнами. И тогда, неведомо почему, тебе начинает недоставать этого белого царства, и ты понимаешь, как нуждаешься в чём-то очень важном, исходящем, несомненно, только от снега и родимой матушки- зимы.

А не хватает твоей душе множества замечательных зимних подробностей: воя волков по ночам, безудержного завывания метели, сладко растекающегося по всему телу жара от натопленной русской печи. И ещё - зимнего мрака, порой с отчаянием преодолеваемого в душе, холодного свечения звёзд и неземной тишины, когда лишь снег один шуршит по всей необъятной России, что залегла в сугробах до весны.

Там, за окном твоего деревенского дома, без громких слов живёт заснеженная страна, почти всегда невидимая, но сильно ощущаемая тобой. Она, кажется, проста и доступна, и оттого серьёзно о ней никогда не думается, а лишь временами представляется что-то дремучее, недостижимое и великое, раскинувшееся в необозримых далях, и оно несёт тебя под белыми облаками за нескончаемый горизонт.

Ни зверский мороз, ни лютые метели тому не помеха. Всё это существующее, неведомо где, заснеженное пространство выглядит временами совершенно диким, замкнувшимся в себе, и его, кажется, невозможно постичь, но оно не разобщено. Оно необыкновенно цельно: кажется, так много лежит под его снеговою толщей, под этим вкрадчивым молчанием.

Глубокую тайну несут в себе снега, сознание всецело преображается от одного прикосновения к ним, и не покидает впечатление, будто Бог знал, в какую ужасающую и сладкую даль может завести следование этой непроторённой дорогой, и не зря проложил её для русского человека.

Бесконечны снега России в своём всеохватывающем белом пространстве. Снега собою всё объемлют и охраняют, подобно Богу! Россия - их неусыпная обитель.

Денно и нощно, словно в монастыре с непрерывною службой и молитвами, проповедует обитель снегов людям свою правду. Не ослушаешься её, не оставишь без внимания. Это - твоё жилище и кров, надежда на грядущее спасение.

Россия с зимой бредут по земле рука об руку: две сестры и подруги, рвущиеся, каждая по-своему, в небо. Но не могут они всё-таки друг без друга, и потому больше ладят. Судьбой им суждено лететь вместе.

Щедра Россия на снега для человека, необузданно сыплет ими всю зиму. Метель порой так звенит заслонкою, мучается, окаянная, бессонницей, что не видать в ней, кажется, никакого милосердия. Силится она, наверное, злость людскую вывести и назначить человеку покаяние, которое бы он заслужил в этих отчаянных зимних бдениях. Нет для него лучшего исцеления, чем с верою отдаться чистым снегам, но при этом не затеряться в них и не погаснуть душой.

Века укутывает человека своей пушистой белой шалью Россия, приобщая его к Богу. И потому снег русскому человеку - это его судьба, безвозмездный подарок Всевышнего за терпеливое радение. Нескончаемо может тянуться оно без зимы, неисповедимы тогда пути Господнего радушия. Только зима человека бережёт и душу спасает: как она снег на сердце положит, так и будет.

Первый снег

Ночью на лес бесшумными хлопьями повалил снег. Зима пришла точно в те же числа, что и в прошлом году, только более уверенно, без надоедливых оттепелей и слякоти. Весь октябрь простоял тихим, сухим, и снег лег на чуть подмерзшую землю как раз вовремя.

Все, в особенности охотники, ждали первого снега с нетерпением. Они на разные лады пересказывали в своих нескончаемых спорах его качества, и древняя как мир страсть к охоте почему-то приобретала особое значение и интерес. Первый снег, по их понятию, представлял не что иное, как

замечательное откровение природы, когда она беспрепятственно обнажает свои самые сокровенные тайны.

Пропустить первый снег для охотника представлялось просто невозможным, подобная мысль даже не допускалась. К первому снегу начинали готовиться загодя, тщательно перепроверяя охотничью амуницию и неоднократно прокручивая в памяти картины, которые снег когда-то щедро подарил. Первый снег олицетворял собой надежду на долгожданную удачу именно в этом сезоне, и снежная чистота проясняла для человека не только отношения лесных обитателей, но и его собственную жизнь.

Первый снег — это удивительное и почти непередаваемое ощущение новизны. Ты как будто рождаешься заново, подойдя поутру к окну и неожиданно обнаружив за ним радостную перемену. Первый снег содержит в себе такой проникновенный свет, что, кажется, не знает преград, хотя и быстро истаивает, уже к вечеру совершенно себя теряя.

А с утра он первенствует во всем, наполняя души людей восторгом сопереживания с его чудесным появлением. Первый снег — это восхитительное открытие, которое замечательно тем, что его не ждешь, но оно рано или поздно приходит.

Хорошо встретить первый снег в деревне, где он наиболее естествен. Воздух там бывает проникнут им по-особенному широко и раздольно. С первым снегом в деревне воцаряется тот покой, что возможен лишь рядом с лесом. Чтобы неподалеку начинались темные остроконечные ели, восторженно замершие под его кисейной пелериной, покосившийся забор только бы ожил от чуткого снежного прикосновения, как-то необыкновенно и красиво обрисовался, а и без того насыщенная деревенская тишина наполнилась ещё большим радостным смыслом.

Первый снег, всегда, кстати, он никогда не случаен, и если что-то способно излечить душу после нескончаемой осенней непогодицы, так это именно первый снег. Поначалу он просто повергает своей нетронутой белизной, и ты понимаешь, что чище его ничего на свете не существует. Первый снег — это и первая, еще не окрепшая надежда, что всё опять наладится, и первый народный праздник, с приходом которого кажется, что в жизни появляется нечто новое, чего раньше не было, и первое чувство уверенности в том, что ты всё делаешь правильно. Первый снег ненавязчиво помогает разобраться в самом себе, вмиг окрыляет и в то же время успокаивает.

Снег, открывая собой самое неповторимое время года, тихо и величественно падал всю ночь и весь день, так что к утру следующего дня ноги утопали в нём уже по самое колено. Я тоже с нетерпением ждал его, искренне веря в пришедшую чистоту как в истинный и неповторимый небесный дар. И почему-то совсем не приходило в голову, что первый снег может вдруг обернуться настороженным белым молчанием или оторопелой боязнью для тех зверей, чьё появление в эту пору представляется как нечто

неминуемое, когда воцарившаяся в природе чистота неимоверно манит их своей воображаемой доступностью и простотой.

Поднявшись до рассвета, я вышел в притихший лес, пронизанный трепетным лунным светом и спокойной белизной снега. Легкая туманная дымка заволакивала луну, но свет от нее не казался приглушённым. Он лился на замершую землю ровно, проникая в самые потаённые лесные уголки.

А потом манящая снежная чистота потихоньку и меня завела в глухую утробу леса, где течёт скрытая от человеческого глаза жизнь, и я сразу почувствовал неприступный холодок, чуть ощутимо повеявший оттуда. Чётко и ясно вдруг открылось, что первый снег может быть отрешённым от всего происходящего, оставаясь в то же время негласным защитником птиц и зверей. Он словно завораживает их, даже, вроде бы, намекает: не ходите пока по мне, не оставляйте своих следов, это обернется для вас непоправимой бедой!

Звери и птицы будто слышат предупреждения первого снега. Кажется, что они неразделимы с ним в своем понимании жизни, и умело пользуются его мудрыми советами, предупредительно подыскивая себе место в самой глуши разлапистого елового леса, отчего несколько дней кряду снежная белизна остается почти нетронутой.

После недавней осени жизнь ещё не приспособилась к первому снегу, и всё вокруг как будто замирает. Лес стоит такой опущенный и онемелый, что от окружающей тишины становится не по себе. Словно птицы перекочевали в неведомые, труднодоступные края, порядком потревоженный зверь совсем исчез, и лес уже больше никогда и ничем не расшевелить. Он будто припорошен равнодушным ко всему снегом, и уснул непробудным тяжелым сном.

Но это, конечно, только невидимая сторона жизни лесных обитателей, что не всегда умеют хранить свою тайну. Тайна эта заключает в себе скрытый смысл их потаённого существования, что постепенно, по мере углубления в лесную чащу, всё же, начинает приоткрываться, и первый снег невольно помогает ему в этом. Не в силах сдерживать свой восторг от воцарившейся в природе новизны, звери и птицы выбегают из своих укрытий, а где снег, там и след!

Следы на снегу

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться: он сплетён из невероятного числа еле ощутимых, но удивительно жизненных построений. Все они слагаются, как ни странно, из снега, то отражающего, то скрывающего их.

Медленно кружась, плавно опускается снег на землю, как будто чему-то радостно улыбаясь. Час от часу он становится гуще, приятно околдовывает, но не утомляет. Наверное, ему хочется достичь в самом себе всеобщего умиротворения, и это у него, несомненно, получается.

Всегда интересно смотреть на тихое падение снега. Небеса будто переполнены сказочным пухом, воздух весь дышит невидимым движением, и слух поражает необыкновенная тишина. И вдруг, с какой-то томительной, но приятной болью, постигаешь, что наступают бесконечно длинные снежные сумерки, способные застить от тебя суть земной жизни. Но ты не боишься ничего, а только сопереживаешь этому умиротворяющему желанию природы.

По-своему снег хорош для всякого времени года. От него избавлено только лето…

Ближе к весне снег превращается в настоящую укатанную дорогу. Эта надёжность пусть кратковременной, но кажущейся бездонной под ногами опоры очень приятна. Уже основательно просев, и гулко ухая в разбуженной лесной глуши, он сладко пугает взбудораженное весной сердце.

Любопытна ещё подвижность снега, какую он порой создаёт в апреле, когда, кажется, плывут над землёй целые поляны вместе с застывшими от счастья берёзками… А как чудесна радость переживания от его нарождающегося повсюду необыкновенного света!

Осенью снег – Божья благодать. С каждым днём укутывая землю пуховым покрывалом, он оберегает её от замерзания, а животных и птиц – от голода. Доступность вкрадчивого проникновения снега в любые уголки леса кажется удивительной.

Весь засыпанный снегом, теперь зимний мир становится удивительной картой скрытой лесной жизни. Зайцу, белой куропатке и горностаю снег даёт ощущение безопасности. Его используют для укрытия необыкновенные лесные птицы - рябчики, тетерева и глухари. Холодный на ощупь, он обогревает их всех, даря укромное тепло, покой и благо.

Для человека же снег - особое знамение, порождающее в душе предощущение чего-то значительного. Всегда невероятно близкий ему, он в то же время остаётся пришельцем из иных далёких времен. Снег приносит с собой мудрую, какую-то нужную правду, и окутывает собой всю русскую землю, оберегая её от одолевающих сомнений.

По мере того как исчезают под снегом земля, кусты и деревья, всё больше появляется следов птиц и животных. Следы оживляют однообразную зимнюю картину и зовут за собой.

Трудно удержаться, чтобы не отправиться в эту пору в лес, разгадывая скрывающуюся за следами тайну. Следы несут в себе много интересного и увлекательного, они открывают человеку то, что он никогда бы не увидел осенью или летом.

С началом зимы всегда чудится, что всё живое исчезло из леса. Заметив же следы, ты приятно удивишься и обрадуешься, словно встретил давно забытое, но такое родное. Оказывается, следы жили в твоей памяти, и ты только ждал случая встретиться с ними. Зима великодушно предоставила его...

Опомнившись, поспешишь разглядеть их пристальнее, всё ещё не веря в реальность существующей поблизости сказки. Какой зверь и куда пробежал, и что он тут делал? С замиранием сердца оглядываешься: может, зверь затаился где-то здесь и вот-вот выскочит из чащи?

Но нет, осталась только снежная память, истаявший запах меха и обаяние зверя. Его нарисовало тебе живое воображение, освежённое зимой. В долгий путь отправилась она, и ты с головой отдался её следам, и ничего тебе стало не страшно.

С каким-то безоглядным восхищением окунаешься ты в эти неизвестно куда уводящие хороводы зимы, превращаясь то в лису, то в волка, то в мохнатого филина. Сказки леса неотвратимо подступают к тебе, влекут и не отпускают. Они западают в твою душу следами невидимых животных.

Первая страница зимы открывается с первой порошей, и автор этой белой книги - природа. Как много в ней записей, и сколько удовольствия доставит она любознательному читателю! Испещряющие снег строчки – это знаки удивительной жизни леса, что непреклонно увлекают за собой, открывая секреты существования его обитателей.

Выпадет снег за ночь, а под утро всё стихает. За окном покойно, светло, уже по-зимнему мягко тикают в доме часы. На противоположной стороне лога ребятишки скатываются на досках, и их восторженные крики вязнут в завороженной тишине. Зато слышно, как перелетают на большой берёзе сороки, осыпая снег с её ветвей.

В снежное морозное утро хорошеют замершие поля, леса, и даже птицы. Всё кажется ухоженным и уютным, так что не хочется ничего делать. Только взирать на то, что происходит в природе, и быть очарованным ей.

Пороша - это ещё одна зимняя благость, когда так хорошо и весело бродить по снегу, разгадывая свежие звериные следы. В порошу свежо и холодно бьётся сердце, и хочется объять весь мир, словно ты идёшь навстречу своей свободе, чтобы творить только радость.

Медленно и незаметно входит в тебя чистейшая снежная тишина, и нет никаких плохих мыслей. Всё дело в пороше, её ровном, ненавязчивом свете. Чуть волнуясь, идёшь и не боишься, что радость исчезнет.

Вся эта чистота белеет так нетронуто, что страшно ступать по ней. Страшно нарушать её невинность. До боли приятно пронизывает она затаившееся в преддверии зимы сердце.

Ты идёшь, думаешь обо всём этом, и ещё о том, как сейчас светло и покойно в лесу. Что набегали там за ночь зайцы и белки, где рыскала лиса и отчего на окраине старой большой поляны изрыт в грязь весь снег. Ведь следы на снегу - это не только примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. Зимой в лесу не пропадёшь из-за множества следов на снегу. Пойдёт снег, говорят, оставишь и след, а снегу нет - и следа нет.

По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя. Заячий - малик, лисий - нарыск, волчий - сакма, медвежий - переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, побежка, а хорошо заметные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям. Торный же след выдры или ондатры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом. Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

Для домашних животных зима начинается с заботы о них человека, с заботы о их сытости и тепле, потому что от этого зависит добро хозяина. Тёмно-синими вечерами скот спокойно дремлет под неторопливые женские разговоры во время их привычной вечерней работы. В уютном тепле замкнутого парного хлева животные чувствуют себя до дурноты безропотными, какими-то очень близкими, родными. В них сосредоточены доморощенность зимней деревни, её сирое обаяние и крепкий быт.

Лесным же обитателям приходится позаботиться о себе самим, и с того, как это делают многие из них, начинается главная сказка русской лесной жизни.

Наступает на лес трескучий холод, земля ещё больше покрывается снегом, и мороз надёжно скрепляет её белые одежды. Незаметно подкрадываются бесноватые силы тьмы, ночи становятся длиннее, а свет короче. Зима залегает всё глуше и глуше.

Замирает повсюду лесная жизнь: для многих птиц и зверей она на неопределенное время отступает, потому что не может быть ещё между ними любви, как у человека. Но не все лесные жители забывают в эту глухую пору о продлении рода и жизни. Зима для них оказывается богатой на труды, что предшествуют приходу весны: это время невидимо зарождающихся для человека лесных свадеб, как это происходит у воронов или клестов, а у медведицы в январе появляются в берлоге медвежата.

Неслышно течёт зима для кого-то из зверей в предвкушении будущего рождения, а для других, что пока и не мечтают о продолжении рода, она холодна и страшна неумолимым инстинктом выживания. В этом заключается её сокровенный смысл: белёсое солнце и горячая кровь, напрягшиеся от мороза звёзды и закипающее в остервенелом беге зимы дыхание... Всем и каждому, в меру отпущенных природой сил.

Так, видно, угодно невидимому лесному богу, круглый год правившему зверьми и стерегущему их. Не боится он, что снег зверям беду накличет, а наоборот, сбережёт и успокоит. Следы же на снегу - утеха тем, кто без сказки жизнь свою не представляет, находя удовольствие в том, чтобы бесконечно распутывать клубок неизгладимых лесных впечатлений.

Переступы

Движения медведя всегда выглядят неторопливыми, даже с виду подавляющими. В этой ленивой поступи лесного исполина сразу угадывается его громоздкость и неповоротливость. Нехотя переваливаясь, медведь как будто тотчас забывает о том, что минуло на его жизненном пути, и ни о чём, кажется, не заботится.

Медведь и не шагает, как лось, и не бредёт, как волк, и не рыщет наподобие того, как это делает лисица с росомахой, а именно размеренно ступает, неприхотливо, но с достоинством неся своё могучее тело. Вернее даже – переступает, потому как косолапый, и так ему удобнее всего переставлять лапы, передвигаясь по лесу. Ступает медведь неуклюже, будто ему берестяные лапти на лапы надели, а он никак не может к ним приноровиться.

Идёт себе неспешно куда-то, словно утопая в своей безмерной звериной мощи. Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обременённый силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник.

Ни с чьим другим следом в лесу отпечатки медвежьих лап спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберёт всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутёвыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотёпа проковылял без всякой цели по лесной дороге, и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему надлежит в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь лучше всего отражена именно в том, как осторожно медведь переставляет лапы, неся в своей неторопливой поступи истинную сокровенность леса и его дремучесть. И тут немудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними, чтобы разглядеть.

Ощутимая потаённость медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу ещё много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная свобода. Истратив за зиму часть запасов, медведь бродит по ещё не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут устрашить такие следы, грозно исчезающие в глубине леса. За каждым вывороченным бурей корнем видится опасность, а тяжёлый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым

недотёпой, что впопыхах улепётывает от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И всё же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег приятно холодит ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Идти сообразно медведю очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма его шагов, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой.

С бьющимся сердцем вглядываешься в неспешно удаляющиеся в снегу провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не увидел ты медведя, но он существует. Шёл прямо вот тут глухой чашей лесной воевода, и в ней же сгинул: как будто его и не было. А следы остались приятным воспоминанием о величественном звере, в котором так много тёмного и неповоротливого, но очень милого.

Любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает её своим добрым присутствием, привнося и крепость духа, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Надлежит лишь не трогать зверя, восхищаться его силой и остерегаться встреч, осторожно постигая все секреты косолапого. Медведь тогда ответит тебе своим лесным расположением, даже - интересом, и назовёшь его с почтением - Михайло Потапыч.

Сакма

Всё в медведе кажется соизмеримым, и даже при всей его темноте как-то без страха воспринимаешь существование зверя и вероятность столкновения с ним в лесу. Силён, говорят, медведь, да воли нет: она выкована в волке, который хищник по природе, а не по зависти. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не переменяет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, волчья стая глубокую тропу набьёт, но с пути своего не отворотит, если добыча им дорога. Не умеет волк не прожить – и не добыть: только дураки о добыче спорят, а серые разбойники её делят.

Одинокому путнику встреча с волком не сулит ничего хорошего. Ничто несравнимо с неожиданно восставшим в тебе чувством страха, когда ненароком оказываешься в зимнем лесу один на один со зверем, и обмякаешь: нахлынувшее помутнение равносильно приходящему весной теплу… Хорошо, если выскочивший перед тобой зверь напугался ещё больше, и тогда всё случившееся обретает радостный смысл.

Но вокруг залегла зима, и ты понимаешь, как восприимчив теперь волк. Зима торит ему тропку наглую, когда волк берёт внезапностью и силой, сразу замечая, как человек относится к нему. В отличие от собаки, он более выдержан и умен: волк точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Взгляд зверя тотчас холодеет, растворяясь в тебе тоненькой струйкой страха, и отбрасывает к чему-то давно забытому, далёкому и дикому. Когда ты не боялся увидеть чёрного ворона или встретиться в лесу с каким-либо хищником. Ты сам родился им в утробе природы и не верил, что когда-нибудь тебе суждено стать человеком. А кто-то до сих пор воет волком за свою овечью простоту, не зная, что удача нахрап любит.

И, конечно, не дай Бог встретить на своём пути голодный выводок во главе с волчицей и матёрым!

Волков у нас никогда не любили и боялись настолько, что местами волком называть избегали, дабы встречу с ним не накликать. Оттого, наверное, в народе к нему и привилось прозвище – «серый». «Волком» же на Руси прозывали вконец посрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек тот навек был опозорен.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимой волчьей сути, народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь-оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, волк возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю. Неутомимо и несгибаемо преодолевая бескрайние снега, он нёс для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца - волку корысть», - всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью, существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становиться равнодушным к жизни. Собаке - не ступать на волчий след: оглянется, ан тут её и нет! Человеку - не ставить недруга овцою, представляя его самим собою. Не в меру суетливому, да прыткому всегда с лихвой заметят: не суйся в волки, когда хвост тёлкин!

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклёп идёт, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?! Всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, а только волка понесли - сразу разглядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мёртвым, а не живым предпочитал видеть человек волка, не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь.

Но несподручно волку сеном брюхо набивать, так уж он устроен. Боятся же его зимой потому, что он больше голодом её проживает, в отличие от лисы-лакомки. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, что

проливает он под ясным морозным небом?! Вот старики и считали встречу с ним к добру, как если бы то была девица с полными ведрами, жид или медведь.

Твёрдо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечёт их какое-то неясное им самим беспокойство.

Нет в том ненасытности или какой-либо безудержной страсти, а только терпение, достоинство и воля. Так её у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда её девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может, благодаря этой природной правде, спастись.

Не зря в народе поговорка ведётся: у спесивого – волчья шея, то есть – не гнётся. Но волк не глуп, и не надменен, он удивительно гибок. Оттого, наверное, неудержимо манит к себе волчья тропа, и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе - шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но, как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он к лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти, даже если она в лесу рождена: гордо и независимо несёт он своё звериное звание.

Следы у волка, как у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка - прямолинеен, собран.

Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка - большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими интересами о зайцах, белках и глухарях начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же на его след, как-то необыкновенно обомлеешь и глядишь на него с завороженным интересом. Сразу готов всё бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать: ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей - волки прекрасные ходоки. Недаром говорят: волка ноги кормят. Вся жизнь зверей проходит в непрекращающемся движении, и в этом заключён смысл их жизни, приемлемый и для человека. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой глубокую борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми грудными клетками, так волки в своём зверином устремлении свободны.

Ум волка хорошо виден там, где он использует в снежные зимы дороги: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть, отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройтись и по лыжне. Понимает серый

свою прямую выгоду так, что даже страх ему не помеха: ведь уплотнённый снег не только его самого выдерживает, но и зайцами помогает при случае поживиться.

При всей своей скрытности, волк немало интересного на снегу оставляет, если ты, подобно ему, неутомим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег здесь изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает её так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как всё это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном метелями декабре вдруг упрёшься во взбитую стаей тропу, и войдёт она в тебя осиновым колом. Дыхание тотчас перехватит, кровь горячо ударит в виски и сердце томительно замрёт в груди, так что не в силах охватить всего увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синеющим у лога ельничком…

Впереди волчица, за ней - прибылые, а замыкает цепь матёрый зверь. И будто замер он у самой кромки леса и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая позёмка быстро заметает волчий след, будто всё это тебе приснилось.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнёт перед тобой синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдаёшься ему с головой, и обо всём забываешь. Без памяти окунаешься в это пьянящее царство света. Все живое сейчас живет по его законам, а волки оставляют в нём свои следы. Это вытоптанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешённо предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остаётся на снегу. Лес, кажется, расступается от присутствия возбуждённых животных. Снег у кустов окроплён мочевиной волчицы, и желтизна её сливается с солнцем и слепит. Всё увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью: так же страстно и отрешённо.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытаешь незабываемые чувства, и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная несгибаемость ощущается в ней, каким бы волк ни был усталым. И ещё зверь без обиняков даёт понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк - воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу - это его незамерзающая душа. В них зверь бредёт неустрашимо через всю зиму, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как будто забывается в зиме, и она его не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Постоянно гонимый людьми, волк по натуре своей всё же не является исключительно злобным хищником. «Двуногий волк опаснее четвероногого, - не без оснований замечают в народе.— А иной раз и то бывает, что овца

волка съедает». Вот и сказочный волк говорит человечьим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями: быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу. Да только в сказке волку праздник!

Видно, вовек не отыскать ему в лесу своей правды, а у человека тем более! Вынужден волк любить за то темноту зимнюю да долгую: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воет он от голода и холода на бледноликую луну, так что в жуть людей бросает. И только Богом бережёный при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Оконца

Трудно увидеть зимой лося. В густой еловой тени, на фоне тёмных стволов деревьев, звери стоят такие же тёмные и неприметные. Стоят неподвижно, чуть шевеля ушами и мягкими губами.

Скупое зимнее солнце с трудом проникает в этот хвойный мрак, и лоси почти невидимы. Нужны намётанный глаз и хорошее знание леса, чтобы сразу различить этих крупных животных. Только лёгкие облачка прозрачного пара выдают зверей.

Любят лоси зимой держаться в потаённых ложках, у какой-нибудь неприметной лесной реки. Очутившись после нетронутой белизны полей в этом укромном царстве, зачарованно разглядываешь глубоко темнеющие в снегу наброды, горки шоколадного помёта, чуть подтаявшие и гладкие лежевины. Где-то здесь, рядом, слагается неторопливая звериная жизнь, и лоси представляются совершенно безобидными. В глубине зимы пыл их осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою.

В сильный мороз бывает, будто от старых берёз и елей стоит стон, и тогда лоси вздрагивают и настораживаются. Но никто их здесь не беспокоит, и они быстро успокаиваются. Получается это у них очень занятно, может быть, чуточку угрюмо, и звери опять размеренно поводят своими вытянутыми мордами, как будто недоумевая: чем ещё может удивить их зимний лес?

Не всегда удаётся встретить зверей в нём, и ты часто просто представляешь силуэты двух лосей, неторопливо удаляющихся по заснеженному взгорью твоего лесного прошлого. Лоси то останавливаются и настороженно поворачивают головы к тебе, то, вздрагивая шкурой и неловко мотнув мощно вылепленными рогами, медленно растворяются в чёрном лесу, а потом опять появляются и замирают. Нахождение этих величественных зверей в заснеженном лесу представляется каким-то волшебством, присущим только зимней поре.

Оконца их следов в подмороженном с утра снегу слегка голубеют и тоже завораживают своей глубиной. Тотчас представляются сухие, как палки, ноги лосей, очень стройные и крепкие, с массивными копытами, чуть

вытянутыми в отличие от тех, что мы встречаем у лошадей. Хочется даже дотронуться до их глянцевой прохладной поверхности, и ощутить необоримую звериную силу.

Близость зверей, их совсем не кажущаяся доступность очень приятны. Чувствуешь, как и лосям приятно переживать всё то, что происходит с ними в эту непростую пору, которая и обыденна, и чудесна, включая все их нехитрые лесные заботы. Длинные ноги с узловатыми коленками, голенасто перемахивающие через синие сугробы, представляются почему-то чаще всего. Но сейчас лоси покойны: глубокие снега не позволяют им совершать значительные перемещения, и они стоят или лежат неподвижно в глубине лесной чащи.

Несмотря на то, что из всех лесных жителей лоси - самые крупные животные, они, в тоже время, самые милые существа. Это понимаешь именно зимой. Следы их тянутся без разбору от одного деревца к другому, и только ободранная кора свидетельствует о зверином желании. Оно неизменно: лишь бы не переводилась сочная осинка да прочая молодая поросль. Лосю она - за милое дело!

Лось, вообще, во всех отношениях замечательное животное. Какой-то по-своему восприимчивый и тихий, он ничем особенным в лесу не выделяется. Живет себе мирно, ни о чём не тужит, но и радости никакой не выявляет. О чём лосю тужить, коли есть чем жить, а лосю живётся привольно среди сосенок и осин, в закрытой от ветров лесной низине, где по дну струится незамерзающий ручей. Мерно и умиротворённо протекают его лесные годы, особенно – зимой.

В синих снежных сумерках увидишь однажды понурые тени застывших у опушки леса зверей, и отчего-то умилишься. Ровно встретил старых, давно утерянных добрых знакомых, что, кажутся такими же молодыми, и ничуть не изменились. Радость случившегося откровения просто обуревает тебя, привнося в твою жизнь приподнятое настроение, и всё – благодаря милым лосям.

А звери по-прежнему стоят, молчаливо поглядывая в твою сторону, и только мягкие губы выдают напряжение. Губы изредка вздрагивают, словно звери не знают: бежать им или оставаться на месте. Забавны эти их нерешительность и простодушие!

Бывает, следы зверя говорят о нём больше, чем он сам. О его незатейливой жизни или же чрезмерной свободе. Порой они негодуют, кричат, просят пощады и милосердия. Следы взывают, скорей всего, к человеку, к его горькому опыту и воле. Но не внимает человек безмолвному призыву зверей, а в азарте охоты бросается по их следам за ними в погоню.

Такая горькая участь уготована лосю поздней осенью, когда устанавливается снежный покров. И всё из-за того, что лось оставляет кровавые следы, по которым его несложно отыскать. С первым выпавшим снегом для лося наступает пора отчуждения: нет ему в лесу покоя. Собственные следы оказывают зверю медвежью услугу.

«Сочат» охотники сохатого по крови, оставшейся на снегу, безжалостно добирают, не думая, каково зверю уходить от такой напасти. Как несуразно для него это преследование, когда за ним пластаются, скрадывают, мытарят. Огромный и сильный зверь в агонии теряет голову, беснуется и, в конце концов, затихает. Не стоять ему больше мирно на вырубке, не подпирать собой потаённый лесной пейзаж, не обдирать чуткими губами сочную осиновую кору. Свои следы привели лося к этой обрушившейся на него кончине, и окропил он снег остатками былой красоты и силы.

Всё это налагает на лося тяжелые думы, и с ними бродит он по заснеженному лесу. Угрюмой безысходностью веет тогда от его следов, какой-то удручённостью и горем. Будто неприкаянна его судьба в лесу, им самим непостижимая.

Тянутся лосиные поволоки, как бесконечная строка в истории леса, обескураживают и почему-то не манят, даже когда лось просто бредёт по заснеженной вырубке. Бросив на них взгляд, с удовлетворением почувствуешь себя человеком, а не зверем, но непонятная тяжесть остаётся. Долго потом несёшь ее в себе, пока она постепенно не истает.

В следующий раз лосиный след уже встречаешь без интереса, даже - с неохотой, и всё же постепенно к нему привыкаешь, начинаешь опять вглядываться, изучая: куда лось шёл и зачем, какого он возраста, самец или корова? В лесу всё кажется значительным, каким-то особым.

Иногда след лося в глубоком снегу вводит тебя в необъяснимое оцепенение. Как лось, бредёшь ты по нему, утопая в зиме, ничего, кроме него, не замечая. Белый снег, белая пустота обтекают твою душу, и она начинает казаться тебе неживой, навечно уснувшей. Столкнувшись же с каким-либо ярким проявлением жизни – тетерева стремительно выпорхнули прямо перед тобой из-под снега, ты оживаешь, и заснеженный лес вновь обретает своё лицо.

Ты приободряешься и уже пытаешься взглянуть на лес глазами лося - печальными, большими. И тогда нечто загадочное начинает снедать тебя, и ты забываешься в белом безмолвии, воображая, как непостижимо и бездонно лосиное существование. Оно, должно быть, такое нелёгкое, безысходное, тупое...

Вокруг молчаливо стоит лес, и как будто ждёт от тебя чего-то. Словно не понимает, что ты не его житель: ни лось, ни медведь, ни выдра. А может, он принимает тебя за зверя, только что обрётшего свободу, и заботливо склоняет над тобой свои дремучие мысли. Ты же не знаешь: хочется ли тебе быть лосем или следует оставаться человеком?

Так, благодаря глубокому лосиному следу, оставленному зверем в муках, ты как будто заглядываешь через него в распахнутое им природное оконце, и постигаешь что-то неизмеримо большее, нежели лосиная жизнь. Может быть, это синие сумерки, что втекают в тебя холодным зимним цветком, а может, ты сам, как лось, начинаешь плыть в белом воздухе, переживая уже не боящимся сердцем всю эту занемелую зимнюю стужу. Её

открывающийся безудержный простор вмиг охватывает тебя, и, к твоему небывалому удивлению, согревает.

Спасибо «оконцам», голубеющим проёмам в снегу, оставленным неторопливо бредущим по лесу лосем человеку. Они неизвестно зачем зовут за собой, будто открывая возможность заглянуть в ещё одну тайну природы, и, быть может, увидеть то, чего ты ещё не изведал.

Это укромное «оконце» в природу не сразу и приметишь: оно, вроде бы, маленькое, и всего свету в него, конечно, не оглянешь. Но если раскрыть ему свою душу, то можно многое увидеть, и если Бог даст, то Он и в это «оконце» подаст, ибо сокровенное всегда рядом, когда ты добр к жизни и неутомим.

Нарыск

Лиса всегда считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, есть ум слепого, а лисичку слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна, и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где волком норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь её нрав - на свою особую стать, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно курятины себе добудет, как ни стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба. Что из этого получится - всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы заметает. Увёртливая даже в чистом поле, лиса всё хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте, поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки называют между собой «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает там, где мягко, в отличие от собаки, которая тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы - спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса быстро примечает, что ненадежно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей.

Бежит Патрикеевна по белой скатерти и прислушивается - не пискнет ли мышь. Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение. Заслышит лиса слабый звук - замрёт, затем подпрыгивает и крепко ударяет передними лапами по снегу. Аккуратная ямка, мгновенно истаявшее в воздухе облачко искрящейся пыли и две капельки крови - всё, что осталось от бедной мышки.

След в гору, похожий на заячий, когда тот идёт на махах, лисица оставляет, поднимаясь наверх галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар - и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордочкой снег роет, хвостом след заметает, только её и видели!

А ещё бывает у лисы такой ход, который не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идет «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой тоже доверять нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого объегорит, и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок, и живёт в нём барыней: хитрее её в округе никого не отыскать.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как будто замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природой, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она - разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её никем непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно роковой женщине, грациозна и неторопливa, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же лесной дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он всё-таки урезонивает своевольного зверя, и как будто ограничивает его вседозволенность. При всей своей разнузданности лиса начинает относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, лисица часто не боится подходить вплотную к деревне. Совсем близко подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах, разбирая её следы: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и сноровке!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей несладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесом густых еловых лап снег оказывается не такой глубокий. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять укрытию.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след.

Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом. Хвост её от простуды предохраняет, через него она вдыхает уже отогревшийся сквозь мех воздух.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись, изредка поглядывая, да подслушивая. Кому-то такие простые днёвки, на открытом месте, покажутся простыми и неприхотливыми. Но не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку в глубокой норе, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, которая составляет лучшее, что она имеет.

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как бы спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным, по мере сил, перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется поближе к деревне, где есть поля и дороги, и какое-то пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, потому как хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, которую обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и неравнодушное отношение к собственной жизни и лесу.

Так однажды ночью придёт лиса и к твоему лесному дому, неторопливо обойдёт его и сядет. Затем, наверное, долго смотрит в оттаявшие стёкла маленького окна, как будто чего-то ожидая. Избушка спит, но всё в ней уже разбужено: ты чувствуешь присутствие зверя, и это не даёт тебе покоя.

Глаза лисы посверкивают в темноте холодным блеском. Чуть-чуть посвистывает позёмка, шерсть изредка вздрагивает на загривке, и скрип плохо закреплённой ставни выводит зверя из его застывшей настороженности. Лиса так же тихо, как и появилась, исчезает, а снег глухо заметает следы, будто её и не было.

И всё же присутствие зверя остаётся… Вернее, его ночной призрак, который вернул к жизни тихий рассвет, а ещё – занесённые снегом следы лисы. Так приятно было переживание радости от ощущения близости зверя, и в тоже время – лёгкой печали оттого, что зверя этого тебе никогда не достичь и не постигнуть.

Иногда следы на снегу оживляют в памяти давно забытое, связанное с лисой… Как когда-то заколол её дед вилами на конюшне, ты был ещё совсем маленький, и стояла зима. Дедушка караулил лису три дня, а её всё не было. В последнюю ночь он задремал, и она пришла…

Это случилось за два часа до рассвета. Мех остался лежать на соломе рыжими клоками, а потом дедушка с фонарём перетащил лису в дом. Запах снега и морозного воздуха принесли с собой зашедшие соседи, полюбоваться на зверя. Лиса же, казалось, заснула: она была как живая.

О многом может рассказать след, что оставила на снегу лиса - мягкий, нацеленный, не похожий ни на кого. В народе его прозвали «нарыск»: цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается родным домом.

И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшье лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи, а хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Малик

Всю зиму петляет по лесу наш вездесущий заяц. Вдоль лесных дорог разыскивает осинки, что моложе и слаще, днём по балкам да оврагам скрывается, а как сумерки - отправляется к селеньям поближе: не уронил ли кто клок сена, не осталась ли беспризорной яблонька?

Похаживает заинька по ельничкам, погуливает серенький по осинничкам, вроде бы, и горя ему мало. И хоть складывают про него в народе загадку: «По лесу-лесу лисье жаркое в шубейке бежит», - он оттого не унывает. Заячий малик, бодрящий и прыткий, вьётся себе через всю зиму, словно позёмка в полях, и никогда не истаивает. «Малик» - так прозвали охотники след на снегу, оставленный зайцем.

Следы зайца из всех зверей, пожалуй, самые запоминающиеся. Аккуратные, будто капля на каплю похожи заячьи поскоки: всякий их видал и хорошо знает. В них проглядывает скорее уверенная осмотрительность косого, нежели издавна приписываемая ему трусость, которая, впрочем, не мешает зайцу и на свой промысел ходить.

Пуще воли своей, должно быть, любит зайка погрызть осиновую кору. Там, где лось осенью побывал, повалив рогами небольшие деревца, зимою заяц себе обеденный стол налаживает. Вытопчет снег - что танцевать впору, а уж веточки сладкие до белизны снега источит. Чуть ли не сахарными они от этого становятся, и так безжизненно в сугроб уткнутся, что пожалеешь их даже за такое обращение. Зайцу же все эти переживания невдомек!

Сил ему зимой надобно прибавлять, чтобы от опасности невредимым уйти. Рысь с лисой ему всю жизнь на зады так и наседают, передохнуть не дают. А уж о человеке и говорить не стоит: недаром большинство поговорок о зайце сложили охотники. Заяц в них выглядит отнюдь не каким-нибудь простофилей или бедолагой, а всё больше ловким, сметливым зверьком, за которым гнаться далече, и покуда его достанешь - с пару зайдёшься!

И вот любо охотникам целыми часами тягаться с косым, да только пока они зайца убьют, целого вола съесть можно. А если за двумя зайцами погонишься, и вовсе ни одного не поймаешь!

«Коня положили, а зайца уходили!» — вот как говорят о нехитрой, казалось бы, добыче. Но не дорог охотнику конь - дорог заяц! А ведь только рубль бежит, когда его сто догоняют, и как ещё пятьсот споткнутся, да какой-нибудь неоценённый убьётся?!

Что с того, что заяц мал, храбр он, видать, по-своему и удал. Живёт он в лесу на слуху - попробуй его стронь в узёрку! Задолго тебя косой угадает - и айда петлять через овражки. Вот и получается, что собака за зайцем, а заяц за волей.

В народе и с именами зайца не было никакого сладу! Покорности, какой-то смирённости со своей незавидной судьбой ни за что в них не услышишь. То его прозовут непристойно для поста, отчего попахивает не раз содеянным грешком, «скоромча», а то, хоть и не без улыбки, но с внутренним восхищением, вперемешку с добродушной уважительностью, «ушкан». Особых «профессоров», выписывающих на снегу замысловатые и недоступные строки, обозначали «кривнем», с оборотнем же, поразившим своей изворотливой изобретательностью, обходились в речах как с «выторопнем.

Всем заяц взял, и без потребы ему быть больше, чем он есть на самом деле. В меру благоразумен, осмотрителен и быстр, он любим в народе, несмотря на то, что раньше зайчатину считали неугодной пищей. Встреча с ним якобы даже предвещала несчастье, и зайцу, перебежавшему путь, надобно было через плечо обронить: «Пень тебе да колода, нам путь да дорога!»

Всё белое, связанное с зимой, именовали не иначе как «зайцем». Так окрестили клуб белого пара, выходящего зимой из жилого тёплого строения. Это название относится в народе и к синим огонькам, перебегающим по горящим угольям. Промёрзлые, покрытые клубами инея места в углах избы обозначали тоже его прозвищем. «Зайчиком» обернулся и беглый отблеск морозного солнца в зеркале…

В самом имени зайца сразу представляется зима, которая стелет ему постельку пуховую. Мягче заячьей шубы она, чище месяца. Заяц в неё с головой забирается, да ещё раскопает под собой осиновое поленце, и грызёт его чуть ли не всю зиму. Сладко ему коротать её в сугробе, душевно.

Заяц и летом зиму, наверное, ждёт, и осенью, чтобы спасительной белизной её укрыться. И так ему хорошо в ней, спокойно живётся, что не боится он следы за собой оставлять. Семь потов с тебя сойдёт, пока ты его петли да сметки распутываешь, а порой и хвоста не увидишь! Но и по заячьему следу иной раз доходят до медведя.

Вся сила у зайца в лапах, которые у него зимою словно лыжи. Заяц на них тихонько ковыляет, присаживаясь возле торчащих из снега веточек, и ничуть не проваливается. Страшней рыси с лисой для него в эту пору только филин да неясыть, которым с воздуха сподручней за лопоухим охотиться. Тут уж не спасут ни лапы, ни белая шкура, и заяц поневоле бежит, если лететь не на чем.

Бег зайца, благодаря тому, что у него передние лапы много короче задних, совсем особенный, с прискоком. По той же причине он на гору бежит гораздо легче, нежели под неё. Со стороны все эти передвижения представляются очень забавными, даже смешными…

Но если зайца выгнать с опушки в чистое поле, от кажущейся хромоты его и следа не останется. Так припустит косой по вольно раскинувшейся снежной пелене, что диву даешься - и это с лапами-то его колченогими! Чует заяц простор родимый: ни пулей, ни посвистом его не остановишь.

Бегает заяц всю зиму по лесу, ёлочки своих следов повсюду оставляя, и веселья ничуть не утрачивает. Даже отсутствие хвоста его не особо трогает: не дал Бог ему такого дара, и не надо! За то его, наверное, куцым в народе и прозвали... И даже если зайца всё-таки поймали и съели, мех его носят да похваливают.

Побежка

Когда уже изрядно уляжется в лесах снег, начинает попадаться след куницы, которая печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в меховых башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунку, проделанную передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперёд.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно убродно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить

и скакать мастерица. Идёт «грядой» - с одной верхушки дерева на другую, не спастись от неё даже более легковесной белке: в зимнем лесу ей тут и дом, и пожива.

Выбрав себе гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяюшка, она так же строго следует всему в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про неё: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в санях дрожит».

Всё в облике куницы соответствует её охотничьей сути. Туловище тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что создает им волшебную мягкость. Хвост длиной с половину тела, густой и пушистый, служит великолепным рулём при погоне за белкой. Куница - вкрадчивый лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка - хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко: в охоте куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от её острых зубов не будет никогда спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она завсегда на Руси почиталась, дорога и богата была с неё пушнина. Куньи, беличьи, да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был ценнее всех иных, и чтобы умилостивить кого-либо, одаривали его куницею.

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При её сватанье дружки приговаривали так: «Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, отдай, ради Бога, за куницу красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно со слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить - выкуниться. То есть - вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело ещё одно значение - поправиться, выздороветь.

Сама куница - удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому желающему продлить свой род надлежит держать с ней ухо востро, ни на минуту не теряя бдительности. Держа многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и ещё более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радеет куница из года в год за всё живое, проворство своё драгоценное попусту не исстрачивая. Имеется у неё не всегда видная примета, что неожиданно показавшись, может поразить: это большое пятно на горле и на нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет. Куница им как будто завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота.

Имея эту необыкновенную душку, куница, конечно, может собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна. Пустое желание просто нравиться – куницу, видимо, не удовлетворяет. Именно из-за способности грациозно собрать всю свою силу и довести затеянное ею коварство до конца, куницу и уважают в народе.

Лесная куница невероятно чутка, и просто так к ней не подкрадёшься. Всё новое она тотчас берёт себе на ум. Преодолевает открытые пространства только в самых узких местах, и зачастую оставляет себе заметку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, западая в валёжнике и завалах, и вновь впереди возникает. Меряет куница им чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удаётся вживую углядеть её непрекращающийся поиск, и если уж посчастливилось - радости с восторгом тут не оберёшься!

Но как бы человек остро не желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань, здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих лёгких следов, ни один ложок не пропустит. Тянет её к таким местам, которые можно с удовольствием прослеживать и тут же схорониться. Кунице, по её неприхотливости, кажется, очень нравится жить, и получается это у неё с большим вкусом.

Это хорошо видно по мягкости её следов, какой-то необыкновенно уютной линии, которую она за собой на снегу оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально вглядываясь вокруг, то и дело внюхиваясь. Вроде бы, даже и сама зима ей нипочём.

Когда куница устаёт от своих вкрадчивых разбойных дел, то забирается в брошенное белкой гнездо, и, свернувшись в нём тёплым клубком, сладко забывается на время. Метель поёт ей свои заунывные песни, а мороз позвякивает волшебным колокольчиком. Куница же спит себе спокойно, ни о чём не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны.

Наброды

Принято думать, что большую часть своей жизни рысь таится на суку. Так и видишь, как замерла она там, ушки её навострены, и только кисточки подрагивают. Широкие баки застыли в зловещем оскале, лапы подобраны - вот-вот рысь совершит прыжок.

Но зимой можно часто обнаружить её след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь её кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они как-то особенно красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любуется сама собою.

Взволнованно бьётся сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится она более других, существуя

как-то мягко и незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственные.

Шаг у рыси всегда спокойный, размеренный, будто она никуда не торопится, избегая в своей жизни всякой суеты. Хищник редко бегает, чаще крадётся, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно, рысь полна скрытой силы и коварства, а на уме одна корысть - как бы где порысить.

Рыщет рысь по полям, по лесам – что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу крупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадёт зазевавшегося косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает не пришедшую в себя со сна белку. А бывает, нападёт на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке дерева, да щерится в рыжие бакенбарды: кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя, и бросается на жертву сверху. Несдобровать зайцу, если он попадается в когти этой кошке! Правда, долго его рысь преследовать не может: имея маленькое сердце, она быстро задыхается и всякое преследование скоро прекращает. И на её век ещё зайцев осталось!

Неторопливо бродит она всю зиму в поисках тетеревов и рябчиков, которые составляют её любимую пищу. Подобравшись неслышно к самой лунке, рысь молниеносно бросается к спящей птице: не миновать рябчику её хищных зубов.

Ещё рысь пестра шкурой, так, что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома её гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью мгновенно проскользнёт она и тотчас истает. Будто её тут и не было. Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь её бесшумна, а чутьё неимоверно восприимчиво.

След рыси дышит её матёростью, какой-то спокойной хитрецой. Словно зверь наперёд знает всё, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом ровном и покойном поведении, рысь не похожа ни на какое другое животное: она одновременно невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Овальные мякиши её следов приятно вырисовываются в недавно выпавшем снеге, выдавая в звере какую-то притягательную кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен в своём почти невидимом образе жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже невыгодного для неё положения она старается и умеет извлечь пользу. И при этом всегда ведёт себя сдержанно, спокойно.

Зоркие глаза и острый слух позволяют ей заранее избирать необходимое поведение. Своего врага или жертву рысь встречает бодрой и собранной.

Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы и не пропустит ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно её саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как будто заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышут её расплывающиеся в злобном оскале бакенбарды, а уши с кисточками так завораживающе вздрагивают, что неприятно начинает посасывать под ложечкой. Всё в облике рыси будто наставляет: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирождённая сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, но это, кажется, ничуть не трогает рысь, и она не перестаёт преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как будто даже становится нездоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь.

Если ты на самом деле предан лесу, то хоть раз да посчастливится тебе встретиться с рысью. Как всегда, ты не ожидаешь этого и пробираешься сквозь глухую сосновую чащу к дорогим твоему сердцу глухарям. Тут, на заснеженных верхушках мощных великанов, что успокоились между собой в глухую зиму, коротают птицы январские и февральские ночи, а сосновая хвоя в эту пору – их хлеб. Ты думаешь о глухарях, о соснах, и беспамятно погружаешься в зиму, даже не предполагая о встрече с каким-либо лесным зверем.

И вот, когда сердце твоё совершенно забылось в этом отрешённом заснеженном мире, оно вдруг вынуждено было встрепенуться... Сначала снег тонким облачком осыпался откуда-то сверху, и ты скорее почувствовал, нежели увидел, какое-то лёгкое движение. По старому, поваленному бурей стволу, зацепившемуся верхушкой в переплетении ветвей соседних деревьев, медленно ступала крупная рыжая кошка.

Она наверняка заметила твоё присутствие, но почему-то не торопилась исчезнуть, словно знала, что ты не причинишь ей никакого вреда, а только будешь любоваться её непревзойдённой лесной красотой, теша своё разыгравшееся воображение. И действительно, ты был поражён этой завораживающей силой и негой.

Рысь ступала уверенно и осторожно, не поворачивая в твою сторону головы, и ты чувствовал её напряжённое внимание и желал одного: чтобы она остановилась и посмотрела тебе в глаза. Пусть хотя бы так, мимолётом. Тебе бы этого хватило.

И кошка обернулась, и ты понял, как дорого тебе её нахождение в этом загадочном лесу, и был ей благодарен. Она растворилась так же неслышно,

как и появилась, под пологом заснеженного леса, а ты стоял, оцепенело, и смотрел ей вслед. Идти за ней было бесполезно: она уже оделила тебя своим волшебным появлением, какое-то время находилась рядом, и, конечно, оставалась к человеку равнодушной.

Рыси было достаточно своего соседства с лакомыми глухарями, о них ты совсем забыл. Забыл и о зиме, и о великих деревьях, и об этой замершей белой тишине. Рысь оставила в ней о себе только зыбкие следы и мимолетную память, которую ты будешь бережно и долго хранить. Может быть, кому-нибудь расскажешь и чуть приукрасишь, но никогда не забудешь. Вместе с другими зверями, оставившими в твоей душе след, рысь будет приходить к тебе всю жизнь, и всегда это разбудит приятные воспоминания. Неизъяснимая печаль отчего-то коснётся твоего сердца, когда ты оживишь в памяти этот зимний день, но не расстроишься при этом, а в который раз восхитишься. Чего бы тебе это ни стоило, вновь постараешься отправиться в зимний лес, в надежде всё же увидеть мягкие кошачьи следы. А может быть, если повезёт, заглянуть великолепному зверю в глаза, и пожелать ему долгой лесной жизни.

Зимняя сказка

Ни в какое другое время года не ожидает человек так сказки, как зимой, представляя заснеженный таинственный лес, неведомых зверей и затерявшиеся в чаще волшебные избушки. Хорошо тогда человеку становится жить, увлечённо и радостно.

Зима рождает в мыслях человека необыкновенные образы, и они уносят его в тот же сказочный лес, где звери живут таинственной и неведомой жизнью. Человеку хочется сделать эту жизнь своей, чтобы целиком отдаться её изучению, не уставая открывать и восхищаться. Ему недостает более интересной жизни, которой можно быть околдованным, и он выбирает мир зверей.

Но вместо того, чтобы учиться у этого мира, с восхищением открывая его неизведанные страницы, человек использует животных для высмеивания собственных грехов в созданных им сказках. Звери в сказках говорят и ведут себя, как обычные люди, они так же любят и ненавидят, но при этом лисы всегда - хитрые, волки - глупые, а медведи - непутевые доброхоты. Зверям недостает своего лица, с присущим им умом и тайной.

Изображать в невыгодном свете одних, незаслуженно отдавая предпочтение другим, вынуждало людей их собственное несовершенство, или - не совсем справедливое пристрастие к каким-либо животным. По своему усмотрению наделяя зверей качествами, принадлежащими им самим, либо же теми, какие они желали в них видеть, люди отмечали наиболее любимых животных, забывая о достойном отношении к тем, кто оставался недоступен для истинного понимания.

Беззащитного зайца в народе всегда хотели оградить от бед, помогая ему через других обласканных животных, скажем, бесстрашного ежа. Или же - благодаря самому человеку, что всегда относился к косому с лукавинкой, беззлобно. Не зря обаятельный зверёк в сказках наделён удивительной удачливостью, и даже - отвагой.

Медведя, не боящегося врагов из-за недюжинной силы и способного постоять за себя, они наградили неповоротливостью, и получился он туговатым на ум. Волку же, доставляющему народу постоянные заботы и огорчения, предлагали возможность изрядно пострадать, помучиться, оттого и незавидное положение зверя в большинстве сказок: когда волк в них удачливым бывал? Словом, безобидный простак – ни за что, то и дело, пропадает!

А что лиса? Лиса в большей мере оставалась самой собой, поскольку в лесу, как и среди людей, нужен был зверь-заводила, никому не дающий покоя. Заключая в себе истоки неведомой лесной жизни, неутомимость и смекалку, зверь этот должен был быть и относительно безобидным. Лиса растормошит всех в лесу, перессорит, но без злобы, чтобы звери, в итоге, сами смогли разобраться в своей жизни, а её уже и след простыл!

Но всё это было в сказках: на самом деле в народе хорошо знали, кто из зверей чего стоит. И никогда этого не забывали.

Просто отображать свою жизнь в сказках, через зверей, человеку было удобно, даже - красиво. Звери в них всегда оставались обаятельными, и не переставали нести в себе свою сокровенную тайну. В них всё равно проглядывала природная глубина, и она даже более, чем создаваемый образ, привлекала людей, помогая преодолеть в себе дурное. Что могло быть хуже законченности, не предполагающей простора для забавной шутки, воображения и мысли?!

Но, выдавая желаемое за действительное, слабый персонаж в сказке превращался в сильного героя, а сильный становился смешон и жалок. Получалось, что человек высмеивал недостижимое для себя, шёл по наиболее лёгкому пути. Не имея возможности добраться до сути волчьей тайны, он приближал её к себе хоть и красивой, но слабовольной сказкой, где зверь выглядел сущим дуралеем. Тоже происходило с медведем и лисой, когда человеку выгодно было выставить их в чёрном цвете.

Такой сказкой человек убивал в себе и своих детях истинное знание о лесе. А ему нужно было правдивое повествование об окружающем его волшебном мире, со всем фантастическим и невероятным, что в нём, несомненно, присутствовало. И чтобы сказка там не была пустой выдумкой, а превратилась в увлекательную быль.

Сказка, в настоящем её понимании, должна была быть поэтичным изображением действительности, ещё неизвестной большинству людей. И тогда бы она, действительно, оказалась для них увлекательной и незабываемой лесной правдой, постепенно ими познаваемой. Что ещё могло стать лучше неё?!

Только сами звери вместе с заснеженным лесом представляли собой по-настоящему сказочную жизнь. Всякое животное, не зная того, несло в себе свою неповторимую суть. Переживая внутри себя всё коловращение жизни, оно не в силах было постичь его и, наверное, мучилось этой не раскрываемой тайной. Но и не могло, наверное, не почувствовать своего природного богатства, так покровительственно влияющего на людей.

Ощущая себя в природе как огромный неподражаемый мир, каждое животное, подспудно, должно быть, помнило то время, когда было создано вместе с человеком, и между ними ещё не существовало непонимания и вражды. Но постепенно животным становилось невыносимо жить рядом с человеком, и они прятались в дремучих лесах, всё более зверея. Был в том какой-то тёмный неизбывный смысл, и ещё - глубоко скрытое, обездоленное чутьё зверей, что порой отражалось в их тревожных снах.

А человека неминуемо тянуло в лес, потому что он чувствовал себя в медведе, волке или сове одним родным с ними существом, и переживал своё нерастраченное древнее знание, ещё, к тому же, полностью им не осознанное. Ему становилось страшно и хорошо от их близкого существования, но он ничего не мог с собой поделать, когда убивал их. Заглядывая в глаза своего полузабытого прошлого, человек желал отыскать недостающую ему и зверям сопричастность друг другу, когда-то надолго утерянную, и всё же - оставался бессилен.

Заснеженный лес как будто незаметно оголял эту скрытую связь, и временами казалось, что она выступает на благодушно разлёгшуюся снежную поверхность совершенно открытой, а значит - незащищённой. Трудно было тогда не ощутить её, не почувствовать сердцем эту ошеломляющую взаимосвязь всего живого. Это чувство соразмерности и единства всех живых существ долго потом не проходило, но рано или поздно куда-то исчезало.

За ощущением единства с животными требовалось опять, не уставая, идти и терпеливо стеречь эту слитность с ними, чтобы быть как можно больше захваченным ей, приблизившись вплотную. И тогда нечто чудодейственное и потаённое устраивало с тобой в лесу неведомую игру, иногда очень обнадёживающую своей кажущейся достижимостью. И ты в отчаянии забывался в себе, не веря, что это пристальное вглядывание в мир зверей когда-нибудь принесёт тебе недостающее откровение.

И все же звери и птицы оборачивались для человека друзьями, хотя пока и недосягаемыми. Оставаясь самими собой, и волки, и медведи, и рыси обретали для него как будто бы более доступные черты, когда человек не преследовал их. Звери оберегали несомую в себе тайну, но не уставали ждать человека и верить в него. Они не подчиняли ему волю, без которой не смогли бы существовать, и всё-таки не в силах были оставить людей ради их собственного спасения и блага.

Впрочем, можно было сочинить и свою зимнюю сказку, может быть, не такую, как в старину, обаятельную, но, не менее, прекрасную и

увлекательную. Про то, как однажды взволнованно и задушевно воззвал ты к лесным зверям, прося их о встрече, и они на неё согласились. А происходило это в одной лесной стране, по соседству...

Для большинства людей эта страна всегда остается недосягаемой, как бы близко от неё они ни находились. Там живут разные звери и птицы, на которых никто не охотится, а ты многим из них - добрый друг. Никто этого не знает, и оттого тайна твоя становится ещё более сокровенной и привлекательной. Ты несёшь её в своем сердце, как великое успокоение, не боясь думать, что оно будет кем-либо нарушено или утрачено.

Только здесь, посреди вечной тишины, где в суровом молчании замерли могучие сосны, пихты и ели, течёт настоящая жизнь. От века до века входит в неё зима, захватывая в своем белоснежном кружении всех лесных обитателей. К ним присоединяются и одинокие чаяния человека, возжелавшего приблизить себя к загадочной природе. Будто человек не знает - кто он, откуда, и никогда ему не будет это ведомо, но он непременно жаждет слиться с таинственной лесной жизнью.

Ты почему-то знаешь, что никак не можешь отделить свою жизнь от зверей. Это неясное, но очень близкое тебе состояние хочется понять среди них до конца. И ещё приятно сознавать, что иногда звери чувствуют твоё присутствие, даже когда ты не приходишь в лес, а только думаешь о них, или видишь во сне.

Хорошо, наверное, побыть волком, совой или рысью... Но тут тебя начинает одолевать страх их дикой неприкаянной жизни, из которой тотчас хочется бежать в свое привычное человеческое обличье. И всё же что-то тёмное, родное вынуждает вновь обратиться к звериному существованию.

Кажется, что лучше только представлять себя ненадолго каким-либо зверем. Честно и неторопливо постигая этот животный мир, ты постепенно становишься в нём своим, после чего его можно будет любить, не обожествляя, из всех зверей приблизив к себе самых дорогих. Как если бы они стали, по какому-то замечательному случаю, твоими преданными и свободными друзьями, о которых всегда приятно думать, и они есть. К ним обращаешься только в трудную минуту, не злоупотребляя их свободой, и, призывая к себе зверей, знаешь: они придут, чтобы ни случилось, и помогут.

Звери будут выглядеть горделивыми, но осторожными, может быть - чуточку недоступными. Они появятся незаметно и тихо, и ты даже не сможешь себе вообразить, что случится дальше. Как всё это будет происходить, если ты для них равный, и в то же время – человек?

Очень похожие друг на друга образом жизни, все звери останутся самими собой, то есть - с присущими только им неподражаемыми привычками и характерами. Каждый из них, благодаря тебе, обретёт себе имя, и постепенно привыкнет к нему. В имени зверя отразится его суть, но он всё равно будет достойно хранить свою бесстрастную природную тайну.

Медведь - первым окажется именно он, не станет поначалу появляться прямо на глаза, а только обозначит своё присутствие, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть, не понятная ему самому. Медведь тихо изливает её сквозь глаза-щёлочки, и, такой же не понятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Глухо рыкнув где-нибудь поблизости, медведь замрёт, и будет только ждать подходящего случая, чтобы появиться. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность поведения зверя: из обаятельного косолапого простака - он через мгновение может превратиться в помутившегося от собственной разъярённости яростного хищника. Но именно это привлекает тебя в медведе, то, как зверь угрюмо и обыденно, с присущей ему мрачноватой безысходностью, принимает необходимость своей дикой скитальческой жизни.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь неожиданно выдвинется тёмным пятном на опушку. С пугающей отрешённостью, вразвалочку, передвигаясь неведомо куда, весь – в своих непутёвых звериных устремлениях, он поразит твоё воображение своими размерами. Пагубность его зловещего образа дополнит какая-то неописуемо точная схожесть с огромной мохнатой гусеницей чёрного цвета, что вынуждена, не зная зачем, всё время двигаться. При этом видно, как она страшно устала от своего неторопливого движения, и даже успела приобрести некую необременительную для себя, но представляющуюся неприятной для других въедливую изощрённость. Это окончательно околдует в медведе.

Зверь покажется нереальным в своём ошеломляюще открытом появлении, как дивный сон, приснившийся только однажды. Ещё не залёгший в берлогу, он словно бы почувствует твою потребность в нём и, слегка раздосадованный этой человеческой причудой, появится. Вся последовательность его поступков как будто нарушится при этом, и обретёт недостающую сказочность. Но, осторожно ступая по неглубокому снегу, медведь поведёт себя так, будто совсем никого не чует, наслаждаясь отпущенной ему лесным богом свободой.

Присутствие рядом сильного большого зверя сразу утихомирит твоё разыгравшееся воображение. Утробный дух медведя обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость, сделав её, неизвестно зачем, своей.

Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни, и тогда медведь обратит к тебе своё внимание. Настороженно поведёт головой, чуть слышно фыркнет, и как-то неприметно развернётся, так что тотчас окажется в нескольких метрах от тебя. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнётся на дыбы и, поведя поверху носом, дохнёт прямо в лицо.

Тёмный мех его мягко шелохнётся при этом, и ты обомрёшь от одного осознания возможности подобного. Тебя вдруг охватит чудное ощущение близости к звериной жизни, и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь всколыхнёт в тебе что-то глубинное, почти неизведанное самим тобой, и станет ещё ближе.

Всплывшее откуда-то имя – Дикий, закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит его. Развалистый, дремучий, он глухо ударит передними лапами о землю и, может быть, прорычит что-то звериное, но по-своёму признательное тебе. Ничего, кроме этого маленького кусочка лесной жизни с восхитительным оцепенением и таинственностью, ты тогда не почувствуешь. С обмершим и восхищённым сердцем, смутно помня себя в общем потоке этого, кажется, неправдоподобного таёжного существования, ты будешь долго вбирать душой увиденное, не зная, что вырастаешь - становишься сильнее, мудрее и терпеливее.

И возрадуемся мы оба, почуяв, друг в друге, пока ещё только робкую надежду на будущую слитность наших жизней! Будем вместе бродить отрешёнными лесными путниками по глухим потаённым буеракам, и неведомая звериная душа станет мне доступной. Эта благосклонность леса и твоей судьбы, наверное, никогда не перестанет казаться неожиданной, так что ты даже не успеешь толком ощутить своего счастья.

Но так будет только, когда ты позовёшь зверя к себе. Медведь всегда сможет вмиг одуматься от этого необъяснимого общения и, на удивление, легко уйти. Почти не оставив после себя никаких звуков, он растворится в лесной чаще, как будто его и не было. И ты, конечно, ощутишь неизъяснимость утраты, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося сновидения. И будешь с нетерпением желать новой встречи, сам при этом незаметно становясь таинственным и диким зверем.

И тогда придёт огромный лось на высоких сухих ногах. Беззвучно и таинственно, по пятам за тобой, проскользнёт он вдоль опушки, задевая рогами кончики запорошенных снегом кустов. И сразу покажется, будто лось чувствует тебя, прислушиваясь к чему-то в себе. Это станет видно по тревожной глубине его выпуклых тёмных глаз.

Гулкие удары копыт затаенной музыкой потонут посреди заснеженной зимы. Выплыв из неё, лось остановится у края леса, и ты почувствуешь на своём лице его мудрые, почти говорящие глаза. А он не уйдет обратно, и будет стоять неподвижно, чуть шевеля ушами. Только лёгкие облачка прозрачного пара выдадут чуткого зверя.

Где-то здесь, рядом, слагается его неторопливая звериная жизнь, и лось покажется тебе на первый взгляд совершенно безобидным. С наступлением зимы пыл его осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою. Но с видимой безобидностью зверя уживаются его удивительная лёгкость и мощь.

Чтобы почувствовать себя лосем, ты представляешь у себя на голове огромные разветвлённые рога, с ними необходимо передвигаться между часто растущими деревьями, постоянно цепляясь за них. Даже нелегко предположить, как при всей массе своего гигантского тела тебе придётся преодолевать беспредельные заснеженные пространства, ближе к весне покрывающиеся настом, острыми краями ранящим ноги. Воображение рисует, как глухой зимой волки загоняют тебя на лёд реки, где ноги разъезжаются, лишаясь твёрдой опоры, а стая наседает, и ты не в силах справиться с навалившейся обузой, так что ещё более уважительно присматриваешься к замершему поблизости зверю, умиротворённо взирающему сейчас на тебя. Какой-то удивительной трогательностью веет от этого лесного исполина, которого ты вознамерился мысленно приблизить к себе.

Доступность замершего перед тобой животного будет очень приятна. Как и его понимание всего, что происходит с вами, и все те нехитрые заботы, которые он никому не передоверяет, незаметно станут и твоими. Что спросишь ты у этого красивого зверя, когда большее сближение между вами уже, кажется, невозможно себе представить? Чем тронет твоё сердце сосредоточенный в себе бродяга лесов, и не оставит ли вообще без внимания?

Неспешно удаляясь, лось повергнет тебя в очарованное онемение от своего присутствия рядом, чтобы затем всё-таки появиться перед тобой ещё раз на зов Легконогий - имя свободное и родное.

Лось, конечно, не уйдет от тебя совсем, а только ненадолго, чтобы вскоре опять появиться и замереть где-нибудь неподалёку. Ты всегда будешь угадывать его по одному ему присущему звуку, когда как будто что-то срывается в лесу, и тут же затихает: наподобие сломленной сухой ветки. Так, Легконогий, обозначит своё возвращение.

Большие влажные глаза его будут излучать доверчивость, горбатая же длинная морда - трогательную умиротворённость. А между тем - лось останется для всех лесных обитателей гордым предводителем: с огромными ветвистыми рогами, мощным загривком и своей глубинной тайной.

Глядя на него, ты непременно почувствуешь: касаться его жёсткой шерсти вовсе необязательно. Гладить холодные узловатые ноги и упругую грудь, ощущать его твердые лопатки тоже будет ни к чему. Достаточно твоего нахождения рядом, и Легконогий правильно сделает, если при этом отвернётся.

На плече его ты увидишь запёкшийся от пули шрам, и вздыбившийся бугром рваный волчий укус. А лось плавно поведёт свисающей под шеей бородою, прислушается и чутко прядёт ушами. Пушистые ресницы его отчего-то мелко задрожат, он их опустит и умиротворённо вздохнёт.

И тебя окончательно околдует простота жизни зверя. То, что тайны леса для него обычны, и он сталкивается с ними каждодневно, продляя их собой.

И зайцы, и барсуки, и рыси воспринимают величественного лося спокойно. Они гомозятся тут же по своим делам, а лось видит их заботы, слушает издаваемые лесные звуки и молчит. Он словно ждёт от них чего-то, но не поймёт, чего именно. А что может дать ему вечно мятущийся, не понимающий себя человек?!

Всё это умещается в одном твоём взгляде на великолепного животного, до которого ты втайне желаешь дотянуться, и почему-то не делаешь этого.

Третьим неожиданно возникал на взгорке волк...

Он поднимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо тебя. Легкий ветерок еле ворошил шерсть на его загривке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, волк словно прислушивался к чему-то, что составляло простирающуюся вокруг него бесконечность: движение облаков, шум сосен и елей, трогательную тишину и упруго надрывающие её рябчики, неожиданно скрывающиеся в лесной чаще.

Волк чувствовал себя совершенно свободным посреди этого дикого существования. Это было видно по его глазам - холодным, спокойным. Глазам, которые не умели считать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, всё это было его домом, и другого он не знал никогда.

Волк был наименее покорен тебе среди всех зверей, но наиболее дорог. Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался тобой, и именно его ты хотел видеть всегда рядом. Когда это происходило, ты чувствовал, что волк понимает все твои мысли, и его это не настораживает. Он будто погружался в сон рядом с тобой, и выглядел как-то по-домашнему, будто это не хищный зверь, а звериный детёныш.

Волк был подтянутый и крепкий, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От загривка до пят - внимание и опыт, он, в тоже время, подкупал еле угадываемым доверием, что проявлял к тебе. А ещё - необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, неведомой человеку. Волк был так прост и прекрасен, что всё это можно было не заметить за своей надоевшей человеческой правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе с тобой твои не совсем весёлые мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, всё же не теряя желания жить, и быть преданным человеку.

Стоя на утоптанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий снег, он отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли волк опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мерзлому насту, или его изощрённое чутье скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, и сердце твое

начинало учащённо биться, а кровь, кажется, застывала в жилах от его проникновенного взгляда.

Ты, конечно, знал, что волк не вымаливает сейчас у судьбы подаяния, и пришёл он к тебе по доброй воле. Ты вызвал его из зимнего забытья, извлёк своей любовью из заснеженного глухого леса, потому что он был тебе нужен. И назвал волка - Светлолобым.

Казалось, все звери видели тебя и понимали в созданной тобою сказке. Они вели себя незаметно: никак не выказывая свою лесную глубину и силу, как бы даже мягко отступали, боясь, наверное, устрашить, или даже - наскучить. Только их тёмный, звериный взгляд из-за разлапистых ветвей продолжал не отпускать, приковывал.

И тогда ты опять не мог постичь своего сладостного умопомрачения: зачем так упорно стремился к общению со зверьми? Чего ты хотел этим добиться?!

Вступая в их неведомый мир, ты никогда бы не стал там нужен, всё это устремление было напрасным. В глазах зверей виделось лишь презрение ко всему, что мог привнести с собой в мир леса человек, и ещё - недоступная ему свобода. На сердце вдруг становилось как-то отрешённо и одиноко.

Но не долго, только до тех пор, пока в выстуженном небе не появлялся одинокий ястреб, жаждущий крови, недоступный и гордый. Молчаливым назвать его было трудно: там, в вышине, он оглашал округу пронзительным клёкотом, отчего не казался таким равнодушным. Стоило, наверное, заглянуть в его глаза, но не отпрянуть, а обрести ту горделивую лёгкость, вернее – проникновенную ясность видения, с которой он давно свыкся, между тем, не переставая ей наслаждаться.

Ястреб был последним, к кому потянулось твоё сердце. Плавно кружа над еловыми гривами, он медленно уменьшался, становясь невесомой точкой в недостижимой выси. Должно быть, ястреб успел разглядеть в тебе незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недоступное для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой и презрев ограниченность человека. На какой-то миг тебе вдруг стало жаль себя.

Всей душой ты тогда воззвал к свободолюбивой птице, обращаясь и к небу, а успокоившись, только следил за тем, как ястреб величественно накручивает круг за кругом. Даже, кажется, различал выбившиеся из его крыльев перья, одновременно постигая безвозвратную утрату в себе прекрасной звериной силы. И ещё ты понимал, что заболеваешь полётом, и уже не мыслишь себя без высокого неба.

Дай Бог, думал ты, чтобы ястреб разглядел твою счастливую зависть и, не опускаясь, поманил за собой в ошеломительность небесного раздолья. Чтобы неведомая сила приподняла тебя над лесом, и ты уже не отдавал отчёта в своих чувствах: все они сливались бы во всепоглощающее переживание дикой свободы, которую можно было ощутить только вот

таким тревожащим сердце зимним днём, превратившись в легкокрылого и недосягаемого ястреба по имени Гордый.

Если бы птица примостилась на твоём плече, тебе бы не было легче. И взгляд бы её не стал при этом доступным: он всё так же стекленел недостижимой гордостью и волей.

Ястреб манил к себе своим полётом, заражал им, вынуждая замахнуться на что-то небывалое, и тебе оставалось только взмывать с ним в своих мечтах. И ещё очень хотелось, чтобы Гордый чувствовал тебя и не покидал, навсегда оставаясь верным небесным братом, благодаря которому бы ты обрёл невидимые крылья.

Так хотелось думать. Хотелось верить, что в созданной тобою сказке таится правда, и все звери будут беззаветно преданы тебе, без всякого надрыва или какого-нибудь ущерба для себя. Что ты им дорог так же, как и они тебе, и вас ничто не сможет разъединить.

А лес вокруг молчал равнодушно и величаво, не замечая ничего. Никогда не умирающий в себе, он безмолвно замер, чтобы стеречь судьбу зверей и птиц от человека, осмелившегося сделать её своей.

Вороний суд

Однажды, уже на исходе зимы, мне посчастливилось увидеть, кажется, совершенно неправдоподобную картину – вороний суд. В народе издавна ведётся поговорка, суть которой я долго не мог взять в толк: «Ворон ворону глаз не выклюет, а хоть и выклюет, да не вытащит, но уж коли выклюет и вытащит, так оба!» Как нужно рассердить птиц, и что такого, по птичьим понятиям, должно произойти, чтобы они, достаточно сплочённые в своём врановом семействе, решились на подобное? По-видимому, нужно очень провиниться, не следуя исконным вороньим законам, чтобы тебя осудили и, мало того, жестоко расправились!

Я и раньше слышал, что у птиц вороньей породы, как и у некоторых других, есть своего рода общественный суд, хотя сам с этим явлением никогда не сталкивался, да и, честно признаться, мало в него верил. А как-то раз, почти уже выходя из леса неподалёку от деревни, вдруг заслышал оглушительное воронье карканье, и стал подкрадываться. По тому, как птицы надсадно и возбуждённо кричали, стало понятно, что среди ворон происходит нечто необычное.

И действительно, вокруг большой поляны, на берёзах, располагалась стая воронья, а внизу по снегу бродили, в раскачку, ещё несколько птиц. Правда, одна из них находилась почти без движения, чуть поодаль от других, и только крутила головой, тогда как остальные оглушительно каркали и даже шипели, вытянув головы в сторону притаившейся вороны. Не покидало ощущение, что эта одинокая птица чувствует себя … виноватой.

Где-то я читал, что перед тем, как «вынести приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, а если подвергнутая суду ворона ведёт себя как-то неправильно или за ней числится большая вина, то все вороны, в конце концов, слетают с дерева и набрасываются на неё, заклёвывая порой до смерти. Но случается это, якобы, крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут столь грозному наказанию кого-нибудь из собратьев.

И, тем не менее, всё происходило именно так, как я когда-то слышал от одного старого и очень опытного охотника. Это было удивительно! Я бы раньше никогда не поверил, что такое, вообще, возможно, если бы не пришлось столкнуться с вороньим судом самому. Причём, прямо рядом с человеческим жилищем!

Птицы дружно облепили нижние сучья деревьев с одной стороны поляны, и чуть ли не сваливались с них от охватившего их возбуждения. «Подсудимая» же ворона, по-видимому, это была именно она, одиноко замерла в недобром предчувствии: что-то сейчас будет? Я притаился за маленькими ёлочками, внимательно наблюдая за происходящим.

Вороны надсадно кричали, перелетали с дерева на дерево, как будто распаляя себя, и вот-вот готовы были броситься всей стаей на несчастного изгоя. Одинокая ворона сиротливо вжимала голову в плечи, и только беспомощно разевала клюв. Ей было страшно, она уже, видимо, смирилась со своим незавидным положением, но всё последующее произошло так стремительно, что я даже не успел среагировать.

Ближние к вороне птицы, проваливаясь в талый снег, неожиданно ринулись к ней и вмиг накрыли своими телами. За ними тотчас спустились с деревьев остальные, так что вокруг «приговорённой» вороны образовалась целая куча. Крик стоял неимоверный, вороны, казалось, совершенно обезумели, и это уже был не суд, а натуральная бойня. Но, как говорится, всяк судит по своему, по своим понятиям, и это была воронья правда. Я и не думал вмешиваться, поскольку хотел посмотреть – чем всё кончится?

Птицы судили своего собрата, видимо, за дело, хорошо представляя, в чём он провинился. Но поскольку рассуждать не умели, то, громогласно осудив проштрафившегося соплеменника, тотчас надавали ему изрядных тумаков. Мне всё-таки стало жаль бедную ворону, которая в своих вороньих устремлениях вряд ли чем-либо отличалась от своих собратьев, и я вышел из-за кустов на поляну.

Воронья стая всполошилась. Птицы ещё оглушительнее загалдели и начали взлетать. Но две-три, всё же, остались на снегу. Распалившись не на шутку, они не могли вот так сразу оставить свою жертву, несмотря на то, что та уже еле-еле двигала ногами, перевернувшись на спину. Крылья её

распластались по снегу и только изредка вздрагивали, тем более, что другая ворона уцепилась клювом за одно из них и неистово тянула на себя, тогда как ещё одна то и дело клевала поверженную беднягу, выдирая клочья перьев. Не в силах сопротивляться, несчастная ворона полностью отдалась на волю судьбы. Взьерошенная, похожая скорее на измочаленную швабру, выглядела она плачевно.

Пока я шёл к растерзанной вороне, то и дело, проваливаясь в сырой снег, её обидчицы, наконец, отступили, причём, с неохотой, но совсем не улетели, а уселись неподалёку на берёзах, видимо, ожидая ещё продолжить свою расправу. Жаль не для того, чтобы расправить для полёта крылья…

Стоял ослепительно солнечный февральский день, с ярко-синим чистым небом, и только что произошедшее на моих глазах никак не укладывалось в голове. Но это была дикая природа, со своими суровыми законами, по которым одними поклонами не отделаешься. Лесной суд приговорил несчастную ворону платить, и ей никак нельзя было отсудиться, кроме как лечь костьми перед безжалостным вороньим племенем за свои неведомые провинности. Нужно ли было мне вмешиваться в это воронье судилище, в котором всё вершится не человеческим умом?!

Когда я подошёл к побитой птице вплотную, ворона ворохнулась, привстала и неловко скакнула боком в измятый и окроплённый её кровью снег. Она сидела, нахохлившись, недобро воззрившись на меня карим глазом.

Пуганая ворона, говорят, куста боится, но эта, несмотря на только что перенесённую взбучку и весьма потрёпанный вид, вовсе не выглядела жалкой. В ней угадывалась, как ни странно, какая-то напористость, несгибаемая непримиримость со своим незавидным положением, и я, рассмотрев ещё немножко бедную ворону, отступил.

Удалившись от вороньего побоища, я ещё раз оглянулся. Пострадавшая птица, еле приволакивая искалеченное крыло, ровно заслуженно побитый человек, всё-таки добралась до раскидистой ели у края поляны, и забралась под нижние ветви.

«Всякому своя судьба», - подумал я. Меня, вот, она привела на это место, и я оказался свидетелем произошедшего, о чём нисколько не жалею, потому как немало сил затратил в лесу на то, чтобы встретиться с подобным. А ворона, если ей это суждено, может быть, оправится, выживет, и ещё не раз провозгласит своё громогласное «карр-р». Нужно радоваться, что выпадает однажды увидеть в природе такое, ибо премудрые судьбы здравствуют Божьей волей и собственными молитвами!

Косой чёрт

За что только не почитали на Руси самого неприхотливого и любимого в народе серого зайку, но с неизменным уважением примечали и его дьявольщинку, так никем и необъяснимую. Люди верили, будто зайца чёрт сотворил, и колдуны с ведьмами после захода солнца превращаются в зайцев,

поедающих капусту, припасённую хозяевами в погребах. Поэтому зайчатину не пробовали, и встреча с зайцами в лесу предвещала неминуемое несчастье.

Заслышав людской говор, топот лошадей или шум телеги, перебежит заяц дорогу, пытаясь перебраться в более спокойное место, и в этом уже видели верную неудачу. Непредсказуемые зайцы, по народному поверью, проигранные в карты одним лешим другому и движимые их дьявольской силой, не вызывали у путников восторга и, переметнувшись ошалело из колка в колок, не только умиляли своей сказочной доступностью, но и чем-то необъяснимым пугали.

Зайца изрядно стреляли, ловили петлями и кулёмами, добывали с ловчими птицами, но представление о том, что этот безобидный зверь связан с нечистой силой, тем не менее, не исчезало. Оно до сих пор присутствует в нас и неотступно манит, так что даже отчего-то становится сладко жить с ним, не беря в голову ничего дурного. С нами крёстная сила!

Знающие люди уверяют, что завидя в лесу бегущего зайца, нужно непременно свистнуть, отчего заяц может остановиться на секунду, насторожившись. Этот нехитрый приём усилит меткость выстрела, потому как по сидящему зайцу стрелять заведомо легче.

Но в случае с нашим зайцем представляет особый интерес одна из многочисленных странностей, подсмотренных человеком у животных. Ни желание добыть зверя переполняет человека, а овладение некоей тайной, состоящей в неожиданной для зайца оторопелости от услышанного звука. Будто он грехов когда-то насотворял, да и не поплатитлся за то, и так давно это было, что уж позабыто всё. Только некая настороженность, а более всего - смиренность в зайце осталась, но если кто строго окликнет его, то заяц, сразу же, всё о себе вспомнит, и замрёт, поджавшись.

Видать, не ангельская то была душа, но и не чёрная. Хватало в ней и лёгкости с добродушием, и милого веселья. Казалось, что зверёк этот слаб памятью только о своём неведомом и полузабытом худом, отчего так обаятельно и выдаётся в нём порой его бесхитростная простота. Её в кладовых леса много!

И всё же, в зайце определённо сидит бесёнок: гуляй-де, знай, баловник, потешайся досыта, коли это судьбою уготовано. Бывает, напугает беляк до смерти, выбросившись из-под самых ног, замрёт где-нибудь у опушки, покосив чёрными маслинами глаз назад, так что сердце тотчас обмирает, и задаст вовсю стрекача через заваленный снегом валёжник. Спохватившись, весело заулюлюкаешь ему вслед, но долго не можешь забыть остановившийся выпуклый взгляд косого, отчего всякий крещёный перекрестится, до того на него несвятимой, будто проклятой силой повеет. Бес в зайце, должно быть, его от других зверей обороняет.

Заяц создан таким и, ровно сирота, своего загадочного рождения не постигает, но особо из-за того не тужит. Не замыкаясь на скрытой в себе тёмной силе, он отдаёт волю простодушию и, изрядно напугав, тем же макаром тешит. Отдал заяц когда-то лесному богу душу, вот он его и терпит!

Необъяснимое поведение зверька, заключённое в его поразительной открытости и пристальном внимании к свистящему звуку, трогает человека гораздо сильнее, нежели возможность обыкновенного убийства, и он забывает про выстрел. Заяц, своей незатейливой доступностью, словно околдовывает не перестающего удивляться человека, а сам, между тем, прыг-скок за сугроб или в пушистые ёлочки, да и был таков. Леший с ним, с косым чёртом, сладит, говорят при этом, и на мой век ещё зайцев осталось!

Весёлые кабаны

Обычно принято думать, что кабан - это крепкие клыки, мощная грудная клетка, неуязвимый загривок, называемый охотниками «калканом», и отчаянный напор зверя: перед ним не в силах устоять порой даже волки. Но почти никогда не замечают его остренькие симпатичные глазки и круглый пятачок, уши-лопухи, хвостик пружинкой и очень коротенькие ножки с аккуратными глянцевыми копытцами, когда кабан ими смешно семенит.

Случается, конечно, что в злобе кабан топчет ногами землю, разъярённо трёт о кору клыки и устрашающе пофыркивает, зато, когда зверь спокоен, он то и дело сладко похрюкивает, будто от удовольствия. Не дикий кабан, а милая домашняя свинка!

И, правда, у кабанов всегда такой вид, словно они только проснулись и оттого выглядят несколько взъерошенными. Их дремучие глазки смотрят на тебя, будто недоумевая: что это такое большое, и на двух ногах? Если зверь, тогда почему он так неприятно пахнет? К слову сказать, зрение у кабанов не из лучших, а вот нюх и слух – не имеют себе равных.

Зрение, на самом деле, подводит нашего дремучего зверя, но обоняние у него превосходное, и дано оно ему, по-видимому, только за тем, чтобы учуять пищу. Кабана не зря отличает размеренный и малоподвижный образ жизни: его заботит только желание поесть, и такая черта предполагает у животного непременное добродушие.

Это становится понятным, когда увидишь в заснеженном лесу застывшую среди древесных стволов взлохмаченную физиономию зверя, пристально нацелившего в твою сторону свои маленькие глазки. Одному лесному богу ведомо, чего примечает в этот момент кабанчик, подслеповато вглядываясь в то, что происходит у него под носом. Особой смекалки у него, конечно, нет, но попробуй разгадать: что у кабана на уме?!

Кабан неотступно, не шелохнувшись, буровит тебя своим немигающим взглядом, но от этого становится не страшно, а смешно. Мохнатые уши, похожие на мочалки, торчат в разные стороны и придают грозному зверю такое выражение, что невольно улыбнёшься. Довершает забавную картинку щетинистое рыло, всегда чем-то перепачканное и раздутое, будто кабан набил за щёки желудей или картошки, пережевать не успел, да так и застыл милым изваянием.

На первый взгляд кабан, действительно, представляется более занятным, чем грозным и неповоротливым существом. Но стоит ему заслышать какой-либо посторонний звук или учуять чужой запах, а пуще того - кто-либо попытается напасть на него, и он в мгновение преображается, из безропотного и забавного животного оборачиваясь в разъярённого хищного зверя. К тому же, кабан обладает мощной грудной клеткой, облечённой в непробиваемый даже для пули калкан, и острыми треугольными клыками.

На кабана хомут не наденешь, и по рылу знать, что не простых свиней, но если его не трогать, то он не проявит свирепости. Весь вид кабана объявляет в нём мирного жителя лесов, что заботится лишь о том, чтобы было цело родное семейство, да все в нём были сыты: ведь мохнатая кабанья рожа одним рылом глядит! Впрочем, зрелище не для слабонервных!

Не зря кабана в старину назвали ещё вепрем, значит, зверем свирепым и неустрашимым. Но не всем лесным обитателям, даже сильным, жизнь в лесу за счастье, особенно в зимнюю пору, когда кто-то весел, а кто и нос повесил. Кабанам бывает худо, если выпадает много снега, и землю сковывает ледяная корка: не одолеть им на коротких ногах гибельные сугробы, не докопаться до желанных корешков, и кабаны нередко забираются в стога сена, где подолгу лежат, наслаждаясь теплом.

Часто животные вынуждены пробивать в глухом снегу глубокие тропы: впереди – самый сильный секач, за ним – сеголетки и самки с детёнышами. И так продвигаются кабаны до мелкоснежья, если хватит сил, и разве вспомнишь при этом, как говаривали когда-то на Руси: на медведя идёшь – соломки бери, на кабана идёшь – гроб теши. Слишком изможда ет зверей суровая зима.

Несмотря на короткие ножки, кабаны всегда очень оживлены. Целой стайкой бодро семенят они один за другим, время от времени похрюкивают и повизгивают, порой даже начинают верещать, но это только, когда их побеспокоят. При довольно неказистом виде, кабаны, действительно, проворны и быстры: когда кабанов что-либо неожиданно напугает, они вихрем бросаются в чащу, мелькая среди стволов, как маленькие, чёрно-коричневые молнии. Если ты охотник, то даже не всегда успеваешь вскинуть ружьё, тем более, совершить меткий выстрел, и лучше не пугать забавных животных, а просто наблюдать за тем, как они дружной семейкой отправляются по своим делам, как правило, намереваясь чем-либо подкрепиться.

При этом всегда отметишь присущую им толкотню, когда кабаны, в особенности это касается малышей, норовят обогнать друг друга на узкой тропке, что вызывает неудовольствие со стороны мамаш и тётушек, и они могут хорошенько наподдать молодым отпрыскам, что вознамерились затеять эту бестолковую кутерьму. Правда, беззлобно, только желая поучить уму-разуму.

Кабаны живут дружно, делить им особо нечего, и оттого, когда завидишь в лесу семейку кабанов, то невольно подумается: где потеснее, там

и подружнее. Семейственность у кабанов за обычай: только что горох вместе не молотят. Семейный горшок у них всегда кипит!

Кабан только рыло просунет – и уже весь пролез! Видел Бог, что не дал свинье рог, да зато кабана наделил знатными клыками и конскими копытцами. Он ими землю разрывает в поиске вкусных корешков, что ему, как ребёнку апельсины.

Вроде бы, и сыт кабан, а всё жрёт. Оттого кабаны на небо не глядят, им важно рассмотреть, что у них под ногами: на то кабану дано рыло, чтобы оно рыло, ибо оно одно у него в чести!

Если кабанов не злить, и попусту лишний раз не тревожить, то они действительно более забавны, чем сердиты, и, несмотря на свой воинственный вид, обладают добродушным нравом. Как и все свиньи, кабаны очень любят купаться в лужах. Обнаружив в лесу подходящее болото, даже по снегу, они разрывают почву и валяются в ней, пока не вымажутся грязью.

После этого кабаны любят тереться спиной и боками о стволы богатых смолой деревьев. Смола, смешавшись с грязью и высохнув, образует на боках такой твёрдый панцирь, что не по зубам даже волкам и рысям, а густая щетина покрывается смёрзшимися колтунами.

Расторопные и живые кабаны беспрестанно снуют в зимнем лесу в поисках пищи. Тычась мордами в корни и стволы деревьев, задевая жёсткими боками их стволы, они обваливают на себя обильно скопившуюся на ветках кухту. Прилипший снег застывает на их взмокших загривках и этих колтунах ещё больше, и, постепенно обкатываясь, превращается в тугие мутноватые сосульки, некие ледяные подвески, присущие только нашему загадочному лесу.

Словно сказочные бубенцы, гулко позвякивают они в заснеженном лесу, и если оказался где-то поблизости – нечто необыкновенное чудится в этом звуке, за ним хочется следовать в самую глубь лесной чащи, уходя всё дальше и дальше, пока он окончательно не растает в дремотной тишине, оставив тебя один на один с собственными догадками. Но истинное знание причины странного звучания ничуть не разочаровывает, а только прибавляет обаяния многоликой и удивительной природе.

Взвизгивающий возглас возбуждённых чем-либо кабанов звучит как отрывистое и часто повторяемое «ве! ве! ве!», будто звери силятся произнести нечто весёлое или восторженное, да ничего у них не получается. Но кабаны так забавны, что тебе тоже захочется, позабыв обо всём, заверещать на весь лес от охватившего вдруг веселья.

Если даже кабаны, сами по себе, не веселы, то они возбуждают это чувство, когда гуськом, как маленькие лошадки, семенят друг за другом по грудь в снегу. Сосульки на их обмёрзших боках позвякивают, и своим занятным видом кабаны способны развеселить и потешить всякого, кто, приходя в лес, видит в нём не только серьёзную заботу, но и радость.

Лисичка-сестричка

Лиса – полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть. Как и любой другой зверь, она всё время занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей: их писк она угадывает под снежной или земляной толщей.

Не раз приходилось мне находить глубокие ямки по опушкам укромных лесных полян или полей, вырытые почти отвесно, с небольшим наклоном, конечно, подразумевая, что их оставила после себя именно лиса. По самое плечо всунутая в них рука не достигала дна. И всегда при этом думалось: невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удаётся проделывать подобное?!

Лиса при этом почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было представлять присутствие чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи!

В какой-то миг видение исчезало, а ощущение оставалось, и ещё долго тешило разыгравшееся восприятие. Неизъяснимая радость от соприкосновения с таинственной жизнью зверей заполняла тогда душу, и, конечно, хотелось подглядеть когда-нибудь такую завораживающую лесную картинку.

Вернее всего подсмотреть озабоченную охотой лисоньку на белом фоне зимы, мышкующую на открытом пространстве, где её нарядная шуба сразу бросается в глаза. Заприметив в поле лису - всегда подивишься: как такой сторожкий зверь не боится объявить себя в открытую, никого и ничего не боясь?!

Но у лисы на всё свои приметы, и разбирать их – одно удовольствие. Не слезая с печи - в этом деле вряд ли чего добьёшься, ибо лиса в своей хитрости тем наглее, чем невероятнее её проделки: нахитрит так, что не разведёшь концов!

Взять, хотя бы, её ухватку в отношении ежа, свернувшегося в колючий клубок, когда ни одному зверю к нему не подступиться. Но кумушка за то и славится своим сметливым умом, что легко обезоруживает любимого всеми храбреца: она мочится на ежа, и тому ничего не остаётся, как развернуться на собственную погибель… Ум лисы – её верный попутчик!

Во все времена лиса считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, ум слепого, хотя лисицу слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где рысью норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь нрав её – на свою особую стать, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно себе курятинки добудет, как не стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба. Что из того может получиться – всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы заметает. В чистом поле – увёртыш, лиса всё хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте и поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки между собой называют «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает там, где мягко, в отличие от собаки, что тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке, стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы – спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса быстро примечает, что ненадёжно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей!

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни проехать, ни пройти, устремляется коротконогая лисичка в открытое поле, где снежный покров, хотя бы отчасти, утрамбован безудержными ветрами. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу. Но почуяв грызуна под снеговой толщей, не приближается вплотную к мышиной норке, замерев в двух-трёх шагах, чтобы не вспугнуть его и давая возможность успокоиться, а затем, сгруппировавшись, совершает прыжок, опускаясь точно в том месте, где находится мышь, зарываясь в снег с головой, так что на поверхности вздрагивает лишь огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника – и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий радостный кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, сосредоточив всё своё внимание на маленьком зверьке под снегом. Так и стоит, не шелохнувшись, столбиком: мордочка и ушки в возбуждении застыли в одном положении, ничего, кажется, не замечает лисонька вокруг.

Но вот, изогнувшись в воздухе изящной дугой, лисичка вновь ударяет передними лапками в снег, задрав задние кверху, повторяя подобные выкрутасы и раз, и другой, пока не добивается своего. Движения лисы при этом грациозны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней

поре, чистому, недавно выпавшему снегу, розовому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

Когда же мышь не показывается, но лиса слышит её, то она начинает приплясывать на месте, ударяя лапами о землю, чем выгоняет полёвку наружу. Мыши не терпят сотрясания почвы, это их беспокоит, и они покидают свои норки, что Патрикеевне и нужно.

Лиса - ушлый зверь, что призван природой выслеживать и брать то, что по праву считает своим. Ей нет равных среди зверей в отыскании добычи. Лиса живёт в лесу припеваючи, никогда не испытывая недостатка в корме. Чьё поле, того и воля!

Даже когда лиса утолит свой голод, она не перестаёт давить мышей, припрятывая их у опушки леса, часто - под поваленными деревьями. Так, бывает, с полдюжины накидает, а потом бродит лунной ночью, отыскивая свои припасы. Лисонька слывёт в лесу заботливой хозяюшкой: днём – припасиха, а ночью – прибериха. Запас пить-есть не просит!

Так и живёт Патрикеевна всю зиму, неспешно передвигаясь по её белой скатерти, и всё время прислушивается – не пискнет ли мышь? Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение, и тогда держи ухо востро: вот-вот появится аккуратная ямка в снегу, вокруг неё налёт искрящейся пыли и две капельки крови – всё, что осталось от бедной мышки.

А вот след в гору, что похож на заячий малик, лисица оставляет, когда поднимается галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордочкой снег роет, хвостом след заметает, только её и видели!

Ещё у лисы бывает такой ход, что не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идёт «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой лисице доверять тоже нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого объегорит и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок - и живёт в нём барыней: хитрее её в округе никого не встретишь.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как будто замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой

рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природы, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она – разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же, лесной сторожкий дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он урезонивает надменность ловкого зверя, будто ограничивая его вседозволенность: умной спеси не бывает! При всей своей разнузданности - лиса порой вынуждена относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, лисица не боится часто подходить вплотную к деревне. Близёхонько подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём распутывая её наброды поутру!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и знанию!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей не сладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесом густых хвойных лап снег оказывается мельче. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять завалу.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след. Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись клубочком, изредка поглядывая да подслушивая. Для самой же лисы такие днёвки представляются простыми и неприхотливыми: не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, что составляет лучшее, что она имеет. Оттого и ложится открыто, на пригорочке, чтобы при случае успеть, вовремя, ретироваться.

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как будто спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным по мере сил

перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется к деревне, где есть поля и дороги, и какое ни есть пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, она хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, что всегда обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и неравнодушное отношение к своей жизни.

О многом может рассказать лисий «нарыск» - оставленный ею на снегу мягкий и нацеленный след. Цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается любимым убежищем. И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшье лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи - хитрее зверя в лесу не отыскать!

Завидев однажды мышкующую в поле лису, я вдруг подумал: более всего завораживает ни её умение охотиться, та изящная ловкость, с какой она подпрыгивает, чуть ли не на метр, вонзаясь затем мордой глубоко в снег, ни изощрённый ум и смекалка, а ярко-оранжевый наряд, что невозможно не заметить в широком заснеженном поле. Поразила именно эта яркая открытость, что невозможно было не заметить, так что сразу подумалось: для чего лисе такая бросающаяся в глаза шкура, что, кажется, никак не идёт ей на пользу?!

Лиса видна всем не только в зиму, но и в любое другое время года. И вспомнилось, как совсем недавно поднял поутру рыжую красавицу в молодых овсах, неподалёку от опушки леса, где она, по-видимому, охотилась на мышей. Услышав меня, лиса совершила в хвойную чащу два высоких прыжка, и на фоне густой зелени была хорошо отличимой. Так отчего же лисичка не боится красоваться своей роскошной шубой?

Долгое время я никак не мог сообразить – в чём тут дело. Казалось бы, броская одёжка, пусть и красивая, лисице в лесу, действительно, ни к чему. И ещё тогда подумалось: зачем у неё такой красивый и, вроде бы, совсем не нужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать, которые, если кому понадобится, и без того разберут. Да и с красотой не всё так просто: разве не призвана сама природа к тому, чтобы зверь в лесу оставался незаметным и осторожным, не бросаясь в глаза?

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя и подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком. На снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой. И тут я понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы, когда она, оборачиваясь им, утыкает в него нос, а холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Хвост лису бережёт, и она никогда его не замарает!

Но к чему лисе, всё-таки, такое привлекательное обличье? Скажем, зайцу природа предопределила менять зимою серый мех на белый, чтобы не быть заметным. Точно таким же образом она позаботилась о горностае, ласке, полярной сове и белых куропатках. Медведю, барсуку и енотовидной собаке нет надобности переодеваться на зиму, меняя шкуру, они проводят её в спячке. Бобры всю зиму обитают в хатке под водой. Ловкие куница, соболь, белка и норка с колонком могут позаботиться о себе благодаря собственной юркой ухватке, используя, к тому же, дупла и гайно. Кабаны с лосями хорошо различимы на снегу, но в состоянии постоять за себя, имея мощные клыки с рогами. И только лиса в лесу на загляденье привлекательна, и даже не пытается при этом затеряться в чаще, свободно мышкуя по открыто раскинувшимся полям. Почему?!

Неужели природа, на примере лисицы, просто решила покрасоваться своими неограниченными возможностями, будучи уверенной, что на её яркую привлекательность никто не покуситься? Ведь у лисы, по сути, нет врагов, и потому бояться ей некого, она не нужна ни медведю, ни рыси, ни кабану, и даже если лиса подвергнется нападению со стороны волков, то она способна забраться на дерево! Лисе в лесу всё нипочём, и ловкий зверь чувствует себя в нём вольготно, красуясь богатым огненным мехом и пушистым хвостом.

Сама природа красуется лисою, проявляя в ней торжество грации и красок, чем манит и блазнит человека, призывая его к достижению совершенства. Устремляясь к нему, человек воскрешает себя, свой дух. И всё – благодаря лисе!

У полыньи

Зимнее утро было неживым, мглистым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоевищами, отчего всё время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тотчас исчезает. И только свежий волчий след спокойно и твердо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом тёмном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошел лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгорячённый звериный галоп. Волк, видимо, почуявший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним березовым колкам, бесприютно замершим по склонам неглубоких ложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промерзшей заводи. Под самым берегом в зеленовато-мутном вспузырившемся льду обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями полынья. Повсюду валялись смерзшиеся волосяные комки, лед был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утоптан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась

зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжелую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную груду тел, постепенно различив в них разбухших овец.

В деревне мне рассказали, что в самом конце лета коровы, они привыкли возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой небольшое стадо овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, он и прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмерзнув в полуметровый лед.

Волчица, судя по следу, это была именно она, всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей всё тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимо возрастающим раз от раза желанием, разъяренно кромсала лёд острыми когтями. В бессильной злобе от невозможности дотянуться до лакомого куска, волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в отупелом безумии проклиная у этой затерявшейся в лесу полыньи свою вынужденную угнетённость и голодную зиму.

Заячья забава

Редко когда что-либо встреченное в лесу, пусть даже самое невероятное, сразу просится на бумагу: обычно лесные рассказы долго и терпеливо выхаживаются, а затем ещё и вынашиваются в себе, и только потом воплощаются в жизнь. Встретится ли тебе медведица с медвежатами, посчастливится ли подглядеть катающуюся с горки выдру, - всё увиденное должно быть постепенно пережито и осмыслено. Ещё не раз столкнёшься ты и с медведями, и с выдрами, и с другими зверями, пока выложится закономерная цепочка в восприятии природы и откроется занимательная картинка из жизни леса. Лес не терпит в себе чего-либо сиюминутно восторженного, прямо и скоро бросающегося в глаза, а предпочитает терпеливое вглядывание и неутомимость.

Однажды, зимним днём, я застал зайцев за забавной игрой: они теребили торчащий из-под снега рогоз. Рогоз — это растение, которое обычно нарезают в конце лета, после похода в лес за грибами или ягодами, и везут целыми пучками в город для украшения своих квартир. Его бархатные, темно-коричневые набалдашники хочется потрогать рукой — такие они приятные на ощупь. Не покидает желание непременно владеть ими, положить на грибы в корзину, а потом поставить дома в красивую вазу и вспоминать лес, жёлтое болото у самой дороги и умиротворенное августовское небо.

Зайцы, наверное, оттого и обратили внимание на рогоз, что зимой любят ложиться в мелкий тростник у занесённого снегом болотца, из которого обычно и торчат одиноко его коричневые верхушки. В таких местах, что располагаются в низинке, меньше задувает, да к тому же - хороший обзор.

Заяц всегда увидит или услышит приближающуюся к нему опасность, и успеет предпринять необходимые меры. Сидит в самой серёдке и шевелит ушами: никто его не видит, а он всех примечает.

Зимой под снегом не найти зеленых побегов, и приходится зайцам питаться горькой осиновой корой да жёсткими ветками. Самая вкусная молодая кора и сочные тонкие ветки высоко, их не достать, и оттого живут косые в начале зимы впроголодь, обгладывая снизу грубую, чёрствую кору. Гложут её и ждут, чтобы навалило больше снега, и можно было подобраться к нежным верхушечкам.

Снег падает на ветки деревьев и кустов, пригибает их к земле своей тяжестью, и они становятся доступными для зверей. В иной год, обильный на снег, отдельные деревца даже ложатся на землю, а некоторые и вовсе ломаются: вот уж когда зайцам раздолье! Получается: чем больше снега зимой, тем зайцам лучше.

Заяц ест траву, грызёт таловые прутики, любит полакомиться свежими всходами овса и зерновых. В зимнюю пору, когда меню его не отличается разнообразием, он интересуется и торчащими из-под снега коричневатыми головками рогоза. Все травянистые растения скрыты глубокими сугробами, осиновая кора надоела, а тут привлекательные на вид плоды, вот их зайчишка с удовольствием и объедает.

Свидетельство тому - часто встречающиеся по зиме обгрызенные стерженьки рогоза, одиноко торчащие на ветру. Вокруг них всё бывает истоптано, а снег обильно усыпан серо-зелёными катышками заячьего помета. Чем здесь мог заниматься заяц, если только не жировать?!

Легкодоступные, так как растут на болотистых местах открытых полянок и просек, и хорошо приметные на белом фоне, верхушки рогоза не могут быть не замечены зайцем. Обнаружив объеденные стебельки, сразу воображаешь, как, смешно вздёргивая зад, косой вприпрыжку передвигается между ними, замирает, а потом, зажав аппетитные верхушечки передними лапками, разгрызает их. Делает он это, наверное, основательно, не торопясь, и выглядит при этом очень забавно.

Я решил докопаться до истины, просмотрел всю имеющуюся у меня литературу о жизни зайцев, их повадках, но нигде не встретил упоминания о том, что забавные зверьки используют в пищу именно рогоз, может быть, он содержит для них немало полезных веществ. Вернее всего, зайцу становится просто скучно и, наевшись под утро осиновой коры, он сам придумывает себе в унылую зимнюю пору незатейливую забаву и неприхотливо тешится ею. Ведь разгрызенный пух в обилии устилает снежную поверхность, он остаётся не съеденным, и странной представляется мысль, что заяц питается рогозом: кроме этого пуха зимой в его плодах ничего не остаётся! Нет, ближе к весне заяц, наверное, скорее играет, а всё остальное занимает его уже не так серьезно.

Вот бы увидеть зайца, когда он это делает, думаю я. Себе на потеху и белому свету на диво, рассказав потом своим знакомым, как заяц сидит на

задних лапках и, подобно медведю, играющему на лучине старого пня, трогает верхушку рогоза, словно струну. Лёгкая позёмка разносит пух, а заяц смотрит на него и тихо радуется, вспоминая золотую летнюю пору, когда ласковый ветерок так же легко раздувает пушистые семена одуванчиков, и они разлетаются повсюду. Скорей бы лето, смекает, наверное, заяц: много шелковистой травы, цветов и вкусных молодых всходов!

Забава не даёт зайцу скучать и увеселяет его, когда всё кажется пустым и безынтересным. Она — утешение от безделья, занятие от скуки в заснеженном лесу, где за долгую зиму всё порядком надоело. Вот зверю и хочется поиграть, тем более - такому оживлённому и подвижному, как заяц.

Ребёнок играет куклой, кошка — мышью, взрослые — в карты, а всякий досужий человек захвачен любимой мечтой. Но чем позабавиться такому занятному зверьку, как заяц? Забава, говорят, для ребёнка, но заяц и есть дитя, взлелеянное лесом, и только лес в силах подарить ему какую-либо незамысловатую радость, на которую, кроме зайца, никто и не позарится.

У нашего молодца, подшучивали над кем-нибудь в народе, нет забавам конца. А много ли их у зайца? Весной, к примеру, зайцы играют в догонялки, когда начинают ухаживать за длинноухой красавицей, и показывают ей свои возможности. Они без устали носятся друг за другом, привстают на задние лапки, а передними барабанят, что есть мочи, в грудь соперника. Выглядит всё это очень забавно.

Зайцы устраивают соревнование по прыжкам, и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают, а потом прыгают через межу — кто дальше? Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться, Зайчиха же, тем временем, уже милуется в стороне с каким-нибудь косым.

В зайцах много энергии, и они без устали могут веселиться так целые сутки. В конце февраля или в начале марта часто можно услышать неподалёку от деревни их бормотание: так отмечают зайцы свои весёлые свадьбы.

Когда сходит снег, и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнце. Они с отупелым восторгом резвятся, могут пробежать прямо перед твоими ногами, заверещат, и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалеет от весны.

Летом, по заверениям знатоков, зайцы, проигранные одним лешим другому в карты, начинали не на шутку беситься: они ошалело сновали из колка в колок, устраивая в лесу невообразимую кутерьму. Ведь вся сила у зайцев в ногах, без них им не то что играть, а давно бы пропасть: «Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем». В эту пору ягодникам и грибникам ходить в лес не советовали, связывая с заячьей суетой и бесовские игры. В народе верили, что заяц сотворён чёртом и служит ему передовым.

Ещё замечали, что летом зайцы любят сидеть в грибных местах: при сборе людьми грибов они, бывает, выскакивают прямо из-под ног и, что

интересно, не убегают стремглав, а держатся неподалеку. Иногда они даже запрыгивали в корзину с грибами, как будто играя, чем полностью смущали крестьян, и те, в свою очередь, связывали с этим действие нечистой силы. Но особой игривостью зайцы отличались, всё же, весной, часто забывая при этом вести себя настороженно.

Осенью зайцы тешили себя тем, что то и дело перебегали дорогу. Особенно этим славились листопадники — зайцы последнего в году приплода, что появляются под самую осень. Ещё неопытные и бестолковые, они не в силах были переждать в кустах проезжающую мимо телегу, срывались в нетерпении и прямиком шпарили через дорогу под носом у возницы, который провожал взбудораженного косого залихватским свистом. Меж людей велось поверье, что, увидев зайца, перебегающего дорогу, надо было из повозки выкинуть клок сена, в этом случае заяц будто бы возвращался, и беда отступала.

Словом, во все времена года заяц находил для себя возможность порезвиться. И если у него такое поведение складывалось в силу обстановки, а не его игривого характера, то это никак не умаляло склонность зайца к забаве. Ну, а чем же заняться зайцу зимой, в самой её глуби, когда она уже порядком всем надоела?

Если представить себе хмурый февральский лес, то, на первый взгляд, в нём нет ничего, что бы могло заинтересовать зверьков, кроме осиновой коры и занесенных снегом ивовых кустиков. Да и те, впрочем, не всегда отыщешь. Вокруг - сонное безмолвие, однообразная белая тишина и наметённые горы сугробов. Впору забыть обо всём и залечь, как медведь, в спячку, но зайца ноги кормят, и ещё - неунывающий дух.

Это только старый, говорят в народе, хочет спать, а молодой — играть. Старым в лесу можно представить себе лося, кабана или медведя, они в эту пору действительно малоповоротливы, но не зайца, что, кажется, всегда молод. Заяц не устаёт играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находиться без движения, и всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять.

Весёлость, по-моему, состояние духа зайца, вопреки установившемуся мнению, что он трус и постоянно трясётся. Одна из русских поговорок не зря отвергает боязнь зайца, приписывая ему, скорее, благоразумие и осторожность: «Заяц не трус, а себя бережёт». Зайцу только на себя да на Бога надеяться — ни от кого ему защиты ждать не приходится, и потому трусость зайцу только мешает. Не будь он всегда весел, несмотря на все беды, заячье племя уже давно прекратило бы своё существование.

У зайца, как ни крути, веселый нрав, а его, известное дело, не купишь. В весёлый час даже и смерть не страшна, и заяц хорошо это, наверное, знает. Есть у него время плакать, есть - и веселиться, но весёлому, как говорится, жить хочется, помирать не можется, и ничего зайцу не остаётся, как радоваться.

Радость зайца в том, что он любит, а любит он немного: в суровую пору

сладкую яблоневую кору поглодать, да звездной ночью с другими зайцами хоровод поводить. В радости зайцы друг друга ищут и, разыскав, все горести забывают. Радость по радости — заяц с приятелями, но хоть и прост этот зверёк, а знает, что по две радости в один день не бывает, и сам себе только на радость никто не живёт.

Рад заяц и тому, что весна настала: появилась свежая зелёная травка, подул душистый и тёплый ветерок, запели птицы... Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг, и заяц рад и за весну, и за саму природу. Это только, на первый взгляд, кажется, что заяц радуется самому себе, на самом деле он, похоже, радёшенек за всех.

Конечно, радость зайца порой выражается бестолково, но откуда взяться большому толку в невеликом зверьке? Был бы корм и чистая водица, а всё остальное само приложится. Оттого зайца легко обрадовать, так же, впрочем, как и напугать. Всё в этом незлобивом зверьке располагает к симпатии и доверию.

Веселье, говорят, лучше богатства, и хоть за весельем горесть ходит по пятам, и то правда, что терять зайцу нечего. Всё самое дорогое находится при нём: пушистый хвостик, называемый в народе «цветком», зимняя теплая шубка и возможность вот так, позабыв обо всём, отдаться вольной игре, за которой всякий увидит, чего заяц стоит. По народным поверьям, цена зайцу — две деньги, зато бежать — сто рублёв!

Но какова игра, таков и выигрыш! После всего этого представления зайцу только утеха остаётся, что устроил он себе, хотя бы на миг, лето, окунулся в его беззаботное лоно и обо всём позабыл среди скучной зимы. Та не игра, говорят, что взаправду пошла, ну, а где же правда в заячьей забаве?

Одно лишь облегчение, что для зайца выше всякого смысла в его непростой лесной жизни. Того и гляди на зуб волку или рыси попадёшь, но косой не унывает — знай, играет! Игра, как говорится, потеху любит, и заяц, несмотря ни на что, в своей нелёгкой жизни её находит.

Мы, люди, привыкли узнавать друг друга в игре да в дороге, и как нам не разглядеть в бесстрашном зайчишке, когда он играет посреди дня, сообразительного и неунывающего удальца! Снег белый, он сам тоже белый — чего же ему бояться? Только угольки глаз да кончики ушей весело мелькают на ослепительном лоне зимы, и заяц знает, что немножко рискует, а всё равно безоглядно отдаётся своей игре. Разве его за это осудишь?

Хочется зайцу потешить себя в суровую долгую зиму, но когда заяц гуляет, он и ещё кого-нибудь кроме себя потешает. Отправится человек в зимнюю пору в лес за сеном или дровами — и натолкнётся на играющих зайцев. Позабыл он за своими нескончаемыми заботами обыкновенную радость, а зайцы ему про неё напомнили. То-то человеку отрада!

Вспомнит он вдруг за этой звериной утехой и свои зимние праздники, воспрянет духом и улыбнётся. Осторожно отводя рукой еловую ветку и посматривая на зайцев, всерьёз задумается: чего же ему на самом деле недоставало? Может быть, вот этой возможности находить, видеть и

радоваться?!

Милые лоси

Из всех крупных зверей лось наиболее часто встречается людям в лесу. А ведь, казалось бы, он должен быть осторожен ничуть не менее кабана, медведя или волка. Не повинна ли в этом медлительность, отчасти даже леность, в которой нередко обвиняют это животное, так как поспешает лось действительно медленно, в основном шагом?

С одной стороны, упрекнуть лося в таком «грехе» легко, мы знаем зверей и большего веса, что передвигаются очень быстро. Но, с другой стороны, зачем лосю, при достаточно значительном весе, быть подвижным, пусть даже кто-то из крупных зверей ведёт себя более активно?

Случается, что за сутки сохатый не проходит и километра, и выглядит каким-то неповоротливым, даже понурым, но стоит только показаться ему на глаза, как лось в момент утратит эту милую растерянность, обретя устремлённость, дремавшую в нём внутреннюю силу. Лосю, видимо, незачем её лишний раз демонстрировать, и он чаще всего воспринимается спокойным и совершенно невозмутимым. Может быть, из-за этого ему и приписывают не присущую на самом деле наклонность к какому-то отрешённому покою.

Увидеть лося как зверя, далёкого от неприкаянной праздности, будет несложно, если представить у себя на голове огромные разветвлённые рога: с ними зверю необходимо передвигаться между часто растущими деревьями, либо преодолевать, при общей массе тела в две сотни килограммов, беспредельные заснеженные поля, что ближе к весне покрываются острым, режущим ноги настом. В мороз лосю также лихо: если тело его остынет, то, чтобы отогреться, он ложится в снег. В летнюю пору из-за плохо испаряющегося густого жиропота, что спасает животное от комаров и слепней, лось плохо отдаёт тепло, что грозит неминуемым тепловым ударом, и, естественно, в знойный день его не увидишь скачущим по лесу галопом. А если ещё к тому же учесть, что держится лось ближе к вырубкам, где в обилии растёт его излюбленная пища - молодая лиственная поросль, то станет вполне очевидным: много передвигаться сохатому вовсе не обязательно.

Однако корой лоси могут питаться только до наступления сильных морозов, так как, примёрзнув, она плохо отделяется от ствола. Для того чтобы утолить голод, огромному лосю приходится съедать чуть ли не до пуда этого грубого корма, а в сильные морозы и того больше. При скудном питании, да ещё в холод, лоси вынуждены экономить энергию, и вот поэтому они стараются двигаться как можно меньше. Имея от природы большую силу, что зимой оказывается почти невостребованной, животные, тем не менее, держат себя всегда с достоинством, и получается это у них довольно мило.

По следам мне не раз приходилось видеть, что могучий лесной великан, забредя в заросли кустарника, на вырубку, подолгу стоит на одном месте, стараясь дотянуться до побегов, и только когда все побеги окажутся

объеденными, он делает один шаг, чтобы снова, не двигаясь дальше, объедать новое дерево или куст. В молодых сосняках, где звери могут стоять всю зиму, они начисто обгладывают верхушки сосновых посадок, их концевые побеги, и каким-то невероятным чутьём угадывают в лесу поваленные осины, обьедая их мощные стволы до сахарной белизны, как зайцы.

Там, где лось кормится, он обычно и ночует. Бурая толстая шкура, хотя и не пушистая, надёжно защищает сохатого от мороза. К тому же, лоси прекрасно научились пользоваться для защиты от холода снегом, устраивая в нём свои удобные лёжки. Лёжка лося - это продолговатая яма в снегу, с заледеневшими стенками, подтаявшими от тепла его большого тела, и по форме напоминает обыкновенное большое корыто. По бокам лёжка окружена снегом так, что наружу выглядывает только спина, покрытая длинным жестким волосом, и даже если ты стоишь неподалеку, то можешь не разглядеть зверя. Позёмка быстро накручивает вокруг него снежные заструги, что надёжно укрывают лося от пронизывающего ветра.

Но всё это хорошо только до тех пор, пока в лесу не выпадает глубокий снег. Вот тогда-то для сохатых начинаются трудные дни, поскольку они уже не в силах легко передвигаться и бродить всюду, где им вздумается. Лоси ходят только гуськом, след в след, и тропы их с каждым днём становятся всё короче и короче. Наконец, они прекращают всякое передвижение и выбирают подходящее место для стойбища.

Такое укромное место в лесу, где лоси обычно держатся всю зиму, называется «двором» или «лосиным островом». Там всегда покой и сплошное благолепие для ограниченных в движении зверей. Лоси выбирают его, конечно, неслучайно.

Никто лучше их не найдёт этот остров в глубоком логу, с уютным сумраком потаённых густых ельников, покрывающих его склоны. В нём бывает меньше снега, что оседает на густых еловых лапах, и не дуют сильные ветры. Наст не режет зверям ноги, когда им приходится идти на водопой, на дне лога неизменно струится ручей, а по его бережкам полно молодого черемушника, ольхи и рябины, вполне пригодного для корма. К тому же, лоси здесь могут надежно укрыться от одолевающих всю зиму серых хищников, если будут держаться вместе и не оставят за собой длинного следа.

Мне посчастливилось найти лосиный остров лишь однажды, в конце февраля, и когда мы с приятелем обнаружили его, то были сильно удивлены. В небольшом ложке, представляющем из себя своеобразную чашу, зимовало, похоже, стадо лосей, а лёжек мы насчитали более сотни. Невозможно было не ступить в бесчисленные горки помета, шоколадными шариками громоздившиеся повсюду: продолговатые, чуть разбросанные - принадлежали самцам, более округлые, в кучке - лосихам. В таком лесном лосином дому чувствовался вольный дух зверей, их постоянное присутствие, и вот переживать именно это было радостнее всего.

Ни с кем из крупных зверей не находился я так часто в непосредственной близости, как с лосями. Объясняется подобное поведение животных, наверное,

какой-то таинственной задумчивостью, в какой они оказываются временами по непостижимой для человека причине. Лоси или подпускают тебя к себе, или проходят мимо, порой на расстоянии вытянутой руки, а ты замираешь и с восхищением разглядываешь их. Простота восприятия жизни зверьми, их необъяснимая незащищённость в какие-то отдельные моменты - поражают.

Обычно зверь стоит на вырубке, среди розовых султанов кипрея, время от времени вытягивая задние ноги и величественно поводя огромной головой, либо бредёт в шумящем листвой лесу, по самой опушке, и как будто вслушивается в окружающую его жизнь, а человека не замечает. Голова его опущена, во всем облике только безрадостная принужденность двигаться в поисках корма. Не потерпел ли он поражение в борьбе за тёлку с каким-нибудь более могучим самцом?

Если не бояться и замереть, когда лось проходит рядом, то можно, иной раз, разглядеть его глаза - отрешённые и таинственные. В них тоже проглядывает какая-то зачарованность и тайна, что лоси и сами, похоже, не в силах разгадать. Не разъединённые с лесом, они - его дети, что впитывают вкусы, запахи и звуки, не очень-то заботясь о будущем. Будущее для них представляется неизменным и нескончаемым настоящим, в нём они, из поколения в поколение, покойно живут и никому не причиняют вреда.

Чаще всего лось попадался мне поздней осенью, в ноябре, или в начале декабря, неторопливо переходя просеку или замерев на каком-либо заснеженном взгорке. В эту пору он был наиболее заметен, и появлялся всегда неожиданно и бесшумно. Что-нибудь понятное только ему привлекало его на открытой просеке или склоне лога, и зверь как будто на время забывался, отрешенно вглядываясь в необъятные лесные пространства.

Иногда лось настороженно поворачивал морду в мою сторону, но проходили томительные мгновения, и зверь переносил свой интерес на что-либо другое. Потом он отчего-то напряженно вздрагивал и, неловко мотнув мощно вылепленной головой, так же неслышно исчезал в чёрном лесу, как и появился. Какое-то время я ещё представлял его себе на ослепительно белом фоне, и лес от этого всегда оживал, будто являясь продолжением лося.

Оживляли его и глубокие оконца лосиных следов, заманчиво голубеющие в подмороженном с утра снегу. Их близость, совсем не кажущаяся доступность - были очень приятны. Хотелось брести по ним вглубь леса, всматриваться в чащу и утопать в ней. Следы неосознанно влекли к какой-то другой, неведомой и совершенно недоступной для тебя жизни.

Ещё в лосиных следах виделось неторопливое понимание лосями того, что происходит с ними в лесу, их какой-то неловкий интерес к своим нехитрым заботам, когда они никогда и никому ничего не передоверяют, несмотря на природную доверчивость. Длинные, как палки, сухие ноги с узловатыми коленками, разъезжающиеся в стороны в осеннюю слякотную пору, но, между тем, устойчивые и крепкие, теперь голенасто перемахивают через синие сугробы, вызывая только улыбку. Хотя из лесных жителей лоси — самые крупные животные, они, в тоже время, и очень трогательные.

Природа как будто сознательно хранит милую доверчивость именно в самых крупных животных, наиболее доступных людям, а они бессовестно используют её при охоте на них. Ведь лоси не зря в голодные годы часто подходят прямо к городам и, наверное, просят поддержки, когда оказываются совершенно беспомощными, но люди их не понимают, поскольку просто к этому не готовы.

Кстати, опасны лоси в период осеннего гона, когда устраивают между собой отчаянные поединки. Рёв их при этом разносится далеко над лесом, он необычен и будит в душе что-то глубокое, неизъяснимое. Тревога с лёгкой печалью одновременно ложатся тогда на сердце, и оно как будто замирает.

Тебе хочется идти на этот рёв, видеть всё самому и жадно впитывать неустрашимую силу зверей. И ещё – поражаться и запоминать, как звери отрешённо, порой – в полном молчании, схватываются меж собой, чтобы потом, глядя на спокойных лосей в течение всего года, удивляться, как тихие и милые звери могли когда-то выйти из себя и стать такими коварными.

Именно об этой поре в их жизни говорят: «На медведя идёшь - постель стели, на сохатого идёшь - гроб теши». Странным представляется существование такой поговорки, но, может быть, виной тому были ещё и дедовские способы охоты, накоротке, когда лось мог не на шутку разъяриться, от присутствия рядом человека, что вознамерился покуситься на его жизнь. Страшным и неудержимым становился тогда зверь: ни следа от его былой умиротворенности и покоя.

Конечно, никогда нельзя забывать, что лось - дикий зверь, и миролюбие его имеет свои границы. Но как существо разумное человек может научиться определять настроение животного, достаточно полно разбираясь в его жизни. Он должен хорошо представлять, когда допустимо подойти к зверю ближе, а когда делать этого не стоит.

Если, скажем, лось прижал уши, и шерсть у него на загривке встала дыбом, то лучше держаться подальше. Самое же мудрое, вообще, никак не вмешиваться в жизнь зверя, наблюдая за ним с расстояния. Лось обязательно почувствует такое отношение человека и останется ему благодарным. Ведь давно известно, что насильно мил не будешь, а вот лось именно мил в своей доступности и простоте.

Но что означает для зверя быть милым? Какие качества в нём располагают человека к тому, чтобы полюбить это животное?!

Расположить человека к любви какое-либо животное поможет достойное и величественное поведение зверя, как это и выходит у лося. Любить себя лось вынуждает человека даже против его воли, просто потому, что он – таков. А ещё он приятный и статный на вид, кроткий по нраву и обаятельный в поведении. Всё это в полной мере относится к лосю, что у многих людей, между тем, вызывает страх и уважение из-за своих внушительных размеров, но, тем не менее, он любим человеком.

Несмотря на величественный рост и агрессивность, какую лось иногда проявляет во время гона, он действительно мил во всём, что составляет его

суть. Лось всегда скромен, он никогда по-пустому не бросается в глаза. Недвижно стоящего в лесу зверя трудно разглядеть, в этом ему помогают тёмно-коричневый «сюртук», что сливается с верхушками молоденьких деревьев, и белые «чулки» на ногах, которые неопытному глазу легко принять за берёзки. Только облачка пара изредка выдают лося, и так спокойно, даже - очень мило, спасается он от опасности.

Чрезвычайно подвижная, сильная верхняя губа, что свисает с рогатой морды, так же мила, как и длиннющие ноги. Стоит застать лося, когда он неспешно пережёвывает осиновые веточки, и мягкость его толстых губ, кажущихся несколько неловкими, очарует. Про себя пожелаешь лосю поскорее разделаться с неподатливыми и жесткими ветками, но зачем зверю куда-то спешить?

Ему хорошо и привольно стоять вот так, по грудь в молоденьком осиновом или сосновом подросте, и, ощущая на себе ласковые лучи восходящего солнца, наслаждаться окружающим его довольством. Всё, что лось желает, рядом, и зверя не обуревает жажда постижения окружающего мира, он с удовольствием воспринимает такое размеренное существование и, наверное, не просит у леса большей милости. Лось доволен своей жизнью, тих и никому не мешает.

У лося большие и очень милые уши: он слышит скрип снега за целый километр. Достаточно увидеть, хоть раз, как лось трогательно шевелит ими, улегшись на снег в густом чапыжнике, и сразу проникнешься добрым чувством к зверю.

Несмотря на мощное тело, грозные рога и копыта, хочется потрогать его за толстые уши, они кажутся плюшевыми, погладить ворсистый загривок, чтобы лось всхрапнул и потянулся к руке тёплыми губами. Много в лесу хороших зверей, но из крупных самый милый - лось!

Глядя на чудесные уши лося, не могу вспоминать без улыбки одного охотника, что был помешан на охоте, особенно глухариной, и однажды удивил всех своей выходкой. Имея дома лосиную голову на медальоне, он в точности скопировал с неё уши и вырезал их из толстого картона. Затем приспособил к этим «ушам» тесёмки, а весной, на глухарином току, надевал их. Это, по его мнению, значительно облегчало слышимость подлета птицы на токовище и, конечно, саму песню, которую он теперь, будто бы, угадывал за три сотни шагов.

Понятно, что, подкрадываясь в таком виде к поющему глухарю, выглядел он очень уморительно, доводя своих товарищей от смеха до слёз. У лося-то уши непрестанно двигаются, улавливая малейшие шорохи, а наш герой то и дело шевелил их руками, поворачивая голову в разные стороны, и это окончательно лишало охотников возможности сосредоточиться. Причём, умелец действовал на полном серьёзе, и очень обижался, что его не понимают.

Ещё одна особенность, какой, кстати, у другого зверья не бывает, это - волосы на брюхе сохатого, обращённые вперед. У всех назад, что вполне естественно и во многих случаях удобно, а у лося - наоборот, казалось бы,

вопреки здравому смыслу.

Но ничего в природе не происходит впустую, просто так, и небывалый лосиный зачёс, что сам по себе, опять же, своеобразен и мил, может быть, поддерживает у зверя необходимый для жизни теплообмен, когда тот подолгу лежит в снегу. Зачем-то он лосю непременно нужен, и можно только порадоваться тому, что в нашем лесу обитает такой необыкновенный и милый зверь. Причём, очень крупный, каждый его может увидеть и разглядеть, оказавшись в лесу.

Прежде, чем выйти на открытое пространство, лось всегда сначала высунет голову, осмотрится, и уж затем отправится дальше. Порой он стоит так очень долго, и, наблюдая за ним, издали, ты даже подумаешь, что тебе померещилось и это вовсе не голова осторожного животного, а старая валёжина. Сохатый терпелив в своей предусмотрительности: обладая внушительными габаритами, он опасается быть замеченным. Лосю, наверное, кажется, что, высунув голову, он остается невидимым, и такое незамысловатое поведение лесного великана выявляет в нём очевидное обаяние, что у маленького зверя воспринималось бы, как нечто обыденное.

Когда лось бредёт по брюхо в снегу, то кажется, будто он плывёт. От него веет неведомой для него самого милой допотопностью. Лось действительно древен, вполне возможно, что он ровесник глухаря, и в тоже время зверь остаётся обычным лесным великаном, что всегда постоит за себя, и плохо придётся его обидчикам, хотя сам он первым никогда не нападёт. Лось, скорее, пойдёт на уступку, чем проявит силу, он тих и славен в своём неспешном поведении, и нет ничего худого в этом милом звере.

Иногда лоси кажутся замкнутыми в себе, будто их обуревает тоска от своего неприкаянного существования. А может быть, они просто становятся такими ненадолго, сами не зная - отчего? Бредут неторопливо по лесу и ни на кого не обращают внимания. Могут пройти совсем рядом и не заметить.

Неожиданно обнаружив в лесу такого зверя, сразу замрёшь, слившись с лесом. Кажется, что зверь не минует тебя, и произойдёт что-то невообразимое. Дыхание замирает, ноги немеют, и только какой-то глубинный интерес к зверю не утихает в тебе, ты жадно впитываешь всё происходящее и боишься, что оно вот-вот прекратится.

А зверь живёт своей неприкаянной жизнью, и эта его открытость совершенно околдовывает. Как просто, кажется, можно добиться близости с лесом: только прийти и застигнуть в нём чудесное животное. Но, может быть, это - кажущаяся простота, и лось не замечает тебя благодаря накопленному тобой знанию, неутомимости и воле, если ты был достаточно осторожным и вдумчивым в своих бесконечных лесных бдениях?

Необъяснимая неприкаянность, с какой лось иной раз бредёт по лесу, вызывает больше улыбку, чем озабоченность. Он будто забыл что-то, и не в силах вспомнить: вот, вроде бы, на секунду его озарило, так что лось остановился, как вкопанный, даже слегка всхрапнул, но, в следующий миг, всё исчезло, и зверь опять неспешно трогается, изредка хлопая ушами, и ничего

вокруг не замечает. Смутны его воспоминания, зато легки тревоги, и как только зверь повстречает поваленную осинку, всё для него встаёт на своё место: лось превращается в того лесного обитателя, которому не чужды самые обыденные и милые привязанности.

Большие печальные глаза с длинными ресницами тоже отображают в звере его трогательную, никем не замечаемую милую открытость. Он и не просит никого о помощи, но определенно нуждается в ней, порой, видимо, не зная, куда себя деть. В каком-то отрешённом беспамятстве застывает зверь где-нибудь на границе поля и леса и, не придя ни к чему, что могло бы внести в его жизнь перемены, вскоре приходит в себя, будто из милости принимаясь обдирать свисающие перед мордой осиновые листочки. Так ли уж темна его неприкаянная звериная душа?

Застанешь лося на водопое или у солонцов, а зверь смотрит на тебя, никуда не убегает и только прядёт ушами. Милое, славное существо, разве поднимется рука на эту никому не причиняющую вреда жизнь? Про себя улыбнёшься, но погладить лося между рогов не пожелаешь. Настоящее и доброе в лесу чувствуется всегда на удалении; попытавшись его приблизить, рискуешь отпугнуть.

Лосиное обаяние слагает, конечно, сама природа, однажды обрёкшая зверя на вынужденное терпение и скромность. Терпение удивительное, присущее только этому зверю. Надо видеть, как стойко преодолевают лоси непроходимые топи или переплывают широкие реки, как нелегко им спасаться в суровую зиму от хищных волков или уходить от погони неутомимых охотников, обагряя снег кровью. Их спокойствие и выдержка при этом поражают, и ты ещё больше начинаешь уважать милых зверей.

В последнее время увидеть лося проще, чем зайца. Особенно летом, когда лось любит принимать ванны. Большие неприятности доставляют зверю насекомые - оводы и слепни, заедающие его всё лето. Даже почуяв человека, лоси с неохотой прекращают свои спасительные водные процедуры и неторопливо уходят прочь, но чаще остаются, надеясь на его благоразумие. Зная о присутствии человека, они делают вид, будто ничего не замечают, только отведут морду, фыркнут и, как ни в чем не бывало, продолжают наслаждаться. Со стороны это выглядит очень мило.

Любой зверь сам по себе самобытен, но лосю присуща ещё одна индивидуальная особенность: кожаный вырост-«серьга», что загадочно болтается у него на шее. Вместе со стройными ногами, что в сравнении с небольшим туловищем кажутся удивительно длинными, чрезвычайно подвижной и сильной верхней губой, волосами на брюхе, всегда обращёнными вперед, эта деталь, должно быть, обаятельное дыхание далекого прошлого, то, что роднит лося с загадочной древностью. У прочих лесных обитателей таких бросающихся в глаза странностей не наблюдается. Впрочем, странностей, опять же, милых, что других зверей в лесу ни к чему не обязывают и не отпугивают.

Особенность лосей сказывается и в любви, она тревожит их осенью, а не

весной, как всех остальных животных. Лоси весной в лесу совсем неприметны, и ты забываешь о них за своими глухариными и тетеревиными заботами. Эта способность любить, не как все, тоже, наверное, проистекает из милого стремления зверей не выделяться. Очень не хочется лосям докучать и без того перенасыщенному жизнью лесу, и они тихо переживают пору всеобщего торжества, чтобы испить свою чашу любви осенью, никому не мешая. Ну, разве они не милые?!

Лось - деликатный кавалер, что всегда ведёт себя с достоинством. Он никогда не подходит к лежащей лосихе, а если вы заметите медленно приближающегося к стоящей самке рогача, то кажется, что он ступает на носках, как балерина. До того он предупредителен, выдержан и мил.

Лося не сравнить с оленем, что часто держится с самками заносчиво и гордо, обслуживая целый гарем. Сердце сохатого принадлежит одной даме, и он скорее выйдет из себя в поединке с другим рогачом, чем доставит ей какие-либо переживания.

А лосята?! В результате такого необычного осеннего слияния двух влюблённых зверей они рождаются милые-премилые! Нескладные, то и дело разъезжающиеся ноги у них ещё не одеты в белые чулки, как у родителей, а сами лосята рыжие и лопоухие.

Всю первую неделю малыши коротают под кустиком, а потом вышагивают за мамашей и учатся объедать листочки молодых осинок и берез. Голенастых детей, родившихся в конце весны, лосихи почти четыре месяца кормят превосходным молоком: жира и белков в нём в несколько раз больше, чем в коровьем. Выпивая в день по литру такого чудесного молока, малыш к осени набирает в весе не меньше центнера. Холодной зимой, когда для лосей начинается голодная жизнь и рост приостанавливается, эти запасы ещё как пригодятся!

Лосята очень долго сохраняют свою милую сущность, и даже достигнув двух лет - ходят за матерью как привязанные. Они, совсем ещё дети, не в силах расстаться с ней, и лосиха не отгоняет их, долго проявляя заботу. Даже во взрослом лосе порой проглядывает эта детскость, и оттого, наверное, лоси всегда кажутся милыми и послушными. Из всех зверей именно они используются людьми в своем хозяйстве, в основном как тягловая сила, и уже есть целые лосиные фермы.

Что же за черта в лосе определяет его таинственную невменяемость, эту покойную простоту и неспешность, какое-то древнее обаяние? Может быть, ощущение своей дикой свободы, когда никуда не надо торопиться, а только жить своими неприхотливыми заботами, оставаясь при этом незаметным?

Наверное, красота лосиного существования - в его неприхотливом отношении к жизни, в том, каким слитным чувствует он себя с лесом. Не однажды встреченный человеком в лесу и непонятый им, лось когда-нибудь, всё же, повернёт к нему массивную голову, печально посмотрит своими бездонными глазами, и человек почувствует в них невыразимую мудрость зверя, что всегда проста и всем доступна.

Так, неотступно думая о лосях, и изредка встречаясь с ними в лесу, ты постепенно понимаешь: принимать этих зверей можно только такими, какие они есть. Может быть, чуточку непутёвыми, порой даже грозными, но всё равно очень милыми. Ведь милее всего лоси тогда, когда их никто не трогает, и они остаются самими собой.

Незнакомый зайка

Ни один зверь у нас в народе не пользуется такой популярностью, как заяц. Редкая сказка о русском лесе обходится без него. Всякому попадался он в руки, и всякий знает его по наружности, но, несмотря на это, не многие хорошо себе представляют образ его жизни.

Зайца обычно воспринимают кротким, трусливым или просто неприкаянным простофилей, но иногда он выказывает совершенно противоположные свойства. Говоря о его неприкаянности, забывают о смекалке; вспоминая робость, не учитывают задор. Очень часто приводят в пример бегство, как явный признак трусости: мол, цена зайцу - две деньги, а бежать - сто рублёв!

Да только бежит он не от страха, а к воле. Когда заяц убегает от своих преследователей, надо помнить, что у него нет другой возможности спастись. Но если, всё же, кто-то настигает косого, то ему суждено испытать на себе силу заячьих лап. Заяц умудряется нанести серьезные раны человеку, взявшему его за уши, а отбиваясь от хищных птиц, он нередко падает на спину и, брыкаясь, когтями сильных задних лап выпускает внутренности своему обидчику.

Охотников до зайца - не перечесть: это и вечно голодный волк, и хитрая лисица, и коварная рысь. Гордо реющий в поднебесье ястреб высматривает себе добычу, бесчисленные совы только и ждут случая применить свои страшные когти, и паратые гончаки травят зайца в стремительном исступлении. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собак, чутьё и лукавство лисиц, кровожадность волка и совы, дурная погода с дождями, холодом и разными стихийными бедствиями пощадят нашего горемыку, то за преследование косого принимается, со всей присущей ему изворотливостью ума, человек: ставит капканы и петли, строит облавы, догоняет выстрелом. Куда бедному зайке деваться?!

Вынужден он ото всех убегать, и не терять при этом головы. Только минует беда, а он уже опять веселится, прыгает, играет, и дела ему нет до волка с его зубами, хитрой лисы или неустанного в своей злонамеренной изобретательности человека. Нет зайцу равных среди зверей по отходчивости характера и природной простоте: ровно медведь ему дядей, а медведица тёткой в лесу приходятся!

Более всех зверей оказался приспособленным к жизни в лесах заяц. Зимой - белый мех и широкие мохнатые лапы, словно валенки, что позволяют ему легко перемещаться по рыхлому снегу. Летом - будто запечённая на солнце

шляпка подберезовика, коричневато-пегая шкурка, сливающаяся с корой деревьев и травой. К тому же, заяц не боится воды, когда его вынуждает к этому обстановка. Он, вообще, очень быстрый и толковый зверь по части принятия единственно верного решения.

Пожалуй, никто так легко не чувствует и не понимает свою жизнь в лесу, как заяц. Неприхотливый с рождения, он рано научился прятаться, убегать и защищаться от лукавого зверя. Ему не надо объяснять, кто в лесу враг и кто друг. Он знает, где есть вкусные, сочные коренья и свежая вода, глухие места и солнечные поляны с мягкой травой. Ему ведомы тайны диковинных запахов. И ещё он знает, что недолог заячий век, и нужно быть очень ловким, смелым и осторожным, чтобы как можно дольше продлить его и оставить после себя потомство.

Из всех органов чувств у зайца наиболее развит слух, что, впрочем, видно уже по его большим ушам. Трудно поверить, что зайца пугают знакомые с детства звуки: шум леса, треск проходящих мимо медведей, неожиданные взлеты рябчиков и глухарей. Его настораживают лишь незнакомые и странные шорохи, резко доносящиеся или чуть слышимые. И заяц, побеждая страх, без конца изучает все звуки и запахи, чтобы, встретив их в другой раз, уже спокойно убежать от греха подальше или, вообще, не обращать на них внимания.

Каждый заяц, наверное, бывает, по-своему, отличен: один доверчив и обходителен, другой - неуживчив, злобен, третий – пуглив… Этот - умён и понятлив, а кто-то глуп и безрассуден. Иной всегда весел и доволен, да и без капризных, наверное, никак не обойтись. Только всё-таки не встретишь среди лесных жителей зверя более добродушного.

У каждого зверька - своя выгода, и она хоть кого-нибудь да потревожит, но заяц - сам по себе: не хитрит, не крадётся, умысла тайного не вынашивает, на чужое не зарится, если только созорничает порой, на огород заберётся, а чуть что - стремглав восвояси. Нет более простого и славного зверька в лесу, и как бы ни окрестили зайку, ему всё нипочём.

Есть у него и свой замечательный ум, что проявляется в необыкновенной осторожности, чуткому вниманию ко всему окружающему, сметливости и быстроте, с какой он запутывает свои следы. Маленький, беленький, по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык, неприхотливо ковыляет в своей жизни неунывающий зайчишка: всякому доступен, да не всяк достанет!

Заяц - удивительно своеобразный зверёк. Даже убитый, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы, и всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в плотном снегу глубокие ямки, что открывает в зайце нечто неизведанное.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, забавно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего

подозрительного не приметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступившей в природе твёрдости, что оголяет и без того мало защищенную заячью жизнь.

Но вот зачем зайцу рыть подобные ямки в утрамбованном снегу, и не где-нибудь в поле или в лесу, а прямо на дороге, остаётся полной загадкой. Неоднократно натыкался я на такие углубления по накатанным до блеска обочинам, видно было, что зайцу рыть их очень трудно, но, тем не менее, он не оставлял свою затею и достигал значительной глубины. Лесовозы с небольшими интервалами снуют по дороге и днём, и ночью, а зайцы не прекращают своих усилий, и то там, то тут натыкаешься на большие и маленькие ямки, как будто зверьки стремятся докопаться до чего-то, но что это - остаётся непонятным.

Заяц, кажется, никому не приносит худа, и даже не держит намёка на это, но есть в его поведении черты, что порой выявляют нам совершенно незнакомого зверя...

Ночуя как-то зимой у одного знакомого егеря, я, к немалому удивлению, обнаружил у него за печкой, в большой картонной коробке, живого зайца. Заяц какое-то время не хотел выходить, лишь изредка оттуда доносилась его возня, но вскоре он покинул свое укрытие, повёл розовым носом и неуверенно проковылял к середине избы. Мы сидели и наблюдали, что заяц предпримет, а он вдруг встал на задние лапы, опёрся передними в моё колено и глянул в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверек, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, мне просто стало не по себе.

Тупой, застывший взгляд неожиданно обозначил в зайце его необъяснимую темноту, мало того, какую-то жуткую остекленелость, что отсутствует у других зверей: медведя, волка, рыси, лисы, в чьих глазах всегда чувствовалась осмысленность. Взгляд зайца вынудил посмотреть на него с опаской, после чего во мне уже не осталось той безотчётной лёгкости и благодушия, с какими я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг стала мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства приподнятого восторга, что охватывал раньше.

Заяц показал себя с совершенно другой стороны, стал в моём представлении каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и я уже начинал относиться к нему с оглядкой, не в силах забыть этот остановившийся, тупой взгляд, отображающий неизведанную звериную душу. Заяц молниеносно потерял в моём воображении с детства укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и он приобрёл в своём образе нечто неизъяснимое, что скорее испугало, чем

развеселило.

Отвратный запах, что оставляет после себя этот обаятельный с виду зверёк, когда его держат в домашних условиях, тоже не идёт ему на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу заюшки-горностаюшки в уютной, вычищенной снежком и морозом шубке. На деле заяц оставляет после себя совершенно непереносимый дух, отчего в самом скором времени теряет свою былую привлекательность, и как бы хорошо к нему не относились дети, от него приходится избавляться. Заяц хорош в лесу, где обретает своё лицо и, как ни странно, опять оказывается понятен и дорог. Но вот рядом с людьми он начинает представляться им нечистоплотным, злым и каким-то не привлекательным колченогим существом.

В обычное время осмотрительные, зайцы стараются лишний раз не показываться на глаза, но к концу зимы они словно теряют голову, забывая о какой- либо осторожности. Зайцы так увлекаются в неудержимом стремлении показать себя с самой неожиданной стороны, что совершенно дуреют: они начинают ошалело носиться по закраинам полян и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается гомоном, писком, так что заяц в порыве страсти может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, он порой доводит себя до такого отчаянья, что уж ничего, кажется, не боится, а вернее, не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да свистнешь изо всех сил чуть ли ему не в ухо, то зверь сначала оторопеет, затем с него слетит вся эта весенняя спесь, и сделается он опять робким зверьком.

Так однажды выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил большую поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался, во всю прыть, прямо мне под ноги. Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится, и заяц, чуть приподнявшись на задних лапах, тоже замер. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать круги по поляне, словно, не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без устали носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится?

Очень странное и двоякое чувство вызывает весной и линяющий заяц. Сверху ещё белый, каким его все привыкли видеть зимой и полюбили, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится совсем неопрятным и жалким зверьком, так что старая свалявшаяся шерсть свисает с него рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, отчаянно гоняющегося за длинноухой красавицей, он превращается в неловкого зайчишку-бедолагу, что только бы незаметно проковылять через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться от чужих глаз в хвойной чащобе.

Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит задержаться и, в тоже время, поскорее сбежать.

Вдобавок, по весне заяц проявляет, казалось бы, совершенно не присущую ему жестокость, когда, чуть ли не с остервенением, обихаживает понравившуюся ему зайчиху. В приступе проснувшейся страсти он способен доставить ей массу неприятных хлопот, выдирая когтями у неё со спины целые клочья шерсти, а то и хвост! Нелегко даются бедной зайчихе его весенние ухаживания, и разве не задумаешься после этого о том, так ли хорошо мы знаем зайца?!

Вот такой он, скорее - незнакомый многим зайка-серые уши, от которого поп за куницу отказался, дьякон - за лисицу, и только пономарь-горюн им не погнушался, да и тот больше по невысокому званию своему. А ведь и по заячьему следу, говорят, доходят до медведя!

Лисий хвост

Увидел однажды в заснеженном поле лису и сразу подумал: зачем у неё такой пушистый и как будто совсем ненужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать: если кому понадобится, он их и без того разберёт. Да и с красотой не всё так просто обстоит, что в лесу как раз не резон в глаза бросаться.

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя, подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком, так что на снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой, и понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы. Когда лиса, оборачиваясь им, утыкает в него нос, холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Не хвост, а носогрейка!

К тому же, лиса-Патрикеевна, при всей своей изворотливости не имея в природе явных врагов, призвана заявить о своей красе во всеуслышание! Посмотрите, какая я пригожая, и собой красива, и по уму мне молвят славу: чего же мне бояться?

У волка хвост – полено, замечали в народе, у медведя – куцык, у бобра – лопата, а у лисы – труба, им она на весь белый свет и трубит о том, как хороша. Он у неё – что след огненной кометы, озаряющей собой и без того дивный лес.

Лиса хвостом виляет, но зубы скалит, и если зайца ноги носят, волка зубы кормят, то лису хвост бережёт. С ним она от любой беды отыграется, оттого сытей волка и живёт!

Одинокий волк

Однажды всю зимнюю ночь преследовал меня одинокий волк. Волк ничего не грыз, не рвал, никуда, вроде бы, не стремился, а если и делал что-то, то так, что его можно было неторопливо рассмотреть. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить, двигаться, смотреть по-волчьи равнодушно и как бы недобро.

Волк оставался открытым взгляду и воображению целую ночь. Похоже, что он словно проживал вместе со мной мои мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными.

Волк всё время находился в поле моего пристального внимания. Стоя на заснеженной утоптанной опушке, он изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от вынужденного безделья, даже некоторой настороженности. Медленно поворачивал лобастую голову, косил мимо застывшим от постоянного напряжения собственной жизни взглядом.

Мерно вздрагивающий в раскрытой пасти язык почему-то не обжигал жаром страха: он вызывал в душе, скорее, какое-то неустройство. Когда же язык показывался наружу, волк на мгновение казался и вовсе добродушным зверем, как собака.

К телу подступала приятная скованность, когда волк начинал двигаться. В такие минуты я не страдал, и меня не одолевали какие-либо разрушающие сомнения, а просто охватывала обыкновенная тихая жуть, которую почему-то также приятно было преодолевать.

Кружа по полю и приседая на задние лапы, волк изредка схватывал губами хрупкий снег, низко прижимая голову, озирался. Ему не составляло труда контролировать местность, тишину застывшего леса и приглушённые зимой запахи, не проявляя ни к чему окружающему своего пристального интереса. Озирался он как будто в поисках чего-то утерянного, но не снисходил при этом до открытого недоумения или растерянности.

Порой волк отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли он в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мёрзлому насту или его изощрённое чутьё скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, сердце начинало учащённо биться, и кровь немела в жилах от его безутешного воя, одиноко плывущего над лесом. Проникая в душу, вой оседал в ней неясной одурманивающей опасностью, а на лес навевал состояние безмолвия и пустынности.

Время от времени зверь видоизменялся, слабо пульсируя то в одном, то в другом обличье. Но в любом случае было очевидно, что это волк, и о нём я, оказывается, думал … во сне. Видение это не было чем-то пугающим, сон приятно тревожил и обескураживал, словно мне самому предстояло вот так же скитаться, самозабвенно что-то искать и отупело выть на мерцающую в облаках зимнюю луну, может быть, к кому-нибудь проситься на ночлег?

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей, и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришёл ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из какого-то древнего забытья, извлёк своей памятью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен.

Волк, наверное, уже давно был моей лесной судьбой, что не принимала слепого смирения даже перед божьей милостью, а желала только одного: неутомимого поиска, и я был благодарен зверю за то, что он поверил мне и отозвался.

Сердце зимы

Зимой нужно умудриться хоть раз подсмотреть восход солнца, а увидеть это по-настоящему можно только в лесу. Подглядев же восход однажды, непременно будешь околдован его зимним светом и постараешься сделать так, чтобы видеться с ним чаще. А потом захочешь почувствовать его и понять, и тебе, конечно, придётся обратиться к народным поверьям, связанным с именем солнца. Они тоже очаруют тебя своей сказочностью и красотой, и ты откроешь для себя иной мир.

Солнцу всегда дела много: оно и снег сгоняет, и хлеб растит, и цветы раскрывает, и людям пропитание даёт. Ничего не страшно, пока солнце светит и греет. Но и в холодное время от него есть польза: за солнцем следят и определяют по нему приметы зимы.

В неписаном народном дневнике совершенно особыми приметами отмечен день Спиридона-солнцеворота. Это время, когда, по старинному преданию, солнце поворачивает на лето, а зима - на мороз. «После солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет дня!» - говорил деревенский люд.

Эти же самые наблюдения заставляли его повторять каждый Петров день близкую примету: «С Петра солнце идёт на зиму, а лето - на жару». Солнце с этого дня укорачивало свой ход, а месяц шёл на прибыль. С Иванова же дня, наступающего вскоре за летним поворотом, совершался первый торжественный выезд солнца в далёкий зимний путь: дни с этой поры начинали уменьшаться, а ночи - всё заметнее прибывать.

Выехавшему в зимний путь солнцу предстояло теперь, что ни день, терять свою плодотворную силу и блёкнуть. И вот уже вскоре матушка зима появлялась на земле в своём суровом одеянии, с заметающими сугробами, да трескучими морозами. Нечистые силы, что забирали в свои руки всю власть, затемняли свет драгоценного солнца, вынуждая всё живое хорониться в глухие норы. Неприветливо смотрело на землю небо, всё реже освещаемое солнечными лучами, как будто и само красное солнышко собиралось в эти покорённые зимой угрюмые дни навсегда забыться томительным сном.

Выезжающему же на летний путь солнцу было до лета ещё очень далеко, потому как расстилалась перед его огненным взором бесконечно

заснеженная дорога, что, кажется, вела под самое небо, к недостижимо далекому Господу Богу. Пропадала тогда в душе людской надежда на светлые дни, но чарующие алые зори каждое утро умывали солнце прозрачной чистотой, и оттого оно постепенно возрождалось. Правда, пока это была только робкая улыбка живительного света.

По не отжившему ещё до сих пор на Руси поверью, солнце, в предвкушении лета, обстоятельно рядилось в праздничные одежды, убирало свои волосы золотым кокошником и усаживалось в сани, запряжённые лихой тройкой коней. Серебряный, золотой и алмазный - они выворачивали светило к жизни, и чем ретивее погоняло оно своих коней, тем скорее наступал конец наскучивших демонов мрака. Солнце, круто поворачивая с зимы на лето, возрождалось к жизни с новой силой, уже в первые дни своего небесного пути переходя с воробьиного шага на шаг куриный.

Для долгой русской зимы это было немало, и люди всегда отмечали предстоящее солнечное торжество: разжигали по горам и пригоркам жаркие костры, варили чудное пиво, а начиная со Спиридонова дня, откладывали ежедневно по одному полену дров, чтобы накануне Рождества с благоговейною молитвою затопить печь на святой вечер. Ведь жар огня в доме предвещал ещё скорые холода да лютую стужу.

Не зря, по крылатому замечанию старых людей, зима со дня поворота солнца начинала ходить в медвежьей шкуре, стучать по крышам домов и будить по ночам баб-хозяек - топить печи. Если заглядывала она в лес, то непременно осыпала деревья богатой куржевиной; когда же ступала по рекам и озёрам - под следом своим сковывала воду в два аршина.

Но радостно было от холода зимы у человека на душе: её бодрило восходящее по утрам, на востоке, солнце. «Красное солнышко, разожгись! На жаркое лето повернись! Да в дорогу выезжай, зимний холод забывай!» - наговаривал про себя каждый. Весёлая детвора - мал мала меньше, всей гурьбой отправлялась на самую высокую гору и начинала катать с неё колесо - прообраз солнца, которое, наконец, сжигали под радостные возгласы на реке. Чуяла ушлая детвора скорый для себя праздник солнечного света, и по всей Руси приветствовала его.

А солнце ровно слышало забаву малышей, и от их непоседливости само начинало приплясывать своими лучами. Недаром деревенские люди издревле примечали: на Спиридонов день солнышко играет, быть всем дням на Святках ясными. Так солнце весёлым светом освещало грядущую жизнь.

Знали день Спиридона-солнцеворота и животные. По деревням в эту студёную пору часто ходила такая присказка: «Спроси у волка: когда самые сильные холода? Скажет: на солнцеворот». Хоть серому и была зима за обычай, а никто лучше его не ведал о предстоящей непогоде: волк от своей обездоленности зиму на месяц вперёд предугадать мог.

Ещё меж людьми водилось поверье, что на Спиридона-солнцеворота медведь в берлоге на другой бок поворачивается… Будто бы не лежалось ему уже к тому времени, как солнце совершало свой поворот на лето. А медведь,

ровно зная, сколько ему зимовать осталось, ненадолго пробуждался, и ещё более сладко засыпал. Представлять это для людей было, наверное, очень приятно, и они оттаивали душой при мысли о тёплом медвежьем убежище. Обаяние сказочного леса тогда входило в их обустроенную зимнюю жизнь, и ещё более её согревало.

Иногда народ олицетворял солнце с собою, придавая ему человеческий образ. Зимою от солнца идут лучи - ноги вниз пучками, к вьюге. Руки солнечные человек одевал в рукавицы, и было такое солнышко к морозу. А если около солнца вдруг появлялись уши - будет очень холодно.

Солнце было многообразно и непредсказуемо, и ему хотелось внимать всю зиму. Порой вокруг него мог возникнуть туманный круг, после чего следовало ожидать продолжительной метели. В редкие дни на небе выступало сразу три солнца - к лютым холодам. А то ещё утренняя заря возьмёт и осыплет мужика золотом - вспыхнет так, что ослепит. Да только будет ли она краше зари вечерней?!

Известно, что первый луч солнца ещё дня не делает. Утренние зимние зори быстро перегорают - к морозу, вечерние - к оттепели, багровые же - к ветрам. Но чаще всего красный закат сулит зимой вёдро, правда – иногда с ветром.

Обожествляя пресветлое солнце, приписывая ему замечательные свойства, русский народ величал его самыми ласковыми и отеческими именами. «Солнце - князь, луна - княгиня, - торжественно и непреклонно превозносили его, и тут же добавляли. - Ты - наше перекатное красное солнышко, кормилец и благодетель, радость и надежда». Его называли «золотым хозяином», «наливным сладким яблочком», «красной девушкой», да «родимым батюшкой».

«Солнышко-вёдрышко, выгляни в окошечко!» - кликали солнце во время затянувшегося надолго ненастья. В лютое глухозимье обращались с трогательной лаской: «Солнечко родненькое, отомкни зимыньку студёную, растопи её, соболюшко». Или ещё так, изрядно истосковавшись в длительной кручине: «Ты заря ль моя, зорюшка, зорюшка вечерняя, солнушко восхожее! Высоко всходило, далеко светило - через лес, через поле, через синее море». А иногда весело, зазывисто: «Солнышко, пеки! Золотеюшко, пеки! Нам на радость пироги!»

Солнце было добрым и многомилостивым, праведным и лицеприятным охранителем всего земного. Ниспосылая тепло и свет, оно являлось, в тоже время, грозным судьёю нечистой силы на земле. Могло солнце осчастливить, но в его власти было и обездолить засухой или какими-либо иными тёмными поветриями.

Не было для солнца ни бедных, ни богатых - всем одинаково раздавало оно свои дары. Самой верной клятвой преданности Богу была такая: «Красна солнышка не взвидеть!»

«Солнышко для всех равно светит, но и ему на всех не угодить», - примечали между собой люди. Издалека оно не только свет, но и теплоту

даёт. Хорошо, что не достать его, а то бы кому-то и в темноте пришлось сидеть. Впрочем, кому нет доли, для того и луна не светит.

Одно красно солнце на небе, один царь на Руси. Не было для человека ничего его дороже. «Грело бы красное солнышко, а месяц - как себе знает!» - с почтением молвили всегда в народе. Не прельщало даже богатство: «Что мне золото - светило бы солнышко!»

Без солнышка нельзя было пробыть, как без милого прожить, в особенности зимой. «Все мы растём под красным солнышком», - то ли утвердительно, то ли с какой-то горечью говорили о нём. В долгие зимние сумерки и вечера хорошо было подумать о солнце да помечтать, чтобы оно взошло и над твоим двором.

Какая свеча могла светить против его луча?! Солнце всем здоровье приносило, при нём никакого лекаря не нужно было. Знали люди, что светит оно всегда, даже за тучами, а случившееся в зиму ненастье не бесконечно - проглянет когда-нибудь красное солнышко!

От солнечного света никому не спрятаться: оно всё обнаружит. Солнце осветит даже то, что под снегом сокрыто и луна припрятала. На гору оно зайцем бежит, наверху - зорким соколом любуется, а вниз тройкою коней летит: ни за что от него не утаиться!

Воображение людей всегда отводило солнцу особое жилище, куда оно удалялось на отдых после дневных трудов. Оно располагалось на востоке, в стихии зарождающегося живительного света, и было схоже с дивным дворцом, построенным из чистого золота и разноцветных каменьев. Вокруг дворца рос сад с волшебными яблонями, и все плоды в нём были драгоценными. Распевали в этом саду невиданные жар-птицы.

В самой глуби сада покоилось алмазное ложе, покрытое пурпуром, где и отдыхало красное солнце. Каждое утро садилось оно в свою лучезарную колесницу и, светоносное, полное жизни, выезжало на белых огнедышащих конях ко всему свету. Отдохнувшее, оно было способно озарить его своей великой радостью. И ещё - мудростью: ни одно земное дело без него не обходилось.

«На солнышко, что на смерть, во все глаза человек не взглянет!» - замечали люди меж собой. Когда подсмеивались над чьей-либо излишней осторожностью или неказистостью, лукаво отпускали: «И сокол выше солнца не летает!» Народному простодушию оставалось, махнув рукой, промолвить: «Солнышка в мешок не поймаешь!» А горькому бобылю приходится кручиниться по неудавшейся доле, как и по недостижимому солнцу: «Солнышко с золотом рядом садится, ловишь его - в карман положить норовишь, а всё, братец ты мой, ни гроша в мешке не шевелится!»

Наученный вековечной нуждою, русский крестьянин домочадцев своих всегда наставлял: «Когда солнышко закатилось, новой ковриги не починай: нищета одолеет!» «Откоде ветер на солнцеворот, оттоле будет дышать до Сорока мучеников», - гласило народное поверье. Оно же осмотрительно

предостерегало: «Как солнышко зайдёт, не заводи ни с кем спора!» Да всех народных примет о батюшке солнце и не перечесть!

А загадки?! Простонародные, яркие, живые, они немало прославляли досточтимое светило, и как бы заботливо уберегали его. Хорошо было, особенно зимою, внимать им и незлобиво потешаться: «Кто ни взглянет, всяк завянет?» «Не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдёт?» «Летом греет, зимой холодит?» А то вот так красиво и сказочно: «Красно яблочко на синей тарелочке катается?» И тут же: «Что на свете всего резвее?»

Заблаговременно радуясь недосягаемости солнца, знающие люди с затаенным духом загадывали: «Вертится вертушечка, золотая коклюшечка, никто её недостанет: ни царь, ни царица, ни красная девица?» Про неудержимые солнечные лучи говорили: «Барыня на дворе, рукава - в избе?», или: «Чего ни в избе не запрёшь, ни в сундуке не схоронишь?!»

Утреннюю зарю с вечерней, обычно представляли сёстрами, что будили красное солнышко и спать укладывали. От их присутствия ему ещё уютнее жилось. На зорьке вспрыскивали ключевой водою больных - для излечения от тяжких недугов. По цвету зорь гадали не только о погоде, но и о судьбе: и в том и в другом случае слишком яркий, багряный цвет не предвещал добра.

Зимние красавицы зори несли истосковавшимся по теплу людям радость и счастье. «И на нашей улице будет праздник, и над нашей крышею займётся заря!» - с надеждой восклицали они. Долгий зимний день денежку забирал, а холодная заря её опять ковала. Драгоценным золотом осыпала она мужика, если не ленился он её каждодневной работой предварять. «До утренней зари не гляди в окно, - молвила пословица. - Вспыхнула же заря - вставать пора!»

В природе ничего лучше солнца народ не знал, ничего выше солнца на небе не ставил, но в мире духовном ценил он нечто ещё большее - правду. «Правда краше солнца», - говорил русский мужик, и желал, чтобы её лучи так же великодушно освещали русскую землю, как солнце озаряет поднебесье, изгоняя мрак ночи. Верили, что как и от лучей солнца, от правды никуда не укроешься.

Слово «солнце» у многих народов означало одно и то же: небо и свет, первозданный покой и жизнь. Даже в крестьянской избе отделение для женщин называлось «солныш». Солнце оказывалось под стать человеческому сердцу, и было им - сердцем зимы, что светило, спасало и наделяло человека жизнеутверждающей надеждой.

Родное, воспетое в песнях, дарующее силы в благом стремлении к ликующему свету, и ещё прозванное в народе светозарным и сияющим, могучим и животворным, ослепительным сердцем мира, - солнце всегда было почитаемо.

Катится солнышко по небесному кругу и творит на земле чудеса. Без солнца ни весны, ни лета, ни осени не было бы. И даже зимы. «Будет всё - было бы солнце», - говорят в народе.

Солнце вращается вокруг звезд, медленно, в течение всего года, переходя от созвездия к созвездию. Скучно ему, должно быть, или, может быть, солнце, как и человек, любит путешествовать. И тогда, подходя к какой-нибудь звезде, оно радостно освещает её ослепительными лучами, словно обнимает.

При встрече с человеком солнце его тоже обнимает и несёт на своих ласковых лучах. Как это бывает удивительно хорошо! У человека тогда открываются глаза и вырастают крылья.

Если у солнца есть своё лицо, то оно каждый раз меняет выражение. Лицо может быть смущённым, колючим или просто безоблачным. Отчего оно меняет настроение? Что обескураживает его и беспокоит?

Часто солнце подобно самому человеку, что поднимается ранним утром и неутомимо ходит весь день по своим неотложным заботам. Одетое в пурпур и сверкающее алмазами, оно всюду чтимо и ожидаемо. Теплота и свет его глаз как никогда дороги именно зимой.

Целый день солнце полно огня для других. Вселяя в сердца людей надежду, солнце, утомившись за день, возвращается вновь к своему царскому ложу. В ослепительно белом ночном колпаке, в ярко-желтой ночной пижаме засыпает оно, никогда не потухая, и, как и людям, ему, наверное, снятся сны.

Что может быть лучезарней их! Даже невозможно вообразить эту недосягаемую ослепительность и сияние, и ещё дремлющие силы, способные испепелить и воскресить. Каково самому солнцу одолевать такую пламенную судьбу, и как не устаёт оно хранить в себе это огнедышащее чрево?! Самоотвержен бесконечный путь солнца во имя всеобщего блага и света, и только зимой ему удается немножко передохнуть.

Ведь зимнее солнце – это обещание для всех будущей жизни, что таится в нём. Но облака его растворяют, тучи пытаются заслонить от земли своими тёмными боками, а ветер уносит солнечный свет, желая зажечь там, где ему вздумается. Мрак скорой ночи подкрадывается к солнцу, кажется, только благодаря его доверию…

Солнце есть – и его нет, и так продолжается вечно. А человек всегда ждёт от солнца добра, и не устаёт на него надеяться. Душа его, наверное, обретает желание жить благодаря именно солнцу, особенно – зимой, и ещё всему, что несёт с собой необыкновенное зимнее время. В эту умиротворяющую пору, как никогда, хочется строить планы и осуществлять их, бороться за что-то очень важное в своей жизни, в самой глубине зимы, не переставая думать о солнце.

Каждый год летаем мы вокруг солнца и порой не замечаем, какой удивительной бывает окрашенная им зима. «Хоть ненадолго бы выглянуло солнышко, озарив тоскливый зимний день, и то ладно», - думает про себя отходчивый русский человек. Ему невдомёк, что солнце за ним наблюдает исподтишка всю зиму, и если показывается однажды, то неспроста: норовит

оно отчаявшегося человека подбодрить, да недостающей краски в природу добавить. Мол, так истосковавшейся по живому цвету душе легче будет!

А душе от солнечного прикосновения и в самом деле теплее становится. Она будто отмякает от скупого белого света, и даже при малейших розоватых бликах оживляется. Хочется человеческой душе незатейливый короткий день прожить со смыслом.

Ещё только зардеется восток над дымящимися избами, а мужик уже переживает в себе приподнятое настроение: блеск красивой надежды уготовит ему сегодня пока скрытое от него зимнее солнце! И так радостно сделается у мужика на сердце, хорошо, заветно. С нескрываемым восторгом поглядывает он на небо, переделывая свои неотложные утренние заботы. А небо молчаливо наливается многообещающим свёкольным светом, тяжелеет.

И вот, словно брызнуло по небу накопившееся в солнце томление от переполняющего его радостного жара, обагрило небесную твердь пламенным соком. Капли его стекают на заснеженные верхушки деревьев, дома и заборы. Несмотря на неземную красоту, какое-то неясное чувство гнетёт сердце: будто уже не выкатиться солнцу из-за багровых туч, ровно как лопнуло оно от переполнявшей его чудодейственной силы. Но, умывшись нетленной утренней чистотой, солнце всплывает так неожиданно быстро, что ты теряешься в охватившем тебя восхищении от его ухоженности и красоты.

Переболев бурным восходом солнца, трудно уже ожидать от него чего-либо подобного, такого же яркого: солнце постепенно теряет свою красноту и становится розовато-кремовым, неброским. До самого заката суждено ему жить целый день почти никем не замеченным, влияя на всё происходящее в природе. Человек на него даже не взглядывает: катись, хозяюшко, подобру-поздорову, а у меня своих забот хватает!

Будто обидевшись, солнышко и в самом деле как будто растворяется в скованных зимой небесах. Тонкой ниточкой, еле угадываемым проблеском просачивается оно сквозь облака, на миг опаляет что-то в душе, и вновь притихает.

К вечеру только почувствуешь солнце сердцем, а потом оно и само себя покажет. Выкатившись из-за облаков, усядется удобнее над дальним лесом и, зардевшись довольным светом, удовлетворённо вздохнёт. Словно промолвить хочет: «Перед тем, как окончательно на покой удалиться, я ещё немного людям посвечу, чтобы они мне доброе слово промолвили».

Людям от того опять маленькая зимняя отрада: на солнце перед долгой ночью полюбоваться, да о чём-нибудь хорошем помечтать. Так, глядишь, и день прошёл, а солнце его своим теплом обогрело. В круг свой заветный взяло и никого не отпустило, за то ему добрый поклон и уважение.

В очень морозные дни, поутру, всё вокруг будто пронизано его будоражащим светом. И хотя не разливаются по небу ослепительные алые отсветы, и не горит восток, чувствует душа, что нарождается за тёмным лесом что-то большое, необычное. Только неуловимая розоватая паутинка

опутывает воздух, и всё замирает от мороза. Вот-вот вспыхнет солнце из-за поворота укатанной дороги и поразит!

Ещё несколько шагов совершаешь ты навстречу солнцу, чтобы встрепенуться вместе с ним, пусть не на всю зиму, а на одну зарю, но с каким затаенным желанием! Будто перевернёт оно в тебе всё доселе живущее и не дающее покоя, великодушно озарит и наполнит до краёв. И как бы ты ни ожидал с ним встречи, ни представлял себе его яркого света, ни за что не угадать его истинного лика!

Огромным наливным яблоком, резко очерченным и не дающим вокруг красного цвета, вывалится вдруг солнце из-за горизонта, и остолбенеешь! Как может быть оно таким желаемым и недостижимым?! Как не хватает его этим бесконечным снегам и застывшему лесу, что умер бы, наверное, в сиром забвении зимы без такого солнечного восхождения. Как в сказке взгромождаясь в белесое зимнее небо, солнце всё вокруг наполняет каким-то замечательным и ласковым смыслом.

И сразу отчего-то радость сменяется тихой грустью, когда ярко-красный круг всплывает над лесом и караулит начавшийся день, что рождается и живёт под его неусыпным оком. Сменив свой восторженный кафтан на более спокойные одежды, светило уверенно взирает с неба, и ничто не может от него укрыться. Солнце думает, должно быть, о чём-нибудь далёком и великом, и никак, вроде бы, не может привыкнуть к нашей русской зиме. Оно только в меру освещает её потаённую жизнь.

Порой солнце как будто спохватится и нежно овеет сусальным золотом всё вокруг. Окрасит им синие тени, пушистые ветви ёлок и шишки на них. Шишки от того оденутся в благородный пурпур, станут вдруг игрушечными и родными, как на новогодней ёлке, так что захочется, во что бы то ни стало, ими завладеть.

Эта уютная золотистость оттенит во всём какую-то неприметную ранее новизну, и ты вдруг почувствуешь к солнцу благодарность. За подаренные им чудесные краски, душевное расположение к тебе самой зимы... Золотым покажется само солнце, воскресшее благоуханным светом чудесной зимней сказки, и оно останется навсегда таким в твоём сердце, как бы долго ни завывала потом жгучая метель.

Случается зимой увидеть солнце и с радугой… Оно неизменно содержит в себе все цвета, и в полной мере даёт ими насладиться. Происходит это благодаря мельчайшим кристалликам льда, расположившимся в воздухе вокруг солнца. Выгнувшись над землей, солнечная радуга коромыслом понесёт по ней своё разноцветное тепло, да расплещет у чьих-либо ворот. Ляжет тогда на сердце сладкая отрада.

А ещё зимнее солнце бывает, как слюдяная бумажка. Неярко и ровно расправит свои слегка золотистые края по небу, не претендуя на какую-либо красоту. Оно какое-то плоское, ничего не обещающее. Поблескивает себе низко над лесом, вроде бы, неловко ему отчего-то, и оно как будто улыбается…

Лукавым его назвать нельзя, но и обыденности в нём немного. Что-то держит оно про себя, а сказать не хочет. Нравится ему порой побыть таким загадочным для неискушённого человека. Кто часто смотрит на солнце, понимает его бесхитростную игру и улыбается в душе. Хорошо и просто становится тогда жить, несмотря на суровую зиму.

Часто солнце как будто умирает, а если и появляется на небе, то лишь неутешительным бельмом. Всходит оно тогда невесело, ненадолго показываясь из-за рваных туч, и опять быстро исчезает. Солнце кажется просто круглым и бездушным, словно жёлтое око невиданной хищной птицы, такой же равнодушной ко всему живому, и немой.

В полях тихо, но ещё тише в лесу. Чем дальше углубляешься в чащу, тем выше кажутся деревья, и ты устремляешь свой взор к их верхушкам, пытаясь разглядеть в редких просветах именно солнце: затянутое серыми облаками, неживое.

Но именно такое солнце чем-то неотступно манит к себе, и ты подолгу вглядываешься в его блёклое мерцание, и ничего не можешь с собой поделать, не в силах понять что-то в собственной душе. Не можешь разобрать и в самом солнце, мутно взирающем на тебя со своих высот. Невыразительное, то и дело меняющее цвет и очертание, солнце, тем не менее, притягивает и не отвечает, зачем оно это делает.

В самом начале зимы солнце запекается кровью, будто обагрившей снежное крошево пустынных русских дорог. Это волки, сбившиеся в стаи, надкусили ему края…

Увидишь такое солнце, и вспоминаешь зимний лес и тот день, когда натолкнулся на проторенную волками тропу. И страшно, и хорошо тогда становится на душе. Страшно оттого, что может быть пролита кровь людская, сладко на душе от сознания, что не твоя.

Холодок вспыхнувшего на мгновение эгоизма застудит истинное восприятие жизни, а цвет выглянувшего из-за туч солнца вновь его озарит. Слепит солнце, в душе всё трепещет, и до умопомрачения охота жить. Идёшь ему навстречу через сугробы, и не боишься предстоящей долгой зимы.

Ещё зимнее солнце напоминает иногда на славу испечённый каравай: он окроплён потом крестьян, и обласкан их мозолистыми руками. Жито, взлелеянное сотнями поколений, плод их нелегких чаяний и тревог. Это солнце хочется лелеять в собственных думах, воображая, как оно нарождалось на божий свет.

Ближе к середине зимы наливается такой плод румяной корочкой, хорошеет. Будто сердобольная хозяйка только что достала его из печи, да ещё толком остудиться не дала. Раскрасневшийся от удовольствия каравай разудало выкатился колобком на мороз, и на небо прямиком угодил. Сладко рдеет в вышине крутым бочком - не достать!

Солнце - это память, что входит в душу каждого. Память людей, когда они гляделись в него тысячелетиями, прося защиты и снисхождения. И в

поминовении усопшего оно вместе со всеми взгрустнёт, и в свадьбе улыбнётся, не обойдёт и детские забавы. Какой без солнца праздник?!

От Филиппок до Масленицы радует солнце русского человека, как может, и тот ему за это в своём почтении благодарен. В солнце - старинные предания русского народа, его сказания и дела. Солнце - это живая вода его нетленной огненной души.

А иной раз солнце - словно само по себе что-то празднует. Может быть, устоявшуюся зиму, а может, приближение весны. Вместе с морозом они так захороводят, что день весь сверкает! Бесполезно тогда к нему на поклон идти…

Красно солнце своими невидимыми пирогами да пивом. Шутка у него - ряд делу, а ещё и на язык остро, спуску никому не даёт. И так, бывало, разойдётся, только держись! Захмелеешь от одного его прикосновения - и в пляс пойдёшь. Не унять тогда разошедшуюся душу до самой вечерней зари.

В ветреную морозную погоду солнце - что пирог с малиной, приготовленный бабушкой накануне. Схоронённый под узорчатым полотенцем, он разомлел и сделался ещё вкуснее. Ждёт в нетерпении, когда его откроют и примутся нахваливать. С чаем да приятным настроением, пирог этот уж ни за что не позабыть!

Порой солнце охватывает необъяснимое благодушие, и оно растекается по небу на весь день. Радостное, до конца непонятое никем из-за видимой доступности, оно кажется таким разомлевшим и ленивым, что на него даже не обращают внимания.

А солнце пуще того благоденствует... Возьмёт и раскинет свою огненную шубу: полы её завёрнуты кверху, воротник задран и распахнут - всё наружу, в достояние живому и людям. Будто говорит неслышно: «Бери меня, впитывай всей душой, но смотри не обожгись, я – солнце!» В каком бы настроении солнце ни находилось, оно очень часто разговаривает с людьми, особенно – зимой.

Тихо в лесу, сеет мелкий снежок, всё в природе спит. И небо, кажется, спит, но что-то живо: это свет нежно просачивается сквозь низкие облака. Его и нет, и он ощущается. Виновник тому - невидимое и упрямое солнце.

Солнце не хочет уходить от человека, оно рядом, и так и норовит сказать: «Я с тобой. Посмотри на небеса, обрати свой взор к ним - и ты увидишь, как всё вокруг живо. Это только, кажется, что зима усыпила деревья, небо и поля: нет, я здесь и никогда тебя не покину.

Я слетаю с небес вместе со снежинками и несу тепло. Ты впитывай его, если сможешь, а я постараюсь светить. Я - солнце, и не могу этого не делать. Я умру, если не передам своего тепла земле, и я так радуюсь, когда люди ловят мой свет и ждут его. В такие дни я, как никогда, хочу объять всех.

Я бываю разным, но иногда просто замираю от зимнего холода. И тогда во мне просыпается что-то необыкновенное и живое, и я хочу открыть людям

глаза. Я хочу открыть им свет в дальний путь, и я становлюсь белым, как зима.

Пусть туманная пелена порой скрывает моё тёплое отношение, это ничего не изменит. Я и белое, и распахнутое для всех: сквозь меня можно глядеться в дальние миры. Я - как окно в бескрайность: за мной только беспредельное торжество всего сущего.

Я очень старательно соблюдаю очертания, но дальше своих границ расступиться не могу: я окно в другой мир, и этим живу. Дальние миры, я знаю, указывают такие же прекрасные звезды, я же должно насыщать светлым теплом дыхание всего живого здесь. Но я не грущу, и тоже мечтаю о недостижимых далях».

Вслушиваться в душевные излияния солнца человеку приятно, и оно за это никогда не останется у него в долгу. Славное и умное, оно всегда оказывается безмерно щедрым. Не уставая, солнце изливает свои нескончаемые дары: чарующий блеск изумрудов и рубинов, серебряный иней, золотое вино…

Им полон воздух, его можно пить жадными глотками и наслаждаться. Игривое, лучезарное, солнце веселит так, что хочется взлететь к нему, и там, в вышине, охмелеть от счастья. Но, не в силах взобраться в небо, человек протягивает к солнцу руки, ловит его скупой зимний свет в ладони и целует…

Под вечер, когда солнце напоит своей любовью всех, насытит так, что в этом счастье забывают про всё звери, птицы, деревья и люди, оно вдруг решается ещё огорошить свет своим неподражаемым блеском, и расправляет над лесом жаркие крылья... Огненные блики от них ложатся на небо и землю, всё как-то незаметно переворачивают в душе и озаряют. Обращаясь ко всему живому, солнце, словно в последний раз, всех любит и хочет обнять, а прощается, кажется, с одним человеком: «Помни меня, но наслаждаясь моим теплом и светом, задумайся и о своей жизни».

Зеркало души

Издавна люди обожествляли не только солнце, но и месяц. Месяц в ночном зимнем небе всегда представлялся им всевидящим оком: иногда лукавым и предупредительным, но чаще - открыто взирающим с недосягаемых небес. Месяц в эту пору был очень живой, может быть, даже более игривый, чем само солнце.

Часто месяц воображался людям то супругом солнца, то его супругою, когда появлялся на небе луною. По одному забытому поверью, некогда луна-богиня со своим повелителем солнцем сияли в небе ослепительным брачным союзом, а вокруг роились их невинные чада - звёзды. Но злая клевета будто разделила лучезарную пару, и теперь в одиноком величии по небу днём ходит солнце, а ночью взбирается в вышину луна. В безмолвной печали светит она на землю.

Несмотря на разлуку, луна по-прежнему любит красавца мужа незлобивым и кротким сердцем, и часто под вечер, дрожа и бледнея, выглядывает из-за лёгких туч. Скорбным взором провожает она его и, кажется, хочет позвать. Но упрямое солнце при бывшей возлюбленной лишь вспыхнет пурпурным румянцем и исчезнет, оставив её в обездоливающем неведении.

Так и по сию пору сходит огненно-красное, нахмурившееся солнце вглубь своей одинокой страны, а вслед ему грустно смотрит мёртвенно-бледная луна. Какое-то время она ещё молодится, умываясь ночной прохладой, но с появлением чистых зорь бледнеет и поспешно бежит, наверное, переживая свою невозвратимую утрату. Опечаленная луна как будто всё время взывает в душе к недосягаемому даже для неё Богу, чтобы вернул ей утерянного когда-то супруга, но не находит ответа…

Другая легенда объясняет причину потускнения месяца его игрой со злыми духами, оттого он становится временами более блёклым, нежели прежде. А колдуны безжалостно портят его за то, что месяц светит ночью и мешает им вершить свои злобные таинства.

Кто-то считал, что обходить небо в тёмное время подобает именно мужчине, и потому месяц сменяет солнце ночью. В этом нелёгком пути он поддерживается святым духом и иногда сходит для отдыха на землю. Перед рассветом солнце с месяцем встречаются, и месяц рассказывает солнцу, как прошла ночь.

В то, что показывают пятна на луне, каждый народ веровал по-своему. По одному сказу, глядя на луну, можно дознаться, как Каин убил Авеля. По другому преданию - как Бог первых людей готовыми хлебами кормил. По третьему же - что два кузнеца для неба звёзды куют. Но все почитали луну как око божье.

Люди верили, что луна каждый месяц рождается, растёт и умирает. После своей смерти она нисходит в вечную темноту, перетапливается там, очищаясь, и опять нарождается. А может быть, старую луну Бог на звезды крошит, думали люди, и она не истаивает бесследно, а несёт свой свет в веках. Так, расходясь к ночи с солнцем, луна, всё же, светить ему помогает, незаметно в свет дневной переливаясь.

Какое-то древнее сказание представляло божеством небесных пределов уже солнце: поворачивая с зимы на лето, оно наряжалось в цветной праздничный сарафан с разукрашенным самоцветными каменьями кокошником, и выезжало из своих золотых палат навстречу супругу месяцу. Солнышко плясало, играло лучами от радости, в предчувствии желанной встречи заливая всю поднебесную даль золотыми волнами счастья. С первыми заморозками разлучалось оно со светлооким своим супругом вплоть до самого возвращения весны: муж - в одну сторону, жена - в другую.

Всю долгую зиму они в разлуке жили, на долгожданное свидание, втайне, надеясь, а как только встречались, на радостях всё без утайки друг другу выкладывали. Правда, могли, сгоряча, и поссориться, и тогда люди по

их встрече примечали: добрая она - дни будут ясные, худая - наведёт погода хандру плакучую. Но чаще всего, солнце с ясным месяцем своей любовью всех заражали, обновляя тем лик земли.

А ещё их называли сестрой и братом. Луна к солнцу в гости идёт, а оно от неё прячется. Только любо солнце сестре, и не убежать ему ни за что от этой любви, какую оно в себе, кажется, ещё не обрёло. Луна его в этом превозмогла, но никак не может пока достигнуть. А когда солнцу, наоборот, не достаёт сестры, она куда-то исчезает, по-видимому, переживая его отсутствие. В такие моменты человеку хочется, чтобы брат с сестрой, наконец, обрели свою любовь, и светили на небе вечно.

Испокон веков существует в народе вера в полезное и вредное влияние месяца на всё живое. По народному поверью, от рождения молодого месяца до полнолуния - счастливые дни, а как пойдёт месяц на ущерб - выплывает всякое несчастье на белый свет. Если кому посчастливится увидеть с правой стороны от себя народившийся месяц, да спохватится увидевший показать месяцу хоть копейку медную, то перевода деньгам у того не будет. Слева покажется - надо поклониться месяцу в пояс, чтобы защитил он от всякого недуга.

В старых русских календарях приводились указания, что всё растущее над землёю надо сеять и сажать тогда, когда луна стоит над нею, и, наоборот, всё то, что растёт в корень, надо сажать, когда луна под нею. Засеянное в новолуние поле даёт густой и частый хлеб, созревающий на диво скоро; в полнолуние посеешь - медленно станет расти хлеб, да зато умолочено будет много зерна. Хочет хозяйка, чтобы лён уродился белый и волокнистый, сей его, баба, на молодой месяц.

Знающие люди не начинают строить новой избы на лунном ущербе, ни леса не рубят, ни печей не кладут. Всё это ждёт своего череда вплоть до нового месяца. Захочет молодой мужик выделиться из большой семьи, своё хозяйство повести наособицу, тоже поджидают счастливого новолуния. Только тогда, говорят старики, и можно поручиться за доброе житьё-бытьё в новом доме.

Влияние таинственной луны отмечали и на животных. Так, утверждали, что родившиеся на молодом месяце поросята составляют собственность ведьм, поэтому их надо резать, если же хотят сохранить, то хозяйка должна сама откусить зубами кончик хвоста у поросёнка. По другому поверью крестьян, родившиеся на молодой месяц телята принадлежали волку, а потому их не выращивали, а резали на мясо или просто гнали со двора. Животное же, что выросло исправно, лучше было колоть в полнолуние, потому как в ущербный месяц скот с тела спадал и был не увесист.

Оказывая свое действие на всё живое, луна предопределяла родившемуся в новолуние человеку живучесть, а появившемуся на ущербе - недолгий век. Особо поберечься следовало человеку в новолуние от порезов,

поскольку раны не скоро заживлялись, и нельзя было ложиться спать лицом против луны. Если же месяц высвечивал малое дитя в люльке, то оно надолго теряло покой, изводя всех в исступлённом крике. Ещё на своём исходе месяц сводил людей с ума, но иногда ему приписывалась и целебная сила, к ней обращались в разных заговорах и притчах.

Раньше по луне предсказывали также погоду. Если рога луны были ясны и резко очерчены - это предвещало холод зимою. Если же рога луны были тупы, то это сулило ненастье. Когда они глядели вверх, можно было ожидать вёдро.

Очень важно было не пропустить лунную окраску. Месяц большой и красноватый означал, что погода в скором времени испортится. Луна бледнее, чем обыкновенно, и с разноцветными полосками - будет буря со снежной метелью. Жёлтый и толстый месяц готовил в течение всего месяца оттепели, а очень белый и блестящий - холод.

Кольцо вокруг луны тоже имело немаловажное значение: когда оно было ясным - это обещало мороз. Туманный круг около месяца был к метели, красный же - к снегу.

По некоторым поверьям, особенною бедою грозило людям лунное затмение. Оно якобы происходило от нападения на луну колдунов, упырей и вурдалаков, возжелавших полакомиться ею. Овладев луною, нечистая сила поедала её начисто, и тогда зима будто бы приносила небывалые холода. Чутко реагируя на происходящие в себе перемены, луна заблаговременно предупреждала об этом всех живущих на земле.

Месяц на Руси всегда находился в особом почитании. Сказки, сказываемые бабушкой перед сном детям, начинались с его незапятнанного имени - «под светлым месяцем, под белыми облаками, под чистыми звездами». Девицу, мечтающую о пригожем добром молодце, завидующие подруги так подзуживали: «Ещё какого захотела: во лбу - месяц, а в затылке - ясные звезды!» С месяцем весёлую игру затевали, приговаривая: «Месяц, месяц, где ты был? - В лесу. - Что делал? - Лыки драл. - Куда клал? - Под колоду. - Кто взял? - Родион. - Поди вон!» На месяц всегда было любо-дорого смотреть, и когда народился он, значит, это число в святцах!

По народному представлению, посреди заснеженного двора зимы три терема сказочных стояли: в первом жил светел месяц, в другом - красно солнце, а в третьем - часты звёзды. Недаром и в колядках к долгожданному Рождеству говорилось, что хозяин - ясен месяц, а хозяюшка - красно солнышко! Месяц представлялся людям молодым царевичем - расписным красавцем, луна же - прекрасной царевной-лебедью с бледным лицом. Всегда незримо и нежно плыла она над лесом холодной зимней ночью, а месяц весело вторгался в человеческое жильё.

Обращались в народе к нему уважительно, по-доброму. «Месяц ты, месяц, золотые твои рожки!» - как бы собираясь у него что-либо

выпрашивать, причитали докучливые хозяюшки. Молодые бабы, не без лукавинки, уговаривали: «Месяц, месяц молодой! Тебе рог золотой, тебе на увеличенье, а мне на доброе здоровье!» Пастухи перед первым после зимы выгоном овец на пастбище, на траву-мураву зелёную, приговаривали: «Месяц, серебряные твои рожки, золотые твои ножки! Паси-береги овец моих, как пасёшь-бережёшь свои звёзды частые!»

А месяц светил себе на небе и ничего не боялся: ни холодной зимней тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя. Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провоет, а он никак на землю не падает. Не ведает месяц и про то, что его за это люди «волчьим солнышком» кличут.

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь. Луна, кажется, и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им – непостижимой лунной мастью.

Ласково, с любовью относились в народе и к луне, и к волкам: ничто лучше не выражало зимнюю ночь, как тени сидящих на освещённом луною снегу зверей, с задранными мордами взирающими в холодную высоту. Им, видать, лунный свет не был за счастье: он тревожил зверей в их и без того беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной зимней песне.

Чистый месяц, взбирающийся поутру на небо, называли серебряным петухом. Больно люб он был человеку - не всегда замечаемый, но такой ощутимый! Не заставив себя ждать, скромно возвестит о приходе нового дня и незаметно исчезнет, только его и видели!

Загадки разудалые народ про него будто из мешка тряс, сыпал, словно звёздами: «За новым за двором стоит чашка с творогом?»; «Идёт лесом - не треснет, идёт полем - не плеснет?»; «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка: хочет есть старуха, тянется, а всё не достанет?»

Душу эти загадки разуверившемуся в жизни человеку веселили, от занудных неурядиц очищали, раззадоривали на добрую и строящуюся судьбу! Ладно, по-хорошему тогда становилось на сердце, и все беды незаметно ускользали. Месяц любезное к себе обращение никогда без внимания не оставлял, был хорош собой и светел.

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, ломтик сочной дыни, дольку лимона или озорную улыбку прекрасной лунной девушки. Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытьи, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это – проделки ясного месяца!

Иногда месяц незаслуженно обижают, утверждая, что он хоть и светит, но не греет, а потому напрасно у Бога хлеб ест. Его за это называют только серебром, красное солнышко же - золотом! «Как месяц ни свети, а все не солнышко!» - досадливо говорят про него. Или ещё хуже огорошат: «Лунная ночь - что ненастный день, грело бы красное солнышко, а месяц - как себе знает!»

Месяц, конечно, солнцу не чета, но и от него можно извлечь пользу. Как и солнце, он в небе над землёю ходит, покой и мирную тишину для людей сторожит. Когда он это делает, люди спать должны.

Сколько заблудших путников он на путь истинный наставил, от судьбы лихой отворотил. С затаенным восхищением взираешь посреди зимней ночи на его лик, и никак не нарадуешься. А что слукавит он, бывало, тёмною порой, так от того только слаще сердце в груди замирает: до жути хорошо и интересно становится с ним тогда жить.

За долгую зиму месяц не успевает наскучить, поскольку бывает разнолик. То он сияет полным соком огромного круглого шара, то является изящно источенным серпом. Временами же месяц совершенно невидим, и ты подолгу всматриваешься в морозную черноту, пытаясь хоть что-нибудь различить.

Терпеливо пережидаешь его отсутствие перед вынужденной сменой одежды: месяц набирается нового целительного света. Как это бывает у самых добродетельных людей, он в свой день рождения остаётся для всех невидимым. И хоть говорится, что нет толку в месяце, когда он тучами покрыт, однако месяц тучи своим светом рано или поздно разгоняет.

Бывает, в метель луна проглядывает сквозь туманную мёрзлую дымку, и лик её бледней снегов, свет которых она отражает. Луна таинственна и кротка, как прекрасная девица, что не знает себе цену. Её лицо, сокрытое небесной кисеей, хоть и кажется недоступным, но такое родное и близкое.

Порой луна высунется из-за туч - будто уголок небесной монетки: архангелы, наверное, потёрли её, чтобы лучше было наблюдать за тем, что происходит внизу. А иной раз луна - словно кто серебряную монетку уже на земле обронил: всю зиму под снегом пролежала, да под самую весну вытаяла.

Не начищенная, неброская с виду, монетка словно радуется своему благополучному освобождению.

Хочется тоже потереть её между пальцами, ощутив приятную прохладу, а потом подбросить на руке и положить в карман, чтобы тут же позабыть и когда-нибудь приятно обнаружить. Так и луна: удивив человеческое сердце, вдруг нечаянно исчезнет, а когда ненароком появится, все ей опять рады. Она от этого словно перерождается и ждёт, чтобы её вновь кто-нибудь потерял.

Порой луна бывает несколько удивлена оказываемым ей невниманием. Она тогда растворяется в небесах, и мы её подолгу не видим. Там, в своей таинственной темнице, луна переживает нанесённую ей обиду, тихо кручинится, и ещё более хорошеет. Сладка её печаль, туманны грёзы…

Но вскоре она опять яркой звездочкой возникает в душе человека: забыты былые тревоги и огорчения. Красоваться в небе перед всеми - вот её услада, и людям она всегда желанна. Необъяснимая, прекрасная, печальная.

Кто ухаживал за ней, во имя чего лелеял: до сих пор остаётся для неё неразгаданным. Всё куда-то незаметно удалилось, а напоённая добрым светом луна осталась. Взращённая, наверное, самим Небесным Отцом, обласканная его вниманием, она однажды Им же, на всеобщую любовь, была лишена памяти, чтобы только светила в небесах человеку, ни о чём не тревожась.

Луна, несомненно, существует для людей, но не перестала быть загадкою для земли. Луна призвана проливать свет на ночную землю, она зовёт людей к себе. Привлечённые ее притяжением, мы хотим знать о ней всё, несмотря на расстояние. Нас не пугает это путешествие, так же, как не страшат уносимые небесными ветрами другие миры, и звёздный дождь, и нескончаемо прекрасная вечность.

Мы смотрим на луну и пытаемся её понять, а помогает нам в этом зима. Зимой луна, как никогда, содержательна и открыта. Луне хочется, не переставая, внимать, мучиться её отражённым от солнца светом и тянуться к нему.

Кто живёт в более тесном общении с природой, тот имеет большую возможность и радость наблюдения за луной. Есть в ней в зимнюю пору нечто притягательное и необъяснимое. Луна словно создана для этого времени, так что ты не в силах отвести от неё взгляд.

Зимой луна омывается её загадочным светом, и сверкает чище. Морозный воздух её бодрит: луне хочется выглядеть очаровательной, непревзойдённой. Ей хочется нравиться и увлекать. Возможно, она даже способна потерять голову.

С чем схожа непревзойдённая краса луны? Кого готова она ей повергнуть? Может, оттого она дарована Богом человеку такой близкой и недосягаемой, чтобы только любоваться ею и быть её вечным рабом, не знающим утешений?

Но иногда человеку начинает казаться, что луна есть нечто большее, чем мы привыкли её считать. Она - недооценённое человеком таинство, влияющее на всё живое на земле, и мы её скорее чувствуем, нежели видим. Тот, кто хоть однажды подсмотрел её ночную работу, не забудет этого никогда. Луна произведёт на него неизгладимое впечатление: она откроет ему доныне неведомую жизнь.

Человеку сразу захочется узнать, о чём молчит луна, и от чего порой таится? Какие настроения переполняют её, когда она с безоблачных небес наводит на всё живое своё томное сияние? Ведь человек так до сих пор и не знает, откуда вообще взялась луна?

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. И тогда в лунном свете зимнего леса лицо человека превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытав его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного ко всему лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой. Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

А то увидишь где-нибудь в ноябре, по первому снегу, огромную красную луну, и она поразит тебя своим зловещим ликом, с какой-то отрешённой неукоснительностью провозглашая надо всем земным миром своё небесное превосходство. Долго ещё потом вспоминается, как луна, будто хищная и лукавая рыба, неожиданно выплыла на чёрное небо, завалилась вдруг на бок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, очень пристально и совершенно открыто заглянула тебе в душу. Но ты перед ней почему-то не раскрылся, как раскрыл бы душу перед любой, даже самой крохотной звёздочкой, а только стоял, и, не отрываясь, любовался.

Правда, чаще всего лунные ночи тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат

стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небосводе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать о нём, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли домашнем тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся.

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти…

Если слово «солнце» подразумевает саму жизнь и сердце, то луна - лишь отблеск на небе. И это верно: не обладая собственным светом, она только отражает чужой. Ей трудно тягаться с таким могущественным соседом, и луна, ни на что великое не претендуя, тихо изливает свою мудрую печаль. Она достаточно пожила, чтобы чувствовать себя просто обделённой.

Когда-то луна жила одна, вдали от земли, но потом они соединились. Может быть, земля пригласила её к себе в гости, а может, луна сама нашла себе подругу. Однажды обретя друг друга, они уже больше не пожелали расставаться.

С давних времен люди принимали луну за зеркало, в которое глядятся солнце, земля и они сами. Какое наслаждение было наблюдать все эти красоты, зная, что луна, между тем, несёт и что-то своё. Может быть, былую историю о том, как когда-то была молода и полна жизни, все те темные пятна на её поверхности были морями, по берегам возвышались горы, склоны их устилали трава и цветы. Луна была жива и не предполагала, что когда-нибудь будет служить лишь отражением чужой жизни.

При этом она не утеряла собственного достоинства, скрывая печаль в укромной тени. Обратная сторона луны - это всегда её непревзойденное мужество и стойкость. И ещё - тайна, что она хранит для человека: за долгие тысячелетия луна научилась ценить жизнь.

Она скромна в собственном понимании жизни. Ей довольно того, что в ней нуждаются и ждут. Луна - отражение души человека, она зеркало его сокровенных и самых непостижимых желаний.

Часто луну сравнивают и рисуют с человеческим лицом, так как расположение пятен на ней в достаточной степени соответствует положению глаз, носа и рта. Луна на таких рисунках всегда улыбается и выглядит, скорее, внимательной к людям, нежели загадочной. Ей непременно хочется доверять и надеяться на её защиту: человеку кажется, что луна ласково оберегает землю от чёрной тьмы.

Когда луна дрожит на небе, полном неясной тревоги, зимняя дорога человека ясна, и страх не одолевает его сердца. Он идёт, свободный и счастливый в ночи, в восхищении замирая от наползающих теней и звуков. Лунная тишина объемлет его вместе с ночным лесом, потаёнными зверями и птицами, неведомыми тропами. Лунный свет проникает сквозь его тело и делает самим собой.

Торжественно сияет луна в вышине, наполненная соком неистраченных вожделений. Не миновать её всепроникающего влияния, что неслышно прокрадывается между деревьями. И человек постепенно смиряется с её проникновенным светом, и тихо наслаждается случающимся единением с луной. Луна - в нём и вокруг, она - его долгожданный покой.

Притяжение луны тем сильней, чем чаще человек взглядывает на небо. Частые звёзды перемигиваются меж собой, как будто отвечая на её безмолвные призывы, и человек понимает, что они тоже зависят от неё. Вернее, звёзды благоволят луне.

Сам человек воспринимает ощущаемую тягу к луне как нечто замечательное и таинственное, и ничего не боится. Не то чтобы ему хотелось взлететь на луну и соприкоснуться с её светом: ему просто очень приятно находиться в ночном лесу, под сияющей луной, не чувствуя себя одиноким. Человек почти уверен, что луна всё время наблюдает за ним и не упускает из виду ничего, что бы могло разъединить их. Делает она это ненавязчиво, с любовью.

Впрочем, всё это, быть может, только кажется человеку, и луна, на самом деле, ничего не замечает. Она лишь льёт свой холодный свет, и не ведает числа поклоняющихся ей влюбленных. Но блаженны волшебные помыслы людей, что возмечтали одухотворить небесное присутствие луны.

Для волков - «солнышко», для людей - зеркало души, луна, между тем, остаётся самой собой: загадочным небесным телом, что неслышно ходит вокруг земли, отражая душевные устремления неравнодушного человека. За то его, наверное, зеркалом души в народе и прозвали, чтобы люди в него гляделись, различая в себе божественную чистоту.

Розовая, голубая, зеленая

Ничто не может передать красоту звездной ночи. Один древний мудрец сказал, что если бы звёзды были видны только в каком-нибудь одном месте земли, то к этому месту непрерывно бы шли толпы людей, жаждущих полюбоваться великолепным зрелищем. К счастью, звёздное небо видно повсюду и доступно каждому.

Каждый вечер вспыхивает на нём звездный занавес, и мы зачарованно внемлем предстоящему великолепию и торжеству. Звёздка, звёздочка, звездушка, звездинка загораются на небе, одна за другой, но каждая светит по-своему.

Вот неподвижная звезда: она не изменяет своего места на небе, и мы принимаем её за солнце других миров. Эта - блуждающая, что, не мерцая, обращается, как наша земля, вокруг своего солнца. Звезда хвостатая, с огненным опахалом, называется кометой. Лучезарная вечерняя звезда - Венера. А ещё есть Полярная звезда, самая известная...

Зимой на выстуженном небе неизменно появляется Большая Медведица, и среди всех звёзд в этом необозримом ночном пространстве она – самая заметная. Всегда непроизвольно поднимешь голову к небу, будто желая услышать от неё какое-то долгожданное откровение, адресованное именно тебе, а небо только подмигивает яркими звёздочками, что, кажется, всегда желают оделить любознательного человека чудесными знаниями. От присутствия в морозном небе Большой Медведицы на душе становится необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно завораживают, хотя ничего и не обещают. Не покидает ощущение, что Большая Медведица знает, для чего ты смотришь на неё, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Полярная звёзда – самая главная в этом созвездии, сверкает из небесной глубины какой-то особой красотой, как драгоценный камень, что, кажется, становится всё ярче и ярче. Она подобна твёрдому свету, щедро излучаемому из сокровищниц Вселенной именно для людей, чтобы они любовались этим живительным светом и тянулись к нему, обновляя свою душу для осознанного пребывания в теле.

Приятно сознавать, какое большое место занимают в твоём маленьком сердце далёкие от тебя звёзды, и ты, не отрываясь, вглядываешься в их мерцающую красоту, а звёзды блещут ярко, будто приоткрывая всем свои неоценимые богатства. Из своих сказочных пределов они посылают на окутанную снежной пеленой землю богатые дары, и люди верят, что если кто-то, глядя на звёздное небо, что-нибудь загадает, и звезда улыбнётся ему, всё сбывается, как по писанному.

Медведица сияет в бездонных небесах, и все её звёздочки представляются чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях. В морозную ночь, кажется, зажигаются все звёзды Вселенной.

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни заглядывался на него – всюду звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, иные – поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную кутерьму, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и тебя приглашают в свой сказочный хоровод, и разве можно оставаться к ним равнодушным и не смотреть на полное звёзд небо?!

Звёзды горят в нём многоцветными каменьями, а ночь радостно внимает их очаровательному блеску. Звёздное небо зимой – это выгнувшийся, во всю свою прекрасную ширь, хвост павлина: всё в нём возвышенно и волшебно. Видится там, в вышине, ещё и зимний чум из звёздной россыпи,

перехваченный алмазными нитями, и завораживающие вспышки яхонтов, и мягкие жемчужные отсветы… Глядишь на это переливающееся звёздное небо, и представляется, что всё в мире удивительно божественно.

Верится, что пленительный сонм звёзд – это не неведомые светила, а те огни, что освещают человеческие пути. Их далёкий свет – свет немеркнущей жизни, в которой угадывается возрождение недостающих человеку знаний, тайн и замечательных событий, а перламутровая пыль от них – непередаваемая красота самой Вселенной. Величественной и прекрасной бабочкой возникает она из каких-то неведомых космических глубин, и все звёзды, кажется, прилипают к её бархатным крыльям, что несут на себе рисунок неугасимой жизни.

Там, в этой божественной вышине, один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что звёзды представляются живыми. И ничего, что ты – ничтожно маленький человек в сравнении с этими огромными небесными пространствами: тебе нравится обращать свой взор к звёздам, как бы бесконечно далеко они не находились, и ты веришь, что обязательно когда-нибудь отправишься к ним в гости, ничто тебя не удержит, и непременно их достигнешь.

Ведь звёзды существуют для того, чтобы мы обратили к ним свою душу, и когда это произойдёт, они, наверное, замрут от счастья в своей волшебной вышине, а затем – возрадуются, и в восторге соприкосновения со звёздным миром душа человека рано или поздно преодолеет любую беду, и тоже обретёт, наконец, недостающее внутреннее свечение.

Невозможно представить себе нашу зиму без притаившегося ночного леса со сверкающими на небе звёздами и выгнувшейся над головой Большой Медведицей. Кажется, что именно из её волшебного ковша рассыпались в вышине все эти драгоценные жемчуга и каменья. Ковша, из которого не пьют, не едят, а только на него глядят, не в силах оторвать взгляда. Так, наверное, когда-то всматривались в ночное небо древние звездочёты, что для облегчения своих наблюдений разделили бесчисленный сонм звёзд на созвездия.

Самые заметные и яркие звёзды они соединили воображаемыми линиями, будто рисуя по небесному своду, а потом смотрели – на что похож рисунок, кого он напоминает: зверя, птицу, человека или, быть может, какой-либо предмет. Так появился на небе целый звериный, и самым крупным зверем в нём оказалась Большая Медведица. Впрочем, оставались ещё Большой Пёс, Заяц, Козерог, Лев, Телец с Овном, Орёл и Лебедь, и многие из них были гораздо крупнее её, но, всё же, Большая Медведица была самой приметной только потому, что рядом находилась ещё и Малая, в хвосте которой сияла Полярная звезда.

Прекрасным ориентиром служила она путешественникам, которые отправлялись в дальнюю дорогу. Чтобы отыскать Полярную звезду, надо найти созвездие Большой Медведицы, которое напоминает ковш из семи широко расставленных довольно ярких звёзд. Через две крайние звезды этого ковша мысленно провести прямую линию, примерно в пять раз большую, чем расстояние между звёздами, и тогда можно увидеть звезду, которая и называется Полярной. Она находится в хвосте другого созвездия, именуемого Малой Медведицей, и тоже имеет форму ковша. Чтобы получить направление на север, нужно стать лицом к Полярной звезде.

Но почему-то никогда сразу не замечаешь Малую медведицу, а определяешь для себя именно Большую. И уж только потом, если возникает потребность отыскать Полярную звезду, обнаруживаешь Малую. Полярная же звезда светит как бы исподволь, из небесной глубины, и не блистает при этом особой красотой. В ней скрыта недоступная для всех тайна, которую она заслуженно откроет только достойному.

Небесный ковш Большой Медведицы – ковш особенный, с какой-то сказочной задумкой и такой же притягательной тайной. Он только на первый взгляд представляется обычным, на самом же деле в нём угадываются волшебные свойства. Ковш так притягивает, что другие звёзды, может быть только кроме Венеры, заметно блёкнут в сравнении с ним. Семь самых заметных звёзд, все вместе и каждая по себе, вырисовывают в ночном небе нечто, в высшей степени, неописуемое и, между тем, очень доступное, простое.

А ведь кто-то первым разглядел в этих звёздах Ковш и Большую Медведицу, и для всех это стало понятно и близко. На веру и радость взяли люди чьё-то меткое волеизъявление, и никто не усомнился в истинности этого откровения. Звёздная линия, вовсе, оказывается, и не напоминающая могучего зверя, всё же была принята за такового.

Может быть, вслед за первооткрывателем всем тоже захотелось видеть в большом красивом созвездии что-то удивительное и родное, мать-медведица, всегда близкая народу, как никто лучше олицетворяла эту чуткую догадку. И так, самое заметное созвездие северного неба, к всеобщему согласию, постепенно обернулось самым заметным зверем.

В большом дому, говорят, чего не хватишься, всего нет, но только не у Большой Медведицы, у которой вдосталь и воздуха, и неба, и неисчислимого звёздного богатства, что никогда не переводится. Это неправда, что большому больше и надобно: небесная медведица, сияющая над головой каждого и видимая отовсюду, ни в чём не нуждается. Но если это, действительно, медведица, то чем она на небе занимается?

Рыбу не ловит. Не охотится. Следы свои не скрывает. От врагов не обороняется. Сладкой ягодой не лакомится. Ни от кого не хоронится, берлогу не копает и сало не копит.

Может быть, тепло неведомое хранит? Иначе, зачем ей обладать этой необъятной, отливающей серебром невесомой шубой, в которую она,

наверное, всех незаметно укутывает и, неслышно урча свою звёздную колыбельную, ласково усыпляет?

На первый взгляд холодно светят её звёзды и ни на кого не заглядываются. Века веков их нескончаемому блеску! Порой они даже могут исчезнуть, никто, должно быть, и не вспомнит. А затем опять повиснет над землёй бесконечная зимняя тишина, загадочно чернеющая высь и смёрзшийся хрустальный воздух. Ночь постепенно оборачивается волшебством, что, оказывается, всегда находится совсем рядом. Но что по-настоящему завораживающего таит в себе Большая Медведица?!

Лишь иногда, в какие-то особенные моменты жизни, проникновенное молчание Большой Медведицы вдруг достигает твоей души, ив ней будто просыпается непередаваемая радость. Та земная и небесная радость, которую Большой Медведице надо в людских сердцах пробудить, а она одна на всё небо! Недаром ей поэтому Господь помощницу определил в лице малой сестрицы, что и медвежат-звёздочек понянчит, и морозным ароматом душу исцелит, и путь заблудшему укажет.

Главное достоинство Большой Медведицы в том, что она есть. Никуда не убегает, не торопится, знай – вспыхивает осторожно каждый вечер, ласково переливается… И всё это в ней невероятно манит, так что ничего больше не хочется желать.

Только смотреть, впитывать её неясный свет и тихо умиляться. Умиляться, наверное, тому, что и Медведице хорошо там, в морозной вышине, где ей не холодно, иона совсем не стремится на землю.

Господь создал это созвездие только для того, чтобы привлекать и озадачивать людей. Будить их способность и желание так выстраивать свой жизненный путь, чтобы не было скучно. И ещё, чтобы они были готовы, как и Большая Медведица, поделиться многим, из чего складывается, горит и не угасает её звёздное сияние.

Неописуемо радостно почувствовать в себе и Большую Медведицу и Малую, и остаться при этом просто человеком. Вот если бы самому обернуться маленькой звёздочкой, что загорается не сразу, а постепенно, из жизни в жизнь, тысячелетиями копя в себе волшебное свечение!

Какое торжественное чудо эта Большая медведица! Яркими брызгами изумрудных камней искрятся все её семь звёзд, и тишина стоит восторженная, морозная. Небо над Медведицей выгибается тёмным куполом, откуда просачивается глубинным светом драгоценная россыпь, чёрно-фиолетовый бархат ночи усеян ею, а созвездия блистают на нём, будто подвески и броши.

Вся бездонная вышина представляется тончайшей вуалью, сотканной из восхитительных кружев, где множество бриллиантов сливаются в бесценную божественную пыль, прозрачный жемчуг мягко лучится, а звёзды напоминают рождественские свечи на ёлке, которую, как куклу, укутывают серебристые нити и золотистый шёлк. Невозможно описать это

восторженное смятение от всего увиденного, и всё это неизмеримое звёздное пространство, кажется, спокойно умещается в твоей душе.

Сменялись царства и народы, преображалась человеческая душа, но Большая Медведица светила неизменно, ни на секунду не угасая. Её несметное убранство всегда было великолепным, а ночное безмолвие красноречивым. Звёздная ночь хранила какую-то тайну, что неотступно манила к себе своей неизвестностью.

Всегда хочется смотреться в неё, и, поднимая голову к небу, в первую очередь, почему-то обращаешь свой взор именно на Большую Медведицу! Никогда не приходится искать её, как другое созвездие, она у всех на виду, и всеми любима. Сдержанно сверкает в морозной вышине, рождая только светлые думы и сладкие грёзы. Как много снов осенила она своим ненадоедливым присутствием, сколько милых догадок и самых серьёзных вопросов появилось благодаря ей!

В сильный мороз Большая Медведица забирает обычно хвостом книзу, выгибаясь ещё круче, и от этого становится похожей на молодую и сильную кобылицу. Почему её назвали Медведицей, если она её совсем не напоминает? А звёзды в ней всегда яркие, добрые, итак ненавязчиво заглядывают в душу, будто желают предупредить о чём-то.

Они словно переговариваются между собой: «Смотрите, человек зачем-то пришёл к нам ночной порой, но ничего не предпринимает. Разве это не странно? Может быть, он чего-нибудь ищет?» Но хорошо просто сидеть или стоять под звёздами, не спрашивая у них какого-либо совета.

В их сиянии много покоя, ласки и вдумчивого свечения. Не верится, что это только холодные бездумные миры, равнодушно простирающие свои лучи через бесконечные пространства. Хочется, молча, вглядываться в их незатухающие образы, в каждом угадывая его характер и внимание к человеку. Настоящий волшебный полог раскидывает звёздная ночь прямо над твоей головой, и все звёздам там очень просторно и уютно.

Иногда, кажется, что звёзды точно тают в сумраке ночи, куда-то ненадолго исчезают, но затем вновь появляются, только уже обновлённые, как будто умытые. А может быть, они и в самом деле приводят себя в порядок, тогда как другие за них светили? Нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы различить незатейливые звёздные ухищрения, но это никак не влияет на всеобщую переливающуюся радость.

С каждым мгновением становится всё светлее и светлее, и некоторые звёзды кажутся величиной с хорошее яблоко. Они так ослепительно сверкают, что порой приходится опускать глаза, с удивлением разглядывая безжизненные снега и застывшие ели. А взгляд опять неудержимо поднимается к звёздам, и нет желания противиться этому нахлынувшему чувству.

Даже присмиревшие ели будто пробуждаются на время ото сна, вытягиваются верхушками к небу, и стоят вокруг, как почётные стражи.

Похоже, и они готовы неутомимо переживать в этом ослепительном ночном мире всё то, что переживает человек.

Звезда - это всегда блеск, сверкание, сияющая и загадочная новизна. Ею в народе называли белое пятно на лбу коровы или лошади, а потом и само животное. Господь Бог, каждодневно облачаясь в небеса и подпоясываясь зорями, застегивался яркими звездами…

Представление людей о ночном зимнем небе и звёздах всегда было волшебно и сказочно. Все люди жили под его бесконечным господством, и впитывали в себя его неиссякаемую энергию. Даже не глядя вверх, можно было ощущать звёздное присутствие, быть очарованным им и желать чего-то несбыточного, но очень манящего.

Умиротворенной зимней порой ночное небо казалось бархатным, и звёзды на нём сияли озорно и зазывно. В рождественские морозы весёлые блёстки от звёзд прилетали на землю и усыпали деревья, дома и дороги. Кажется, они даже празднично хрустели под ногами, и сами собой несли тебя к какой-нибудь радостной зимней встрече.

Втайне встреча эта всегда ожидалась, и ты знал, что она лежит за пределами дома, где-нибудь там, в замершем лесу или заснеженном поле: зимой ей почему-то не было места среди людей, и восторженное ожидание какого-то чудесного открытия проистекало именно от звёздного света. Только с него начиналась добрая сказка зимы, и за ней хотелось следовать до самой весны.

Но о весне пока ещё не думалось, потому как вела тебя по жизни зимняя дорога. То проторённой санями сверкающей твердью, то убаюканной метелями тропой среди величественных сугробов. И всегда ты непроизвольно поднимал голову к звёздному небу, как будто желая услышать долгожданный ответ.

А небо многозначительно молчало, подмигивая тебе яркими звёздами, и всем своим видом будто намекало поторопиться до грядущей непогоды: ведь зимой тебе, как никогда, желалось настоящей сказки. Без неё не жить русскому человеку посреди зимы, и не мечтать о празднике света. Только звёздная сказка могла открыть человеку его непостижимое будущее.

По одному старинному поверью, звёзды золотым зерном по ночному бархату неба рассыпал ясный месяц, когда они с красным солнцем свадьбу справляли. Были там невероятной красоты алмазы, яркий яхонт да крупный жемчуг: в них невеста, выходя к жениху, облачалась. А гости гребли драгоценности целыми лукошками, и никто при этом не жадничал. Всем ночного золота хватало: бери - сколько вздумается!

Каждая звезда, будто жемчужина самородная сияла, и как им было тоже не закатиться в карман любознательного человека! Он их, не ведая страха или корысти, собирал и другим раздавал, а люди оттого его благодарили. Хорошо, если им было - куда их девать, и люди знали, чего в жизни хотят.

Ведь звезда от долгого раздумья и недоброй воли теряет свой блеск и взлетает обратно, в уже недостижимые для человека небеса, так что в руках его остаётся только её тень. И ещё ощущение навсегда утерянного тепла, что могло принести удивительное одухотворение.

Другая легенда гласила, что сам Бог золотое монисто по небесным закромам разбросал, ровно не ведая, кто его собирать будет. Такое оно волшебное, что, кому вынется, тому сбудется, а сбудется - не минуется. Хорошо, если отыскал это богатство, размётанное Господом в божественно прекрасной вышине…

Ещё люди представляли небо светлым теремом Божьим, со звёздами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и несть им числа. У каждой живой души на земле свой звёздный ангел-хранитель.

Народится человек, и Бог назначает ему ангела - стеречь, чтобы не совершал он каждодневного греха, не устояв от ухищрений дьявольской силы. Откроет тогда ангел своё окошечко, сядет да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Каждое дело, совершаемое на земле человеком, в книгу особенную записывает, только успевает страницы перелистывать: людям же внизу чудится, будто звёзды переливаются.

Умер человек - и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на грудь земную. Кто увидит такую звезду, да успеет загадать желание, у того всё непременно сбудется.

А кто-то воспринимал небесные звёзды Божьими очами, беспристрастно всеведущими и всевидящими. Так же, как и ангелы, наблюдая за всем миром, Бог не допускал себе вольности и следил за справедливостью. Вспыхивая радостным блеском - звёзды отмечали на земле праведность, когда же светила тусклые и еле мигают, сожалели о совершаемых человеком грехах.

Люди всегда стремились охватить собственным знанием звёздное пространство, и не пугала их эта бесконечная тьма. Так увидели они ту, самую главную звезду, что показала волхвам путь к Христу. Когда родила Дева Мария Иисуса, то и звезда родилась на небе, а остальные, словно свечи Божией Матери, загорелись. Как будто за всех людей радуясь и провозглашая начало новой, более светлой и благостной жизни.

Не зря издавна повелось поверье, что звёзд на небе столько, сколько людей на земле. Но бесконечны силы Вселенной, и звёзды, как и люди, нарождаясь одна за другой, отличаются по своему блеску, величине и окраске. Согласно характеру - звёзды получают себе имя, и каждая несёт в себе какое-то особенное значение: звезда от звезды разнится в своей добродетельной славе.

Самые дружные звёзды образовывали между собою созвездия, поражая своей красотой любознательное человеческое восприятие. Звёзды управляли целыми народами, а звёздами - сам Бог. Так божественному небу было удобно удерживать жизнь на земле в необходимом для неё мудром равновесии.

Но как бы высоко не распростёрлось над людьми звёздное небо, оно, по народному поверью, всё же, концами в землю упиралось. Человек, при желании, мог на него взобраться и достать свою звезду. До того места, где небо сходится с землей, добирался только тот, кто был исполнен премудрости.

Каждый живущий на земле способен был стать им, потому как самая родная звезда всегда стояла у него над головой. Он мог обратить лицо к её свету, и она это замечала. Всякая звезда радовалась оказанному ей вниманию, и рано или поздно приветствовала человека. Неравнодушие людей к собственной жизни постепенно открывало им всё более ясное звёздное небо.

Но больше всего привлекали к себе падающие в ночном небе звезды. Люди тогда о смерти думать забывали, и у каждого из них в сердце новая мечта зажигалась. Очень ей хотелось ещё одной звёздочкой на небе загореться, просиять на нём долго и, опалив на прощание кого-нибудь добрым светом, радостно погаснуть. Так звёзды, вспыхивая друг для друга, никогда на самом деле не умирали.

Звёзд на небе больше было зимою, в отличие от страдного летнего времени. Именно тогда падало наибольшее количество звёзд: так повелевал Господь. Как только душа человека прилетала на небо, Бог заставлял ангелов сбросить одну звезду, чтобы все люди знали о кончине человека и помолились за него. Зима же, как никакое другое время, предполагала к накоплению необходимых жизненных сил и воли.

Кто-то искренне думал, что в виде падающей звезды Бог свергал с неба нечистую силу, и во время падения звезды надо креститься и произносить слово «аминь». Чем большее число раз успеешь его произнести, тем глубже сатана уйдёт при падении в землю.

Ещё существовало мнение, что падающие звезды - это свечки, поставленные сатаной по какому-либо из подвластных ему чертей… Но Бог видит его хитрости, и чёртову свечку немедленно сбрасывает с небес. Она и летит вниз в виде падающей звезды.

Все падающие звёзды красивы, и хорошо, если они сыплются с неба только к снегу, не предвещая ничего, кроме радости их неземного озарения. По мнению некоторых народов, звезда всё же могла причинить вред, если падала на ничего не подозревающее животное или человека. Когда пострадавший сильно заболевал, и никто не мог определить причину его болезни, то говорили, что на него звезда упала: на человека словно ложилась печать непоправимой обречённости, и не было ему тогда спасения.

А ещё говорили, что все звёзды не стоят одного месяца, ибо он по упавшей звезде не тужит. Даже вместе взятые, они не составят его блеска и силы, и не смогут светить так зазывно и ярко. Свет, испускаемый звёздами, как, впрочем, и у месяца, холодный, не согревающий всю земную природу. Но разве сравниться им с его, словно начищенной снегом красотой?!

Сквозь безграничную даль пространства бледные лучи звёзд пронзают ночную темноту, и не в силах разогнать её. На это способен только месяц, что копит в себе животворный сок очаровывающего свечения. А может, это звёзды собирают его своим невидимым трудом, и благословляют месяц на всеобщее радостное обозрение?!

Месяц за то относится к звёздам с уважением, и всегда привечает их, но нелегко ему расточать своё красочное великолепие. Хоть у него его много, сорвавшихся с неба звёзд он провожает чуть с сожалеющей, но доброй улыбкой, как ещё одно воздаяние человеческим судьбам, что неотделимы от божественного неба. Месяцу хочется позабавить и мир людей, и всё небесное пространство, особенно – зимой, потому как живёт он отражением их соединенной жизни, черпая в ней неиссякаемую радость.

Про звёзды, так же, как и про солнце с луной, в народе сложили немало замечательных поговорок. «Не считай звёзды, а гляди под ноги: ничего не найдёшь, так хоть не упадёшь!» - советовали рассеянному человеку. Верхогляду приговаривали: «Жить - живи, да решетом звёзд в воде не лови!» Обманщика и льстеца можно было, не без успеха, так подзадорить: «Часты звёзды, ярки звёзды, да рассыпчаты; сладки речи, звонки речи, да обманчивы!»

Звёздные загадки звучали весело и живо, они были полны незатухающего огня. «Рассыпался горох на тысячи дорог? - выпаливали вмиг, ровно сами звёзды покатились по сказочному небосклону. Или так сочно, по-народному: «Полно корыто огурцов намыто?» А ещё - с замиранием духа, красиво, да вкрадчиво: «Поле не отмерено, овцы не считаны, пастух рогатый?»

Многие люди не склонны верить ночному зимнему небу, но именно вид звёздного неба и самих звёзд породил немало добрых примет. Блеск звёзд и их чарующее мерцание предполагало ясную погоду, и хоть нельзя было рассчитывать на её постоянство, зимний холод не был обузой. Чем темнее ночь, тем ярче звёзды, и даже когда на облачном небе звёзд совсем не видно, ты знаешь, что они из-за этого светить не перестают.

Зимою звёзды ярко блещут, посылая лучи во все стороны, - к сильному морозу с ветром. В какой части неба звёзды засияли сильнее - оттуда непогоду надует. Если же у звёзд лучи тёмные - ожидай скорой метели.

Разные предсказания строили по кажущейся величине звёзд, а также по их движению на небе. Звёзды маленькие, словно затерянные в бесконечной вышине песчинки, предвещали снег. Звёзды яркие и пляшущие - лютые морозы. Когда казалось, что звёзды на небе как будто бегут, - будет ветер. Те звёзды, что забирались высоко, а светили тускло, обещали оттепель.

Звёзды, как солнце и луна, бывают иногда окружены туманными кругами, предвещающими либо ветер, либо снег, либо ясную погоду. Белые и красные круги около звезды - к вёдру, круги тёмного, зелёного и бледного

цветов - к ненастью. Дурную погоду также предрекала большая звезда, появившаяся вблизи лунного диска и следующая за ним, как цыплёнок за наседкой.

Звёзды тоже, как и месяц, по уверению умудрённого жизненным опытом народа, влияли на урожай. Ясная звёздная россыпь в ночь под Рождество - значит, поджидали красные девицы изобильного урожая ягод да грибов. Яркие звёзды во все святочные ночи - так и урожай хлебов будет добрый, и пчела хорошо роиться станет, и гречиху сеять можно без опаски перед градом, а овцы примутся ягниться дружнее дружного. Яркая игра звёзд перед яровым севом обещала богатые яровые.

По девичьей примете, звёзды падали к девичьей судьбе: в какую сторону на Святки звезда упадёт, когда на неё смотрит загадывающая девушка, в той стороне и суженый живёт.

Старики утверждали, что у того, кто часто смотрит на звёздную россыпь, у того глаза будут зоркие. Каждая звезда ровно проникает в человеческую душу, зажигая в ней необыкновенные знания. Недаром, прося благословения у Господа, от синего моря желают принять силу, от буйного ветра - храбрость, а от частых звезд - зрение.

Также и накануне Рождества: запасшись всем, что даст Бог к этому празднику, с благоговением ждёт человек появления на небе первой вечерней звезды. Верует он, что это загорается та самая звезда, что более двух тысячелетий тому назад возвестила волхвам о рождении Сына Божия в Вифлееме иудейском. Целый день постятся благочестивые люди в Рождественский сочельник, не принимая «до первой звезды» никакой пищи. Только духом святым сыты в ожидании её, что завещал им сам Господь Бог.

Наступает праздничный вечер, бережно покрывает синими тенями пушистые снега: сплошное благолепие вокруг и тишина. Всё торжественно напряжено в ожидании святого предзнаменования. И вот, вспыхивает на востоке трепетной свечой долгожданная звезда…

Взоры всех верующих людей, как близких по крови, так и далёких между собой, устремлены на неё. «Христос родился!» - раздаётся радостный их голос, что разносится вместе с колокольным звоном по всей Руси Великой. Над замолкшими лесами и полями, через города и сёла, по всему неоглядному простору русских дорог плывёт он свободным волеизъявлением, и всякий его слышит, понимает и впитывает в себя.

А звезда светит мудро, ещё более набираясь соком волшебного причастия, так, что каждый может ей открыться, любовно исповедуясь. «Празднуем, звезда, вместе с тобой нашу долю людскую, с небом праведным единую! Славься свет твой божественный, и да пребудет он долгие веки и многие лета!»

Спокойно внимает звезда людскому обращению и зажигает в доме всяких доброхотных хозяев свой проникновенный огонь. Огонь этот привлекает к себе колядующих, благочестиво отстоявших всенощную и заутреню, а хозяева их заслуженно одаривают. Больше всего достаётся

малым ребятишкам, один из них несёт на палке зажжённый фонарь в виде звезды, а остальные бегут за ним на каждый двор, куда только их пускают. Звезда никого не даёт в обиду и всех оберегает, кто благодарен ей за её загадочное появление.

Сами слова «рождественская звезда» - кажутся сказочными и желанными. При первом её блеске старший вносил в дом связку сена, устилал им лавку в красном углу и накрывал чистой скатертью… Затем на неё, под божницею, ставили не обмолоченный сноп ржи и кашу с плодовым взваром. Так начиналась эта «звёздная вечеря».

За вечерею вкусно ели, гадали о будущем урожае и не забывали думать о непрекращающемся свете любимой звезды. В самую полночь она должна была растворить небесные врата, и с заоблачных высот сходил на землю Сын Божий, открывая взорам праведных все неоценимые сокровища. Из своих сказочных пределов звезда посылала на одетую снежной пеленой землю богатые дары, и, если кто о чём-нибудь загадывал, всё непременно сбывалось.

Многое могли увидеть люди, достойно ожидающие свою звезду, да только с каждым годом труднее это делать из-за затемняющих небо нераскаянных грехов человеческих. А как ни смотри на небо грешная душа, ничего, кроме синего полога туч, ей не увидеть в эту великую ночь откровений. Надёжно хранит от них звезда свои неизъяснимые тайны и счастье.

У каждого человека свои звёзды. Одним они указывают путь в их бесконечных странствиях. Другие видят в них счастье своей единственной любви. Третьим звёзды кажутся удивительными мирами, каких они достигают в мечтательных снах. Звездочёты разбирают по звёздам великие загадки Вселенной. А кому-то звёзды - просто холодные и недосягаемые огоньки, от которых нет никакой пользы.

Для обыкновенных людей звёзды веками стоят над землёй недвижно, и смотрят друг на друга с холодной тоской. Но на самом деле отношения их богаты, звёзды говорят меж собой на прекрасном языке любви, и он известен только влюблённым. Как кто-то кого-то разлюбит - звезда их падает с высот, и уже больше ей не взойти. Одинокая ночь тогда принимает тебя, а взошедшие звёзды кажутся опять печальными и безликими.

Кто добр сердцем и замечает звёзды, тот взирает на них с глубоким уважением: звёздное небо - есть великая мудрость. Оно даровано человеку в наследство от далёких миров, чтобы, не переставая, гляделся он в карту своего будущего. Звёзды великодушно освещают ему отмеченные на ней непроторённые пути в бесконечность. Ещё звёзды предсказывают человеку его счастье и беду, оберегая от земного лиха. Только достойному доверчиво дарят они свой свет, и он чувствует его и принимает.

Наблюдая звёзды, мы уносимся в далёкое прошлое, потому что видим их не такими, какие они есть в момент наблюдения, а такими, какие они были в тот момент, когда попавший в наш глаз луч звезды покинул их. Там, в

невообразимой бесконечности веков, они родились и освещали собой иные миры. На заре своей горячей юности звёзды сверкали в вышине голубыми фонариками, и прошла, наверное, целая вечность, прежде чем они превратились в белые, желтые и, наконец, самые холодные - оранжевые. Именно такой цвет зажигали они в себе напоследок, возвещая человеку о своей прекрасной кончине.

Даже невероятно представить себе эти расстояния, что соединяют нас с давно минувшим. Звезда уже погасла, а свет от неё до сих пор остаётся в пространстве. Мы видим его, и нам кажется, что звезда жива: каждый вечер она ласково приветствует нас своим тихим мерцанием и оберегает сон. Прошлое не расстается с нами: оно смотрится в будущее.

Где-то там, в небесной вышине, сияет, наверное, и твоя звезда - холодная хранительница судьбы, вечная спутница и подруга. Восхитительной надеждой горит она одна, пленяет взор, рождает мечты. И ещё зовёт с высоты к себе, не в укор злополучной человеческой судьбе, а во имя утверждения в своём сердце справедливости и добра.

Далёкая и желанная, сражаясь с вечной темнотой, она несёт исстрадавшейся душе покой. Когда её нет и небо подёрнуто облаками, застлавшими весь горизонт, тебе бывает так одиноко, и ты вспоминаешь её, и думаешь: уж не оставила ли она своего слугу?! Но звезда молчит, и ты понимаешь, что надеяться стоит только на самого себя.

Рано или поздно звезда возвращается, неслышно всплывая над твоей головой, и ты радуешься, что она не бросала тебя, а только предоставляла тебе право собственного выбора. Звезда охраняла тебя на твоем пути, гордилась тобой, и, может быть, ты был ей дорог. Она любила тебя только ей присущей любовью, потому что ты заслужил её, ты - человек.

Вволю насладившись её присутствием, ты вдруг открываешь для себя, что если и завидовал кому-нибудь в жизни, так только ясным звёздам. Не для того, чтобы занять их место, а чтобы лишь взирать с заснеженной земли на вспыхивающие алмазы звёзд, и восхищаться их умудрённой поступи в ночи, умирая от сладостной тоски, что не придётся самому, хотя бы однажды, взлететь в восторженные небеса. Вознестись в божественную вышину, чтобы засветиться там розовой, голубой или зелёной надеждой зажить, наконец-то, по-настоящему, открыто и празднично, как сверкают звёзды к богатому урожаю, когда усыпанное ими небо щедро раздвигает надо всем миром свой волшебный занавес, а не так, как это водится у человека: словами назвездит, но на деле – ни с места… Свет же звезды – её незатухающая душа, благочестивый навет для досужего человека, что и сам готов, не уставая, трудиться душой и светить.

Не зря по звёздам корабли ходят, и человеку надлежит учиться у неба бесконечному терпению, постигая, что вся ширь и глубь Вселенной призывает и его душу раскрыться для неё так же смело, без страха, как и она

с надеждой взирает на нас из своих неведомых глубин, которые, конечно, прекрасны. Иначе и быть не может при той сказочной глубине звёздного неба, что ненавязчиво, из века в век, указывает нам верный путь.

Душа человека неудержимо стремится к небесам, и он не чувствует в них никакого отказа: величественный небосвод готов разговаривать с человеком обо всём, даже - о самом сокровенном. Вознося его во снах и мечтах, казалось бы, на недосягаемую высоту, небо обещает там ему блаженную вечность.

Все мы под звёздным небом ходим, и не боимся, что оно провалится. Небо для нас облачается в чудесные одежды, подпоясывается ослепительными зорями и застёгивается яркими звёздами. Небо – нетленная риза Господня, престол Бога, а земля – его подножие. И всё-таки, небеса проповедуют нам не только славу Господню, но и простую истину: в небо приходящим – отказу не бывает, и о чём открытому небу помолишься, то сбудется. Если бы не мороз, то и овёс бы до неба дорос!

Звёзды призывают нас мечтать, играя нашим воображением, и человек представляет себе жизнь достойную и праведную, что не минует его, если не считать счастье несбыточным. Мечтать о настоящем и осуществлять его, значит, утверждать на земле божественные наказы – любить и радоваться, а помогают в этом человеку разноликие восхитительные звёзды. Звёзды заповедуют ему своим таинственным свечением ясную дорогу к самым заветным истинам Божественного откровения.

Воевода зимы русской

Всю зиму летает над просторами заснеженной России её царь - Дед Мороз, на своих чудесных белошёрстных конях. Не существует такой деревни, поля или лесной чащи, какие не были овеяны его невидимым присутствием. Дед Мороз везде и нигде, он есть белая суть зимы, сам снег, мятежная морозная даль и безудержный стылый ветер. Всякий знает Деда Мороза, но никто его не видел и не ведает, где находится трон зимнего царя.

Каждый год властитель зимы прилетает к нам из своей далёкой и вечно холодной страны для собственного утешения. Всласть ему, истосковавшемуся без дела, пронестись снежным вихрем над замершей землёй, смешав свет с тьмою. Его премудрость и таинственная власть ни у кого не вызывают сомнений. Обескуражив всех своим появлением, он с восторженной радостью пожинает народное почтение.

Идёт Дед Мороз по лесным тропам, и сказочным становится лес. К утру зажжённые Дедом Морозом звёзды покрываются тусклой позолотой, и с высоты божьих небес срываются одна за другой. Дрогнет при этом сердце: неужели сам Господь сдувает их оттуда? А Дед Мороз только подправляет звёзды волшебным посохом, чтобы не закатились далеко.

С добрым настроением обходит Дед Мороз свои владения, следит за тем, чтобы исправно заносили метели пути-дороги. Даже его ледяное сердце

не может не дрогнуть от немой красоты запушённых снегом верхушек сосен и елей, скованных синим льдом озёр и рек. Не устоит оно, наверное, и перед расписанной узорами пронзительной небесной вышиной. Гулко отдаётся гордое сердце Деда Мороза трескучим морозом в глуби разудалой русской зимы.

Даже разгорячённое своей игрой солнце не в силах растопить мёрзлое дыхание Деда Мороза, окладистая борода его искрится чарующими блестками и ослепительным инеем. Чародейка зима стелет ему дорогу белоснежными коврами, по ним Дед Мороз шагает целыми вёрстами.

Забравшись на самое высокое дерево, глядит свысока, везде ли установились зимний порядок и тишина. Всё ему в эту пору подвластно, и другого такого владыки во всей земле русской не отыщешь.

Задумает Мороз ледяной мост выстроить - лютые метели и стужа ему верное подспорье. Захочет сковать шумные воды реки - беспрекословно подчиняются они ему. Весело, но не беззаботно скачет Мороз на своих белоснежных конях по ельничкам и берёзовым рощам, по заснеженным берегам и деревенькам.

По лесам и полям с самого начала зимы слышатся его северные песни: в них - родное для русского сердца раздолье. Но как бы крепко не трещал мороз, кровь от него только горит: не страшны ей его прикосновения. А старик-шутник ещё злей от такого неповиновения становится: заплутавшего мужика у ворот сторожит, и другим стоять не велит.

И всё же не враждебен человеку разудалый хозяин зимы. Чаще всего Дед Мороз уступает тому, кто этого заслужил, и может умилостивить, отпуская с Богом на все четыре стороны. А сам, отправляясь дальше в свой снежный путь, напоминает всем, что только зимой мир людей виден в настоящем свете.

Любит ещё Дед Мороз похвастать своим царским убранством, но не корысти ради, а от переполняющих его душу добрых чувств… Ни с того ни с сего затеет он свою казну несметную пересыпать из рукавицы в рукавицу, так что засияет всё вокруг в алмазах и серебре! Блеск их соткёт волшебное одеяние зиме, и та царицей войдёт в открывшийся ей дом людей, зверей и птиц, и всех в нём согреет и приголубит.

Доволен всем этим Дед Мороз необыкновенно: на бледных губах его играет сдержанная улыбка, длинные ресницы и борода запушены белой бахромой, густые брови - словно отливающие золотом соболя. Стоит и радуется старик от сотворённого им праздника света, участия ко всему живому! Дай Бог, чтобы не застудил никому сердца сверкающий иней его неподражаемого богатства!

Восхищённые чарующим блеском этого волшебства, птицы радостно слетают с верхушек елей, и вновь взвиваются к ним. Заслонившись рукой от ослепительного зимнего солнца, пристально вглядывается Дед Мороз в их беззаботную игру, и будто успокаивается сердцем. Они тоже часть его бесценных даров, освещающих собой неприкосновенную зимнюю сказку.

Нет в мире прелестней её, что рождается в зимней лесной тиши, полной таинственных чудес. Сказка эта подобна околдовывающим снам из детства, какие посылает нам только Дед Мороз…

Самые волшебные сказания и образы в русском народе связаны с именем Деда Мороза. Кому-то он виделся богатырём-кузнецом, что сковывает воду калёными морозами. А для кого-то вырастал неведомой силой из зимнего солнца и ветра, угрожая насмерть застудить встретившегося ему на пути человека. Доброхоты же рисовали в своём воображении Мороза незлобивым дедом, живущим в ледяной избушке и одаривающим всякого пришедшего к нему. Для такого Мороза на Рождество выставляли кашу за окно, и звали её отведать, приговаривая: «Мороз, Мороз! Зимой приходи, а летом не ходи, под гнилой колодой лежи, нашего хлеба не морозь: ни гороху, ни овса, ни доброго жита!»

Но, вопреки чаяниям людей, Дед Мороз приходил к ним иногда бессердечным старичком низенького роста, с длинной седой бородой и колючими глазками, стуком своего посошка вызывающего трескучие морозы. От удара Мороза по углу избы, якобы, даже раскалывалось бревно, и это выглядело самой жестокой его проделкой. Незащищённому человеку легко было разувериться в нём и опасть душой в эту студёную пору.

Или объявится вдруг Мороз грозным дядькою, куницами да лисицами обвешанный, чёрными соболями подпоясанный, на свою палицу точёную опирается, и речи небывалые для всех молвит: «Пришел я к вам с далекой, неведомой стороны, где славен своею властью и силою. Волшебный шатёр в той стране до самых небес возвышается, белым бархатом устеленный. Целый год в нём чёрная ночь с белым светом венчаются, золотыми кольцами обмениваются. Я их драгоценным своим перстнём вещаю, да свадьбою невиданной веселю. Всякий меня там знает и поклоняется!»

Иной же раз по улицам, вприсядку, проходит молодец ладный, будто только что из-под Божьего благословения вышедший. Обличьем своим - красавец писаный, да такой пригожий, каким дитя малое в заутреню рождественскую пробуждается: ключевой водой живою умытый, и тонким белым полотенцем осушенный. Ноги его резвые в сапоги алые обуты, фигуру платье опрятное украшает.

Идёт он молодецкой поступью по деревне, и никуда не заглядывает, а всякому чудится, будто он у него в гостях побывал! Дивятся люди доброму молодцу, на улицу гурьбою вываливают, не ведая поначалу, кого им ласковым словом величать!

В зиму захудалую Мороз вдруг попиком неприглядным объявится. То и дело кланяется кому-то, к Божьей церкви поворачивается. Из одной руки в другую крест оловянный маленький перекладывает, да всё молитву свою искусную творит, на судьбину горькую жалуется.

Народу от него в такой год проку мало: как бы самим на все четыре стороны не пойти. Закрывают они двери на засовы, Богу, их оставившему, поклоняются: за какие грехи на них такая напасть неминучая? Детям от этого заблудшего дяденьки подарков не жди, а ведь им без сказок, что мухам без браги.

Наградой после такого поповского «чуда» мог быть только ясный младенец, от светлой зари морозной над землею воспаривший. Кудри его чистым серебром из-под красной ермолки в три ряда завиваются, лучистые глаза скатным жемчугом обжигают. Люди меж собой в радостном изумлении вопрошают: «Как того отрока по имени-отчеству зовут, и не светел ли месяц к нам на землю спустился?» Или так: «Кто такое прелестное дитя породил, и кто спеленал эту ясную звёздочку?»

Дитя же то крестьянам неразумным, за лихолетье долгое в себе и Боге разуверившимся, отвечает: «Батюшка мой, православные братья, ни кто иной, как повелитель снегов и морозов, всевышний ледяной владыка всего земного царства. Породила меня на свет божий маменька-зима, а спеленали родные нянюшки - метели и бури. Бабушка-пурга над моей головою сказки волшебные читала, душу выпестовала: рос я в заботе и ласке!»

Люди от речей только что народившегося Мороза сами лицом светлели, и в мыслях его прославляли. По душе им были отороченные его кудреватым серебром замершие березы и красное золото зимнего солнца, уютно расположившегося за дальним лесом.

Рано поутру поднимался младой Морозец, резво пробегался по дворам и крышам домов. Звонким колокольчиком отовсюду сыпался его смех, а он ещё более подзадоривал: «Вставайте, люди добрые! Беритесь поскорее за святую работу, недолго уже ждать Рождества Христова!» И люди слышали его весёлую озабоченность, и шли под зарю искать своего Бога.

Кликали они его под самый Новый год, здоровья крепкого желали, со скорыми рождественскими вечерами друг друга поздравляли. Верили, что Бог их не оставит, и даст всякому того, чего он желает. Кому куниц, лисиц да заюшку - белу горностаюшку, кому - добрый двор всем боярам на зависть, а кому - доченьку-паву. От доброго зерна, что всегда жило в народе, рождался в нём, наконец, образ могущественного в своём добре и силе Деда Мороза, сродни самому Богу.

Дед Мороз выходил высокий и статный, с окладистой снежной бородой и запутавшимися в ней живыми звёздами, румяное лицо излучает бодрость и здоровье, а в глубоких глазах плывут синие облака. На плечах его добрая шуба, что переливается жаркой краснотой восходящего январского солнца, рукава её оторочены горностаевым чистым мехом в блёстках. Могучие руки укутаны в пуховые рукавицы и сжимают хрустальный посох с ледяным петухом, а сахарная улыбка на устах источает мёд благолепных речей, что обращены ко всему живому. В облике Деда Мороза чувствуется ладная строгость и удаль, нет и налёта какой-либо печали.

За Дедом Морозом идут чудесные звери с золотыми рогами. Склонивши головы, олени подчиняются его жесту, слову и малейшим дуновениям его скрытого дыхания. Взрослые красавцы самцы, и прелестные девушки-лани. Из какой неведомой страны привёл их с собой Мороз на радость себе и людям, что, только изредка взглядывая на них в своей зимней жизни, сложили про зверей сказочные предания и легенды?

Все животные испытывали к Деду Морозу трепетную привязанность. Предоставляя себя в услужение ему, они уже были не просто звери, а его помощники. Дед Мороз выводил их потом к людям, чтобы они помогали им. Когда же люди не понимали их устремлений, животные молили о пощаде, вызывая в человеке сострадание.

Такой зверь становился впоследствии родственником человека, а человек, убивший его, обращался зверем. Один мир помогал другому выстоять, и между ними возникала дружба. Воспитанные Дедом Морозом, животные своим прикосновением превращали предметы в драгоценности, и иногда дарили их тем, кто не угасал душой.

Когда-то давно звери научились быть преданными Деду Морозу, и стали любимыми им, но не потеряли своей свободы. Они только приобрели ещё большую волю, хотя им по-прежнему хотелось служить величественному царю, выполняя любые его повеления. Не оставляя владыку ни на миг, они могли жить своей таинственной жизнью, выпивая сладостный сок укромных лесных дней и ночей.

Птицы охраняли покой Деда Мороза, и будили его только приятными сообщениями о зимних превращениях леса. Или - о божественной силе его величества, приносящей в жизнь чудесные изменения. Всё, что бы ни поведали они своему царю, радовало его необъятную душу, и он вновь засыпал ненадолго, и птицы навевали ему воздушные сны. Может быть, они являли ему тайну собственной небесной жизни, зацепившуюся холодящими искорками на их махоньких крыльях.

Воробьи, снегири и свиристели ничего не ели, пока Дед Мороз почивал, но как только он отходил от недолгих сновидений - улетали чем-либо поживиться. Они порхали по лесным опушкам, весело осыпая на снег семена, а Дед Мороз радовался, давая им порезвиться, сам душой ледяной отмякая за их неугомонными заботами. Птицы много значили для него, и потому он любил их безмерно.

Мог Дед Мороз с их помощью на любого живущего навеять ледяной сон, но не решался посылать на это своих крохотных любимцев. Птицы были его вдохновением, и, наделённые им неиссякаемым жизненным духом, оставались для людей в глубине зимы провозвестниками здоровья и благополучия. Всевышним повелением своего правителя, они хранили для них в зимнюю стужу надежду и добро.

Ближе к весне Дед Мороз отпускал всех послуживших ему птиц на волю. По взмаху широких рукавов его шубы они вылетали оттуда морозными блестками, и вокруг становилось светлым-светло. Благодаря

Деду Морозу птицы воплощали собой на земле, особенно зимой, живое тепло, и люди верили, что души после смерти принимают их облик: синицы, снегиря или свиристеля. А может быть, душа человека лишь подхватывалась птицей, выпущенной на свет Дедом Морозом, и уносилась с ней в божественное царство.

Дед Мороз — бог зимы, её вечный и нетленный властитель, обладающий неограниченными возможностями. Кого-то он мог застудить насмерть, а кого-то отпускал с божьими молитвами и любовью. Всё зависело от самого человека: как он относился к себе и людям в окружении зимы, на что надеялся, чем жил. Больше всего Мороз любил позабавиться над нерешительностью человека, желая узнать его суть и склонность к какому-либо делу.

Видя, что человеческий дух не замерзает, Дед Мороз ещё более расходился, про всё на свете забывал и в пляс пускался: поберегись, мол, русский мужик, древний хозяин зимы идёт, сейчас настоящая потеха будет! Как тут удержаться от зажигательного душевного порыва, не выйти лицом к лицу к владыке зимы, чтобы помериться с ним своей молодецкой силой да себя показать!

Где уж тут про холод вспоминать, про мытарства и беды великие, что душу нескончаемо одолевают! Бросишь свои печали горевать, махнёшь на всё рукой и айда, позабыв обо всём, удалью с Морозом мериться. А дух так и захватывает от переполняющего волнения, сердечко трепетно ёкает: в силах ли сдюжить предложенную Морозом игру, не слукавит ли старый?!

А мороз никого не щадит, только ещё пуще забавляется. В своей далёкой стране вечных льдов он давно по зиме скучал и, изрядно истосковавшись по ней, что было сил, свирепствует. Трудно сладить с ним в самом разгаре зимы.

Зато дышится в мороз вольно, а на щёки ложится печать его красоты - алые розы. Они пышут с мороза здоровьем, и на прикосновение губ отвечают благородной прохладой. Ароматен их быстротечный запах, сладостен влажный вкус.

Роскошь - ощущать на себе их краткое великолепие. В них - свежесть посеребрённой зимы, её самобытная краса. Зимние цветы - это русская смесь скованной на время душевной широты и открытой безропотности.

Блещет от мороза голубоватый лед на укатанной санями дороге, каждый шаг отчетливо отдаётся не только в ушах, но и в душе. Легкий парок клубится изо рта и повисает в сверкающем воздухе. Шапки, волосы, брови людей красивы в седом ореоле зимы - Дед Мороз постарался на славу!

В мороз, кажется, более пристально глядит с неба ясный месяц. Он уже показал свой золотой рог, и словно улыбается от содеянного им волшебства. Так светла и прекрасна развернувшаяся по заснеженной земле картина, что в удовлетворении рисует для всего живого Дед Мороз!

Изрядно замёрзшие люди резво спешат по своим домам, и их приподнятые меховые воротники выдают в них разбуженную морозом бодрость. Будто на цыпочках двигаются они вдоль поблескивающих желтизной фонарей: вот-вот взлетят в морозное небо, чтобы слиться там с торжественной и восторженной немотой звёздного неба. Нет вокруг никакой суеты, только зимняя сказка и захватывающая дух звёздная бесконечность.

Но не заоблачным небожителем был владыка зимы, каждый год он исправно сходил к народу, узнавая все тайны его жизни. Так он летал по разным странам, и везде учил людей своей правде. И, конечно, бывал он, наверное, на далёких звездах. Кому, как ни ему, было судить о единственно верном смысле жизни, наставляя людей на праведный путь? Для кого он своих сказок только не сказывал, и кто их забудет?!

Без Деда Мороза нельзя представить себе подарки зимы. Никого не хочет разочаровывать могущественный воевода: разговаривает с животными и людьми, благословляет в домах пищу и напитки, а ещё - новорождённых. Каждого готов он огорошить непредсказуемыми дарами, и даже если для кого-то Дед Мороз порождён фантазией северных жителей, он - божество, необходимое людям. « За нашим амбаром, - приговаривают они, - стоит дед с барабаном, кто его не видит - к тому счастье не идёт!»

Радостной утехой для людей было умение Деда Мороза расписывать повсюду узоры. «Без рук, без ног, да ещё рисует!» - с восхищенным недоумением делились они друг с другом. При свете солнца узоры на окнах сияют жемчугами и начинают казаться драгоценными, а ближе к ночи, когда взбирается на небо круторогий месяц, они навевают глубокий покой и дивную сказку. На что только не сподобится славный Дед Мороз!

В самую стужу, Дед Мороз обдувает молодой лёд инеем, и к утру на нём появляются белоснежные цветы. В объятиях Мороза они застывают, постепенно складываясь в виде ледяных лепестков в причудливые бутоны. Радуя глаза людей, тянутся к зимнему солнцу волшебные цветы Деда Мороза, вырастают куст за кустом, и не видать конца его очаровательным сюрпризам!

Но не всегда, бывает, хорош Дед Мороз. Недостойно, в беззаботности проживая год за годом, люди уготавливают себе однажды суровую зиму. В этом причина её жестокости и страшных холодов, когда чуть ли не пляской приходится отогреваться от них. Дед Мороз тогда становится сам не свой, и может учинить злую шутку с каждым.

Ему будто нездоровится в такую зиму. Вырубив изо льда дубинку, он неприкаянно бродит меж домов, и колотит ею по углам. А то, подстерегая путников у закраины дорог, возьмётся поджидать проезжающие сани, вскочит им на задки и расщепит полозья. Так и стережёт посреди полночного поля воз за возом, обращая путников в снежные столбы.

С каждым днём растёт его неприкаянность, и он всё чаще тянется потаёнными овражками к человеческому жилью. Подобравшись к какому-либо дому, обернётся леденящим туманом, смешавшись с дымком, завьётся в

печную трубу да заморозит всех. Хозяева ему в пояс кланяются, чтобы он норов свой на милость сменил, а Мороз в ответ только юродствует: ещё, мол, не так холодами околдую и метелями закручу, не дождаться вам конца зимы!

Человека, обратившего в такую худую пору свой интерес к лесу, Дед Мороз отдавал на откуп лесовикам, чтобы те стерегли его душу, время от времени запутывая и уводя в чащу. А то и сам затиснет в глухой чапыжник: выбирайся, мужик, как знаешь! Куда девалась его младенческая душа, с какой он раздавал под Новый год подарки?! На что променял Дед Мороз своё великодушие и доброжелательность?!

И собирают тогда люди самого удалого храбреца на поиски хрустальной горы, что находится в далекой ледяной стране Деда Мороза. В горе той заключена власть над жизнью и смертью, она зорко охраняется его слугами. Бесчисленное количество залов тянется один за другим, и в них так тихо, что даже вьюги не наметают туда снега, а мерцание недостижимых звезд не проникает сквозь толстые ледяные стены.

Лишь непреклонный свет северного сияния просачивается сквозь хрустальную гору и безжизненно освещает её изнутри. Но не морозит Дед Мороз достойного, а пропускает в свои владения и, в назидание другим, чтобы они не угасали душой в суровую пору, наделяет знанием, чтобы он перенёс его в мир разуверившихся людей. Так Дед Мороз помогает им достойно сложить свою жизнь до весны. Благослови, Господи, достояние и русской зимы, и её верховного воеводы!

Снегурочка

Снегурочка… Воображение рисует какое-то волшебное существо, присущее именно зимнему лесу. Уже не девочка, но ещё и не женщина, это милое создание вызывает непременное желание улыбнуться, когда узнаёшь о её существовании, и ты забываешь обо всём. Видение чего-то необычного целиком захватывает всё твоё восприятие, но не сразу выразишь то, что приходит на ум. Что-то необыкновенно проникновенное и тёплое касается тебя, несмотря на то, что вокруг – зима.

Зима установилась, за снегами проезду нет, а её девичий облик чист и ясен: белее снегу белого её ласковый лик. Нечто ещё более нежное, чем неприкосновенная белизна холста и лебяжий пух, снежное самородное серебро, хранящее в себе трогательную тайну. Чего она ни коснётся – всё её красит, и даже то, что казалось до этого неприметным – ей к лицу!

Зимнею природой писано её лицо, но такое тонкое и трепетное. Вся его свежесть – небесное ликование: в нём – и несказанная любовь, и удивительно доброе разумение, и вкрадчивое постижение непростых жизненных истин, не дающихся даже человеку, и ласковая хвала окружающему миру, несмотря на то, что он весь заснежен. Как передать чудесный дух, заключённый в этой сказочной девочке, на самом деле, вроде бы, не существующей, но в которую хочется верить?!

Если чудной Снегурочке дано видеть себя со стороны, то ничто её смущать, конечно, не может: она – сама чистота и нежность. А ведь как хрупка при этом, ибо сотворена из снега, и именно поэтому должно быть ценит жизнь, в любой момент готовая её потерять. Каждого оделяет своим душевным добром, но где в таком легковесном теле находится душа? Кто наделил её этой удивительно трогательной, но верной энергией, способной согреть, и, конечно, отдать себя целиком?!

Представляешь себе Снегурочку, и тебя начинает смущать собственная бесчувственность при её невесомом существовании. Кажется, что она всего лишь - милое снежное дитя, а как хороша своей обаятельной мудростью и простотой, только в сказке, наверное, и способная всех радовать, никого не обижая. Да, Снегурочка – необыкновенное чудо, и не хочется думать, что весной её не станет.

Жила ни на кого непохожая и чуткая краса, заигрывая с белочками и зайчиками, привечала своим неведомым теплом трепетных птиц, оживляющих зиму, улыбалась скупым январским и февральским зорям, и вот – её нет. Но как чудесны и легки воспоминания о ней, сравнимые лишь с лёгкой и чудесной весной! Память – доброе свойство души, способной хранить в себе самое дорогое, а разве недорога русскому человеку родная Снегурочка?!

Не зря в народных сказках издавна существует её образ, олицетворяющий посреди зимы именно нежность. Людям в эту суровую пору недоставало такого трогательного существа, о котором можно было проявлять заботу, и неслучайно одинокие старик со старушкой скатали себе из снега доченьку, назвав её Снегуркой, а она ожила и принесла в их дом радость.

Правда, весной Снегурочка тает, и старик со старухой опять остаются одни. Как они ни прятали свою доченьку от солнечных лучей, но всё же не уберегли её от обычного земного огня. Ослушалась Снегурочка стариков, и отправилась с подружками на праздник Ивана Купалы в лес, вместе со всеми решила прыгнуть через костёр – и растворилась в воздухе. Но память о доброй девочке из снега осталась в умах людей, каждый год они ждут её прихода с Дедом Морозом, и ничего, что девочка – ледяная: сердце её переполнено любовью и теплом ко всему живому.

Эта трогательная теплота, наверное, главное, что отличает Снегурочку, и мы любим её в морозную зиму за трепетное обаяние, что она в себе несёт. Так и видится, как в морозный весёлый час идёт между людей задушевная сказочная красавица, слепленная из чистого белого снега, и дарит им сердечную улыбку. Улыбка её - будто свежий ветерок над землёю пробегает: повсюду воцаряется ароматная прохлада и радость. Свежесть, что излучает Снегурочка, сродни живому роднику посреди зимы, и он будто очищает воздух и сердца, наполняя их необыкновенной бодростью.

От лёгкого морозца лицо свежеет, а сердце в груди счастливо переворачивается: вокруг – чистая сказка! И всё это неописуемое обаяние

привносит в уснувшую природу хрупкое создание, сотворённое среди белой зимы: Снегурочка! Люди всегда чтили её на Руси, и называли белой лебёдушкой и сизокрылой голубкою.

Что и говорить: под стать своему батюшке Деду Морозу его пригожая дочка Снегурочка. Краше её нет никого на белом свете. По устеленной снегом земле идёт - что заря алая занимается. В лес волшебный вступает, всякий зверь или птица к ней тянется. Ну, а как меж людьми хороводы водить - лучше её никто не ведает! Царица и королева она в одном лице для каждого, кто не представляет себе русскую зиму без доброго веселья и хрустальной мечты.

Батюшка Мороз свою дочку крепче преданных ему метелей да холодов любит, от злого глаза небесной тьмы пристально бережёт. «Свет-очами» и «Снежинкой» про себя дочурку любимую величает, лисиц и волков стеречь её зовёт. «Вам-то, братья мои лесные, молодицу красную, лебёдушку, оберегать надлежит и заботу над ней нежную творить. Чтоб не угасли прежде времени её глазки ясные, не увяли губки яхонтовые. За ту службу верную одарю я лес богатствами несметными, от которых ему стоять радостно будет ещё веки вечные!»

Снегурочка за то ещё больше отца родного привечает: всегда до трогательности кротка и послушна. Дед Мороз через посланников своих пернатых ей гостинцы царские шлёт: то необыкновенной красоты шёлковый платочек праздничный, то серебряный перстенёк. А более всего желает ей владыка молодого здоровья да красы ненаглядной. Пьёт она, по его повелению, из волшебной чаши зимы мёд янтарный и чистый на благословление всех людей и Господа!

Всякого в зимнем лесу касаются забота и очарование Снегурочки. Крохотных птах, что застудились в лютый холод, отогревает она своим трепетным дыханием. Расшалившихся не на шутку зайцев унимает ласковым предостережением. Юркие белки не отстают от неё ни на шаг, вызывая на губах добрую улыбку: их она одаривает драгоценными орешками.

Громогласный клёкот застывает у ворона в горле, когда Снегурочка, окружённая зверями, проходит по лесу. Никто не остаётся к ней равнодушным. Даже в воздухе воцаряется такая тишина, что, кажется, у самой зимы замирает дыхание: ни жива, ни мертва хозяйка лесов и полей от переживания за это юное чудо.

Короток отпущенный Снегурочке век, и оттого не успевает она состариться. Рождённая из снега, она только им живёт, и о другой судьбе не мечтает. Снеговой водой умывается, на снежной перине в зимние ночи почивает. Звёздное небо с вытканными на нём звёздами ей за покрывало, метели да вьюги - няньки сердобольные. Когда они колыбельную Снегурочке напевают, люди про себя только о хорошем думают.

К ним Снегурочка под праздники с открытым сердцем обращается: настроение одним своим присутствием поднимает, о душе, что в долгую

зиму успела отчаяться, заботится. Как снег бела и чиста она в помыслах, румяна весельем. Детей медовыми пряниками да красными яблочками угощает, старших дружный хоровод водить зовёт. Взявшись меж собой за руки, люди от всего худого скоро избавляются, за всё доброе её благодарят.

Сдержанно и мило несёт Снегурочка через всю зиму свою сказку. Жизнь в ней катится волшебными салазками по жемчугам и золоту, молодцы с девицами встречаются там пригожие да весёлые. Кому эта сказка достанется, тому неминуемо сбудется жить богато, ходить молодцом!

Сама же Снегурочка после Рождества всё больше в лес глядит, хотя и норовит меж людьми подольше остаться. Хочется ей ещё немножко людского веселья и радости попытать, с горочек покататься, в снежки поиграть: больно охоча она до всякой забавы.

Но людям свои заботы творить приходится, и Снегурочка возвращается в ледяную избу батюшки до самой Масленицы. Только на пороге весны покажется она всем ещё раз, чтобы заронить в сердца людей, птиц и зверей трепетное воспоминание о себе до будущей зимы.

Потом самая прекрасная «Снежинка» зимы уснёт заколдованной царевной. Серебряный дворец отца-воеводы будет сон её охранять, пока солнечные лучи не растопят его стены. И тогда Снегурочка превратится в нежное облачко, и тихо поплывёт над землёй, незаметно осеняя всех и каждого своей недолговечной любовью и лаской.

Под сенью нашего детства

Думая о зиме, нельзя не упомянуть и такое чудо, как новогодний праздник с жарко дышащей хвоей ёлкой, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушками, с Дедом Морозом и Снегурочкой, с повизгивающими на морозе вёрткими салазками и стремительными коньками, с искрящейся от радости зимней сказкой. Совсем недавно появившись на свет, ты словно рождаешься заново, потому, что именно в детстве каждый день происходят огромные перемены. И каждый день ты становишься новым, тебе уже никогда не быть прежним, а радость существования заключена в том, что жизнь дарит волшебные ключики к её тайнам, и если ты по-настоящему любишь эту жизнь, то она открывает перед тобой путь ко всем секретам. И тогда ты - настоящий царь, обладающий и радостью, и любовью, и свободой, готовый парить в небесах: что ещё может подарить тебе этот чудесный мир! И разве можно желать чего-то большего?!

Ёлка… Не раз уж я писал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом самом зимнем волшебстве, то всегда думаю о детстве, а уж потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять-шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту сказочную тайну! Для них она не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева. И не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, кажущимися на ёлочке какими-то особенными. Даже - не в подарках, разложенных взрослыми накануне праздника, у её подножия, а в том, что чудесное дерево, растущее в лесу, вот прямо сейчас находится у них дома.

Быть может, совсем недавно, вокруг этой ёлки водили под луной свои хороводы милые зайцы! Ёлка радует детей своим ароматом, тотчас уносящим их в таинственный ночной лес, и тогда уже живое воображение детей переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру. И дети, конечно, искренне верят в происходящие в жизни сказочные перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза.

Казалось бы, всем давно известное, и потому чаще всего неприметное в обычное время, даже - наскучившее, к тому же - с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретает в своём лице скрытое до сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная наполняется чудесами, превращая самые обычные предметы - в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинает, как будто, приплясывать, залихватски подбоченившись, исподтишка подмигивает тебе, а часы в углу вторят ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием.

Да и вся комната принимается от радости ходить ходуном, люстра на потолке чуть покачиваясь, отбрасывает на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах стараются не отставать от всеобщего праздничного оживления и принимаются еле заметно колыхаться, будто форточка от ветра отворилась, и они от этого сразу воспрянули, пробудившись. Во всей домашней обстановке, действительно, воцаряется настоящий праздник, и всё это - из-за присутствия маленькой пахучей ёлочки. Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им и любимую, но потом, когда новогодний праздник минует, надолго забывают о ней. А как придёт опять зима, и они увидят ёлку, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем не живую, то вновь вдруг открывают для себя, как она им желанна. Дети с радостью узнают свою старую знакомую!

Пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, летом, в гостях у бабушки, ловили в деревенском пруду юрких пескарей, а осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, ёлочка росла где-то в потаённой лесной чаще, и никто о ней не вспоминал… И вот, теперь, ёлка вновь заглянула к ним в гости, и дети застыли в очарованном оцепенении. Как они могли забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, вмиг захватила их сердце?

Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен. И это несмотря на то, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором. Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё.

Жизнь так устроена, что всё в ней нужно понимать, в том числе - и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть.

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, не праздник, и кому это лучше знать, как ни детям. Они принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома, внимательно наблюдают, как ёлку устанавливают в углу комнаты на заранее приготовленную папой деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветвях разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает, будто берёт на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

Когда комната притихает в ночной предновогодней темноте, и, еле ощутимо покручивая шарами, укромно дышит в углу невидимая, но сильно угадываемая ёлка, к тебе вдруг приходят забытые детские образы. И тогда сладкая печаль околдовывает твоё сердце, и на душу ложится удивительная примирённость с ушедшими годами и уже никогда невозвратимым детством, со всем, что приносит с собой наша сказочная зима.

Из далёкого далека вспоминаются девочка и мальчик, что решили убежать из дому и жить совсем одни, в глухом конце старого парка. Девочке было интересно всё, что говорил и делал этот мальчик, и она сразу согласилась, когда он предложил ей бежать с ним. У неё не было оснований не доверять ему, потому как мальчик никогда никого не задирал, не ябедничал и не жаловался, да к тому же был большим выдумщиком. Из всех мальчишек ей нравилось играть только с ним.

- Спорим, нас здесь никто не найдёт и будут думать, что мы похищены, - заявил он тогда торжественно ей, с восхищением оглядывая их будущее жилище – снежный дом в глуби заброшенного парка.

- А бабушка? Она будет волноваться, наверное? – заметила осторожно девочка. – И папа тоже… Мы даже не попрощались с родителями.

- Не думаю, чтобы наша затея пришлась им по вкусу, - уже «спускаясь на землю», серьёзно подытожил мальчишка. – А как было бы хорошо пожить здесь неделю-другую!

- Да, пожалуй, - робко отвечала девочка. – Только чем бы тут занимались всё это время?

- Скучать бы нам не пришлось, - убеждённо загорался опять малыш. – Нет на свете ничего лучше вот такой жизни на собственный лад: ни родителей тебе, ни их поучений.

Этот мальчишка был неисправим, и он очень желал чего-то необыкновенного. При этом он так славно улыбался, а глаза его излучали неудержимые огоньки.

- Мне интересно будет всё это увидеть, - соглашалась она. – Жаль только, что сейчас не лето, а то бы можно было бегать босиком, наблюдать, как растут деревья и распускается зелень. Летом тепло и нет простуды.

- Не беда, что сейчас зима, - говорил мальчишка. – На деревья приятно смотреть в любую погоду, даже когда они укутаны снегом. Он всегда такой светлый, и от него можно больше увидеть вокруг. Скажешь, нет?

Девочка радостно кивала ему в ответ.

- Значит, останемся здесь? – Глаза его опять лучились весёлой небесной синевой.

- Если и вправду тебе этого хочется.

- Подожди, и тебе захочется, как только узнаешь своё счастье! – смешно беспокоился мальчишка. – Никакой тебе суеты и заботы, незачем подниматься рано поутру и идти в садик, валяйся до обеда, сколько душе влезет, руки не надо мыть и никто не одёргивает тебя за столом, так что не поговоришь никогда. Смело делай то, что вздумается, чем не жизнь! И ещё вокруг такая белая зима…

Девочке и в самом деле эта жизнь начинала представляться необычной. Зима и снежный дом в конце парка не казались ей уже холодными и неуютными. Лето, наполненное свежим воздухом и светом, улетело куда-то далеко-далеко, а перед ними расстилались только снежные, туманные дали.

- Смотри, что покажу, - неожиданно тронул её за рукав мальчик, и протянул на ладони что-то гладкое и прозрачное.

- Ледяшка-а, - разочарованно заметила она.

- Леденец это! – с сожалеющей укоризной торжествующе воскликнул он. – Сладкий. Хочешь кусочек?

Девочка отрицательно помотала головой.

- Может, ты их любишь, только сама не знаешь, - сказал мальчик, облизывая порядочный кусок.

- Я люблю бисквиты, и ещё - фигурный мармелад… Грецкие орехи вот тоже очень вкусные. Да много всего, - немного подумав, мечтательно улыбнулась она. - Сразу не перечесть.

- Смотри, не забудь что-нибудь самое вкусное.

- Ой, снег пошёл, снег пошёл! - радостно закричала она, увидев, как в воздухе закружились пушистые охапки снежного конфетти.

И действительно, на улице валил мягкий снежок, пахло яблоками, и было тепло. А в их ледяном домике с совершенно гладкими стенами и

маленьким круглым окошком было неуютно и холодно. Девочке не хотелось покидать родителей навсегда: вот если бы ненадолго… Ей вдруг стало грустно.

- Я хочу есть, - немного погодя сообщила она.

- Пей компот, - произнёс многозначительно мальчишка, придвинув к ней большую синюю ледышку.

- Это … не компот, - опустив голову, проговорила она.

- А что же это такое?!

- Всё равно, я не хочу такой компот.

- Тогда ешь печенье. – И он сунул в её руку застывшую яблоневую хворостинку.

Плотно сжав губы, девочка трогательно посмотрела на мальчика. Она изо всех сил старалась не расплакаться, но слёзы уже навернулись у неё на глаза.

- Когда ты будешь есть, тогда и я, - еле слышно проговорила она.

Мальчишка пожал плечами.

- Что же, мы больше уже никогда не вернёмся домой? - чуть сдерживая себя, тихо спросила она.

- Конечно, нет. Мы будем…

Но, взглянув на свою подружку, мальчик понял, что случится через минуту, если они тотчас не отправятся домой. Достав платок, он помог утереть ей слёзы и высморкаться.

- Тебе здесь совсем не нравится?

Девочка только всхлипнула.

- А хотелось тебе хоть раз уехать или уйти далеко-далеко?

- Куда?!

- Ну-у, куда-нибудь, - опять заволновался он. - В неведомые края, в чужедальние страны…

- Не знаю…

Мальчик ничего не сказал. Постояв немного, он взял свою подружку за руку, и они побрели по узкой, вытоптанной в глубоком снегу дорожке, а укутанные снегом деревья молчаливо сомкнули свои мохнатые ветви над их головами.

Изредка улыбаясь друг другу, они ещё долго бродили по высоченным сугробам, вытаптывая следы неведомых животных, и ему всё время приходилось завязывать ей длинный красный шарфик, который постоянно развязывался под воротничком её потёртой шубки.

Румяные и свежие, как сказочные гномы с рождественской ёлки, прибежали они домой.

- А ну, пострелята, живо раздеваться, - встречая их у порога, ласково приговаривала бабушка. – Ух ты, снегурочка, насквозь промокла. Где ж это вас носило?

- Он хотел, чтобы мы совсем-совсем убежали и жили без вас.

Бабушка присела на табуретку, и, положив руки с маленьким шарфиком на колени, посмотрела с интересом на мальчика.

- И что же было дальше?

- Нечего сейчас об этом, - пробормотал он.

- Я нисколечко сначала не боялась, - расстёгивая крючки на шубке, продолжала девочка. - Было так интересно, и домой ни чуточку не хотелось. Но потом мне стало страшно, и я заплакала.

- Ты не заплакала, - сказал мальчик.

- Ещё чуть-чуть, и я бы разревелась, наверное. А он взял меня за руку и сказал: «Покажи свою солнечную сторону, а грустную спрячь». Я всё равно знала, что мы когда-нибудь вернёмся. Правда?!

Мальчик, молча, кивнул.

Бабушка посмотрела на него, а потом тихо сказала:

- Послушай, малыш. Обещай мне одну вещь.

- Какую, ба?

- Когда ты вырастешь, и будешь уже большим и самостоятельным, ты никогда не обманешь никого. То есть, я хотела сказать … женщину, которая будет с тобой.

- Обещаю.

- Фу, я готова, - стащив, наконец, мокрый ботик, пыхтя, проговорила девочка.

- Ну, вот и хорошо, - сказала бабушка. - Поухаживай-ка пока за дамой, мой дорогой, а я пойду, и кое-что приготовлю для вас.

Когда им надоело швыряться подушками, они ещё играли в такую игру, когда нужно постараться загнать в лунки сразу несколько шаров, а потом, удобно устроившись на старом мягком диване, разглядывали отцовские книжки из большого картонного ящика в кладовке. Особенно - толстую, с занятными рисунками и приятно пахнущую пожелтевшей бумагой книгу про одного кита, который был совсем белый, а звали этого кита - Моби Дик. Это уж потом мальчик прочитал, а тогда они только картинками любовались.

Прижавшись лбами к холодному стеклу, они долго глядели сквозь намёрзшие на нём узоры во двор, на перелетающих птиц, пока не начинало холодить в висках кровь. Звуки с улицы, словно крохотные хрустальные молоточки, еле доносились до слуха, и таяли в снеговом обрамлении зимы. Через тёмно-синие гладкие проталины, что оставались ото лба, носа и щёк, в комнату втекал ласковый зимний свет. Отпечатки же маленьких воздетых ладоней быстро утончались по бокам и леденели.

Там, за окном, морозная душа зимы неслышно витала в своих неудержимых и таинственных мечтах, восторженно вспыхивая искрящимися блёстками. И снег был увлечён только собой: кажется, он не замечал, как делает живыми деревья, улицы, дома… Печальный и задумчивый, опускался он с небес, и обнимал всех своей белой любовью.

Мальчику очень хотелось поцеловать эту девочку, но он никак не мог собраться с духом. А когда решился, то услышал рядом голос бабушки: «Ишь, пострел, везде успел! От горшка два вершка, а без проказ не оставишь и на час! - И уже улыбаясь: - Яблоко моей яблони». В своём старом потёртом фартуке, толстая и уютная, она сгребла их в охапку большими тёплыми руками, принесла в чистую кухню, и дала по куску сочного яблочного пирога. В меркнувшем свете зимнего дня они слушали её очередную историю.

Вечером, когда весь дом спал, мальчик лежал в своей кровати и глядел, как переливаются в темноте ёлочные игрушки. Тонкие прозрачные шары, словно диковинные южные плоды, тихо покачиваясь на ветвях, манили своей свежестью и сказочностью форм. Густота елового облака дурманила и обволакивала с ног до головы. В нём можно было парить, как в заветной мечте.

Игрушки загадочно посверкивали, отчего начинало казаться, что стеклянная скрипка издаёт мелодичное звучание без скрипача, а тускло-оранжевое окошко одинокого лесного домика мигает в мягкой синеве сгущающихся зимних сумерек, отчего в душе воцарялся покой. Его дарили обыкновенные ёлочные игрушки, что в темноте становились волшебными.

Уже засыпая, мальчик решил, что обязательно подарит завтра девочке своего любимца - тряпичного медведя с плюшевыми лапами и ушами. Ему хотелось, чтобы медведь был первым, кого она увидит в резком зимнем свете рождественского утра, обрамлённого пухом белоснежного инея, густо настывшего на окнах. Как и все, обласканный щедрым благословением зимы, мальчик верил в то, что когда-нибудь можно будет изъездить страну сказок взад и вперёд…

Зима из далёкого детства, несмотря на свой холод, до сих пор не перестаёт будить твоё воображение. В ней так же, как и летом, и весной, хочется мечтать, переживая все радости жизни. Зима лишь затаилась и по-прежнему ждёт внимательного прикосновения к себе детей, что всегда были самыми желанными её гостями.

Только в детстве просыпаешься утром от счастья, и весь предновогодний день оказывается заколдованным царством, в котором непередаваемо хорошо и радостно быть, и хочется, чтобы он никогда не кончался. Счастью не мешают даже морозы, что к Рождеству становятся ещё крепче, отчего деревья за окном изредка постреливают, даже - трещат, но в доме тепло, в углу гостиной ярко сияет нарядная ёлка, и предощущение скорого праздника непередаваемо чудесно. Скоро ли и на самом деле настанет вечер?

От незнания - чем бы заняться, ходишь из одной комнаты в другую, подолгу смотришь в замороженные оконные стёкла, но там ничего не видно, и уже не в силах куда-либо себя деть - заглядываешь на кухню, где бабушка

стряпает пироги, выставляя их потом «доходить» на своей кровати, в спальной, укрывая накрахмаленными полотенцами. Вот-вот должны прийти гости, а пока в доме только слышен размеренный бой часов, вечер же, кажется, не торопится наступать, и сиреневые сумерки будто замерли над заснеженной землёй, не желая превращаться в долгожданную новогоднюю темноту, что принесёт много радости и подарки.

«Ах, как всё хорошо вокруг устроено, - тихонечко произносишь ты про себя. - И всё стало бы ещё прекрасней, если бы мне сегодня преподнесли футбольный мяч и лыжи!» И тут в прихожей раздаётся звонок, и мы с сестрёнкой устремляемся в коридор, где в растворённую дверь, вместе с клубами морозного пара, вваливается … Дед Мороз! Как такое возможно?!

Поначалу немножко оробев, мы оба замираем, не в силах поверить в происходящее, но Дед Мороз как будто нас не замечает. На нём - долгополая красная шуба с белоснежными отворотами, подпоясанная золотым кушаком, такая же красная, вся в серебристых блёстках шапка, а за спиной, перекинутый через плечо, виднеется внушительных размеров мешок, весь усыпанный искромётными снежинками. Видно, как Деду Морозу нелегко удерживать этот сказочный мешок на себе, он даже немножко согнулся под его тяжестью.

Мы, конечно, сразу догадываемся - что в нём находится, только виду не подаём, потому что опешили на время от происходящего. Уж больно неожиданно появился этот волшебный старик, про которого, в течение всего года, и думать забудешь. А он возьмёт и объявится вот так, неизвестно откуда, да ещё с подарками, и постепенно ты всё-таки придёшь в себя, и обрадуешься. В морозных узорах, за окнами, наконец-то, затеплился долгожданный праздничный свет, и на небе, в восторге от всего этого торжества, заиграли разноцветные звёзды!

Новый год опять пожаловал в гости к детям, и вместе с ним - чудесное настроение и незабываемые игры! Мы с сестрой приготовили для гостей свой подарок - театральное представление, но это - потом, сейчас всё наше внимание устремлено к сказочному Деду Морозу, которого можно даже потрогать. Он склонился над нами с ласковой улыбкой, и я осторожно коснулся рукой его колючей белой бороды. «Неужели она настоящая?» - промелькнуло в голове. А Дед Мороз вкрадчиво спрашивает: «Это здесь проживают мальчик Боря и девочка Лёля?»

Какое-то очаровывающее оцепенение нападает на нас с сестрёнкой, и мы слова не можем произнести. Бабушка, почтительно обращаясь к дорогому гостю, будто предупреждая его следующий вопрос, очень учтиво произносит: «Весь год, дорогой дедушка, ребятки старались, вели себя исправно». И дедушка, в мгновение становящийся для нас, действительно, дорогим и желанным, снимает свой волшебный мешок с плеча, варежки на его руках тоже алые, отороченные белым мехом, и вынимает кудрявую красавицу-куклу, альбом с коробкой цветных карандашей, и … футбольный

мяч! А ещё - маленькие снегурки, загадочный калейдоскоп и пластилин. Как тут не удивиться и не воскликнуть от несказанной радости: уф!

Чудо новогоднего праздника несравнимо ни с чем. Это, конечно, можно почувствовать только в детстве, тем более, когда над тобой склоняется с праздничным приношением сам Дед Мороз, и воображаемая, до сей поры, сказка оборачивается восхитительной былью. Правда, быль эта тоже сказочная, даже - волшебная, но всего этого, разумеется, не осознаёшь в пять-шесть лет, зато очень остро чувствуешь и переживаешь.

Только какая-то безудержная внутренняя чистота, присущая детству, поможет тебе, наверное, сохранить всё это счастливое переживание до зрелого возраста. Вот бы так случилось!

Да только в детстве об этом не помышляешь: ведь скоро новогодняя ёлка зажжёт все свои чудесные огни, и на верхушке её торжественно возгорится главная праздничная звезда! Произойдёт, наконец, что-то удивительное, то, без чего не случается ни Новый год, ни Рождество, и всё это чудесное таинство ещё будет жить с тобой долго, может быть, до самой весны…

А Дед Мороз улыбается нам с сестрёнкой сквозь седые усы, глаза его искрятся каким-то внутренним здоровым светом, и мы просим его, чтобы он погостил ещё немножко, и посмотрел нашу кукольную постановку. К всеобщей радости - Дедушка Мороз соглашается!

Как потом выяснилось - «Дедом Морозом» оказался наш папа. Он переоделся у соседей в праздничный наряд, и потом уже появился у нас с мешком подарков. Но это никоим образом не утеряло произведённого им впечатления. Наоборот, мы с Лёлей гордились папой, способного перевоплотиться в сказочного старика, и когда он им стал - мы верили, что так оно и есть, и забывали, что Дед Мороз - это папа, воспринимая его за хозяина далёкой северной страны вечных ветров и льда, где, между тем, живёт добро. Добро с радостью и в нашем доме: скоро - Новый год!

Никакой детский праздник не длится так пышно и радостно, как новогодний. Пышно, быть может, не совсем верное слово, но иначе ничего не приходит на ум. Ощущение того, что за окном ветер и мороз, а ты можешь погреться у праздничного огня, ни с чем несравнимо.

Уютно и хорошо бывает душе в эти незабываемые новогодние дни, когда, кажется, снисходит с небес само божество. Как самый ценный подарок зимы осеняет оно людей, и между ними появляется любовь. Зима более, чем какое-либо другое время года, располагает к этому: так у неё заведено.

Новогодний праздник - самый любимый у детей, и его невозможно представить без сказки. Попадая в неё, ты начинаешь верить в происходящее, замирая от счастья. Уже тогда, в детстве, ты умел чувствовать окружающую тебя жизнь, и безошибочно угадывал в ней всё доброе. Сказки были ближе всего твоему восприятию, с ними тебе было легче познать самого себя.

Иногда казалось, что взрослые этого не понимают, может быть, только догадываются…

Одна бабушка никогда не вызывала сомнений - она всегда находилась рядом, и несла такую же радость, что и зима. Не раз слышанные сказки в её устах становились ещё более необыкновенными, как название самой любимой - «Конёк-горбунок». Так славно и сладко никто из взрослых его не произносил, и звёздный мир, к которому бесстрашно взлетала маленькая лошадка, казался ещё лучезарней и родней. Про себя твёрдо верилось, что этот мир недоступен для страха и жалких обид.

Поздним вечером хорошо было ощущать бабушкино присутствие, когда она ложилась рядом с тобой и вкрадчивым шёпотом отворяла дверцу в неведомую тайну. Всё увиденное за день тогда отступало, в душе воцарялись удивительный покой и тихая радость. Как будто сказочная луна заглядывала к тебе в окно, и вместе с тобой чему-то улыбалась. В новогодние дни даже она выглядела праздничной, и это было очень приятно.

С утра в доме обычно начиналась радостная суета. Перед долгожданным торжеством настроение у всех было приподнятое, праздничное. Бабушка чистила столовое серебро и открывала свои старинные сундуки, откуда вытекал запах нафталина. Он приятно щекотал воображение, и как будто напоминал о чём-то знакомом, отчего ещё больше хотелось любить бабушку.

Иногда бабушка давала заглянуть внутрь сундука, и темнота неведомого дна становилась ещё более привлекательной. Пересматривая кое-какие вещи, бабушка раскладывала их на диване, и после долгого лежания они казались совсем новыми. Она почти никогда ничего из них не надевала, только разглядывала, а потом опять аккуратно складывала и запирала до будущего года.

После полудня по всему дому начинало жарко пахнуть ванилью и куличами. Сытный дух от них также приятно бередил воображение, пробуждая желанный аппетит. К вечеру на бабушкиной постели уже лежали, отдыхая под чистыми полотенцами, душистые пироги и печенье.

Играя во что-то своё, конечно, незаменимое и очень важное, можно было без конца сладостно утопать в этом предпраздничном ощущении, и с трепетом ожидать, когда все усядутся за стол. Сердечное простодушие детства тогда приобретало ещё более очарованный лик, но его скрывали под диковинные костюмы и маски. Наряжая ими себя, ты будто бы избавлялся от чар, что насылала в эти дни нечистая сила. Всю неделю после Рождества рыскала она по улицам, терзая и увлекая с собой встречных людей, а маски отпугивали её.

Так говорили взрослые, но от этого почему-то не было страшно, и радовала больше всего сказочность происходящего. Маски лисички или волка, когда ты надевал их на себя, сладко пахли картоном, и сразу вынуждали быть каким-то другим, может быть – таинственным зверем, пришедшим из заснеженного леса на новогодний праздник, и всё окружающее тогда, действительно, становилось похожим на добрую сказку.

От этого разукрашенные в пух и прах ребятишки выглядели загадочно, не замечая, с каким умиротворением взирает на них свысока синяя крона ёлки. Скрытый в пушистых ветках ствол источал вокруг благолепный ладан, с мягким удовольствием позвякивали золотые шишки… Прославление же той звезды, что была водружена на самой её вершине, предполагало особое настроение духа, и нужно было ещё дожить до него.

Новогодняя ель в углу комнаты дарила необъяснимо радостное ощущение, что в её хвое можно затеряться. Ёлка притягивала к себе исходящим от неё ароматом, выглядела необыкновенно приподнятой, будто там, в лесу, она всё время оставалась в тени, и лишь здесь, в доме людей, наконец, обрела свою истинную жизнь, радостно засветившись бенгальскими огнями, и, поразив на миг воображение, будто успокаивалась. Было видно, как ей приятно находиться среди детей, на их празднике, и всё это новогоднее торжество представлялось незабываемым.

А за окном сияла тихая луна, и сердце вновь сладко замирало от предощущения этой таинственной морозной темноты. Крадущийся свет неслышно резал рождественский снег на праздничные ломти, украдкой повизгивали где-то санки. Вот пробежал запоздалый прохожий, и весёлый смех рассыпался из-за угла, а потом опять всё стихло. Только побелевшее лицо зимы заглядывает к тебе в дом и, кажется, ждёт чего-то. Оно совсем близко, и от него хочется на время убежать в тёплую глубину дома, в комнату бабушки.

Накануне празднования Нового года, как всегда, появлялись близкие знакомые и родственники, которые приносили с собой наряды и подарки, и гостили долго – до следующего вечера. А если не пригласишь гостей – нечего и самому куда-либо ходить: ожидай Новый год дома.

Люстра под потолком освещает всю комнату ласковым тёплым светом, ей вторят мигающие на ёлке огоньки, а мы с сестрёнкой сооружаем театральный занавес из составленных в ряд венских стульев. На их спинки навешивается «занавес» - бабушкино цветастое одеяло, а в гостиной, что служит нам «залом для представления», расставлены кресла и табуретки. Мама принесла из детского сада, где она преподавала музыку, несколько кукол - героев русских сказок, которых нужно было одевать на руку и разговаривать за них сказочными голосами, и мы решаем устроить для взрослых спектакль.

Взрослые, обычно, играют в карты, кошка - с мышкой, солнышко - лучами, а дети - в куклы, и в их руках они становятся живыми… Вот и у нас с Лёлей Емеля из сказки «По щучьему велению» выходил совсем не ленивым, а весёлым и находчивым удальцом, и сказка представала в нашем воображении в совершенно ином свете. У детей, известное дело, затейливый ум.

Для гостей заблаговременно приготовлены входные билеты, у входа в гостиную их продаёт сестрёнка, а я слежу за тем, чтобы каждый из зрителей занимал указанное в них место, и если кто-то усаживается не на своё - строго

ему замечаю: «Будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста!» Гости послушно следуют моей просьбе, все проникнуты торжественной обстановкой подступающего праздника, и в благостном настроении замирают на местах в ожидании, когда раскроется занавес. И тут мама усаживается за пианино, наигрывая какую-то весёлую новогоднюю песенку…

А воздух в комнате густеет от запаха хвои, пирогов с конфетами, и мандарин. Потрясённые воцарившейся умиротворённой атмосферой, в душе мы, дети, трепещем от переживаемого новогоднего чуда, с волнением начиная представление. Всякая душа празднику рада, а уж у ребёнка, да ещё под Новый год, тем более, и потому с самым дорогим событием зимы жить необыкновенно хорошо, и на сердце становится покойно и счастливо.

Мы с младшей сестрёнкой любили украшать ёлку, с нетерпением ожидая того волшебного вечера, когда папа заносил её в дом. С растопыренными колючими ветвями, до головокружения пахучая и, казалось, какая-то необъятная, она еле пролезала в дверь, а мы зачарованно стояли в сторонке, с восторгом наблюдая, как он не спеша устанавливает, кажется, совсем не подходящее для городской квартиры дерево, но такое желанное, родное. Всегда хотелось потрогать её прохладные с мороза ветви, словно здороваясь с ёлочкой.

И вот, ёлка водружена, мы осторожно подходим к ней и замираем, не в силах вымолвить ни слова, а ёлка потихоньку оживает в незнакомой для себя обстановке, и будто улыбается нам сверху, куда ещё предстоит поместить рубиновую красавицу-звезду. Это, конечно, должны осуществить взрослые, мы же, малыши, с нескрываемым чувством восхищения принимаемся украшать ёлку, осторожно вынимая из картонной коробки сказочные игрушки… Чего тут только не было!

Из Германии папа привёз много ёлочных игрушек, так искусно изготовленных, что не верилось, будто припорошенный снегом домик с оранжевыми окошками - стеклянный, скрипка со смычком и струнами - ненастоящая, и совершенно искренне верилось - фантастически раскрашенный фазан, с длинным колким хвостом, вот-вот взлетит свечой над ухоженной ёлкой, а разноцветные колокольчики сами зазвенят на всевозможные мелодичные лады, наполнив комнату волшебным звучанием… Были ещё лимоны с апельсинами - такие аппетитные, что их тотчас хотелось съесть, а огромные бархатистые шары с изображением диковинных плодов неотступно притягивали к себе заключённой в их глубине волшебной тайной. Сказочные гномы в шубках и колпачках, усыпанные искрящимися снежинками, выглядели до того живыми, что чудилось, будто они бредут гуськом по зимнему лесу, уводя тебя в его глубину, где живут неведомой жизнью звери и птицы, на которых никто не охотится, и многим из них ты – добрый друг.

Все игрушки, появляясь на праздничной ёлке раз в год, на две недели, словно ожидали, чтобы их внимательно разглядели и обрадовались такому чудесному присутствию в одном месте зайчиков и факиров, рыбок и гусей, ослепительных плодов и хрустальных сосулек. После чего игрушки, хотя бы ненадолго, почувствовали себя нужными, чтобы потом, завёрнутыми в бумагу, опять погрузиться в воздушный сон, на какой способны только невесомые, хрупкие существа, изредка пробуждаясь и тихонечко переговариваясь между собой в картонной коробке…

Новогодние игрушки, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством развесить их на ёлке, выбирая для каждой свою веточку, подходящую только ей, и тогда ёлочка оживёт, обретя в себе неповторимое внутреннее содержание. На такой ёлке все игрушки представлялись живыми, их постоянно хотелось рассматривать, дотрагиваться до них, а они медленно прокручивались, переливаясь светящимися от огней боками, будто радуясь вместе с детьми и Новому году, и зиме, и возможности подарить радость другим.

Мы с сестрой даже придумали для них сказочную игру, для чего нужно было хорошо запомнить расположение на ёлке игрушек, и когда один отворачивался - другой закрывал ладонями любую, на выбор, а кто отвернулся, повернувшись, должен был отгадать - что это за игрушка. Побеждал тот, кому удавалось это чаще, после чего игрушки на ёлке перевешивали. Такая незамысловатая игра приносила удовольствие, ты проникался предновогодним настроением, и ёлка, кажется, радовалась вместе с детьми тому, что принимает участие в этом чудесном, самом любимом для них празднике.

Хорошо быть ребёнком и слушать вечерней порой, возле новогодней ёлки, величественное безмолвие зимы. Ты будто купаешься в потоках любви, которую тебе великодушно дарует сказочная зимняя жизнь. И разве можно просить в детстве нечто большее и лучшее, поскольку хватает и того, что есть!

И действительно: первые пять-семь лет - самые важные в жизни ребёнка, и как хорошо в детстве окунуться с головой именно в этот праздник, потому как таких благоприятных возможностей для счастья уже никогда не будет. Только в эти годы ты учишься летать, обретая крылья, для чего не нужна ничья помощь, потому как всё божественное уже даровано тебе: оно живёт в твоём сердце вместе с волшебницей-зимой, чудесными детскими играми и новогодней ёлкой.

Издавна повелось на Руси, что под Новый год в доме без ёлки – не праздник. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса - хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почесть этому дереву, украшая его, люди старались умилостивить лесной дух. Ещё они видели в ели символ неувядающей жизни, вечной молодости и силы: изба елова - и сердце здорово!

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» - сказывали в народе. И верно, аромат засахаренных «карапузиков», жареного миндаля и кекса, смешанный с запахом большой смолистой ели, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушек, кружил голову лучше любой, самой увлекательной игры. Шоколадные конфеты в форме сапожков, щелкунчики, гномы в серебристой фольге и прочие сказочные персонажи лишь дополняли это торжество, в котором волшебный дух зимы перемешивался с головокружительными запахами, что нёс с собой новогодний праздник, и увлекал тебя, вместе с еловым облаком, к восторженно взирающему с морозной вышины зимнему небосводу.

Наши детские мечты часто вспыхивали на нём праздничными яркими звёздочками, радостно сверкали, и, кажется, излучали тепло. Словно начищенные снегом, они гостеприимно зазывали следовать за собой, как будто там, в необозримой вышине, находился большой радостный дом для крохотных земных созданий, никогда не устающих фантазировать. Свет от этих звёзд наполнял всю комнату волшебной тишиной.

В самом дальнем от окна углу мерный бой часов никак не нарушал эту умиротворённую тишину. Гостиная была завешана гранатовыми портьерами, а пол был покрыт красным ковром, и этот цвет вносил в комнату ещё больше уюта. В комнате было так тепло, а за окнами так морозно, что очутиться на далёкой звезде представлялось делом поистине неподходящим. И всё же ты, не переставая, вглядывался в ночное небо, куда уносило тебя ещё не обременённое ничем чистое воображение.

Несмотря на холод, ты чувствовал себя там, как дома. Удивительная бездонность морозной ночи охватывала с головы до ног и убаюкивала неземным покоем. Сверкание заснеженных крыш внизу удивляло своей доступностью, а блеск звёзд не ослеплял, а только радовал. Закутавшись в одеяло, хотелось лететь между ними маленьким земным гостем, и не чувствовать себя там незнакомцем.

Тем временем ночные тени мягко скользили вдоль стены, теряясь в потаённых складках портьер. Детской забавой казались их новогодние ухищрения, когда они затевали только им понятную игру. Тени таили в себе много замечательных вещей и чудесных предположений, возникающих в эти предпраздничные дни, и никогда не иссякали.

В каждом углу копошилась своя, чуть настораживающая тайна, которую даже не хотелось разгадывать. Достаточно было того, что она живёт рядом с тобой, и почти ощутима. Нужно лишь не испугаться и обратить к ней своё внимание: тайна наверняка окажется милым сказочным откровением.

За окошком светит яркий месяц, чуть вздрагивают от холода оранжевые огоньки фонарей. Под ёлкой, словно белый снег, вата лохматая, и в темноте кажется, будто по ней зайцы хоровод водят. Утро всегда приносит под сказочное дерево Деда Мороза со Снегурочкой, а вместе с ним - шишки золотые, отсвечивающие густым янтарём леденцы и мандарины, похожие на

китайские фонарики: волшебный сон и явь, что приходят только зимой, в пору детства.

Прилетая на упряжке, увлекаемой четырьмя парами белоснежных коней, Дед Мороз по дороге заберётся вдруг к кому-нибудь в сани - не спасают даже рукавицы и меховые шубы! Развеселившись от собственной удали, он забирается всем под полушубки, пробирая до костей даже самых удалых молодцов, больно щиплет за бока молодых девушек, а ребятишек хватает за нос и уши. Дерёт так, что прямо за душу берёт!

Разукрашенные озорником Морозом, и переполненные восторгом от его игры, дети вбегают возбуждённо в дом, а ёлка тут и обдаст своим душистым теплом! Все снежной изморосью, словно сахарной пудрой, усыпаны, радостно зардевшиеся здоровым румянцем щёки пылают здоровьем, и дети сами становятся похожими на сказочного Деда Мороза, заражая своим весёлым видом родных и близких, и тогда каждого тянет поскорее на улице оказаться, добрую силу зимы на себе испытать.

Но праздничная ёлка уже никого из дому не пускает: верховодит весь вечер своей невидимой хвойной рукой. Каждый за приятными заботами её как будто не замечает, и всё же с затаенной радостью ощущает живое присутствие дорогого для себя дерева. Трудно не почувствовать излучаемый ёлкой восторг, и кажется, что только волшебному яблочку на ней не расти, да в Новый год и это сбывается. Так всякий думает про себя, надеясь, в скором времени, обрести своё счастье.

А Дед Мороз, пролетая в своей упряжке над человеческим жильём, заглядывает в окошки, и стёкла их тогда покрываются ледяными узорами. Облако ослепительных снежинок тянется за ним по небу нежнейшим шлейфом, оно будто соткано из сверкающих звёзд. Дед Мороз кажется таинственным и недостижимым, и всё же - он свой, дороже его для ребёнка никого не отыскать.

Глаза Деда Мороза сияют холодным блеском и теплотой, от него веет неудержимым порывом и покоем. Он сдержанно улыбается про себя, и кому-то машет рукой. Маленькие дети иногда угадывают сквозь замороженные стёкла окон его лучистый взгляд, и восторженно рассказывают об этом взрослым, подтягивая их за рукава к окнам.

Но взрослые им не верят, и только ласково усмехаются, поглаживая по голове: они уже забыли, что и сами когда-то с нетерпением ждали Деда Мороза под Новый год. И как желали получить от него волшебные подарки, и тоже радовались зиме…

А дети ничего не боялись, и были только тихо очарованы невидимым присутствием Деда Мороза. И ещё они знали, что Дед Мороз обязательно придёт, чтобы порадовать их самым настоящим зимним праздником: с новогодней ёлкой, запахом снега и мандаринов, бесконечными зимними играми. Славный и добрый Дед Мороз всё долгое зимнее время без устали листал перед ними необыкновенную книжку со сказочными картинками.

Но при этом не всегда доверял взрослым, и был с ними холоден, часто подвергая испытаниям. Крался, то и дело, по пятам, передразнивая походку, пугал своим заунывным воем. Дед Мороз отлично умел выставлять напоказ странности и недостатки взрослых, которые они приобрели за свою жизнь, пока успели разувериться в ней. К детям же он благоволил своим величавым почтением и лаской, укрепляя в их маленьких сердцах веру в великую сказку зимы - её непрекращающееся волшебство.

Днём Дед Мороз приглашал детей поиграть на свежевыпавшем снегу, когда он красиво сверкал и искрился на солнце. На нём для всех хватало места, и так приятно пахло свежими яблоками, что трудно было не выбежать на улицу. Там, повсюду, обнажённые деревья и кусты были припорошены искрящимся пушистым снегом, а вместо плодов с них свисали сосульки…

Каждого из малышей, закутанного в шерстяные куртки и шарфы, Дед Мороз наделял крепким поцелуем, от которого розовели здоровьем щёки. С раскрасневшимися задорными лицами барахтались дети целый день в наваленных им за ночь сугробах, и не было предела их веселью!

Верные Деду Морозу снежинки без устали затевали в воздухе неудержимый пляс, подбрасывая на радость ребятишкам больше снега, чтобы те могли на лыжах ходить и на санках кататься, снежные крепости возводить. Сам владыка подбавлял мороза, чтобы по замёрзшим речкам и прудам пели всю зиму, не переставая, звонкие коньки, весело летели друг в друга снежки. Весь седой, Дед Мороз становился таким же молодым, и при этом напевал свою искрящуюся зимнюю песенку: «Я - Мороз Красный Нос! Выше ёлок и берёз, я добрее всех, веселее всех. Борода моя седа и в снегу ресницы, если я пришёл сюда, будем веселиться. Я на речку ходил, речку я остановил, я в лесу блуждал, снегом ёлки укрывал. Метели вьюжные и ветры вам шлют сердечные приветы. Привет вам от берёз и елей, что на морозе поседели. А ещё - от всех лесных птиц и зверей!»

Благодаря Деду Морозу в зимний холод всякий становился молод, но именно для детей с его ласковой улыбки начинался лучший в жизни праздник. В огромном, кованном из серебра и злата сундуке, что хранился в его ледяных хоромах, весь год копились подарки, один другого краше. Когда год заканчивался, Дед Мороз перекладывал подарки в свой волшебный мешок, и приносил ребятам.

Исстари существует в народе поверье, по которому Деду Морозу приписывают его сказочное доброхотство. Объезжая однажды дома в сопровождении своих верных слуг, он будто бы случайно выронил несколько драгоценных каменьев. Они провалились в печную трубу, и попали в детский чулок, сушившийся у огня. С этого случая повелось вывешивать в праздничную ночь у печки чулки с носочками, и оставлять на подоконнике башмачки, чтобы найти в них под утро подарок.

Но главным его подарком был Новый год. Светят в бархатном небе чистые звёзды, а самая большая, по повелению Деда Мороза, медленно опускается на верхушку ёлки. Красногрудые снегири витают над его

головой, беспрестанно перепархивают с плеча на плечо, и неожиданно превращаются в яркие пунцовые шары, весело крутящиеся на ветвях. Раздольно и неописуемо прекрасно устроена Дедом Морозом удивительная сказка зимы!

Дети же не в силах сдержать своей радости: их желания должны вот-вот сбыться. Какие подарки принесёт им Дед Мороз и откуда, будут ли они чудесны, как наступившая рождественская пора, или окажутся уже когда-то виденными? Нет, конечно, этого не должно случиться, и дети знают, что всё будет так, как они мечтали.

Однажды, в облаке морозных грёз и искрящихся дуновений, войдёт к ним в дом этот волшебный старик, и озарит всех добрым, радостным светом. Под ёлкой, непременно, окажется и лошадь-качалка в алых яблоках и с золотою уздой, и тёмно-синяя матроска с белоснежным гюйсом, и бескозырка с шёлковыми ленточками… Ещё воображение живо рисовало маленькое ружьё, свисающую на боку саблю и коробку с красками. До умопомрачения сладко было представлять, что там может находиться кожаный футбольный мяч, коньки и лыжи.

Никто лучше Деда Мороза не мог слепить любимое развлечение малышей - волнистые горки. Санки сначала спустятся, поднимутся и вновь ухнутся вниз: высота первой горки гораздо круче второй. А если дедушка смастерит горку, похожую на хобот слона, кататься будет ещё веселей!

Забрался на самую вершину, а потом летишь, сломя голову, вниз. Обхватив друг друга руками, можно съехать всем вместе, шумною гурьбой! Сказочные горки леденеют за ночь, и под утро вновь ждут ребят.

Ещё у Деда Мороза хранились волшебные часы, у которых вместо стрелок – хрустальные сосульки. В новогоднюю ночь они издавали мелодичный звон и тикали мягко, неслышно. Весной становилось теплее, и они таяли, а детям оставалась на память их чудесная зимняя песенка.

Если бы взрослые поверили, что Дед Мороз незаметно растворяется среди людей! Прислушиваясь к разговорам и узнавая, что кому нужно, он исполняет их маленькие желания. Нужно только очень сильно ждать его прихода, и надеяться. Особенно по ночам, когда нет рядом никого, кто бы успокоил твоё взбудораженное пришедшей зимой маленькое сердце.

Во сне Дед Мороз всегда представлялся добрым: это можно было определить по его взгляду. Даже не верилось, что он весь соткан из леденящего холода. Деду Морозу хотелось рассказать всё самое дорогое, что ты накопил в душе за целый год, а он только довольно улыбался в ответ. Но при этом тебе начинало казаться, что на самом деле ты ещё ничего толком не видел, и совсем мало знаешь.

Ты был необыкновенно доволен и счастлив от того, что Дед Мороз просто посетил тебя, и ты думал, что лучше этого ничего и быть не может. И ещё ты желал попросить у Деда Мороза маленького конька, желая улететь на нём в неведомые края. Конечно, не насовсем, а только чтобы убедиться,

какой замечательной может быть наша зима, когда ты ненадолго оставил её, но всегда можешь вернуться в радушные объятия доброго дедушки Мороза.

Ни с чем не сравнить тот искренний порыв, с каким мы в детстве пытаемся сотворить из зимы чудо. И даже не представляем, что оно уже рядом с нами: снисходит неслышно с высоких небес, устилая собой замершую землю. Создавая из снега сказочные существа, мы даже не замечаем, какие они холодные, согревая своим теплом.

Воплощением радостной мечты были для нас все снеговики и снегурочки, слепленные из первого, самого желанного снега. Казалось, что они сами вырастают под нашими руками, а мы лишь забавляемся неведомо откуда родившимся в себе искусством. Тогда, в детстве, это нисколько не удивляло, а только радовало.

Весёлый гомон ребячьих голосов, доносящихся с улицы, должно быть, помогал и взрослым с большим удовольствием воспринимать зимнюю жизнь. Им отчего-то становилось легко на душе, и они обретали в душе доброе настроение. Вот для чего нужен был чистый снег, только что упавший с неба, и сама зима, наполняющая этой чистотой наши души.

И дети, и взрослые достойны были иметь в лице чудесного снега настоящего друга. Забавляющийся с людьми и ублажающий их души, снег старался никого не разочаровать. Он не переставал обновляться в себе, как бы ни развевал его временами холодный безудержный ветер.

Долгожданную снежную бабу не уставали лепить и играть с ней всю зиму. А впрочем, хватало и других снежных забав, чтобы зима вызывала умиление, и долго не надоедала.

Всю свою жизнь зима проводила с такими маленькими созданиями, как дети. Иногда она сама была похожа на ребёнка, готовая добродушно рассмеяться и тут же заплакать, а через минуту, забыв обо всём, нестись, сломя голову, с ледяной горки, и кричать что-то необъяснимое, смешное и радостное. В зиме было достаточно и детской простоты, и веры в свою чистую хрустальную судьбу.

Перевалянные в снегу с головы до ног, дети не обращали внимания на протесты родителей, чьи взволнованные голоса умоляли их не резвиться так долго на холодном ветру. Им было до безумия хорошо в обнимку с зимой, и дети не желали ничего знать, пока она их не отпускала. Зима шаловливо увлекала малышей туда, где снег был всего глубже, а значит - теплей.

Если кто-то из детей оступался и падал в снег лицом, он сам становился похож на снежную бабу. Сладкое оцепенение сразу охватывало его лицо, руки и глаза, а в груди всё замирало от ощущения немыслимого полёта в какую-то завораживающую на миг студёную бездну. Зима, тем временем, наблюдала: заискрится ли малыш весёлой звёздочкой или же это ледяное прикосновение застигнет его врасплох? Она многое знала про каждого ребёнка, но никак этого не выказывала. Зима ждала, как маленький человек примет её тепло.

Когда бедный носик, ухо или щёчка на глазах белели и казались совершенно отмороженными, зима замирала от нетерпения. Ей очень хотелось видеть на лицах малышей улыбку, чувствуя их непрекращающееся веселье. А ещё больше зима желала испытать любовь детей к себе.

Но, несмотря на холод, они никогда её не боялись, и всегда знали, что всё будет в порядке. И тогда ледяной холод зимы преображался в самое доброжелательное расположение к ребёнку, и она, преисполненная лучших намерений, брала его за руку, и отводила к родному дому.

Слегка поникнув, малыш неохотно ступал за ней, а вокруг яснел морозный звёздный вечер. Насквозь промокшие варежки только приятно горячили руки, и смёрзшиеся ресницы переливались искрящимися огоньками. Сердце у малыша гулко ударялось в груди от того, что зима была похожа на маму, и всё время находилась рядом. Она была заботливой и доброй, укрепляя ребёнка в чём-то важном, что могло ему когда-нибудь пригодиться.

Хорошо было ощущать внимание зимы на себе, и жить всем, что она несла с собой. Зима излучала какой-то особенный свет, которым не обладало никакое другое время года. Иногда она сверкала какой-то большой невиданной звездой, что каждый год зажигалась на небе. А порой это был морозный блеск одной единственной льдинки, освещённой солнцем или луной. Не замечать ничего необыкновенного в богатом убранстве зимы - значило не чувствовать её тепла.

Проводив по домам малышей, зима тотчас приходила в себя, словно избавляясь от временного забытья. Обращаясь в лютую непогоду, она засыпала белой крупой дорогу под окнами, злою вьюгой билась в каждую дверь, уносясь на крыльях метели в мерцающие небеса. Поднимая туманное облако снежной пыли, зима уже не оставляла за собой ни единого доброго следа, и тогда меркли звёзды и лунный свет, а у теплящейся жизни напрочь перехватывало дыхание.

Но для детей она всё равно оставалась самой близкой и дорогой. Они засыпали в своих тёплых кроватках под любовное завывание вьюги, и с удовольствием вспоминали, как великодушно вела себя с ними матушка-зима.

Воробьиный скок

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не

воспринимался так восторженно, и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней распутицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил несравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо более поэтичное, русское и земное, чем «воробьиный скок»?!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время. Его на её пороге если и становилось больше, то всего на такой незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проведывать человека неустанные вьюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный деревенский двор проводить старое, надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

Под рождество

Стоит ночь, огромная тьма объяла всё вокруг, и мы с соседским дедушкой возвращаемся на неторопливой лошадке с дальнего покоса, с сеном для скота. А в лесу шумит ветер: он словно рассказывает о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащённо начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно будоражит кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит.

Не верится, что где-то, посреди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Неприютный ветер и бездонная темень зачем-то одолевают сердце нежданным желанием неразлучного слияния с жизнью загадочных зверей, или, хотя бы на время, лёгким забвением в их неутомимой бродячей жизни. Так тебе хочется думать.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы моего знания, так что остаются только тишина, воображаемые волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и непредсказуемые звери. Непередаваема дикая сила и глубина, растворённая в каждом волке.

Волки стаятся в это время года под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы – его непременные герои, их обличья неисчислимы, а самое злобное – волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одёжку колкими рогами, рвёт холодом стволы берёз и сосен, ещё пуще зажигает на небе звёзды, никому не даёт спуску.

Мерно скрипит под санями снег… Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

Ясный месяц

Морозной ноябрьской ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки и уголок небесной монетки… Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле.

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия доставшихся ему жемчугов и, конечно, драгоценное лукошко, полное ещё не рассыпавшихся подарков для всех людей.

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытьи сменяющих друг друга лунных образов, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло там в довольной улыбке.

Весна в январе

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты не понимаешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Невольно думается: вот сейчас, стоит только сосредоточиться, и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься, и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны источает … подтаивающий снег, что в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, вышел поутру из деревенского дома, и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно так же, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, надоевшая тяжесть от бесконечных снегопадов незаметно спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, когда готов в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

Зимняя картинка

В народе говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы. Не всегда увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы.

Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка замирают, бросив клевать, и прислушиваются. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Смешно вытянув шеи, тетерева поворачивают головы к розовеющему востоку, настороженно вглядываются в морозную даль. Но нет, всё тихо, и убедившись в нетронутой тишине, птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток, и ничего не мешало их сладкой дрёме под снегом.

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжело срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам. Из них птицы неожиданно вырвутся однажды поутру, и снова ненадолго рассядутся по берёзам теребить серёжки, слушая зимнюю тишину.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами на заснеженных берёзах - самая красочная картинка зимы: она отражает её короткое пробуждение, предвкушая нескончаемо сладостный сон. А природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись красавцами-тетеревами.

Ночная электричка

Хорошо отправиться ночной электричкой в зимний лес, когда внутренность вагона туманно отражается в толстых оконных стеклах. За ними еле просматриваются тёмные верхушки неподвижных елей, и только ярко сияет месяц. В городе тоже видны огни фонарей и окон, но от их неясного света на душе почему-то становится тоскливо.

Проезжая станции, с замиранием сердца наблюдаешь, как зажигаются на путях красные и синие огоньки. Они таинственны, и кажется, что огоньки вот-вот погаснут. Но они не гаснут и горят долго. Даже когда поезда их минуют, они продолжают тихо светить кому-то, как будто безмолвно переговариваясь между собой, но, ни на секунду, не отвлекаясь.

Монотонно-усыпляющий перестук колес на прямых участках сменяется учащённым лязганьем, когда вагон проходит повороты. Ярко освещенный изнутри, он бережно несёт в своих стёклах отражение себя: желтые широкие скамейки, редких пассажиров, немигающие плафоны. Получается, что всё внутри вагона существует ещё помимо него самого, где-то сбоку, ближе к той темноте, за которой встаёт лес.

Туда очень хочется попасть, заглянуть под ёлки, пошевелить разлапистыми ветками, так что сбитый с них снег обязательно коснётся щеки или угодит за шиворот. Там, конечно, никого не окажется, в лучшем случае следы, уводящие разыгравшееся воображение в чащу, но попытаться, всё же,

стоит: а вдруг?

Это «а вдруг» тешит тебя на всём пути, и ты представляешь, как бы это было на самом деле, если вдруг застанешь какого-нибудь зверя вот так, под ёлкой, и что предпримешь в первую очередь. Конечно, это будет не похоже ни на какой другой случай, ранее слышимый или прочитанный в умной и доброй книжке о лесе, и изучать её наиболее увлекательно, возможно, только зимой.

За окнами электрички становится черно, когда она выезжает за город, и только изредка пробегает слабо освещённая безлюдная платформа. Иной раз мелькнёт одинокая фигурка ожидающего, изо рта его идёт легкий парок, а неторопливый скрип валенок выдает хорошо сдерживаемое нетерпение сельского жителя, и, глядя на его закутанную неповоротливую фигурку, у самого в теле всё начинает сладко неметь и постанывать от предощущения холода, но приятная дорожная дрёма невольно погружает в сон. И тогда уже не хочется думать ни о чём, кроме жизни леса, рождения жёлтого ясного месяца, пухового снежного покрывала, надежно укрывшего землю, и следов на нём, уводящих незаметно за собой.

В эти ночные часы на душе становится так хорошо, что можно ехать долго, до самого рассвета. Поезд мерно продолжает свой путь, а ты изредка поглядываешь за окно и видишь, как постепенно наступает рассвет. Станция приближается, и даже не хочется выходить, теряя накопленное тепло.

Плотный морозец ловко обхватывает всё тело, вмиг наполняя звенящей чистотой, и вялость сразу уходит, а вместе с вялостью покидает его и суета. В полную грудь вдохнув этот морозный чистый воздух, с удовольствием вбираешь в себя и сладкий печной дым, что поднимается прямо в замороженное до неподвижности небо, и лес, чернеющий за приютившимися в глубоких сугробах домами, и отрывистый крик вороны, низко распластавшейся на мгновение над твоей головой, отчего ты сам готов закричать от охватившего тебя восторга, как в детстве, когда кроме восхищения и веры, что они будут продолжаться вечно, ничего не было.

Войдя в морозный, зимний лес…

Очень доступный и насквозь просвечивающий туманными далями осенний лес, оглохший от тишины, наконец, укрылся снежным пологом. В нём сразу появилась некая загадочность, от чего он стал ещё более торжественным и притягательным.

В солнечный морозный день лес дарит ощущение вседозволенности. Маленькие обитатели леса беспрестанно щебечут, дружными стайками перелетают с дерева на дерево, беспокойно рассаживаясь на тонких ветвях, и вновь неожиданно срываются, как будто играя в непонятную игру. Всё в зимнем лесу подчинено скрытому порядку, и кажущаяся пустой птичья суета на деле оборачивается необходимой для поддержания жизни радостной размеренностью.

Солнце щедро, но в тоже время сдержанно проливает свой розоватый

свет, и придорожные кустики, уютно укутанные в снежный пух, поблескивают золотистыми огоньками.

То и дело дорогу перелетают вспугнутые сороки, ныряют в холодной голубизне дятлы, и где-то там, за верхушками елей, отчетливо раздаётся хриплый крик раздосадованного чем-то воронья.

Всё в лесу в такой день радостно и оживленно, и кажется, что стоит только заглянуть в него глубже, как многое, благодаря даже незначительному усилию, в нём откроется. И ты, затаив дыхание, всматриваешься в ещё неизведанную, но такую доступную жизнь и, конечно, всегда бываешь вознаграждён.

Войдя в морозный, зимний лес, следует замереть на какое-то время и послушать внимательно, что происходит вокруг. Не бывает случая, чтобы ты не открыл для себя что-то новое.

Может быть, к тебе прилетят несколько гаичек и, усевшись в каком-нибудь полуметре, начнут своё звонко-скрипучее «чжиэ-чжиэ-чжиэ», как будто жалуясь на что-то непоправимое в своей неприметной жизни. А потом вдруг перейдут на требовательный свист: «пююй-ци-ци, пююй-ци-ци, пююй-ци- ци».

Неслышно порхая невесомыми серенькими комочками, они присаживаются на веточку так, словно вот-вот упадут с нее, и, помогая себе длинным хвостиком, восторженно покачиваются, готовые в любую секунду сорваться. Вездесущие, неугомонные, они напоминают о себе всюду, но их, по большей части, не замечают. Обидно им, должно быть, от этого, вот они и беспокоятся. Те же, кто всегда примечает этих неугомонных птичек в морозном, зимнем лесу, прозвали их «пуховичками».

Наиболее приметная фигура среди лесных птиц, особенно в зимнюю пору, дятел. Его громкое, совсем не подходящее для него пение «ки-ки-ки-ки», что сочетается с отрывистыми беспокойными возгласами, слышится повсюду.

Непонятно, чего в дятле больше: суетливости или трудолюбия. Дятлы беспрестанно перелетают над лесом, меняют одно сухое дерево на другое, и кажется, что нет в их передвижениях никакой системы. Выбрав же подходящую сушину, они, забывая обо всём, и не обращая никакого внимания на происходящее вокруг, начинают усердно долбить её, так что сучья с трухой обильно сыплются на снег. По этим отметинам легко определить: здесь побывал неутомимый дятел.

Гнездится дятел в дупле, которое долбит сам, причем пара дятлов выдалбливает несколько гнезд, а поселяются в одном. Дятлы как будто предоставляют их другим птицам, когда они сами не в силах их обустроить.

Дятлы очень многочисленны. В морозный солнечный день их звонкое перестукивание не нарушает лесную тишину, а скорее дополняет её. Сами же птицы, особенно большие и малые пестрые дятлы, никого не боятся. Они слишком заняты своим делом.

Их прямолинейная непринужденность откровенно притягивает. Вполне возможно, что у них даже нет врагов. По крайней мере, сами дятлы относятся

к ним вызывающе равнодушно. Для этого достаточно взглянуть на окраску, особенно у самцов.

Природа позаботилась о пестроте птиц, что удачно скрывает их от многочисленных хищников, но дятлы этим не удовлетворились и пожелали приобрести броскую алую шапочку и ярко-красное пушистое подхвостье. В дополнение к своей громкой известности они хотят ещё и неотразимо выглядеть.

Правда, более чем нескромными оказались только самцы, что не остались в долгу перед другими птицами, обитающими в зимнем лесу - рябчиками, тетеревами и глухарями. Столько яркого, приметного цвета не имеет ни одна из этих птиц: им киновари досталось только что на брови. А кто-то не удостаивается и такого природного дара.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денёк, но в нём таится какое-то оживление: то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечётки, махонькие, невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, что всю зиму держатся дружными стайками. С неугомонным щебетом срываются они с одной березы на другую, и в белом отрешенном затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами верхушки…

Чечётки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле они замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать громкое «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи- чи» или «чет-чет, чет-чет, чет-чет». Птички немедленно облепляют именно березы, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное: они нашли еду — семена берёзы, висящие на деревьях колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя свое любимое блюдо. Хорошо, что они есть!

Пройдёт немного времени, и стайка чечеток с громким щебетом снимется с места и улетит дальше. Чечётки кочуют всю зиму по заснеженным лесам, и ничто их не обескураживает: был бы корм. Им нипочём и крепкие морозы, и лютые метели, и отсутствие солнца. Всегда они оживлены, вездесущи: маленькое, но неотъемлемое украшение зимнего леса.

Ещё это украшение заключается и в крохотной алой капельке, что они умудряются мгновенно перевести с самой макушки на лоб, и выглядят при этом нахохленными, даже - воинственно. Но, присмотревшись пристальнее, понимаешь, что ждать какого-либо недовольства от такой птахи немыслимо, и, тем не менее, алая шапочка то и дело перебегает с макушки на лоб и обратно, словно птичка отчего-то хмурится, и тут же забывает об этом. Скорее всего, такое поведение — верный и, может быть, единственный признак существования у чечёток сигнальной системы, что предупреждает о присутствии друзей, врагов или же указывает необходимое решение для большинства птиц в полёте, когда красная шапочка вожака хорошо видна всем членам стаи. Перемещая её на лоб, он дает соплеменникам предостережение, призывает их к вниманию или сообщает сигнал к снижению.

Есть в нашем лесу еще одна птичка, красная шапочка которой вызывает у

всех восхищение, а для самих птиц является примером их заслуженной гордости: королёк. Поскольку короны носят короли, маленькая птичка, не без оснований, тоже получила подобное прозвище, но ее размеры не позволяли в полной мере называться таким громким именем, и она осталась всего-навсего корольком.

Не выделяясь среди остальных птиц королевской расцветкой, присущей царственным особам, птица получила от природы яркий головной убор, что позволяет отличить её от своих пернатых собратьев. Ведь многие пернатые обладают удивительно похожими голосами, а имея к тому же и довольно распространенный в своей среде наряд — серо-зеленый, королек рисковал заблудиться в обилии представителей разных видов. Красная шапочка давала возможность быстро угадывать собственных соплеменников и выделяться среди других птиц, когда зима уравнивала всех обитателей леса в их неотъемлемых правах.

В морозном зимнем лесу всегда есть место сказке, и красногрудые клесты, напоминающие собой живые шишки на рождественской елке, одно из её проявлений. У опушки, на полянке, с краю укромной просеки или в глухом лесу — всюду можно услышать отрывистое вскрикиванье клестов и шорох в еловых верхушках. Зима — время для них трудное, вся энергия птиц направлена на добычу пропитания и выведение потомства, но, несмотря на то, что им, во что бы то ни стало нужно выжить, клесты всё проделывают радостно. Так бывает всегда, когда птица, зверь или человек просто честно выполняет свои обязанности, может быть, даже не думая об этом и не постигая своей божественной принадлежности, но для природы все их заботы оказываются чрезвычайно дороги.

Может показаться странным, что в самое холодное время года у клестов появляются птенцы, за что их даже зачислили в «святые птицы», но это небезосновательно. Клюв у клестов крестообразный, что соответствует легенде, по которой птицы при распятии Христа старались клювом вытащить гвозди, дабы спасти святого от гибели, при этом скривили себе клюв, да так, с перекрещенным клювом, и остались. За то якобы клестам и особенная награда дана: после смерти эти птицы не подвергаются тлению.

На самом деле таким клювом легче добывать семена из-под чешуек шишек, что клесты наилучшим образом и демонстрируют. Сосновые и еловые семена содержат много смоли, она незаметно накапливается в птицах, и так, постепенно, клесты просмаливаются и могут долгое время сохраняться, не поддаваясь гниению после смерти. И всё это придает клестам ореол некоторой таинственности, маленького лесного чуда.

Что же касается их появления на свет посреди зимы, когда вовсю трещат морозы и махонькие птенчики рождаются совершенно беспомощными, но не замерзают, то святость клестов подтверждается их образом жизни, в частности - питанием. Близкое присутствие еловых шишек позволяет взрослым птицам не покидать своих детей, находя питание рядом с гнездом, что, кстати сказать, надежно утеплено даже для самых сильных морозов. Стенки гнезда толщиной

в два пальца, внизу - тёплая подстилка, сверху - заботливая мамаша: сев на первое яичко, она уже не слетает с гнезда, пока птенцы не покинут его. К марту шишки совсем раскрываются, усеивая снег буровато-рыженькими семенами, и это облегчает клестам выколупывать их из плотно прилегающих друг к другу ячеек, а молодым птенцам, что только покинули гнездо, облегчает самостоятельную жизнь.

Правда, крестообразным клюв становится не сразу, птенцы появляются на свет с прямыми клювиками. Родители кормят своих детей образующейся в зобу кашицей из полупереваренных семян еловых шишек, что созревают именно в эту морозную пору, и только когда родившиеся птенцы начинают кормиться самостоятельно, их клювы меняют форму. Верхняя половинка постепенно загибается вниз, а нижняя - вверх, и маленькое чудо природы превращается в замечательную реальность.

Сами шишки, не тронутые птицами и выбросившие весь запас своих семян на начинающий оседать снег, необыкновенно увеличиваются в размерах, набухая от влаги, и неожиданно приобретают на свежих зеленых верхушках очень выразительный, ярко-красный цвет. Шишки будто пронизаны этим радостным светом изнутри, и, глядя на такое чудо снизу, почему-то сразу понимаешь, что солнце, роняющее жаркие лучи на громоздящиеся по веткам волшебные гирлянды, тут не причем: скрытая красота живёт в самой ели. Хорошо, когда человек может задуматься обо всём, и всё объяснить, если, конечно, захочет, потому как нет на свете ничего лучше, чем проникать в суть жизни и радоваться ей, особенно в морозном, зимнем лесу!

Лес большой, сильных и независимых обитателей в нем немало, но самые храбрые и привлекательные, как ни странно, именно крохотные. Напыщенного, жарким огоньком рдеющего на белом фоне зимы снегиря знает каждый, а ему до этого нет никакого дела. Как будто подчеркивая свою неустрашимость и полное безразличие к своей судьбе, снегирь появляется в лесу, казалось бы, в самую неподходящую пору - поздней осенью, когда на землю ложится снег. Появление в это время и обусловило его имя — снегирь, птичка, прилетевшая с первым снегом.

Снегири — птицы не только привлекательные, но и весьма солидные: никогда не торопятся, не суетятся и, несмотря на свой малый рост, держатся с достоинством. Неспешно перелетая с рябины на рябину, они сыплют подмороженной ягодой на снег, и очень мелодично пересвистываются. Песенка их несколько однообразна, зато всегда приятна для слуха и заметно оживляет хмурый заснеженный лес.

В отличие от вездесущих воробьёв, между снегирями никогда не увидишь драки, поскольку они дружелюбны. Скромная, почти неприметная подруга снегиря, лишённая яркого наряда, похоже, не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё. В общем, снегири - это трепетные птичьи сердца, у них, кажется, отсутствует всякая боязнь перед жизнью, и они уверены в своей вечной молодости.

Слов нет, как мы радуемся приходу зимы, и прилет снегирей - одна из её самых красочных и любимых нами примет. Но для чего же, всё-таки, природа наделила их такой выразительностью? Попусту она никого обижать не станет: снабдив волка силой и бесцеремонностью, она пожалует ему серую, невзрачную шкуру, а маленькому снегирю вдохнёт в сердечко капельку бесстрашия и оправит гордую грудку пурпурным пухом. Снегирю от этого жить станет радостно, и никакой страх ему уже нипочём.

Ждёт не дождётся снегирь в дальних краях, когда можно будет ягодки-рябинки вволю поклевать, старые места вспомнить и новые облюбовать. И вот, пришла, наконец, зима на северную землю, завьюжила колючими метелями, и настала пора снегирю ближе к человеку перебираться.

Журавли или гуси всегда выстраиваются стройным порядком, острым коленом вперёд, а махонькие снегири сбиваются в дружные стаи, взвиваясь над лесом розовато-волнообразными облачками. Немножко боязно за них: кажется, вот-вот усталыми комочками повалятся на землю, не выдюжить им дальних расстояний. Но бесстрашно летят неустрашимые кочевники, потому как знают, что после многоцветного жаркого лета люди тоскуют и ждут их под своими опустевшими окнами.

Как удивительны эти яркие живые комочки, что перелетают на маленьких крыльях в холодную, зимнюю пору, а человеку, войдя в сказочный зимний лес, остается только радоваться, глядя на них, несмотря на самый трескучий мороз!

Линии леса

Идя в лес, пусть даже самый замкнувшийся в себе и неприступный, всегда хорошо иметь наблюдательность и воображение. Стоит только задаться определенной целью и сосредоточить на чём-либо своё внимание, и любая встреча с лесом обернется открытием. Радостное переживание рождающихся в лесу откровений является, несомненно, одним из источников творчества, а непрекращающаяся цепочка замечательных природных образований не только развивает внимание, но и обогащает душу самыми тонкими, порой фантастическими догадками.

Так, в один морозный и чуть ветреный день я вдруг почувствовал в природе результаты её невидимой глазу работы: вполне завершённые линии. Начёртанные природой знаки, как, оказалось, пересекались с движениями моей собственной души и, может быть, даже являлись её продолжением. Слияние это порождало подлинную красоту.

Скрытые подробности лесной жизни, по каким-то неведомым законам познания, на сей раз возникли из неустанной и довольно однотонной ходьбы на лыжах, когда открывающиеся виды как будто сливаются в один сплошной, и снежная белизна расплывается в глазах, слепя и лишая их верного восприятия. Постепенно ты начинаешь изредка оступаться, теряя равновесие в этой размытой белизне, не ощущая под ногами невидимый, но существующий

бугорок или укромную впадину. И вот, когда твоё внимание полностью сосредоточено на мерно поскрипывающих под лыжами сугробах, их стремительно взлетающие и плавно опадающие линии, изо дня в день, к тому же, изменяющие свой рисунок, внезапно начинают околдовывать.

Эта неуловимая снежная нескончаемость, может быть, как ничто другое в зимнем лесу наполняет душу здоровьем, доводя внутреннее спокойствие до своего наивысшего гармоничного состояния - душевного покоя. Не безжизненного, отрешённого от всего земного, а полного красок, звуков и света. Ведь главное - скрытый смысл очарования, создаваемого в природе, и линии леса, в особенности - очертания сугробов, мягко подчеркивают его.

Вот и еловый лес на пригорке трогает, скорее, не заключённой в себе тайной, а своими неповторимыми линиями в общем лице природы. Линиями, не принадлежащими никакому другому дереву, запечатлённому в памяти ещё с незабываемой поры детства, под новогодний праздник, когда дурманящее еловое облако сладко убаюкивало, а редкие уколы настырно топорщащихся иголок лишь с томительным замиранием сердца забавляли.

Ель всегда была, пожалуй, самым завораживающим деревом, и линия всевозрастающей многоступенчатости разлапистых изумрудных веток только подчёркивала это обаяние. Исключительная форма дерева объяснялась сокровенностью назначения его в природе, предполагая беспрепятственное размножение и продолжение своего рода с помощью удивительной плодовитости.

Прежде, чем розоватые спелые шишки, гроздьями жмущиеся к краешкам веток, свободно рассеют над землей невесомые семена, ёлка должна была ещё пробиться кверху сквозь серьёзное сопротивление, что оказывали ей свои же собратья. Вклиниться в еловую гущу деревце способно было, лишь имея определенную коническую форму, в которой нацеленное острие верхушки надежно поддерживалось бы подпирающими ее со всех сторон упругими ветвями.

Неповторимые линии дерева вместе с его чудесным запахом и чистотой пришлись по душе людям. Расположение сказочных игрушек на нём не было ничем затруднено, и всегда выглядело уместным. Увенчанная переливающейся стеклянной короной - самой бесценной и недостижимой, ёлочка протягивала свои ветви всё ниже и ниже, постепенно одаривая каждого тем, что он заслужил.

Если встанешь на цыпочки и, всё же, дотянешься, значит - твоё, не хватает роста - придётся потерпеть, только снизу зачарованно любуясь недосягаемым бесценным богатством. Эта постепенно воспитываемая деревом заслуженная награда, конечно, никогда не чувствовалась, никак в детстве не воспринималась, но была по-своему замечательна и незаменима.

Укромные коридоры просек, непреклонно пронизывающие лесную черноту, разного рода визирки и путики образуют заветные квадраты хвойных массивов, обежать которые за недолгий зимний день оказывается доступным. Доступность эта позволяет сделать выводы о нахождении зверя или птицы, а

это важно. Важно знать сегодня, сейчас, не перекладывая на потом, если серьёзно изучаешь лесную жизнь.

Окаймляя таёжные массивы линией открывшегося пространства, просеки ненавязчиво выделяют и подчеркивают то, о чём долго умалчивал глухой лес. Линии просек неразделимы с ним, они порождены его мощью и необъятностью. Им суждено разобраться в переплетениях самых потаенных лесных уголков.

Желая ещё более приоткрыть для себя доступ к лесным богатствам, человек с помощью этих простых и недвусмысленных линий, на какое-то время оставленных им в покое, с каждым разом подступает к заветной чаще всё ближе и ближе. Потом, через много лет, затянувшиеся и неузнаваемые, они сослужат должную службу любому, кто окажется неравнодушным к лесной судьбе, навсегда оставаясь в пытливой памяти, как самый короткий и верный путь в глубине дремучего леса.

Пригнутые верхушками к земле берёзы продолжают замысловатую анфиладу необычайных мазков природы, подобно несравненным сугробам, вздыбившим дугой свои белоснежные спины. Молодые берёзки пытаются быть под стать старшим собратьям, что непоколебимы в своей зрелой устремленности кверху: строго застывшие посреди заснеженного леса, они, кажется, ни у кого не спрашивают разрешения, свободно упираясь своими сиреневатыми верхушками в бездонное небо. Стройность их неподражаемых линий, на первый взгляд, не впечатляет, потому что неприметна, но как верна эта несгибаемая устремлённость!

Медленно плывут по небу тугие от мороза облака, и, кажется, дунь ветер посильнее - лёгкие берёзовые стволы зацепятся за них и, сладко прогибаясь, улетят в небесную голубизну. В их прозрачных кронах ветер не застаивается, а просеивается невидимыми струйками, звонко и нежно вздрагивая. Тонкая музыка берёз, рождаемая ветром среди их безукоризненно белоснежных линий, безотчетно пленяет.

Линия полёта вспугнутой птицы тоже заставляет пережить незабываемое волнение. Взметнувшийся из снежной лунки рябчик приходит в себя молниеносно, неподражаемо лавируя среди частых веток. Делает он это легко, без единого взмаха крыльев, словно наполненных воздухом. Мягкий росчерк его невесомого тельца, словно дымчатое облачко, повисает в тёмно-зеленых хвойных верхушках, и, глядя на него, ты сам будто взлетаешь.

Был только что рядом незабываемо пегий, живой комок - и уже его нет: только короткое, как полёт птицы, воспоминание, да надежда насладиться им хотя бы ещё раз. В линии парения рябчика прослеживается его игривая уверенность, с которой он ненавязчиво обозначает своё жизненное пространство. И она непременно отзывается в душе, как будто вторит вспорхнувшей птице еле уловимым лесным эхом.

А начинаются тревожащие душу очертания с лесной избушки, что покидаешь под скрип перекосившегося от мороза крыльца, с уютно расстилающегося в звёздном небе дымового коромысла. Прямо из трубы над

заснеженной крышей оно перекатывается за самый дальний край леса, без видимой натуги подпирая собой холодную и сказочную ясность январской ночи.

И ещё - с наглухо затиснутой в сугробах изгороди, слегка припорошенной снегом, вдоль которой весело вьётся выпуклая твердость нахоженной тропки. Пронзительно и тонко повизгивает она под ногами, в морозной дымке угадываются рассеянные тени от звезд, всё вокруг надёжно схвачено предутренней тишиной и покоем.

Переживая в себе здоровую приподнятость, с лыжами через плечо и рюкзаком за спиной бодро выходишь на укромную лесную дорогу, что ведёт в особенный заповедный мир, где слышно, как длится мгновение, а в душе трепетно отзываются каждая линия и звук.

Синий вечер

Вечер - это пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца, та вечерняя страна, что переполнена волшебной синевой. В неё каждый может попасть, но не всякий сразу разглядит, хотя вечерует синева всегда так, словно справляет праздник души. Всё таинственное, не спеша, в себе самой подготовит, подвёдет к нему тихонечко, и настроение незаметно поднимет, так что человек ничего и не заметит: просто воспримет подступивший вечер, как привычное и чудесное откровение, и обрадуется.

И хоть говорят, что утро вечера мудренее, да у вечера своя верная смётка и благородное поведение имеется. Судачит день до вечера, а слушать нечего: только у вечера рождается потребность достойно заявить и преподать себя. Именно он покажет, каков был день. Недаром в народе замечали, что хвалить и звать день лучше по вечеру, а если он ещё по-зимнему таинственный и синий, то хвалить уже надлежит саму жизнь!

Синий вечерний цвет такой глубокий, что даже не возникает мысли пересинить его, сделать ещё глубже, достойнее его самого. Таинственнее может быть только ночь. Но пока не пришло её время, наступающие сумерки постепенно подсинивают вечер, с каждой минутой, всё более, облагораживая его.

Даже махонькая синичка своей беспрестанной песенкой «синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь» синит вечер и в январе, и в феврале, и в марте. Птичка щебечет, не уставая, «синь кафтан, синь кафтан», так что дурак думает: «скинь кафтан», да и снимает его, бросая; умный же увидит лишь восхитительную синеву всего окружающего и тихо возрадуется. Спасительная синева ему душу под вечер ублажает, и сказки волшебные нашёптывает.

Благородство и сказочность синего вечера - в его несметных украшениях. Алмазные подвески, колье и броши высыпающих на небе созвездий торжественно венчают ниспадающий к снегам бархат вечернего платья, и они ни с чем не сравнимы. Правда, это убранство подходит скорее женщине, чем мужчине, и всё же вечер, без манерничанья и очень сдержанно, щеголяет

своим отточенным природным стилем, красуясь более всего, наверное, лишь перед собой.

Редко кто заглянет в гости именно к нему, и если даже отметит его красу, то, как уже нечто давно знакомое, привычное. Так проходят мимо человеческого внимания дни, в забытьи остаются прекрасные утра, и совсем без сожаления, бывает, пропадают синие вечера. Вечера восхитительные, трогательные и, несомненно, очень вдумчивые, но, между тем, не замечаемые человеком. Они как будто созданы Богом для того, чтобы человек встрепенулся, вглядевшись в них пристальнее, стал более восприимчивым, потому как, погрузившись в их синеву, начинаешь различать все цветовые оттенки и световые ощущения, а ещё - нерастраченную душу природы, дорогую сердцу сказку и любовь, что ожидают своего пробуждения.

Синий вечер - это обязательно зимний или весенний вечер, потому что рождается он от сочетания насыщенного за день света и снега. А поскольку такое возможно только зимой и весной, то летом и осенью синий вечер теряется, уступая место ярко-зеленому, желтому, оранжевому или багровому цвету. Синеву мудро созидают бесконечные снега и выстуженное небо со звездами.

Только бросят ели свою тень на снег, а вечер уже тут как тут: затаится где-нибудь у стога или на опушке дремучего леса, и будто ждёт кого, или даже подстерегает. Но злого умысла в нём - ни капли, потому как вечер всегда несёт покой, и синева заботливо его собой оттеняет. Правда, это не воздушная синь, что более всего вдаль манит, а та глубокая синева, что ненавязчиво предлагает заглянуть в себя.

Поначалу синий вечер действительно только затаивается. Затем постепенно углубляется, начинает уже главенствовать во всём окружающем пространстве и, вскоре, вовсю торжествует! Только перед самой ночью он незаметно успокаивается и, полностью растворившись в воздухе, как будто укладывается спать, но долго ещё несёшь его в себе, пока сам забудешься в дивном предвесеннем сне. И ведь именно с синевой входишь ты в свои сновидения, а значит, и с тем ощущением, что будет сопровождать тебя до самого утра.

Расцветающее утро может быть и сиреневым, и перламутрово-лазоревым, и тёмно-голубым, но только ясный звездный вечер зимой - синий, более густой в сравнении со снегом, даже - загадочный до черноты, но не чёрный. Синий до такой степени таинственен и глубок, что другого цвета для вечера не приходит на ум. Всё в нём подчинено мудрому смягчению окружающего света, при сохранении своей неизъяснимой прелести и глубины.

Она, эта прелестная синяя глубина, конечно, заключена отчасти и в еле угадываемой в ней зелени, что отражается от присмиревших к вечеру изумрудных елей, и в переливающейся на западе небесной лазури, и в бархатной темноте, что надвигается с востока… Но более всего синева богата именно сочетанием всех этих цветовых оттенков, объединяя их в том, чем становится сама: прекрасной жизненной тайной.

При всей своей видимой многоликости, синий вечер необыкновенно целостен. Если попытаться продлить эту синеву в ней самой, в её кажущейся нескончаемой синеющей дали, не истает ли когда-нибудь синий цвет? Или так и будет бесконечно длиться в своём чудесном синем существовании, перетекая в поднебесье, воздух и таинственный лес?

Синий вечер - это ещё и радостная печаль, когда день, наполненный красками, не угас, и будто ненадолго задержался, желая насладиться своей работой перед сном. При этом вечер не вальяжен, а собран и упруг в перетекающих то и дело синих, лазоревых и тёмно-зеленых настроениях. Вот-вот потухнет всё вокруг, погрузившись в успокоительный мрак, но синий вечер ещё пока упоителен своей непередаваемой густотой, в которой нежится и будто что-то вспоминает.

А иногда, кажется, что он напряжённо, но ненавязчиво о чем- то думает. Синие мысли его копошатся у самой земли, но вверх не поднимаются. Им хорошо думается над снегами, что залегли между еловых, сосновых и березовых стволов. Скорее, синие думы неслышно и мягко текут, и от их присутствия человеку всегда становится легко и приятно.

Легко и приятно думать синим вечером о том, что суровые холода уже миновали, а морозные утренники только бодрят, и если даже обжигают, то в удовольствие, по-весеннему. Синий вечер - это один из самых запоминающихся зимних образов, он вмещает в себя и затухающий день, и сиреневые сумерки, и предощущение приближающейся красавицы ночи. С ним связаны, может быть, самые приятные за зиму воспоминания, и если утро дарило серебристый иней на ветвях с нахохлившейся вороной, а день - красное солнце в морозном небе, то вечер оставляет о себе память, как волшебная синяя загадка, которую хочется разгадывать, не переставая.

Вечерняя синева рождает в себе тот самый свет, что противен темноте, хотя и полнится ею. Именно синий свет, а не синие потёмки, что даёт способ видеть, чувствовать и надеяться. Этот свет воспринимается как появление в воздухе какого-то тончайшего вещества, что разливается повсюду только с приходом весны.

Синий вечер не дарит прямые лучи, как солнце, а отражает от своего загадочного, тёмного тела скрытое вечернее тепло, и оно имеет по цвету близкие синему волны, что несут особенный, потаенный свет… Этот свет вечером повсюду, его нужно успеть выпить и насладиться, просто почувствовать его в себе, умело поддерживая взаимосвязь с синим лесом, воздухом и вечером. Прийти к вечернему синему свету, не заступая его черноты, - вожделённое душевное состояние, его следует желать и быть к нему готовым, а делать это следует неторопливо, даже осторожно.

Ведь синий вечер - это всегда удивительно полный покой, его в состоянии нарушить только лёгкий порыв ветра. Если ветер вдруг всколыхнёт сноп переливающихся снежинок, и те запляшут в мерцающем лунном свете, то что-то уже изменяет впечатление о синеве вечера. Меняется сам вечер, утрачивая нечто такое, без чего он уже не в силах очаровывать.

Может быть, это - проникновенная синяя тишина, удивительно трогательное и таинственное безмолвие, что проистекает под зажигающимися звездами и неслышно прокрадывается повсюду. Не потемневшая, но уже и не светлая, тишина достигает в этой своей успокоенной соразмерности той самой доступной для всех гармонии, что всегда недостает измученной за долгую зиму душе. Остановись, обрати на неё внимание и впитывай, пока не наполнишься этой синей гармонией до краёв, поскольку синяя тишина снегов - глубокое внимание вечера ко всему живому.

В такой бархатный вечер снега никогда не молчат, как это происходит с ними днём, как бы прислушиваются к небу и звездам, впитывая их, и сокровенно со всеми обо всём беседуют. Они отзываются на малейшее прикосновение звездного луча или случайного светового отблеска, идущего от какого-либо созвездия, иногда словно резвятся и не гаснут. Даже в безлунную февральскую метель ощущается их тёмно-синее, с белыми бликами, скольжение.

И всё же, нет ничего лучше тихого синего свечения в заснеженном лесу, когда, кажется, всё умерло, а зимний вечер жив. Жив своей неподражаемой звездной игрой, незримо отражающейся в синих снегах, радостным предощущением сказочной ночи с выбегающими на жировку зайцами, с многогранностью и глубиной длинных теней, будто выточенных из тончайшего синего стекла. Синий вечер, как никакая другая пора зимнего времени, будит воображение, и даже облепленные искрящимся снегом ели представляются в нём ножками диковинных бокалов, поднятых зимой во благо себе самой. Их чистый хрусталь на её самобранной скатерти - тоже не без чудесной синевы!

Не сразу и разберёшь, чего больше в спокойствии вечерней синевы: праздничного торжества или сдержанной прекрасной тайны. А может быть, и того и другого, если воспринимать и лес, и вечер, и невидимых зверей, как нечто единое, отчего хорошо быть просто в тихом восторге. Как ото сна, который, ты уверен, уже никогда не приснится, но его всегда можно увидеть, если обратить свой внутренний взор к природе.

Всё соразмерно и радостно в вечерней синеве. Даже в тёмно-синих, до черноты, полудремотных тенях, залегших в самой глуши, где ощущаются скрытые движения лесной души. В них тоже что-то своё, очень близкое и пьянящее, как это бывает в детстве, когда тебя послали за чем-нибудь в тёмную комнату, а ты замираешь от сладостного страха, но всё равно идёшь, потому что знаешь: это твой родной дом, и ничего в нём с тобой не случится.

Чем ближе весна, тем более полно и самозабвенно живёт синий вечер. Тени становятся уже не такими густыми, а пронзительно-прозрачными, светящиеся же под молодым месяцем снежные блёстки зацветают нежными незабудками. Всё в лесу к концу зимы принадлежит перерождающейся синеве, и воплощает её.

Полыхает синева весеннего вечера, схваченная удалым морозцем, радостно обжигает руки, щеки и сердце. Весна заметно увеличивает силу

синего цвета, а бирюзовые, лазоревые и голубые мазки выгодно её дополняют. Синий вечер утончается, становясь для восприятия каким-то неуловимым и оттого ещё более желанным.

Перед самым закатом, в марте, синева теней и снегов достигает своего высшего великолепия. Даже дымки над крышами домов стали голубовато-синими, воздушной синевой пропитался пар твоего дыхания. Все эти синевато-нежные тона, окантованные красноватыми верхушками берез, подступили под прозрачные небеса, и солнце мягко утонуло в многослойной цветовой полоске, протянувшейся над лесом. С появлением же Полярной звезды синева торжествующе завернула собой все оставшиеся предметы, и полностью воцарилась на троне. Её весеннее равноденствие, наконец-то, свершилось!

Февраль-бокогрей

Наш уральский февраль - месяц буранов, холодов и первой звонкой капели. В начале месяца ещё крепко морозит, с каждым днём солнце поднимается всё выше, и к середине его уже так пригревает, что с крыш летят торопливые капли, образуя к вечеру гирлянды прозрачных сосулек. Февраль многолик, но более всего оправдывает себя метелями, да вьюгами, встречая их на боку.

Сладко ему так дремать, уютно свернувшись в клубок, и он, вроде бы, ничего не чувствует и не видит. Пока февраль лежит на одном боку, отогревает его под пушистыми снегами, над ним метели злые свирепствуют, с лютым морозом на пару тягаются, а как согреется, другой бок от холода прячет. Очень не хочется февралю сразу всё накопленное тепло отдавать, и он переворачивается нехотя, как будто забываясь, так что в эту пору случаются оттепели. Но когда придёт в себя, да, спохватившись, перекатится, опять по всей земле принимается мести непроглядная снежная буря, и всё живое погружается в сон. Сам же февраль не спит, а только дремлет, вполглаза наблюдая за происходящим, и всё про всех знает.

Холодные вьюги с метелями так, бывает, одолеют в эту пору, что, кажется, нет грустнее месяца, чем февраль! Бесконечные глухие дни утопают во мгле позёмки, синевато-свинцовое, блёклое небо тяжело нависает над заснеженной землею - и с каждым днём все более угасает, не принося ничего нового, а нескончаемая снежная даль уже не слепит глаза, что давно ничего не вопрошают. Когда-то ещё прекратятся эти нескончаемые февральские ночи!

Но зловещий северный ветер потерянно бьётся между домами, с остервенением наметает на крыши жёсткий снег, и всё задувает, задувает, задувает. В феврале и человек, словно осенние листья, чернеет лицом, лишь уповая в молитвах на свет божий.

Даже такой важный праздник зимы, как Сретенье, о котором в народе принято думать, что с его наступлением зима с весной встречаются, и тот не вспоминается. За надоевшими метелями, смешавшими в сером вихре

заснеженную землю и низкое небо, и дни сплетаются между собой в однообразный поток. Мало радости, света, и почти не верится в близкую весну, до которой, кажется, рукой подать, но всё померкло в безудержном февральском мраке.

И всё же, что-то теплится в душе, согревает её изнутри. Какое-то еле ощутимое приятное чувство рождается в ней, и постепенно зреет уверенность: вот-вот выглянет солнце. И сразу забываются все тревоги, и ты понимаешь, что длительные метели только готовили тебя к весне, и начинаешь приговаривать: «Февраль-бокогрей, душу перед весной согрей, растопи её, взбаламуть, а уж синий март всё в ней прояснит!»

Что и говорить, не пугает человека видимое однообразие отчаянной февральской стужи. Вроде бы, схожи между собой матушка-метель, мачеха-вьюга и бабушка-пурга, но каждая выдувает жизнь на свой лад. Кто из них чище, да сладостней поёт - сразу и не разберёшь.

Человеку в эту бездеятельную пору всему интересно внимать. Слушает он заунывную февральскую песню, что неотступно мечется за окном, и только уповает на Божью милость: ан и до него вдруг дойдёт, какая ни есть, привилегия, и озарит его жизнь знойным пожаром неведомых чувств!

Изредка, когда февраль отходит от своей дремотной одури, он может почувствовать себя и снежным зодчим. Столько изящных сугробов повстречаешь в эту пору в лесу, словно изваянных из белого мрамора, что просто диву даёшься! Никто не может помешать вдохновению февраля, он - свободный художник зимы, что ваяет и лепит из воздуха, снега и ветра.

В этом ему помогают оттепели, что оплавляют сугробы, открывая в них целые кварталы коридоров, скульптуры, фонтаны и замки. Вроде бы, всё вокруг спокойно, но внутри этих дворцовых сооружений - невидимое глазу движение, белый сон из снежного камня, бесподобный мир зимней архитектуры. Глядишь на него - и поражаешься способностям февраля, что только недавно дремал, и ведать не ведал про своё богатство, но стоило ему очнуться от забытья, и ожила зима. Уж кто-кто, а февраль-то хорошо знает, что вся сбережённая им теплота его таланта весне достанется.

Тепло февраля - это такое невесомое и неуловимое состояние, которое рождает в каждом живом существе особое чувство. Не от солнца оно произошло, не от мягкого южного ветра, а от студёного февральского напора, безжалостно прижимающего к земле всё, что только попадается ему на пути. Из одного рта, как говорится, и тепло и холодно, но где появляется тепло, там нужно ждать и добро, а с добром всегда кому-то становится хорошо. Февраль милостыню никогда не подаст, но уже то, что он есть, благо!

Занося своими метелями, февраль приносит всем тепло ничуть не меньшее, чем солнце или печка. Шубы у февраля нет, зато есть пуховое снежное одеяло, что укутывает землю, деревья, птиц и зверей. Человеку же греться от него не с руки, потому как можно и обжечься. Но если надует февраль вокруг дома высокие сугробы, станет в нём всем тепло.

На дворе вьюжит и метёт, вздымает ветром снежные столбы, а в доме

хорошо, уютно. Чуть слышно гудит печка, изредка потрескивают берёзовые поленья, и метелица за окном совсем не кажется злой и безжалостной. Представляется просто, что она устраивает бурную ритуальную пляску, и музыка, что метель без устали выдувает, уже не кажется бессмысленной. Хочется и самому поучаствовать в её языческих танцах, но лишь в своём воображении, не покидая приятно пробирающего до костей печного тепла.

Хороша русская печь уютом, что создаёт вокруг себя, знатна вкусными блинами да пирогами. И так она прокалит человека за вечер своим огнём, что хочется ему вновь ощутить на лице и руках прикосновение безудержного февральского жара.

Взять, да выйти из избы в самую отчаянную снежную заметь, и прикоснуться совсем к другой печи, что печёт не менее душистые калачи: имя ей - зимушка-зима. Февраль же - её самый важный истопник, что снизу печёт, а сверху морозит. Знай, подкидывает охапками жгучие снеговые поленья, от которых в неутомимой душе всегда возникает благодатный зной.

Что есть мочи завывает за окном февральская печь для всеобщего согрева, обжигает снежной искрой, так что дух захватывает. Такой простор ей надлежит натопить, и февраль изо всех сил старается, жгучий огонь зимы раздувает. Если застанешь его за этой работой, угадаешь в нём её, то становится уже не страшно: век бы и сам вместе с февралем колдовал на благо земли русской!

В иных печах часто угар случается, но февраль свою печуру самым строгим образом блюдёт, и все дымоходы вовремя прочищает. Заботится неугомонный месяц о том, чтобы не угасло раздуваемое им пламя, потому как зимняя печь для февраля, что мать родная. Обо всех-то ему вместе с ней надо позаботиться, укрыть, согреть и про себя не забыть. Доброе это дело, что в России есть свой неповторимый февраль и своя русская печь!

Так, притулившись боком к метельному февралю, словно у печи сидишь, да её мудрые наставления слушаешь. О том, что где зимовать, там и на печи лежать, и что если счастье придёт, то оно и на печи тебя найдёт, и уж, конечно, с неё сгонит. А вот коли собрался умирать на печи — всё одно, что с перепою. Около печи нельзя желать ещё чем-либо поживиться, и в дорогу с печным теплом не ездят, но и по летам и по годам одно место для русского человека - зимняя печь с декабрем, январем и бокогреем-февралём.

А иногда февральская метель, несмотря на жизнь и тепло, что она в себе хранит, воспринимается совершенно ненужной, какой-то даже нереальной. Декабрь, кажется, уже достаточно намёл сугробов, январь сковал всё живое своими морозами, на что ещё может сподобиться зима и чем удивить? Все почему-то забывают к этому времени о феврале...

Забывают о том, как он безжалостно слепит окна домов и засыпает снегом дороги, что ни пройти, ни проехать. Только в феврале по-настоящему всё вокруг белеет, деревни ещё более пустеют и затихают, так, что даже не слышно собак. С утра до ночи носится над землей вьюга, не зная, куда себя деть. Повсюду стоят мутные сумерки, и всё тонет в белёсом умопомрачении

позабывшей себя зимы.

Жизнь в эту пору начинает восприниматься бессмысленной. Замутнённое солнце, словно бельмо на глазу зимы, показывается лишь изредка, да и то ненадолго: одним светлым бочком выглянет из-за туч и тотчас спрячется. Нет ему в феврале места на небе, и оно копит силы для марта.

Тонут в вязком воздухе звуки, мысли, ощущения, и только биение сердца не обрывается. Сердце выстукивает ритм будущей жизни, а февраль всё делает, чтобы человек не обращал на него внимания и забылся в снегах. Так последнему месяцу зимы хочется первенствовать над декабрем и январем, и однажды он понимает, что совершенно свободен.

Свободен февраль по своей безудержной сути и, кажется, даже не осознает в полной мере этой воли. Вот и люди, постепенно убаюканные декабрем и январем, к февралю, вроде бы, тоже обо всём забывают, но в мечтах, всё же, остаются непобедимы. Им хочется рваться, подобно неутомимой февральской вьюге, к чему-то недостижимому в своей жизни, и никогда при этом не угасать.

От вьюг да метелей, что в феврале, откуда ни возьмись, налетели, дни в нём будто начинают толпиться меж собой, весело подталкивать друг друга и хороводить. Сколько удали вдруг проявляется в последнем месяце зимы, что, кажется, уже исчерпала свои силы! Но февраль с каждым днём будто оживляет её и, несмотря на свои непроглядные бури, всё более прибавляет свету. По сравнению с первым зимним месяцем, декабрём, он уже на три часа длиннее.

Нет во всю зиму слаще этих греющих бока деньков февраля! Жизнь, кажется, ослаблена бесконечной зимовкой, дух и плоть так нарушены, что не верится, будто они вынесут навалившуюся тяжесть мороза и тьмы, а тут ещё Волчий сват подкрался со своими волчьими свадьбами. Но какое счастье переживать всю зиму с декабрём, январём и февралём - и не сломаться, каждый день лишь набирая недостающих знаний и сил! Утвердившись душой в декабре, закалив её в студёную январскую пору, в феврале хочется дать ей забыться и отдохнуть в преддверии долгожданной весны.

И февраль, действительно, ублажает душу своим скрытым вниманием и теплом, и в руках у него не коса и не грабли, что обычно часто случается в черный зимний мор, а пуховое опахало. Как февраль тёплыми устами, руками и боками наладит свою предвесеннюю заботу, так земля летом будет радовать человека дарами.

И никогда не услышишь при этом, чтобы февраль взял да и заохал. Даже в сильную оттепель незаметно заляжет он в укромной тени буераков, и терпеливо пережидает тепло, которое сам же и надул. Что бы ему не быть самым удивительным месяцем зимы, справедливо завершающим её?

Недаром и птица обретает гнездо именно в феврале. Но не всякая, а только та, которая не покидала родного края в суровую пору, вынесла зиму вместе с нами, вот ей первой и гнездо. Долгие птичьи ночи, хоть и на пороге весны, но под холодной луной высиживает она это первое тепло. Как

почувствовать его человеку, когда он не может ничего разъяснить пока даже в собственной жизни?!

Птица, которая, не покидая своего родного края, бесстрашно переживает нашу зиму, и даже выводит в самую её лютую пору птенцов, совсем маленькая, размером чуть крупнее снегиря, а зовут её клёст. Клёст замечателен своеобразным строением клюва, благодаря которому и обрел своё имя.

Надклювье и подклювье у клеста скрещиваются между собой, образуя острые клещи, с помощью которых птицы ловко раскрывают чешуйки шишек хвойных деревьев. Используя их семена в качестве основного питания в течение всей своей жизни, клесты до такой степени просмаливаются, что тела их не поддаются гниению даже после смерти. Это ещё одна примечательная черта, отличающая клестов от других пернатых.

Но самая интересная особенность в жизни буровато-малиновых птичек — появление у них птенцов в самые отчаянные морозы. Время это совпадает с наибольшим обилием семян ели и сосны, и гнёзда строятся птицами именно на этих деревьях, под прикрытием густых ветвей, защищающих постройку от непогоды. Ни декабрьское обилие снега, ни январская стужа, ни февральские вьюги — всё им нипочем.

На первый взгляд кажется, что жизнь в лесу замерла на всю зиму. Идёшь на лыжах сквозь морозную мглу, и не слышно вокруг ни единого постороннего звука. Только лыжи изредка поскрипывают, да гулко ударяется в груди сердце: даже жутко становится одному. Вокруг - безмолвная тишина!

Но вот упала одна шишка, другая, то и дело осыпается с елей снег: это разбившиеся на пары клесты оживлённо принимаются за строительство своих гнездовищ. Правда, лишь оливковые самочки таскают в клювах сухие еловые ветки, яркие же самцы, оживленно вертясь на верхушках деревьев, больше распевают свои несложные песенки.

Гнёздышки свои клесты устраивают прочными, глубокими, чтобы птенцам было уютно и тепло: благо, пуховая подстилка, толстые стены и мама сверху от мороза согревают, а еловая каша, что всегда у птиц в изобилии, изнутри. Вьюги февральские их своей музыкой убаюкивают: знай, живи - не тужи, и всё же большинство наших птиц в эту пору предаются спасительному сну.

Спят в заснеженном февральском лесу и глухари, и тетерева, и рябчики, и так это сказочно у них получается, что всегда хочется разгадать тайну их зимних снов. Правда, иногда февраль как будто не желает, чтобы человек проникал в эти тайны, и за ночь переметает их. Хорошо тогда спать птицам, уютно.

Нет, наверное, для них большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, но птицам всё нипочем: пухлый снег спасает, и не тревожат их ни филин, ни рысь, ни лиса.

Что-то удивительно сокровенное таится в глухариной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Добра к ним зима тёплыми снегами и задушевными

вьюгами, она любит птиц и заботливо их лелеет. Лишь изредка, на время вынужденной кормёжки, отрываются птицы от своего отрешенного забытья, а насытившись вдоволь ароматной хвоей и берёзовыми почками, опять окунаются с головой в снежный сон, что уносит их к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям.

На боку встречают последний месяц зимы и многие звери. Издревле пережидает каждую зиму в тёплой берлоге медведь, лесной владыка. Созданный лесным богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он при своих размерах и запасах зиму перемочь без сна, конечно, не в силах, оттого и спать ложится. Легче ему перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах. В народе даже говорят, что зима студеная по медвежьему хотению длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, не умываясь, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы, да палец сосет. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл в норе множество ответвлений, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни в своём неспешном лесном течении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь в феврале над его засыпанной снегом норой, ощущая под ногами неприхотливый звериный уют… Радостно оттого становится на душе, покойно.

Удобно обернувшись своим пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём теплом гнезде белка, но в февральские оттепели она просыпается и вспоминает, что кончились у нее припасенные с осени грибы и орехи. После ночной пороши хорошо видны на снегу следы пушистых зверьков, что разыскивают свои кладовые. А как отыщет она припрятанные с осени шишки, перетащит их к себе в гнездо, так и опять засыпает до следующей оттепели. Метели да вьюги раскачивают над её головой могучие верхушки елей и убаюкивают, а белочка смотрит свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже нисколько ее не пугает.

Декабрь укутал землю снегами, январь заковал реки, ручьи и озера крепкими морозами, а февраль, оставшийся без дела, кажется, только забавляется: за день надует огромные сугробы, а за ночь вновь разметает их.

Или возьмётся проверять на крепость молодые деревца, безжалостно гнёт их, надрывает, и столько в нём нескончаемого напора, что подивишься: как это деревца выдерживают его неудержимый натиск?!

В конце концов, примется февраль и за человека: подкарауливает вечерами запоздавшего путника, да норовит его так окрутить, что тот дорогу домой забывает. Ровно нечистая сила в февраль в такие ночи вселяется, и не дай Бог перейти ему дорожку: запутаешься, осечёшься и сам в себе пропадёшь, не ведая никакого просвету.

Позабывшись в своей игре, февраль, бывает, свиреп и неукротим. Он может быть жестоким, злым и не в меру тяжким. Горе лютое - его непроглядные метели, а в лесу - хищные звери, особенно голодные в эту пору, и оттого опасные для человека.

Сам человек тогда становится лютым, леденеет его сердце. Лютые морозы и метели, лютая скорбь по красному солнышку - то и дело надрывают душу человеку. Люторожий, лютозрачный, лютосердый, лютоярый - лишь немногие эпитеты, коими наградил народ последний зимний месяц. Вот когда вспомнишь, что помимо «бокогрея», февраль имел и такое прозвище, как «лютень».

Правда, «лютый» означает в русском языке не только злобный, но и проворный, быстрый. Февраль шибко гонит позёмку, бойко бежит ей вслед: он лют в своей предвесенней работе, лют петь хоть и заунывные, но по-своему мелодичные песни, прислушавшись к которым, обязательно разберёшь сладко убаюкивающие мотивы. Что и говорить, лют февраль, как Бог, да и сам не плох: рисует, малюет и красную весну чует.

В глубокой древности февраль имел ещё одно название - сечень, потому что был завершающим месяцем года, и будто отсекал его. Правда, не с размаху, одним ударом, а как-то потихоньку, незаметно за своими вьюгами да метелями. Передом, говорили про него, сечёт, а зад волочёт.

А ещё его так прозвали, наверное, за то, что он безжалостно сечёт всех снежной крупой, колючей позёмкой. Хлещет, словно хлыстом, после грозного на морозы января, будто оправдывая себя перед зимой. Иной раз начинает казаться, что он сам себя бичует, так люта его нескончаемая заунывная работа. Сечёт до изнурения своей фиолетово-серой плотью и, наконец, однажды, под утро, в изможднии угасает. Нет безмолвней и трогательней тишины после такой отчаянной февральской бури!

Да только коротко февральское затишье, ибо уже через день-два вновь принимается февраль за старое. Словно розгами сечёт воздух, дома, деревья, притихший лес за околицей, но до смерти не засекает - знает меру. Лишь попугает изрядно, испробует на крепость и отпустит. Обижаться на него не стоит, лучше с ним дружить, принимая нрав февраля как нечто должное, чем он великодушно наделён от природы. Не для сеченья живет февраль, а для ученья, и своими секущими метелями словно расчищает пространство для грядущей весны.

Но выдаётся раз в четыре года такой февраль, что лучше бы его и не

бывало, и зовётся он високосным. В високосный год к февралю прибавляется двадцать девятый день, накопившийся за четыре года от шестичасовых годичных остатков времени. Этот день не случайно исстари называли именем завистливого и злопамятного Касьяна, немилостивого и скупого недоброжелателя. «Касьян на что ни взглянет — всё вянет», — замечали в народе. Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скот дохнет. Худ приплод в високосный год!

И всё же, сколько бы метелям ни лютовать, февраль рано или поздно угомонится и уляжется на боковую. Вот где ему всего теплей и уютней, а человеку радостней! Неправедное-то житьё когда-нибудь боком выпирает, но разве можно такое о феврале подумать с его неутомимостью, что предопределяет обильный рост трав и цветов, очаровывает сладкими снами, приносящими надежду, и убаюкивает метелями, выдувая мелодию скорой весенней любви?

Нет, праведно живёт последний месяц зимы. Оттого он и гладок, что хорошо поработал, поел, да и на бок. На боку февраль остаток зимы проводит, но пролежней у него от этого не бывает: лежит себе на боку, да глядит, вполглаза, на замерзшую реку. И хоть нет ничего в эту пору под зуб, особо февраль не тужит. Во всем чувствуется приближение весны, которую он сам готовит в свои оттепели, что стали совсем частыми. Февраль в них воду целебную для всего живого копит, а март её подберёт.

Человеку обычно говорят: «Боже поможет, только ты на боку поменьше лежи», но вот к февралю это не относится. Даже мороз в феврале продвигается, когда скоком, когда боком, а когда и ползком. Чего не досмотрит январь оком, то, говорят, дотянет февраль боком. Кто чем, а февраль отдувается только боками: ни спины, ни брюха у него нет: один нагретый зимой бок.

Февраль прозвали бокогреем не только за то, что большую часть времени он лежит на боку под завывание вьюги, но и потому, что один бок у него оттаивает быстрее. К концу февраля налипший снег на стволах деревьев сохраняется только на северной стороне, а с южной его сгоняет жгучее солнце… Солнечный бок охорашивается и выглядит совсем уже не по-зимнему, тогда как с севера взирает на всех хмуро, невесело.

В оттепели, когда воздух полон сонной одури и влаги, снег изрядно оседает и на крутобоких склонах логов и горок. Здесь он становится рыхл, зернист, а в редкие окошечки начинает проглядывать сырая земля. Идя на лыжах, всегда обратишь внимание на темнеющее на снегу пятно и не сразу догадаешься, что это такое, а подойдя поближе и разглядев, обрадуешься: скоро весна! И хоть не раз ещё занесут метели эту случайную проталинку, но ты про себя обязательно улыбнёшься, и непроизвольно назовешь февраль бокогреем.

То на одном, то на другом боку спит суровый февраль, а как только выдастся тихое утро, тотчас принимается будить его наша большая синица. Пинькает одна на весь двор, да так призывно и громко, что не верится, будто

она на самом деле такая маленькая. По нескольку раз за день обратишь внимание на ее неугомонную песню и поразишься: как ей не надоедает?! А синица, несмотря ни на что, знай, без устали продолжает: «Пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг-цвиг, пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг- цвиг, пинь-пинь-пинь...» Февраль же дремлет крепко, и хотя сквозь сон слышит неутомимую птичку, она ему нисколько не мешает.

Разбудить самый дремотный месяц зимы суждено лишь звонкой капели. Тут уж, кажется, не одна, а тысячи птиц призывают всех не спать и выходить встречать весну, что уже на дворе, и февралю удаётся забыться только за полночь. Но лишь до раннего утра продолжается его недолгий сон, когда тишину вдруг раскалывает брачный крик ворона: «Крун-н-дон-н, крун-н-дон-н, крун-н-дон-н»! Так он, уже с января, призывает к себе свою подругу.

И опять всё повторяется сначала: розовато-перламутровые лучи солнца, по которым мысленно можно подниматься к небу, первые звонкие капели с крыши, мутновато-хрустальные льдинки, весело поблескивающие по краям оттаивающих ручьев, а сладкое забытье февраля становится совсем коротким. Своим неукротимым упорством он, наконец-то, сшиб рог зиме, и пришло ему время уходить на покой. Но февраль об этом, должно быть, не особо печалится: вот уж когда отлежится он на боку в далёком царстве зимы и никто не потревожит его целый год!

Верба

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошёл я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнёсся ко мне, как будто замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нём с моим появлением.

Мелкий, почти не видимый снежок сеялся среди стволов, лёгкая молочная пелена заволокла небо, солнце сквозь неё пробивалось едва ощутимо и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечёток встретила меня оживлённым щебетанием, и какое-то время легко и обрадовано сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре на крутобокой сосновой гриве, между двух отложков, я согнал глухаря.

Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалёку уселся. Больше я в этот день никого в лесу не встретил, и всё время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой и не принесёт ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришёл с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал. Ничего, вроде бы, вокруг не изменилось: всё так же сеялся

невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие и безучастные.

А я шёл неспешно на лыжах, пригибаясь под склонёнными снежной тяжестью деревьями, слегка дотрагивался до них рукой и, освобождённые, они взмётывались вверх, уступая дорогу. Деревья, будто вскрикивали на мгновение от радости, но тут же забывались и опять погружались в сон. Всё вокруг было недвижимо, печально.

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение на лыжах почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее приглядываться к окружающему лесу, ещё более ценить всё, что он открывал мне в этот день, и, наконец, увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремился: у самого края поляны стояла высокая … распустившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в крепкий мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распустившиеся барашки… Их было множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях.

Задрав голову, поражённый никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное лесом, и я не сомневался, что именно для меня.

Чело

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нём ждёт открытие…

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землёй в проникновенном февральском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Но недаром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать. Ну, а уж если потревожил,

пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха, и возмущённое тобой затишье стало частью лесного быта. Стань сам зверем, растворись в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое февральское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегающие в лог, всю восторженность от скорого приближения весны в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание. Прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь.

Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но недолго ему осталось ждать. Скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, и она будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, что однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом…

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось, и ты благополучно миновал глухие места. До деревни – рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника, и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки…

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт

впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело – изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснётся…

Дух деревьев

Хоть сон и милее отца с матерью, говорили в народе, но иной раз не можешь никак уснуть, не досыпаешь ночами: заботливому человеку и сон не в сон. А вот деревья каждый год засыпают надолго, на всю зиму: кажется, забылись навечно. Какими снами убаюкивают себя они, в чём находят успокоение? Глубокими кажутся их непробудные сны, или, быть может, они очень чуткие?

Ещё в народе велось такое знание, что сон, на самом деле, не богатит, но это не может относиться к деревьям. Сон для них - что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется, и копят они в нём недостающие для жизни силы, что определяют будущий весенний рост. Сон им самим Господом на душу положен, а значит, сладок и благостен.

Именно поэтому, наверное, зимой лес живёт особенной мудрой жизнью. Словно подаёт весть неведомому и всевышнему лесному духу, что следит за каждым его вздохом. В эту пору, как никогда, видно, что состоит лес из разных деревьев, и они будто приготовились к зимней сказке.

Но зима уравнивает в себе все деревья, когда они пытаются сохранить своё лицо, и деревья неустанно и молчаливо пленяют сердце зимы, чтобы она была к ним благосклонна. Под сенью леса как будто пробуждается невидимое движение, одним, еле уловимым дыханием касаясь пришедшего туда человека, и неумолимо захватывает его с собой.

Вот и зимнее молчание деревьев исполнено множества звуков, и они ещё более таинственны, чем летом. Родившиеся в глубине зимы, звуки эти помогают человеку хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, казалось бы, наглухо захлопнутую на зимних страницах.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны - всё это слышится в глубоком молчании родного заснеженного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей - и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с зимней непогодой. Шумит величественная лесная крепь неизведанными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек - сам сын природы, что вырастила его и лес.

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается он к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые деревьями.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благость и покой. На него снисходит непередаваемое чувство

соединённости с окружившим его лесным царством: даже - какое-то умиление, западающее в самую сокровенную глубину души.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы или море. Только лес, дарованный, как божественный сад, свыше, дает ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет свое пристанище, к нему обращает пристальные взоры.

Когда деревья засыпают зимой, они кажутся совершенно безжизненными: меж ними - благотворная замкнутость и покой. Не зря и у людей завелась пословица: сонного леса не буди - счастье зимы его нашло и захватило. Но именно зиме суждено выпустить лес из своих объятий: только когда это будет?

Зелёные грезы и видения слабо отражаются в забывшихся на всю зиму деревьях, и они будто не видят и не слышат. Сонный лес, что мёртвый: ни за что не поверишь в тлеющую в нём жизнь. Ему только подавай больше снега, чтобы стало ещё уютнее и теплее, и позабыл бы он про всё, не слыша шороха перебегающих в ветвях белок, не ощущая приятного порхания неугомонных синиц.

Неспешно думают свою неведомую думу замершие деревья, и самые величественные из них - сосны. Мысли сосен затерялись в высоких кронах - никак с земли не распознать. Ели стоят нахмурившиеся, седые, будто обиделись на сковавшую их движения зиму: что-то не доделали они, видимо, в своей укромной жизни, не успели. Берёзы нелепо распростёрли ветви в морозной тишине, и, кажется, не ведают, куда их девать. Осинки же чуть слышно переговариваются меж собой, на что-то ненавязчиво ропщут.

Каждый здесь живёт своими сомнениями и неспешным чередом. Ничто не может помешать раз и навсегда устоявшемуся зимнему порядку. Только ветер врывается сюда незваным гостем, и похожие с виду деревья начинают вести себя по-разному.

Сильные деревья, достигшие зрелого возраста, как будто подбираются в себе и выглядят несгибаемыми. Те, что поменьше и не в состоянии сопротивляться настырным порывам ветра, затевают вместе с ним жалобные вскрикивания. Совсем маленькие остаются для всех неприметными, и жмутся к тем, что покрепче, прося у них защиты. Старики же изо всех сил стараются переносить невзгоды достойно: им, как никому из деревьев, приходится трудно, и они скрипят и стонут, словно кляня свою уже давно безрадостную судьбу.

Задумаешься тут о духе, сокрытом, несомненно, в каждом дереве. Бесплотный житель недоступного нам мира, он невидим, но всегда ощутим. Относя слово «дух» к человеку, мы разумеем его душу, а в ней — высшую искру Божью, ум и волю, стремление к Всевышнему Отцу. То же присуще и деревьям, ещё более, чем человек, приземлённым, но и убегающим в бесконечную небесную высь.

Есть духи злые и добрые, самые светлые из них вошли однажды в деревья. В их телах они обрели ещё большую чистоту и мудрость. И тогда через них на человека стали снисходить благодать и вдохновение, сила его души укреплялась и постигала собственную неограниченную самостоятельность, постепенно отвоевывая себе будущее милосердие и доблесть. А деревья не переставали полниться духом той самой, непревзойденной никем, божественной кротости: от неё и вырабатывается их размеренное, обогащающее всё живое дыхание.

Переводят дух деревья только с началом весеннего течения сока, и ещё, наверное, после сильного ветра, что, разбушевавшись, грозит надломить их. В суровую же зиму дух дерева так заложит снегом, что оно и не ведает, живо ли ещё? Но всегда в каждом дереве видится искра Божья. Так хочется думать.

В каких-то деревьях - дух вольный, в других - будто умеренный жар в печи, а в некоторых - худой, еле испускаемый. В молодых деревцах он весь направлен к свободе. Ещё бывают деревья, что горят духом, словно исполненные какой-то неизбывной ревности к самой жизни. Впрочем, присуще ли подобное деревьям?

Есть деревья покорные, тихие, они с каждым человеком ровно на духу исповедуются… Невозможно не заинтересоваться таким деревом, проходя мимо. Остановишься, бывало, рядом с ним, и впитываешь его робкие душевные наставления: верится почему-то, что дерево рано или поздно наберётся духовной смелости, и в полную силу заявит о себе.

Порой встречается дерево-душка - всё светящееся, радостное. Само не грустит, и другим печалиться не даёт. Остальные деревья, кажется, даже зависть берёт - какое оно приятное, да удачливое. Сами того не замечая, они тянутся к нему, привечают. А то только ещё веселей становится: чужими радостями и горем полнится, всё ему нипочем!

Нередко попадаются в лесу даже деревья-оркестры! Повсюду снега укрыли землю, с остервенением задувают вьюги, а они переговариваются меж собой на доступном только им мелодичном языке, неторопливо настраивают свои невидимые инструменты и тихонечко играют.

Эти деревья не так уж трудно разобрать в зимнем лесу. Достаточно остановиться и немного послушать: сразу различишь непрекращающуюся чудесную мелодию. Идя к ней, ты непременно набредёшь на вдохновенных музыкантов.

Некоторые деревья умудряются издавать чуть ли не духовную музыку, и выглядят от этого по-особенному торжественно. Они не напыщенны, а только необыкновенно приподняты в себе. Их духовые трубы льют над лесом неподражаемую песню, и ветер может поучиться у них волшебным нотам. Как отдыхает душа, соприкасаясь с этим звуковым потоком, что медленно наплывает, проходит сквозь тебя и уносит с собой твою неясную печаль!

А бывает, забредёшь в какую-нибудь мелкую рощицу - ни слуху, ни духу. Всё, как будто, вымерло, только неясные тени рассеянно

переговариваются меж собой. К концу зимы жизнь здесь, кажется, вовсе замирает…

У деревьев же, с нанесённым им кем-то ранением, от переживаемых неведомых мучений дух захватывает. Всё в них изнутри скукожилось, будто кто опять вот-вот топором по ним хватит. Не переводя дух, стоят такие деревья в отрешённом оцепенении: кто им, кроме их самих, поможет?!

Но хоть духовное родство и пуще плотского, человек ненадолго около них задерживается. Его всё больше притягивают высокоствольные деревья, сильные, рядом с ними ему тоже хочется подумать о чём-то высоком. Им отдаёт он своё нерастраченное внимание, принимая за духовного отца, и будто исповедуется. Кто бывает на духовной исповеди - знает, каким подходящим для этого оказывается стройный лесной бор.

Благоговейное смирение просыпается в душе русского человека при входе под своды леса: он всегда признавал его своим храмом. В высоких и сильных деревьях, как нигде в природе, видна духовная крепость. Своим ростом и красотой они будто оставляют законно составленное ими завещание на случай предстоящего ухода: заблаговременно оговаривают могучее волеизъявление, подтверждая, тем самым, великую благожелательность ко всему живому и несгибаемый дух.

Дух деревьев - и в них, и повсюду. Он очищает собой лесной воздух, что слагается из еловых, сосновых, берёзовых, и ещё многих других душевных испарений. Как сложен он и, в то же время, прост, даже – ценен. Над ним невидимо работает весь ОТЕЦ-ЛЕС, и человек не должен пренебрегать им, ибо именно от дерева переходят к нему в лесу сила, любовь и верность. Ведь его корни - это связь с родной землей, а ветви тянутся к породившей всё живое Божественной Вселенной.

Народное дерево

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, которое немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнущей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие и кроткие зайцы, и невероятно тревожащие душу синие тени, растворяющиеся в таинственной и глубокой чаще. Всё это содержала в себе именно ёлка, как никакое другое дерево располагающая к лесному уюту.

Ель такое дерево, что о нём хочется говорить и думать бесконечно. Любимое с детства благодаря не только новогодним праздникам, но и русским народным сказкам, красочным книжкам о волшебном лесе и всегда с удовольствием воображаемому нахождению в нём, с присущим только ему незабываемым хвойным ароматом, оно имеет к себе особое отношение людей. Присутствием этого любимого всеми дерева пронизано существование каждого русского человека. Ель близка сердцу всякого, кто не

мыслит себя без нашего сказочного леса, она поистине народное дерево, и, конечно, не может быть не любимо.

Ель, пожалуй, и самое обаятельное дерево на Руси. Оно, действительно, какое-то особенное, не похожее ни на кого и более всех людьми примечаемое. Словно живёт в нём лесной бог - старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверьми и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес главную его тайну тотчас узнаёт. Хочется поскорей к нему в гости отправиться, и ты ждёшь в нетерпении этой встречи, наслаждаясь рождественскими ночами еловым духом хотя бы у себя дома.

Встреча с ёлкой непременно должна состояться в жизни всякого человека. Только не в доме, ухоженном и обогретом, со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесу. В той самой сказочной чаще, что занимает с детства наше воображение, пугает его и тешит, влечёт к себе непрестанно, чарует. Именно в этой лесной чаще должно состояться свидание человека и дерева: несомненно, ему уготовано привнести в жизнь человека что-то очень важное и дорогое.

Человеку надлежит отправиться туда непременно одному. И знакомство со сказочным деревом должно произойти, конечно, не сразу, а постепенно. Как будто даже помимо воли самого человека, чтобы дерево только присутствовало рядом, постоянно излучая свой чудесный аромат, и ненавязчиво вливалось в его душу.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, представить себя каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всём на свете перед неизведанной хвойной чащей: чем чаще лес, тем крепче с ним дружба. Ни за что не передать этого ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Да только не миновать человеку в его лесных устремлениях елового прикосновения. Чутко живёт на страже лесного мира неувядающее дерево, не пропуская мимо себя человеческого внимания. Дерево будто ждёт его, а взлелеянное любознательным присутствием человека - всё раскрывается, одаривая своей дурманящей тайной.

Тронув рукой пушистые веточки, человек вдруг ощутит в себе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодарит дерево, и как будто успокоится душой. Взглянет на шероховатую кору ели - и не уколется сердцем. Потом посмотрит на тугие сучья, густую хвойную бахрому и разомлеет от ощущения, что прикоснулся к чему-то родному.

Что-то необъяснимо прекрасное воцарится в нём, и ещё - очень глубокое, без чего ему никак не обойтись. Захочется человеку разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает...

Слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься: я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость

откроется, что даже занемеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А дерево не насмехается, прямо в тебя смотрит: текут ещё дальше и глубже его еловые душистые мысли. Ни уютным это дерево не назовешь, ни укромным - разве чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, благодаря которой копится неисчислимое природное богатство. Еловые кряжи несгибаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо ни вспархивали в ветвях прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака летом, а зимнее безмолвие ни сковывало её в своих суровых объятиях. Ель остаётся всегда одной и той же, может быть, только зимой ненадолго изменяя своё настроение, когда в ней начинает проглядывать умудрённость от прожитых лет.

Размеренно шумят её заснеженные верхушки, будто и не спали в долгие безлунные ночи. Зимний ветер не прекращает заунывно выдувать в них томительную для души музыку. Не хочется оказаться в такую погоду старой елью, хоть и несгибаемой, но гнетомой.

Тогда начинает казаться, что из всех деревьев, что встречают в лесу лютую зиму, ель - самое раздосадованное. Порой она так сопротивляется настырному ветру и сердится, что вот-вот надломится в себе: кажется, не выдержать ей его остервенелого напора. Старость – не радость, а горб – не корысть.

Но большей частью ель в зимнюю пору стоит присмиревшей. Осинки с берёзками уже мелкую дрожь зубами выбивают, могучие сосны недовольно кудрявыми кронами покачивают, а она всё помалкивает. Ей, видать, не зябко и не колко в студёное время думы свои потаённые перекатывать, и ёлка ни о чём, вроде бы, не тревожится.

Сколько добрых пословиц мы знаем про ёлку! Наверное, ни одно дерево на Руси не удосужилось такого внимания со стороны народа, как ель.

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» Или так: «Как хлеба край, так и под елью рай; а хлеба ни куска, и в тереме тоска». Когда желали получить ответ, задавали вопрос: «Ель, аль сосна?» То есть, «да» или «нет», где именно «ель» значило «да».

В России издавна любили ёлку. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса – хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почести этому дереву, украшая его под Новый год, люди старались умилостивить этот дух. Ещё они видели в ели символ вечной молодости и силы, веря, что она никогда не увянет.

Замечали, что коли выпадет кому судьбой изба елова, зато сердце в ней будет здорово. Добрую, да статную хозяйку на деревне величали незамысловато и просто – красивая, как ёлка, а худую, да нескладную – колючая, как иголка. Ну, а ежели Новый год у ворот, то во всех избушках –

ёлки в игрушках! Вот и за море хаживали не только за лучшей долей, но и по еловые шишки.

И хоть еловым веником не парятся, и сколько ёлку не щипли – яблочка с неё не будет, а только – шишка, но если приведётся в лесу бедовать, то найдёшь келью и под елью. Как говорится: и на ёлку бы лез, и ног бы не ободрал! Одним словом, иди в родной край, там и под ёлкою рай.

«Вековую ель рубить нельзя – к неприятностям», - наставляли старики. Понятное дело, что уважение и почёт необходимо выражать ко всем ценным и достойным вещам, иначе – не миновать Божьего суда, и, конечно, подобное отношение можно было отнести к любому дереву, дожившему до старости, но в народе оно родилось именно к ели, как дереву самому близкому и дорогому.

Когда не ладилось какое-то дело, вспоминали не осиновые, берёзовые или липовые, а еловые палки. «Ёлки-палки!» - восклицал в народе и досадуя, и удивляясь, и восхищаясь. А иногда – в сердцах, не находя приходящего на ум крепкого словца, и выходило это не ругательно и не обидно, скорее – с лёгкой иронией. Вроде, были поначалу пушистые и пахучие ёлки, а теперь – одни палки, да иголки. Но – еловые!

По деревням за первые дрова почитались берёзовые и осиновые, их обычно принимались колоть по весне, но в поговорках не забывали упомянуть и ель с сосной, что были те же дрова, как и оладьи с блинами та же еда. Иной раз приговаривали и на такой манер: «Ельник да березник, чем не дрова, хрен да капуста, чем не еда!» Но суть от этого не менялась: без родной сердцу ели русский человек не представлял своего существования.

Какой-нибудь пустомеля, бывало, с пренебрежением обронит: «шёл еловым лесом, а дров не видал!» И верно, еловые дрова – не самые горячие, жар от них не долгий, горят они с треском, что, по заверению знатоков, нещадно крушит кирпич, но и то правда, что на печной огонь никаких дров не напасёшься! А еловое полешко к полешку – и, глядишь, дрова, когда же ни дров, ни лучины, то не жизнь, а кручина. Русский дровяной край был не только берёзовый, но и еловый!

Не зря меж людей велось ещё такое присловье: « ель не сосна – шумит неспроста». Да только отчего бытовала такая примета именно о ели? А дело в том, что ель шумит из-за ветра, что её колышет, сосны же сами, благодаря своему высокому росту, тихонько раскачиваются. Казалось бы, невелика разница, но наблюдательный русский человек никогда не оставлял без внимания окружающий его мир, и дорогое ему дерево – ель, входило в его жизнь на каждом шагу.

Часто можно слышать, что из-за лесу, мол, дерева не видать, и всякое дерево – ёлка ли, берёза с липой, либо та же ольха, погоды не делают. Но нет такого дерева, чтобы на него птица не садилась, и лист на лист на нём приходился.

Одно дерево среди бескрайних лесных просторов, конечно, капля в море, но кому малое не мало – тому и великое дастся, и как нам обойтись без

него, особенно, если это наша изумрудная красавица-ёлка?! Ёлка более, чем какое-либо другое дерево отвечало русскому духу, глубокому и трепетному отношению народа к родной природе, ко всему, что несло в себе обаятельную лесную тайну…

Из небесной влаги, земли и солнца складывается любое дерево, а ёлка - ещё и из зимнего холода. Что-то неуловимое берёт она от зимы, только ей известное.

Если другие деревья зиму переживают, то она ею полнится. Неусыпной мощью, ветрами и морозами, лютыми метелями и снегами сыпучими: в них она по пояс увязает. Впитывает ель вместе с зимою только ей известную и неугасимую веру в то, как в лихую годину не отчаяться и выстоять.

Самозабвенно любим мы это дерево; несмотря на его мощь и силу, действительно, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает по-настоящему понимать темноту ельников и их тайну! Именно там, в русском лесу, находит он нужное ему успокоение.

Только зимой солнечный свет залегает среди елей не как среди других деревьев. Ёлки как будто завлекают его к себе и, в тоже время, не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не выдавая своей необыкновенной тайны. Они хранят её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать. Особо хороша ель зимою.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отмякают под их влиянием, и всё больше расступаются.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую их гущу, и тогда из них начинает просачиваться на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого любознательного человека. А может быть, это - необъяснимый дух дерева, дарованный человеку для нескончаемого переживания счастья.

Случится мне в лесу натолкнуться на какую-нибудь очень старую ель, будто забывшуюся во времени среди молодых ёлочек и берёз, и я, внутренне робея и дивясь, подолгу смотрю на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. Разглядываю бесчисленные толстые ветви - сами, как деревья, и не могу наглядеться. Всё в этом древнем старце - мудрость и красота, покой и непостижимое величие. Вот где хочется замереть душой и слиться с неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Когда в такие забытые уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Её оживляют юркие белки, озорно перебегающие с ветки на ветку. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину волшебным пересвистом. В сокровенной глуши пугающе, так что ухает сердце, взрываются красавцы

мошники. Развалистой походкой неслышно бродят по мху могучие и недоступные медведи, нетронутыми стоят в нём богатыри боровики…

Воздух отсюда никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом, грибами, преумножая нескончаемое долголетие еловой чащи, что незаметно преображается в сказочную быль. Усталый, приляжешь отдохнуть под красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем.

Мудрая сосна

Никакие из лесных деревьев не растут так торжественно, как сосны. Тихо меж ними, покойно, и ты знаешь, что они не оставляют тебя без своего внимания, когда ты идёшь укромною тропкою меж их розовотелых стволов, наблюдают за тобой откуда-то сверху. Ты сразу чувствуешь это, когда остаёшься среди сосен один.

В такие минуты особо ощущаешь небесное пространство, в восхищении устремив взгляд к верхушкам деревьев. Неожиданная приятная прохлада вдруг обдаст лицо, и ты сразу будто приподнимешься над землёй и полетишь. Это сосны раскрыли тебе небо - они тоже глядятся в бескрайность.

Изредка, когда деревья возвращаются к себе и становятся самими собою, они нарушают лесную тишину величественным шумом. Поначалу он накатывается отдалённо, как если бы тут было море, и постепенно охватывает тебя всего. То равномерный, то резкий и порывистый, шум копится в верхушках сосен, а потом стекает по отлитым долгой жизнью стволам вниз, в землю, где несут свою нелегкую ношу их не менее величественные корни.

На редкость стройны сосны, создающие в лесу особое пространство, они воздушны и легки. Это пространство по-особенному полнится лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, замечательно мечтается. В него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности - о нём покойно и радостно думается. Всякому готовы улыбнуться сосны, пока сам не перестаёшь удивляться.

Часто можно слышать, что нет дерева выше сосны… Верно ли это?!

Конечно, высоко в лесу вырастают и липы, и дубы, да и берёза с лиственницей не уступают другим деревьям в своём устремлении к небесам. Порой они не то, что отстают от сосны, а даже перегоняют её. Но может быть народная молва, отмечая сосну, как самое высокое дерево, подразумевает нечто иное?!

Например, то, что она из всех деревьев – самая стройная? Имея, почти по всей длине, голый ствол и густую макушку, сосна вынуждена, даже в погожий безветренный день, тихонько раскачиваться в силу своего высокого роста, и это не может не привлекать внимание человека.

Оказавшись в сосновом бору, невозможно не засмотреться на колышущиеся кудрявые верхушки, что будто завораживают своей

недостижимостью и умиротворяющей красотой. И высота сосен тогда начинает восприниматься, действительно, как самая недостижимая. Убеждает в этом именно размеренное покачивание стройных корабельных стволов, не зря имеющих среди деревьев самое высокое звание. Выше себя, кажется, вырастают сосны, когда, мерно раскачиваясь, тянутся к небу.

А ещё говорят: зимой сосна кажется зеленее. И это не может вызывать сомнений, когда пушистые сосновые ветви кажутся изумрудными на фоне белотелых сугробов и белёсого неба! Зелёная хвоя сосны приобретает глубокую и таинственную густоту, присущую доброму отношению к жизни.

Зелень сосны – это не укор незрелому состоянию её души, а непревзойдённая никем из деревьев сусальная сказочная правда, хранящая в себе века постижения сосной вольного природного пространства, когда она, утверждая своим ростом мудрость, побеждает время. Так и у людей: тот, кто полностью реализовал себя – не только осознаёт свои возможности, но и постигает Бога.

«Зимой и летом – одним цветом?» - загадывают обычно о сосне, желая, наверное, огорошить слушателя, в общем-то, простым вопросом. Но какими разнообразными оказываются оттенки этого чудесного зелёного цвета, его еле уловимые сосновые настроения!

И зимой, и осенью, и весной они по-особому чутки, угадать их возможно, конечно, только в своё время года. Нужно быть неутомимым, чтобы оказаться в сосновом бору и в октябре, и в феврале, и майской порой, и погожим июльским днём. Сосна круглый год дарит что-то неповторимое и незабываемое, она распространяет вокруг задушевность, незаметно объединяя всех нас.

Иной раз заметят: сосна шумит со сна… Это значит, что она делится с окружающим её пространством своим внутренним воздухом. Сосна не может этого не делать, потому что её тело – воздушно, оно пропитано и умиротворённой тишиной, и птичьими трелями, и ароматом тонких испарений от наливающейся соком черники и хрупких молодых рыжиков. Энергия сосны проистекает не просто так: она именно созидает окружающее её пространство.

Входишь в сосновый бор – и будто окунаешься в прозрачную чистоту. Здесь не просто красиво, а чудесно. Причём, ненавязчиво, почти незаметно, но ты обязательно почувствуешь случившуюся с тобой перемену, и тихонечко обрадуешься ей. Как непередаваемо волшебно ощущать себя среди покойных величественных стволов, кажется, отлитых из розового тёплого золота. Так хорошо, что уже никогда не хочется их покидать.

В сосновом бору тихо, чуть слышно нашёптывают что-то верхушки сосен, и даже птицы здесь будто замирают, не желая, наверное, нарушить эту чуткую тишину. Её создают именно сосны.

Сосны… Идёшь по тропинке, между мощных корабельных стволов, и невозможно не глядеть вверх, туда, где они возвышаются к небу, сливаясь там с нежной голубизной. Верхушки, покачиваясь, неслышно приветствуют

тебя. Мягко пахнет осыпавшейся иглой, устилающей тропинку, созревшей брусникой, и эта благостная сосновая тишина пронизывает тебя насквозь, ты сам становишься ей.

Не сразу различишь под ногами длинные узловатые корни, их тоже покрывает бурая сосновая игла и кустики заячьей капусты. Солнечные лучики, с трудом пробившись через густые верхушки деревьев, робко касаются их нежных листиков, редкие зайчики играют на золотисто-медной шероховатой коре, и застывшие стволы от этого, кажется, оживают.

В голову вдруг ударяет сладкий запах смолы, ягод и корений: тихо и благостно вокруг, и от этой пронизанной солнечным светом чистоты приятно кружится голова. В сосновом бору иначе и быть не может, и если по народному убеждению чужая душа – дремучий бор, то сосновый бор несёт в себе только свет и радость.

А как хорошо взирать на убегающие ввысь шероховатые стволы сосен зимой! Румяное золото коры нежным светом струится над белыми снегами, никогда не истрачивается и перетекает в волшебные кроны. В их ветвях, наверное, зацепились лёгкие, чудесные мысли. Размеренно покачивают сосны своими кудрявыми головами: умудрённые бременем лет, они, конечно, несгибаемы.

Можно без конца смотреть в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. И ещё надеяться на то, что они не устают жить вечно, заглядывают, когда хотят, на звёзды, привечают у себя разную живность, напоминая этим своим мудрым существованием о чём-то неизбывном. О том, как качались они над землею сотни и тысячи лет назад, размышляли и мужали. Как близко подбиралось к ним загадочное небо и светила луна, а они не прекращали своего роста. Соснам нужно было столько увидеть, чтобы потом обо всём рассказать любознательному человеку!

От этой способности - вглядываться в прошлое, у сосен, наверное, вырастала душа, а за ней тянулось и тело, и сосны становились ещё более мудрыми и прекрасными. Сколько увлекательного из своего прошлого могли поведать они, наверное, человеку, незаметно становясь ему учителем и другом.

И человек, благодаря сосне, разбирал в жизни важные вещи, порой ошеломляющие для себя самого. Думал о судьбе в лесу не только деревьев, но и зверей с птицами, отчего-то мучился, когда искал ответы на самые дорогие вопросы. Так хотелось быть похожим на это необыкновенное дерево, тихо проповедующее чистоту и мудрость.

Сосна обыкновенная по всей заснеженной России держит на своих плечах её великое свободное пространство. И дух дерева, такой же свободный, помогает сосне в этом. Сосна без этого как будто даже иссыхает, а ей предназначено стоять с высоко поднятой головой.

Человек нашёл в этом дереве всё, что необходимо ему для жизни. А извлекая из него знания, он должен был понять: кто он сам, какие деревья шумят в его душе? Может быть, лучшие мечты человека родились именно

благодаря деревьям. Дарованные людям Богом, сосны, наверное, однажды возвестили и продолжают терпеливо проповедовать человеку о реальности более достойного существования.

Наш хвойный лес – одно из самых загадочных и красивых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие души во всём происходящем.

Сосна в этом лесном царстве, как никакое другое дерево, дарует человеку удивительный покой. Она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности – о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу не только человеку, но и глухарям, что зимуют под их пологом в лютую пору, когда все в лесу спят. На протяжении почти всего года питаются глухари сосновой хвоей.

Сбиваясь среди сосен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это – их дом. Сосновая мезга глухарю сладка: хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Нелегко отыскать глухарей в эту пору среди скрытной лесной чащи, не каждому они доступны. Притихший зимний лес как-то сразу возрождается благодаря этим удивительным птицам, обрётшим на время покой в сосновых угодьях. Приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни глухарей.

Человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без великолепных хвойных деревьев – сосны, ели и пихты. Он любит их, мечтает о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них хвойном доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой. Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать благодарным деревьям, желая им только доброй участи, когда ты веришь в себя, в своё доброе настроение и счастливую судьбу?

Ответ один: нужно самому стать настоящим, оставаясь достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих

сердцу избушек, что приютили тебя в непогоду. И даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир целиком, переживая своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле.

Я очень счастлив от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, под их любимые сосны, и переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их основную пищу составляют сосновые иголки: ведь миллионы лет назад на Земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой сосновой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно сосновая хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, и она ничем для них незаменима.

Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы вроде изысканного лакомства. Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо – сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней – вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей – эти деревья уже не воспринимаются такими сказочными.

Ещё в сосны заходят зимней порой медлительные лоси. Да им и ни к чему теперь быстрые передвижения: ждут они от сосен того же сладостного покоя и отдохновения, что и глухари. Нелегко лосям переживать зимой тягучее течение времени, и они как будто замирают в этом сосновом царстве, неспешно поедая молодые побеги. Редко доносятся до их слуха зимой настораживающие звуки: кажется, лоси в сосняке даже теряют свою чуткость.

В заснеженных кронах сосен неслышно копошатся белки, и только изредка ты замечаешь их движение: жизнь таких маленьких зверьков в эту суровую пору тебе сразу представляется необыкновенной. Но не более жизни вездесущих клестов, в отличие от других пернатых обитателей леса ожидающих зимой появления своего потомства. Несмотря на то, что они совсем маленькие, им не привыкать зиму зимовать, и тепло в их тщедушные тельца зароняет сосновое зернышко.

Зернышко это, само по себе, тоже очень интересно: имея по два воздушных мешочка, оно может свободно парить в воздухе, преодолевая необъятные лесные просторы. Как мудра сосна в своей непревзойдённой лёгкости овладения временем, как она неудержима!

Правда, иногда зимой что-то как будто переворачивается в сосне, настраиваясь на непонятный для человека лад. Может быть, она в эту пору без меры печальна из-за своей возмужавшей и нескончаемой величавости, а может быть, околдовал её мороз-воевода. Сосне словно не хочется жить, и

она наглухо замыкается, и льёт невидимые слезы. Из них потом рождаются солнечные янтарные камни – диво таинственной сосновой судьбы.

Но редко уже встретишь сейчас нетронутый сосновый бор… Правда, если долгое время ходишь в лес, не чувствуешь себя среди сказочных великанов маленьким, неприметным. Не покидает ощущение, что сосны, завидев тебя и лучше рассмотрев, будто склоняют над тобой свои гордые головы и по-дружески приветствуют.

Неспроста сосна, особенно - зимой, остаётся для человека самым живым деревом. Задрав голову так, что чуть не сваливается шапка, тебе хочется, не переставая, внимать её умудрённому покою и утешаться несказанной красотой. А дерево, ненавязчиво вкрадываясь в твои мысли с высоты своего возраста, как будто проявляет заботу о тебе, и ты понимаешь: сосна по-настоящему добра, она никому не завидует, и постоянно излучает щедрость. Что ни толкуй, а сосновый лес мудрее елового!

Лесной доктор

Среди людей, что часто бывают в лесу, бытует мнение, будто бы пихта в нём - самое тёмное дерево. Все деревья притягивают нас потому, что они сами выросли и знают себе цену. Пихта из них, пожалуй, делает это наиболее загадочно, и тайна её не даёт покоя человеку. Даже её пушистая изумрудная зелень не в силах заглушить этой таинственной темноты.

Кажется, что пихтовые деревья в своём невидимом росте до сих пор ищут себя и никак не найдут. Именно поэтому, наверное, пихта образует между собой частые сообщества, перед которыми никто не может устоять. Любое из деревьев другой породы, попади оно под крону пихты, чахнет: тень пихты для него губительна.

В пихтовом лесу - как в потёмках, хоть свечу зажигай. Недаром пихтовые леса в народе именуются чернью. Но обладая какой-то скрытой в себе тёмной силой, в остальном они довольно беззащитны.

Без тесного соприкосновения со своими близкими родственниками пихта страдает и выглядит довольно-таки сумрачным деревом. Под её пологом способны расти лишь мхи и некоторые травы. Благодаря своему крепкому сообществу пихтовые леса именуют «чернью» или «черневой тайной».

А ещё пихта не переносит прямого попадания солнечных лучей: кора её быстро подопревает и отваливается. К тому же, дерево не любит сильного мороза, отчего молодые деревца очень переживают и жмутся под покровительство более взрослых собратьев, но даже это их часто не спасает. Может быть, поэтому пихта и одевается в мохнатую изумрудную шубу.

Удивительная особенность пихты - в сочетании её быстрой гибели с вечной молодостью. Никто никогда не видел пихтовые кладбища. Происходит это, вероятно, от того, что смола у пихты содержится в коре,

тогда как в самой древесине она отсутствует, из-за чего пихта и подвержена быстрому гниению.

Как только спелое дерево заваливается, на его месте тотчас поднимается густой молодняк. Ведь пихта способна размножаться отводками, и если нижняя ветка стареющего дерева коснётся земли, она даёт начало новому дереву. Так пихта всё время обновляется в себе, и делает это невидимо, будто таясь в лесу от других деревьев.

Словом, пихта кажется деревом нелюдимым, ведущим замкнутый образ жизни, и от него становится как-то зябко. Особенно в сумерках, когда другие деревья ещё излучают еле приметный свет. Зимой это бывает хорошо заметно, и хочется поскорее миновать неуютный пихтовник.

В пихтовом лесу неизменно присутствуют мрачное спокойствие и тишина, и первое, на что в эту пору обращаешь внимание среди замерших деревьев, это – строгость. Но не суровая, а вынужденная, кажется, даже осознанная, подобная монашескому образу жизни.

Сомкнувшись, будто постоянно находясь настороже, пихты не дают проникнуть в свою обитель какому-нибудь случайному деревцу. Нелегко прижиться ему здесь и подняться среди них к свету.

Стремясь к одиночеству, пихта старается повсеместно распространять своё настырное полчище. Даже у дерева, оказавшегося на освещённом месте, нижние лапы вырастают весьма длинными, и пихтовая ветка способна укорениться и дать начало новым побегам. Так, наподобие стланика, пихты расползаются в стороны от материнского дерева, утверждая непоколебимое ничем пихтовое царство.

У пихты есть ещё один секрет, благодаря чему она невероятно устойчива. Основной корень пихты уходит глубоко в землю, в этом – её преимущество перед елью. Корни ели располагаются преимущественно в верхнем слое почвы, её стержневой корень развивается примерно до пятнадцати года, а потом отмирает.

В итоге сильные ветра способны повалить целиком даже очень мощную ель, выдрав её с корнями из земли. Кто из нас не натыкался в лесу на такие вывороченные деревья, что поначалу пугали, напоминая поднявшегося на дыбы разъярённого медведя. У пихты же стержневой корень остаётся главным всю жизнь, и она более цепко держится за почву.

Одиноко стоит пихтовый лес в своем мрачном обличье, но, почувствовав его строгость, ощутишь и мягкость. Её рождают пушистость веток и гладкая кора с нежными вздутиями пузырьков, наполненными смолой. Дотронувшись рукой до ствола, затаившегося в себе дерева, ощутишь такой желвачок и осторожно надавишь на него пальцем: из-под мягкой коры выступит янтарный и чистый смоляной сгусток.

Тотчас пахнёт на тебя незабываемый аромат, и вспомнишь детство, когда играл с этой смолою часами, самозабвенно запуская вдоль берега реки маленькие кораблики-палочки, намазанные ею с одного края. Как быстро бежали они по воде, отталкиваясь от её поверхности чудодейственным

пихтовым бальзамом, и оставляли за собой переливающийся лазурный свет. Чей-то кораблик обязательно приходил первым, и если он был твой - ты боготворил дерево, подарившее тебе победу. Чаще всего это была именно пихта, а не сосна или ель.

Ты даже чувствовал, как пихта радуется за тебя, делая это молчаливо, неброско. Она словно мягко улыбалась про себя, и готова была потрогать твои лицо и руки своими пушистыми ветвями. Ты чувствовал это и был благодарен ей. Пихта благосклонно принимала твоё маленькое торжество.

Вспоминая с детства полюбившееся тебе дерево, ты уже обращался к нему с другим лицом - уверенным и посветлевшим. Пихта же только приоткрывала свою маленькую тайну, и стояла такая же строгая, величавая. Может быть, чуточку смущаясь от твоего доброго расположения к ней, но, несомненно, оказывая тебе своё внимание.

Впрочем, нельзя сказать, что пихта дарит покой и задушевность, или что-то созидает... Скорее, она таит в себе лесную сокровенность, а значит, и необходимое для леса знание, достойное уже человеческого внимания.

И это внимание невозможно не проявить, когда приходится заночевать в лесу. Хорошо и приятно наломать пушистых веток пихты, предварительно помяв их, отчего постель становится ещё более уютной. В морозную апрельскую ночь, у костра, пихта по-матерински, заботливо, тебя согревает.

Даже медведь, залегая по осени в берлогу, норовит устелить её пахучими пихтовыми мутовками. По этим «загрызам» на верхушках небольших пихточек легко можно определить место, где расположился на зиму косолапый. Мало того, хвоей и пихтовыми шишками он ещё наполняет желудок, желая сохранить до весны своё здоровый лесной дух.

Остановившись на ночлег в лесной избушке, прежде растопишь печь, а уж потом обязательно приготовишь веник из мохнатых пихтовых веток, выметешь пол и бросишь его у входа, тщательно растерев ногами. Фитонциды, содержащиеся в пихте, обеззараживают воздух помещения, наполняя его ароматным лесным духом. Мягкость и пряный дух – неотъемлемые свойства чудесного дерева, что великодушно послал нам Господь, а что Бог послал – то и мягонько.

А как хороши пихтовые веники, запаренные в бане! Дух от них смягчает самые негодные настроения, наполняя тело удивительным умиротворением. Кроткой становится и душа, что только успевает вдыхать и крепкую волю, и головокружительную радость. Захватывает пихтовый аромат так, что не успеваешь от этой радости дух перевести, и всё тебе начинает казаться достижимым и верным. Баня с пихтовым веником – заветное дело: свищи душа через нос!

Зимою пихтовый лес - словно мир древних сказаний. Чутко хранится здесь тайна, так что никто не может и не смеет к ней прикоснуться. На того, кто дерзнёт покуситься на эту тайну, из пихтовника, кажется, пахнёт бедою. Будто злыми чарами околдован пихтовый лес.

Даже в солнечный морозный день, бывало, забредёшь в пихты – и тронет сердце неведомым холодком. Изумрудная на солнце хвоя здесь вдруг приобретает чёрный цвет. Завораживает его темнота, что, кажется, может быть темнее ночи. На душе становится зябко, будто тебя коснулась чёрная зависть.

Глубина сумрачного пихтарника тотчас порождает в душе неприкаянность, убежать от которой, кажется, нет сил, и ты стараешься поскорее выйти из этой тёмной прохлады, что распространяют сгрудившиеся вокруг тебя пихты. Безотчётно убыстряешь ход лыж, но чернь сгущается, и весь этот пихтовый мрак начинаешь относить к какой-то нечистой силе, что породили именно пихты, из-за чего их часто считают никчёмными.

Но пихтовый лес скрывает в себе много чудес. Пихтовые лапки мы сосали в детстве, как конфетки, они содержат не только необходимые витамины, но приятный вкус и запах. Пихтовый бальзам надёжно заживляет глубокие раны, волшебные ванны из него исцеляют безнадежных больных, а смола служит для остановки кровотечений.

Кто-то ещё смешивал её с желчью кабана или медведя и пил полученную смесь при заболеваниях желудка. «Из пихтовой черни вышел да обчистился», - говорили в народе, имея в виду целебный воздух пихтовника. За это, наверное, пихту и прозвали меж людей «лесным доктором».

Общепризнанным новогодним деревом на Руси считается ёлка, но многие предпочитают встречать праздник зимы с пихтой. Ёлка колючая, смолистая, а у пихты хвоя мягкая и не выделяет этой надоедливой липкости. Пихтовая смола более терпкая и быстро схватывается. Ещё ель быстрее пихты сохнет и осыпается. К тому же, пихта - дерево более ароматное.

На пихте также растут необыкновенные шишки. Эти шишки не похожи ни на другие, в первую очередь, тем, что стоят на ветках вертикально вверх. Имея непривычный для шишек красновато-фиолетовый цвет, они напоминают диковинные свечки, появившиеся к какому-то неведомому лесному празднику. Не хочется срывать их, а хочется только любоваться ими и недоумевать.

Но как из такой шишки вылетают семена? Ведь не вверх они взлетают!

У ели шишки свисают вниз, и когда приходит пора им раскрыться, и солнце растворяет чешуйки, семена устремляются к земле. Пихта же ведёт себя иначе: осенью чешуйки сами отваливаются от стерженька шишки, тем самым освобождая семена, и оголённые шишки торчат всю зиму, как бравые солдатики, выявляя тем несгибаемость пихты.

Описать это дерево нелегко, и это описание, конечно, будет неполным, если не упомянуть, что ближе к зиме хвоя пихты начинает отливать приятной голубизной. Это дерево показывает свое очередное чудо.

А дело в том, что наступлением холодов хвоинки пихты поворачиваются вокруг своей оси, обращаясь к зиме своим голубоватым цветом. Так, наверное, пихта получает больше тепла – солнечного света, которого ей с наступлением холодов сильно не достаёт, а человека дерево

радует к зиме необычным кафтаном. Видно, пихта хочет умилостивить величественную хозяйку, чтобы та позволила ей легко перезимовать суровую пору.

Зима благодушно относится к этому таинственному дереву, и как будто не замечает. Она наглухо заваливает его пушистыми сугробами, и густые ветви пихты сгибаются под их тяжестью, образуя никому невидимый шатер. Только маленькие птицы находят в нём укрытие, да, может быть, заплутавший по лесу зайчик приютится там в непогодицу.

Безропотно и тихо стоит пихта всю зиму, своим строгим видом проповедуя терпение. Стремление стоять, не изнемогая, её судьба, и пихта являет тем силу и величие здорового лесного духа. А ещё – кротость и смирение. Так века и живёт.

Сны леса

Зима... Уснуло все вокруг... Повсюду ночь, застывшее молчание снегов и пронизанный морозным духом воздух: сквозь него человек пристально вглядывается в безмолвную бесконечность заснеженного мира.

Спокойно наблюдая, как протекает рядом божественное мироздание, ты понимаешь, что другого сна душа не просит: только далёкая Полярная звезда хранит сейчас твой мир. Сердце исподволь вздыхает в снежном крошеве зимы и тотчас замирает. Неслышны ни шорохи, ни стуки, ни вскрикивания птиц: что может быть прекраснее этой отрешённо-завораживающей зимней нескончаемости?!

Все спят, рассвет ещё не скоро, и потому можно целыми часами недвижно сидеть у окна, устремив взгляд в белеющую зимнюю даль. О чём твои думы, к чему эта тайная зимняя грусть, и что ожидает растревоженную за год душу в безвестном будущем? На всё есть воля Господня и благословение зимы, что дана человеку, наверное, для того, чтобы он отдыхал от своих праведных трудов и лечил душевные раны.

А из окна видна закованная в лёд река — совсем недавно была она многоводной. За той рекой синеют дальние леса... По краю небосклона высятся они отрешённо, облачённые в белоснежные одежды. Тихо и умиротворенно всё вокруг, и человек постепенно проникается мыслью, что жизнь всё же не умерла, она только на время заснула.

Иной раз зимний день приносит пустоту, тишину и скуку. Нет ничего в душе, и всё окружающее уходит куда-то далеко-далеко, о чём даже не хочется думать. И смысла уже не остаётся от этой зимней успокоенности, а мыслям не за что зацепиться. Будто спряталось всё, и только тихое ожидание неизвестно чего замерло в неведомом отупении.

Зима неслышно говорит с тобой холодным языком, и ты не в силах охватить её затаенной мощи. Она навевает сон, противоборствовать которому не хватает сил.

Сон, данный всему живому, дотрагивается и до твоей души, умиротворяя её несказанным покоем и светом, чтобы родилась она по весне здоровой и молодой, и трудилась, и пела, и не знала усталости. И ещё не скорбела, а сказки по-прежнему дарили радость и не умирали. Так часто они оказываются никому не нужными и пустыми.

Сон зимой всегда в руку, он не забывается и определяет собой будущие поступки. Зимний сон никогда не губителен, всякий любящий жизнь хорошо это знает. Именно зимой постигаешь, как наскучило старое, которое должно умереть, и как необходимо новое, способное ещё более приблизить к тому, что никогда не надоедает. Сон дарит тебе его ощущение.

Когда приходит темнота и умирает день, становится так хорошо. Огоньки в печке прыгают, перебегают с полена на полено, словно играют. Всё это необыкновенно завораживает и усыпляет.

Заснеженные поля лежат в ночной тиши, над ними, будто на невидимых ниточках, повисли звёзды, и вокруг черною стеною стоят леса. Звёзды сверкают в неясной вышине, и кажется, что, влезши на сосну, вмиг одну из них достанешь. В заснеженных верхушках сосен полыхают радужные искры, с высоты деревьев открываются бездонные дали, в которых слышится шорох неспешно ускользающего времени.

Ясной морозной ночью в тебе вдруг всплывает необычайная цельность от происходящего с тобой. Крупные звёзды в это время не перестают сиять над избушкой, горят всё ярче. Отчётливые тени елей кажутся выточенными на снегу. Тёмные фигуры зверей изредка перебегают в разных местах уснувшую дорогу и приятно тревожат своим неясным присутствием.

Всё это восторженно будоражит душу, и уносит в неведомую глубину сладких зимних снов. Вобрав в себя нераздельно всю жизнь леса, сны оживляют его в тебе, и отпускают к весне ничего небоящимся, помолодевшим.

Так и ты, проснувшись однажды под утро в затерявшемся среди лесов зимовище, почувствуешь себя отдохнувшим и чистым. С лёгким настроением, не спеша, растапливаешь не успевшую остыть печь и, впитывая её разгорающееся тепло, улыбаешься чему-то. Душа твоя до краёв наполнена великой тайной зимы.

Но один ли человек подвержен сладостной зимней печали? В заснеженном омшанике, средь дивных сновидений, наверное, переживают неудовлетворенность от вынужденного бездействия таинственные пчелы. А вместе с ними - дома, река, лес и покосившиеся задворки, заиндевело притаившиеся, полусонные, глухие. Вся земля в снегу, в благостном сне, в холодной необъятности которого, кажется, не уместиться даже обыкновенным и радостным устремлениям.

Зимний воздух недвижим, и сердце замирает в задумчивой истоме. Объятый грузом всего, что пережито за год, забываешь про стремление к высокому душевному полёту. Твоя судьба зимой - лишь теплящийся свет

далёкой звезды в заиндевевшем окошке, безмолвные снега, утопающие в туманной ночи, и ещё сны...

Уснули и сосны с пихтами, и ели. Затаились под снегом ручьи и тропы, старое зимовьё. Только волки неслышно бродят в белом мраке зимы, а в выстуженных небесах застревает крик одинокого ворона. Повсюду лишь тьма зимы, и снег, и волчий вой.

Для каждого живого существа в эту пору наступает чуткое забвение, и все оказываются объятыми проникновенной зимней тишиной. В лесах, в застылом помрачении, беспристрастно копит будущую жизнь зверьё. А птицы, одеревенелыми силуэтами взлетая и так же бесчувственно ниспадая с небес, безмолвно усаживаются на заснеженные верхушки деревьев и, будто забываясь, замирают, наверное, слагая в хрупких снах свою весну.

Представив себя птицей, вмиг оборачиваешься ею в своих скованных холодом мечтах, и медленно взлетаешь над синими лесами, в нескончаемый зимний простор. Легко парить в безмятежном зимнем сне, призванном к умиротворению. А что видят во снах дикие звери, утопая в них, как в мягкой снежной перине?

По всей земле завывает безудержная метель. Наносит снежную толщу над берлогой, где позабыл себя медведь. Барсук тоже не внемлет этому подступившему для всех отрешённому отдохновению, и видится оно ему в норе. Растут над ней пуховые сугробы, день ото дня матереют.

Неслышен мир живых, всё, кажется, забылось. Лишь белый снег летит с ночных небес, косит над спящими телами, душами и замершей землёй. Всех повязал белёсый снегопад, и каждый предоставлен теперь зиме, её холодной тьме и собственным чутким снам...

Медведь

Издревле перебывает зиму в берлоге медведь, лесной владыка. Живёт, не ведая, что был когда-то, по людскому убеждению, человеком, а обращён в медведя за тяжкие провинности пред Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь, будто бы, иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их есть, а уводит их к себе, и живёт с ними. Во снах своих зверь всё это, должно быть, переживает.

Всё во снах свершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остаётся благосклонна. Видится, наверное, медведю, что он в услужении у Анастасьи Петровны находится, на лапах её любимых дитяток качает. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит её медвежат, и ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

А может, представляется медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревням водят и потешаются над этим. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги

берёт, а медведю ничего не перепадает. Досадно от этого Михайло Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая выпала.

Или ещё приснится, как ему от пчёл достаётся. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом бежать; даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях.

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт - не парит, переломит - не тужит. Сочная рябина от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый пригорок, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство своё неизменное - муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес приноравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать, кисленьким закусывая. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге и сосёт, что на неё во снах муравьев с мёдом намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытости и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую - на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силён медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. Потому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со

своими запасами, суровую зиму. Легче медведю перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь зиму в берлоге, не умываясь, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося в сердце желания, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. С осени замечают они медвежьи тропы, что протаптывает медведь в поисках убежища на зиму.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь косматый и чёрен, и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

Трудно обнаружить берлогу зимой, но неравнодушному к лесу человеку, хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведает он этой встречи, неспешно бредёт по краешку какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вяжущий воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. Притягивает то ли его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть того, что произошло: только отверстие в снегу, обильно затянутое куржавиной, неотрывно приковывает всё твоё внимание. С подступающей в груди дурнотой вдруг понимаешь: это - чело. Здесь, в каких-нибудь пяти-шести шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь - лешему родной брат, верили в народе, вместе они по лесам до зимы скитаются. С весны по осень часто можно со зверем встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Чуток должен быть человек к Всевышнему волеизъявлению, что проявляется и в зимних снах.

Барсук

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество боковых проходов с оставленными в них земляными перемычками, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и неспешен распорядок барсучьей жизни в своём замечательном лесном истечении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь где-нибудь в январе, над его засыпанной снегом норой… Стоишь, замерев, и ощущаешь под ногами неприхотливый звериный уют. На душе отчего-то становится хорошо и покойно.

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится потом вдруг, каким зверь был неутомимым и работящим всё лето, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь, в которой он, наверное, ничего не забывает. Лёгкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы то, что он видел когда-то, и так оно незамысловатыми картинками и витает в замысловатых проходах норы, ублажая барсука своим присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата мило переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное порхание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к которой он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных кореньев.

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных и мирных. Сама размеренность барсучьей жизни и её оседлость предполагают их.

Барсук - это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешённость от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он - маленький упрямый хозяйчик, между тем обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, которые он тщательно и без устали прокапывает всё свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные перемычки, которые с внешней стороны не сможет осилить ни один его враг, но сам он преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в

своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно тонкой и, весьма, подвижной шеей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нём существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность. За зиму он хорошо отдохнул, выспался, и тяжелые видения не обременяют его движений.

Ещё несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни: более безупречного в этом отношении зверя трудно найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу особой симпатии, зверь, между тем, никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своём замкнутом образе жизни, и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы отпечатки голых ступней на снегу и удивишься: что за зверь отыскался в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твое одолевали волки, зайцы и лисы. Только им ты отдавал предпочтение, и ещё - неуловимым рысям, и скрытным глухарям.

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след у барсука, но мал, к тому же, отпечаток задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребенка, оттого при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать. А уж если найдёт, то и съест, потому как барсук - зверь всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не лежится: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредёт. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето ещё не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придётся много работать, и последний сон ублажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чистоплотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода, и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

В самые первые дни, после зимнего сна, барсук не уходит далеко от норы, и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешённости, и пройдёт еще немало времени, прежде чем мех зверя опять начнет приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и на целое лето он забудет про зиму. Собственно, она для него и так не показалась бесконечной - зверь проживал её незаметно во снах. В них тоже было лето, и барсука, наверное, иногда одолевало недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевал её во снах, и был им за это очень признателен.

Ему, должно быть, нравилось почти целый год чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывался о том, как нужна ему зима. Зима убаюкивала душу зверя, а барсук послушно отдавал себя на её волю, зная: рано или поздно сладкие оковы зимнего сна спадут, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу!

Белка

Удобно обернувшись пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём гайно белка. Так и хочется запустить руку к ней в гнездо и ощутить это укромное тепло. Но не дано этого человеку: ему остаётся лишь недоумевать и восхищаться жизненным обустройством зверя, домысливая его зимний уют.

Видит белка свои дымчато-голубоватые, зеленые и рыжие сны, с дерева на дерево в них летает, и нет ей ни до кого дела. Такому красивому пушистому зверьку незачем кому-либо завидовать. Одним своим появлением она оживляет безмолвие угрюмых диких лесов.

Не зря белка упоминается в старинных русских сказках, где она распевает свои незамысловатые весёлые песенки, а сама, знай, грызёт орешки: скорлупа у них из чистого золота, ядрышки же - «чистый изумруд»! Стремительно скачет белка с ветки на ветку, ловко карабкается по стволам, а замрёт - не отыщешь! Хвост у неё вместо руля, передние зубы-резцы никогда не снашиваются. Сильные задние лапы подбрасывают белку с дерева на дерево - только держись!

Несправедливо, должно быть, связывали в народе появление белки на деревне с чем-то худым. Старики примечали, что если белки скачут по макушкам, жди великого морового поветрия, либо какой другой напасти.

Про неё и загадки сложили: «Вертлява, а не бес!», «Не мышь, не птица - в лесу резвится!», или ещё такая поговорка: «Белку ловить — ножки отбить».

Но не может белочка совладать сама с собою, да и не хочет. Угодно ей предаваться ловким забавам, быть неудержимою, лёгкою и вольною. Особенно оживлённо белка ведёт себя перед тем, как залечь основательно на зиму. Суетится, не переставая, в мохнатом пологе леса, будущие сны свои слагая.

Поспевает белка заготовить больше грибов и орешков, чтобы слаще ей спалось в холодную зиму. Мех у неё, как и у многих других животных, становится пушистым, густым для лучшего предохранения от зимней стужи. К тому же, он бусеет, постепенно меняя бурый цвет на тёмно-дымчатый, с синеватым отливом.

Ведает белка, что, значит, в морозную пору без корма остаться, трудится без устали всю прогорклую от ароматов осень. Запахи её потом тоже будут зверьку сниться, ублажая его лесной покой.

Когда белке не хватает пищи, сны её становятся сумбурны и коротки. С неохотой поднимается она со своего убежища и находит еду в ёлках, отъедая у них мягкие цветочные почки - «еловые шейки». Ещё белка выкапывает из-под снега шишки, сожалея, должно быть, о беспечном летнем существовании. Иногда голодные зверьки даже обгладывают сброшенные лосиные рога: где уж тут до безмятежных сновидений!

Забудется белка на денёк-другой, вспоминая сквозь тревожный сон, куда ещё припрятала осенью запасы. Много их у неё по лесу разбросано - под корой деревьев, в пнях и поваленных колодах. Разве всё в глубоких снегах отыщешь!

Гулко стучит в груди маленькое сердечко, с трудом перемогая случившееся в зиму отсутствие корма. Необыкновенно подвижное и весёлое животное как будто затихает в себе, и вот тогда ему начинает мерещиться что-то стремительное и большое.

Как случилась однажды у всех белок беда, и пошли они в дальние земли за лучшей жизнью. Нескончаемое пушистое полчище двигалось упорно и день, и два, не останавливаясь, стирая в кровь лапки. Преодолевая на своем пути бескрайние поля, деревни и реки, белки все вместе представляли собой какое-то огромное отчаяние. Горе, охватившее животных, казалось непомерным, и им никак нельзя было помочь.

Или всплывала из глубины осеннего леса великая непогода. Сорвавшийся с небес ветер ломал древние деревья, вырывал их с корнем и метался в диком исступлении. Бесконечные потоки холодной влаги низвергались сверху, и от всего этого белке становилось жутко.

Маленькое гнездышко, служившее ей укрытием, казалось ненадёжным, белке хотелось выскочить из него и бежать, но она не знала куда. Покачиваясь на дереве в такт ураганным порывам, белка в оцепенении замирала. Зимой, во сне, страх этот возникал каким-то омертвелым воспоминанием.

Иногда белке виделись вкусные маслянистые орешки кедра, когда-то в изобилии ею поедаемые. Их в тот год было много, и белка жила припеваючи. Орешки всегда были сочные и сытные, и никогда ей не надоедали.

Ещё белочка часто летала во снах с дерева на дерево, выбирая самые высокие и мохнатые верхушки. Заходящее летнее солнце большим красным кругом приближалось к ней, и было очень приятно переноситься в этом затихающем мягком воздухе, на секунды в нём повисая. Белка будто купалась в солнечных лучах, и они овевали её шкурку ласковым теплом. Лето во снах появлялось чаще всего, его хотелось пить жадными маленькими глотками, оставаясь независимой и кроткой.

Нравилось белке видеть себя во сне чутким, умным и уживчивым зверьком. Лёгким и весёлым со своими собратьями, непугливым и, в то же время, осторожным. Без особых претензий на свою лесную жизнь, белке хотелось уютнее и более надёжно её обставить. Сладкий зимний сон как-то радостно возвеличивал её, и белка, наверное, мечтала вовсе не просыпаться.

Хорошо было лежать всю бесконечную зиму, свернувшись клубочком в сухом и тёплом дупле, испытывая гордость за свой домашний уют. В нём она когда-то произвела на свет своих милых детёнышей, и они тоже виделись ей во сне. Снилось белке, как она славно играет с ними, учит чему-либо важному и нужному. И ещё - как предостерегает от грозящей опасности и изо всех сил заботится, чтобы они прожили своё детство безоблачно. Зима воскрешала в сердце белки забытую любовь, и ей опять хотелось ухаживать за своим выводком, оберегая его для будущей лесной жизни.

Не только наяву, но и во сне приходится остерегаться белке своего злейшего врага - куницы. Этот ловкий хищник лазает по деревьям почти так же хорошо, как и белка, он преследует её успешно на земле, и даже залезает в дупла деревьев. Только отчаянными прыжками с высоты на землю может спасти свою шкуру зверек, но горе ему, если куница застанет его спящим. Оглашая зимнюю тишину пугливым цоканьем, белка отдаётся в лапы неутомимого преследователя, и такие тревожные воспоминания будят её порой собственным сонным вскрикиванием.

А то вдруг приснится ей сама зима... Спит зверёк и видит вокруг такое же сонное царство, так что не разобрать, настоящая это зима или только её отражение. Занимаемая этой загадкой, решается белка покинуть свое гайно, чтобы отыскать припрятанную с осени шишку, а заодно удостовериться: в самом ли деле это ещё сон?

Пробежав же по сыпучему снегу и обжегшись морозом, она с удовольствием забирается опять в укрытие и, устроившись удобнее, замирает до первой оттепели. Смотрит белка свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже нисколько её не пугает.

Ёж

В куче листвы и мха, свернувшись, как и белка, в клубочек, неподвижно коротает зиму ёж. Он ничего не чувствует, пока находится в спячке, и не просыпается, если его потревожить. Замерев под покровом зимы тугим колючим мячом, ёж излучает меньше тепла, и спит очень крепко.

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстает, по большей части, добродушным зверьком. Ёж в них всегда очень смелый, никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обострённым чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без основания считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно, поймёт, о чём идет речь.

Выбрав место для норки где-нибудь под корнями старой ели, ёж заботливо утепляет её осеннею листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспамятство зимней ночи, и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим безмятежным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года своё неподражаемое появление.

Порой ёж залегает уж совсем открыто, так что его без труда можно обнаружить в лесу осенью или весной, когда он ещё окончательно не заснул или не проснулся. Из-под какой-либо древесной расщелины заметишь вдруг смешно выставляющийся круглый зад ежа, и тотчас захочется потрогать его, несмотря на острые иголки. Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкнет и зароется головой ещё глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что ёж очень ловко использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несёт их в свою нору, и ест там всю зиму. Трудно представить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ёжик спасается иглами от бесчисленных врагов, бесспорно.

Несмотря на видимую медлительность, зверёк этот очень шустрый. При подступившей опасности ёж быстро бегает, а значит, так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ёжик делает всё так, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сны его, если они вообще его посещают, должны быть самыми обыкновенными.

Про то, как он однажды боролся со змеёй, и ничуть не дрогнул. Ёж, наверное, вовсе не боялся её и был просто непримирим. Змея могла быть его

едой, и ёжик не желал отступать. Он сражался с присущей ему отвагой и несгибаемостью и, конечно, победил.

Воспоминания об этом зимой были никакими, как что-то само собой разумеющееся. Может быть, именно из-за такой его отрешённости многие всегда считали ежа забавным чудаком, вызывающим, между тем, полное сочувствие и широкое покровительство людей.

Все запоминающиеся потрясения ежа были связаны с его недругами, и потому зверёк мог видеть во снах рыжего лиса, повадившегося одно время к нему. Очень неприятным для ежа оставалось ощущение воды, в которую его сбросил хитрый зверь лапой. Ёжик, должно быть, фыркал оттого во сне и готов был проснуться, чтобы проучить обидчика. Ему тогда пришлось нелегко, и он чудом избежал расправы.

Ещё ежу снились ночные шорохи, когда он выходил на охоту. Спавшие листья и трава тогда будто оживали, и ёжик неустрашимо прокладывал себе в них дорогу, время от времени останавливаясь и принюхиваясь. Мелкие шажки его тоже отзывались в ночи, а цепляющиеся за ветки иголки замечательно позвякивали. Звуки ночного леса с чьими-то завываниями и вскрикиваниями часто посещали память ежа в глубокую зиму, когда всё вокруг было объято белой тишиной.

Несметное количество сверчащих кузнечиков, лениво ворочающихся навозных жуков и сочных дождевых червей обрушивалось на воображение ежа во сне. Слизни, лесные мыши и даже птенцы не укладывались у него в голове: так их было много. Со всеми ними ёж ловко расправлялся, даже не успевая восхищаться собственным искусством. А может быть, сны его были беззаботны, и все эти насекомые не вызывали у ежа какого-либо восторга. В своих видениях он поедал их ровно столько, чтобы удовлетворить посреди зимы чувство голода.

Так, в мирном забвении, перебивается ёжик в своих снах, и замкнутость эта, по-видимому, ему по душе. Оттого и одиночество зимних снов его не пугает, ёж забывается в них, к своей незатейливой радости, и ничего другого не желает.

Пчёлы

Интересно зимуют пчёлы... Одинокая пчела погибла бы, а вместе они выносят очень большие холода. Сбившись плотно в клубок, пчёлы в течение зимы находятся в непрестанном движении - этим и спасаются.

Трудолюбие пчелы не знает границ. Вынужденная длительное время зимовать, она и тогда, наверное, представляет, как наполняет мёдом свои соты. Пчела и для себя мёд на зиму скапливает, и людям его отдаёт. Богу, говорят в народе, она тоже в угоду: из выделанного ею воска свечи церковные готовят. Так что без пчелы и поп обедни не служит.

Деток, что уродила, водит, людей питает, Богу дары приносит, а между тем она ни девка, ни вдова, ни мужняя жена. И хоть пчела, что даже Богу

угождает, ни на кого не похожа, она особой святостью не отличается. Правда, как мотылёк, не щеголяет, да и белоручкой её не назовешь: трудится без устали, к зиме суровой себя обустраивает.

Пчёлы, конечно, между собою дружны, но нелегко им зимой приходится. Зато имеют они своих покровителей, которыми на Руси считались святые Зосима и Савватий. Иконы этих святых на пасеках обычно ставили, служили им молебны, веря в заступничество их за пчёл: что у пчелы в сотах, то Зосима с Савватием дали.

Без занесённого снегом омшаника не так сказочно представлять себе русскую зиму. Длинный и таинственный сруб, замерший где-нибудь в глухом сосновом или еловом лесу, на заснеженной пасеке, необыкновенно притягивает таящейся в себе таинственной жизнью. Сидя подле печки, ввечеру, захочется вдруг причаститься к этому невидимому пчелиному копошению.

Выйдя из избы, взглянешь сразу в морозное небо и обомлеешь: всё оно усеяно посверкивающими звёздами, которые, словно золотистые пчёлки, весело роятся в вышине, к себе лететь зовут. Сладостно, как мёд, это их золотое кружение, незабываем яркий блеск.

Гулко позвякивая старым холодным замком, с лёгким скрипом отворишь широкую дверь, и на мгновение замрёшь у порога. Фонарь в вытянутой руке осветит какую-то особенную тишину и благость, а уж потом увидишь молчаливые ряды ульев. В узких проходах между ними будто залегло неясное движение...

Осторожно ступая, остановишься у какого-нибудь улья на выбор и, приставив резиновую трубочку к летку, с затаенным сердцем прислушаешься к тому, что происходит внутри. Поначалу даже ничего не поймёшь, но, успокоившись, приятно обнаружишь чуть ощутимый гул. Обрадуешься тут неизвестно чему, опять не на шутку разволнуешься и начнешь подходить к каждому улью. Везде пчёлы ведут себя по-разному.

По одному старинному поверью, так они празднуют в Рождественскую ночь рождение нашего Христа Спасителя. Или происходит это под Новый год, когда пчёлы отмечают его приход особенно громким жужжанием. Пчеловоды с суеверным старанием ходят подслушивать пчёл, моля Всевышнего о том, чтобы позаботился об их добром здравии.

Необычно и удивительно покажется тебе среди зимы это проявление жизни, и почувствуешь ты к ней огромную признательность, что, несмотря на силу свою и суровость, хранит зима такое тонкое тепло, от самой себя оберегает. Особой милостью своей препоручает зима пчёлам никогда не болеть и быть на мёд богатыми.

Пчёлы в своих неровных снах её еле слышно за это благодарят. Нелегко им, должно быть, сдерживать трудолюбивые порывы, жаждут они, чтобы поскорее лето наступило. Видится оно пчёлам жарким и разомлевшим, с буйством цветов и красок. Как полетят они над благоухающей землёй, и

будут пить с неё волшебный нектар. Станут пчёлы опять озабоченными и неутомимыми, какими могут быть только они.

Впитывая с цветов краски неба, рек и облаков, пчёлы понесут в себе для человека дивный природный дар. Они не станут на человека злиться, даже если он порой окажется до мёда жадным. Пчёлы всё ему простят, тем более, во снах, на худой конец, лишь изжалив на благо руки...

Захватит пчёл во сне чудесный майский ветерок, овеет после долгой зимы своей чистотой их тонкие крылышки, нежно обласкает...

Дивные первоцветы наполнят до краёв истосковавшееся по ним пчелиное восприятие, и пчёлы воздадут тем дань Богу. Будет Господь их от всякой напасти оберегать, так что даже Илья-пророк не сможет ударить громом-молнией в пчелиный улей.

Благочестивыми окажутся пчелиные сны, полные восторженной радости и света. Будут пчёлы в них пить весь аромат солнца, щедро взлелеявшего плоть земли. Утопая в волнах липового и малинового духа, они так одуреют от этого сладостного бремени, что вознесутся, даже для пчёл, высоко и беззаботно.

Слившись с бесподобным солнечным светом, пчёлы никогда не умрут, бесконечно сменяя друг друга. Их золотистое движение, по которому человек определяет незабываемую макушку лета, вовек не истает. Что за восторг переживают пчелы при жизни, знают лишь они, с таким же восхищением вспоминая о нём в зиму.

Но не теряют пчёлы головы, обеспечивая людям обильный медосбор. Густой пряностью пахнет от них лето, течёт несравненное медовое богатство. Пчёлы - его настоящие хозяева и покровители.

Забытые всеми зимой, пчёлы терпеливо ожидают своего часа. Чуть слышно дают о себе знать зимними ночами лишь досужему до них человеку. Изредка, по праздникам, усиливают гул, как бы радуясь исходу зимы, и опять засыпают. Всё в них соразмерно незатихающей жизни.

Много в жизни пчелы мудрости, коей не грешно поучиться и человеку. Ни змее подколодной, ни зверю какому лютому её не перещеголять. Ей эту науку Бог с роду открыл, и потому пчеле завидовать кому-либо не приходится. Трудится она на пользу Богу и людям, и всякий ей за это спасибо скажет.

Пчела оттого никогда не возгордится, ношу, что она на себя взвалила, нипочём не сбросит. Несёт её безропотно, в зимних снах даже не выпуская. Честно и преданно относится пчела к своему роду-племени, добродетели не теряя.

Сама достоинствами такими наделённая, она и людей, подобных себе, почитает. Не выносит же зла и порочности. Недаром в народе примечали, что у праведного рой за роем роится, у грешного последняя пчёлка переводится.

Окунаясь в зимнее забытье, пчела, наверное, только добрых людей вспоминает, и благодарит их летом, за кроткое да прилежное к себе обращение. Именно оно потом успех душистый слагает, и здоровье человеку

целый год хранит. Доброе предзнаменование хозяину, если пчёлы у него благополучно перезимовали.

Крепко спят у такого человека зимой пчёлы, и ни о чем не тужат. В охватившем всю землю белом спокойствии ждут они лета, понапрасну не тревожатся. Чуть не каждый день наступает оно для них во снах, и пчёлы радуются его цвету и поклоняются теплу.

Муравьи

Незаметно спят всю зиму под снегом наши неизменные лесные труженики – муравьи. К середине зимы вьюги да метели почти сравняли их дома с высокими сугробами, так что не отличишь, где снег, а где муравейник! Тихо вокруг, безропотно, сонно.

Заметив ещё не присыпанную до конца снегом верхушечку безмолвного холма, остановишься неподалеку, и вспомнится вдруг лето. Как собирал в тенисто-хвойном аромате крепкие боровики и в восхищении просил у неба долгожданной влаги, чтобы не прекращался рост пахучей грибной благости до поздней осени. При этом сразу оживала в памяти старинная народная примета, связанная с появлением дождя. Верным средством для вызывания его было разорение муравьиной кучи.

Но, замерев рядом с жилищем оживлённых насекомых, призадумывался: стоят ли того эти необузданные желания? Не столько боясь накликать на лесных жителей беду, скорее засовестишься чего-то в собственной душе. Взглянув же пристальней на муравьёв, поймёшь: не поднять тебе руку на такое хрупкое и грандиозное строение.

С виду дом у муравьёв - терем-теремок, на деле же - настоящая пирамида Хеопса. В ней существует множество ходов и переходов, коридоров и галерей, и даже есть подземные этажи. Все они ведут в комнаты-пещеры, что растут с каждым годом: в них муравьи сохраняют свои яйца.

От муравьиного терема бегут во все стороны их тропы, по которым муравьи тянут в крепких челюстях разный мусор, пригодный для строительства жилья. Часто груз бывает тяжелее самого муравья, но он упорно тащит его на себе. Порой целой гурьбой муравьи стараются дотащить до своего дома какую-нибудь приглянувшуюся добычу: гусеницу, бабочку или слизняка. Радуются при этом, суетятся, но не бестолково - с какой-то только им известной целью.

Все обязанности между муравьями разделены: кто-то неутомимо работает, а кто-то откладывает яйца. Муравьи очень заботливы по отношению к ним: утром перетаскивают вверх, к теплу, раскладывая на солнце, а к вечеру тащат обратно. Отправившись в июльский тёплый день в лес по малину, где-нибудь на вырубке заметишь толстенную полую колоду, по которой муравьи разложили свои продолговато-молочные яйца, и

подивишься заботливости насекомых. Пуще человека они потомство своё обхаживают: честь им за это и хвала!

Огромные муравьиные кучи в любое время года придают лесу удивительную тайну и сказочность. Заметив их, сразу ощутишь чьё-то живое присутствие: неугомонное, тёплое, большое... Захочется подойти и долго смотреть на строго однообразные муравьиные перемещения, пытаясь проникнуть взглядом в самую глубь этого непостижимого царства. С благоговейным трепетом охраняют его муравьи: им там, должно быть, хорошо и покойно.

Когда на землю ложится снег, муравьи и вовсе засыпают, вспоминая во сне, как сладко пахнет летней хвоей и смолой. Домики свои они чаще всего устраивают именно в хвойном лесу.

Над спящими муравьями, наверное, всю зиму шумят зеленой листвой деревья и травы. Память их ублажает сочная медвяная роса - самая желанная и сладкая. Сущий рай для муравьёв - летнее раздолье, его непревзойденные кладовые!

Какая сила живёт в этих неприметных насекомых, если они способны пробыть под снегом многие месяцы и затем вновь проснуться, неукоснительно продляя жизнь рода?! «Не велик муравей, а горы копает», - поговаривают о нём в народе. И ещё недаром распространяют слух о его мудрости: оттого он всё молчит, работает и слушает больше.

Но та же народная молва уличила муравья из-за его трудолюбия в корысти: на себя, мол, только насекомое неутомимо работает, и ни до кого ему дела нет! И зря, потому как пользу муравей огромную приносит.

Чудится ему, как собирает он по лесу растительные и животные останки, тут же в муравейник их тащит и тем самым почву облагораживает. Ни одна птица столько вредных насекомых не уничтожает, как вездесущий муравей! К тому же, лечит он своей кислотой зверей, птиц и человека. Правда, последнее ему порой с большими хлопотами обходится…

Во сне муравью видится, наверное, что к нему в конце зимы медведь в гости является. Разроет всё косолапый, разворошит и устроит себе лечебную ванну. Муравьев от этого недовольство большое одолевает, а сколько их ещё медведь подавит! Сердятся муравьи, норовят неуклюжего зверя больнее укусить, а ему того и надобно. Сильно медведь муравьев допекает, и они его во сне забыть не могут.

Кажется им, что медведь опять их муравейник разрыл, верхушек еловых туда насовал и, как ни в чем не бывало, улёгся. Шибко беспокоит это сон муравьев, и они оттого очень переживают. Ненавистен им лесной исполин, что так безжалостно с ними обращается.

Вспомнится вдруг муравью посреди зимы куча сухих листьев, которую ему непременно следует преодолеть. Для муравья этот путь полон пропастей, обрывов и запутанных ущелий. Но он всё же карабкается, падает и лезет вверх снова. Ничто не может остановить муравья в его стремлении достичь желаемого!

Хорошо ему требуется отдохнуть под снегом, чтобы, находя потом пищу для себя, отдавать её собратьям. Эта достойная подражания щедрость свойственна только муравьям. Не позволяя муравьям вконец истощиться, зима спасает их во имя всеобщего семейного блага.

А может, муравей и вовсе не знает зимы, потому как не видит никогда снега. Инстинктивно залегает он, когда приходят холода, и спит себе без тревог до тех пор, пока солнце не растопит остатки зимы. Странно ему видеть их, но работы невпроворот, и потому не задумывается серьезно муравей, когда натолкнётся на что-то поскрипывающее и холодное. Без страха преодолевает, может быть, чуть недоумевая, и вновь с головой окунается в нескончаемую заботу.

Не ведает, наверное, муравей и о том, что зима о нём, не покладая рук, хлопочет, создавая свой непревзойдённый уют. Укрывает пуховым одеялом, песенки колыбельные поёт, да сказки сказывает. А муравей спит себе крепко в её тепле, думая, что это лето настало.

Но зима на него за это не в обиде, поскольку люб ей муравей и дорог. Экая малость, смекает она про себя, а и та терпение великое для жизни имеет. За терпение же даёт Бог спасение, воздам и я.

К весне солнце ласково обогреет землю и разбудит муравьёв, что залегли ближе других к верху. Выберутся они сонные, отогреются на оживающей земле и поспешат принести весть о тепле своим товарищам. Почуяв его, те тоже зашевелятся, и начнётся для муравьиного царства новый день удивительных подвигов и свершений. Зима же только скромно улыбнётся им и пожелает успеха.

Змеи

С приближением холодов пропадают в лесах и змеи, впадая в зимнее оцепенение, а просыпаются только с пробуждением весны, когда и в их потаённом убежище повеет первым теплом. Меньше всего думают о них зимой люди, полагая происхождение всех гадов от Господнего плевка на землю.

По единодушному народному поверью, змеи на зиму сползаются со всего света в мрачное подземелье, где живёт змеиная мать-царица, осуждённая навечно пребывать под землею за то, что соблазнила в раю Адама и Еву. В подземелье этом змеи якобы остаются всю зиму, и вылезают из него весною, когда прогремит первый гром.

Выезжая однажды на охоту по октябрьской пороше, бредёшь в воцарившейся лесной тиши, где каждый корень или затянутая льдом ямка отдаются в тебе каким-то неясным гулом, и отчего-то задумаешься о замолкшей земле. Сразу при этом подумаешь о тех, кто вынужден спасаться в ней, о самых непривлекательных и непонятных обитателях леса.

Как происходит это всеобщее змеиное сползание, и каким образом складывается между ними зимнее житьё-бытьё? Что чувствуют змеи во

мраке зимней ночи, и сплетаются ли в их воображении, представляющемся липучим, какие-либо видения?

Как бы ни было неприятно это наваждение, ты не торопишься избавиться от него. Тугим змеиным шаром, виденным когда-то по весне в скалистом ущелье, подкатывается оно к тебе, распадаясь на глазах. Жуткие мысли-змеи настырно лезут из отвратительного кома в разные стороны, ещё с зимы вялые и одеревеневшие, но неукоснительно их приближение. Не в силах бежать от этого случившегося лесного откровения, стоишь, как вкопанный, и смотришь на пробуждение гадов. И почему-то не можешь отвести взгляд: так притягивает тайна этого змеиного воскрешения...

Где-то там, в заснеженной земле, лежат и дышат змеи друг на друга услаждающим теплом, и нет меж ними разногласий. В глубоких рытвинах, под гнилыми пнями хранят они все вместе летнее тепло. Ни стыдно им, ни гадко - хорошо. Хорошо неведомо ни для кого, по змеиному, для всех чужому. В клубке сплетенных тонких тел таятся неясные змеиные согрешения.

Так, вместе, им сподручней миновать лихолетье мороза и разудалые метели. Зимний век медленно течёт для них большой змеёю и, убаюкивая, шипит: всем нужно спать, спать, и видеть в этом застылом омертвении диковинные сны...

О чём они, эти сны, что, по-змеиному, украдкой подползая, клубятся и липнут друг к другу голым откровением? Может быть, о принадлежности к змеиному исчадию или обладанию чудодейственной черной силой? Среди всех звериных снов особенно худым кажется людям истечение снов змеи...

Всё мягкое, сырое проникает в мысли человека именно из-под земли, чего, наверное, не вообразить, пока ты сам не обернёшься змеем. Не поползёшь росистою травою, не схватишь лягушатины кусок. Околевая с раннего мороза, не заберёшься под древнюю корягу и не утратишь ко всему живому интерес. Заснёшь или задремлешь отрешённо, но зашипишь, коль сунется к тебе чужой.

Змеёю жить в зиме непросто, если ты один. Вот оттого все гады и тянутся друг к другу, предупреждая собственную гибель. Безошибочно находят то, что нужно, чувствуют его очень чутко и всё предугадывают. В тесном сонном сплетении им зимой не страшно, и только копошатся жала тёмных змеиных мыслей.

Эти сонные мысли, должно быть, о том, как выползают змеи из состарившейся кожи, готовые опять жить в сырости лесов. Перебираясь же из мрака к свету, они постепенно обретают способность слышать голоса животных, понимать и постигать целебное значение растений. Копя сатанинскую мудрость, все змеи готовят себя к соблазнению неправедных. Не миновать их сладостного шипа тем, кто без оглядки горд и мелочно расчётлив.

Все змеи, вместе с их нетронутыми снами, почему-то вызывают в человеке боязнь. Но какое ему, впрочем, дело до гадюк, ужей и медянок?! До

их слепых видений, что тащатся противно и пахуче в утробе убаюканной зимой земли. И всё же исстари каждому, кто встретит гада, было наказано убить его, тем отпустив пред божеством своё грехопадение. И люди не щадили змей...

Лихого человека, злого, которому не в радость был родимый брат, сравнивали с гадом. А на деревне его прозывали «шишком червивым», и не общались, обходили стороной. По мнению людей, змей раньше жалил именно того, кто проявлял к нему внимание. Но разве русский мог не отогреть за пазухой худого?!

Так в сердце человека незаметно западал комок обнявшихся змеиных снов, распутывать которые, казалось, жутко, но страшно интересно. В змеиных скользких помутнениях перед ним открывалась суть природы, её невообразимая мощь и неистребимость. Змеи привносили в неё своё таинственное тепло, копившееся всю зиму, и ещё яд, что излечивает болезни.

Змеиное присутствие полезно жизни леса и неотвратимо для человека. Оно - как его незатихающая совесть, напоминающая шёпотом о главном. Свернувшись в глубине души, вдруг так больно ужалит, что навсегда лишит покоя. Вот отчего змеиное соседство важно: расслабившись, жди, тотчас, наказания.

Зима хранит пристрастие змей к правде, к великой истине, которой тоже требуются сновидения. Чтобы отмякли, отдохнули жала, и змеи не растратили бы свою силу, опустившись до презрения к человеку.

Надобно внимательно вглядеться в зимний сон природы, не погнушавшись, может быть, как раз змеиным, а увидев в нём необыкновенную лесную тайну, которая помогает между делом выжить, воздать благодарение Богу, породившему всех этих тварей.

И ещё следует отвесить особый поклон зиме, продолжая любить её со всею страстью, какой способен одарить только друга или гада. Змеиный сон тогда становится всем понятным, и каждому живущему во благо.

Птицы

Бывает такая тишина в зимнем лесу, что кажется, будто свистят рябчики. Но нет, птицы находятся под снегом, а тебе почему-то трудно обойтись без них. Неспешно идёшь на лыжах и знаешь: даже за короткий зимний день обязательно встретишь аккуратные лунки, углубленно голубеющие в снегу.

Птицы вдруг взовьются из-под ног упруго, напористо, испугают на миг и тотчас очаруют своим стремительным исчезновением. Некоторое время смотришь потом в просвет ветвей, где исчезли птицы, и думаешь о том, какие они по-настоящему красивые, придающие обаяние нашему лесу, и в то же время укромные, с чудесным дымчатым окрасом, подобно маленьким живым облачкам, затерявшимся в глухом зимнем лесу.

Спят в заснеженном лесу и рябчики, и глухари, и тетерева, и так это сказочно у них получается, что захочется разгадать тайну этих зимних снов. Правда, иногда зима как будто не желает, чтобы человек проникал в её загадки, и за ночь переметает их. Хорошо спать птицам под снегом, уютно.

Человеку же становится завидно, что он не глухарь или тетерев. А как было бы сладко забыться, подобно птицам, и уснуть в снежном тепле где-нибудь у молчаливо синеющей кромки елового леса. Чтобы не тревожили тебя ни филин, ни рысь, и спал бы ты крепко-крепко.

Нет, наверное, большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, и слышно, как изредка вскрикивает сова. Но ты знаешь, что ей тебя сейчас не достать: пухлый снег спасает.

Вот крадётся у края опушки хитрая лиса, то и дело принюхивается, пристально всматривается, замирает. Дивное украшение леса её зимняя шуба, но коварны замыслы. Рыщет она в поисках желанного глухаря или тетерева, не погнушается и рябчиком. Твоё сердце, если ты птица, замирает от испуга, вот-вот готово вырваться на волю, да лесное чутьё не позволяет. Не шелохнувшись, сидишь ты и вслушиваешься в подбирающиеся звуки, а лиса поскрипывает когтями и подбирается все ближе, ближе.

Не прочь полакомиться боровой дичью и могучая лесная кошка - рысь. Ей не занимать смекалки, как добыть себе пропитание. Всю ночь, и даже днём бродит она по заснеженным полянам и просекам в надежде выхватить из-под снега сладостный кусок. И хоть вся зима для глухаря, тетерева и рябчика превращается в одну ночь, но страха они в себе не теряют. Спят и видят сквозь сон все звериные ухищрения, в себе непрестанно их переживая.

Все эти птицы крепко привязаны к зиме. Что-то исчезнет без них бесследно, если отнять у леса стремительный взлет птиц, тихое бдение на соснах в метель, бормотание в ясные морозные дни. А ещё - их красоту и силу, обаяние и неожиданность, с которой они вырываются из-под снега. В конце концов, ту тайну, что уносят птицы от тебя на своих крыльях, а ты смотришь им вслед и не можешь понять, отчего так безудержно бьётся в твоей груди сердце.

Что-то удивительно сокровенное и в то же время доступное каждому любознательному человеку таится в глухариной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Какой-то сонный и уютный комок лесных чувств, готовый всегда раскрыться и поразить. Птица просто перенесётся из одного своего сна в другой, поменяв лунку, и вновь затихнет. Так добра к ним великая зима и так справедлива. Тёплыми и мягкими снегами, задушевными вьюгами и бодрящими морозами оберегает она глухарей, тетеревов и рябчиков, потому как любит их всех, примечает и лелеет, никуда от себя не отпуская.

Да птицам того и надо: лес всегда немалую заботу о них имеет. В просветах между снами сосны угощают глухарей душистой хвоей. Застывшие березы на всю зиму заготовили тетеревам ароматные почки. Лесная чаща сберегла для рябчиков подслащённую морозами рябину. Ешь

вдоволь и опять окунайся с головой в снежный сон, что уносит к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям!

Но вспугнутые кем-либо, сны птиц не перемешиваются, потому как просты и бесхитростны. В простоте этой - вся мудрость лесной жизни птицы, её дикий страх, тихая радость и восторженный полёт с проникновенной песней.

А как удивительно падение птиц с ветвей в сугробы! Снега синеют в сумерках, и только короткое хлопанье крыльев нарушает воцаряющуюся в лесу тишину. Стремительными и лёгкими плодами срываются птицы с дерев, и тотчас исчезают, унося за собой под снег невысказанную тайну. Попробуй, отгадай её, когда всё казалось ясным и доступным во время их кормежки на деревьях, и вдруг - птицы пропали!

В первую очередь очаровывает та отрешённость, в какую впадают скрывающиеся из виду птицы, и их слияние с зимой. Но главное же - способность продолжать свою жизнь под снегом, закаляя и без того отменное лесное здоровье. Вот это и пленяет всего сильнее!

Ты стоишь, замерев, смотришь на таинственно зияющие в голубеющем снегу лунки, и что-то вдруг переносит тебя вместе с птицами под полог древнего нетронутого леса, когда нетронутость всего живого составляла суть лесной жизни. Дикость её была, наверное, удивительно приятна, и древние леса сразу начинают представляться какими-то диковинными и сказочными, а жизнь в них - удивительно волшебной.

С тех незапамятных времён минула бесчисленная череда зим, в которых птицы незаметно мужали и становились красивыми. Всё требовалось пройти и увидеть им, переболев суровой жизнью леса, чтобы, в конце концов, обратиться в настоящую птицу.

Студёная зима повергала птиц в жуткое оцепенение и, наверное, им часто не хватало сил выбраться из её жестоких объятий. Зима сковывала свободолюбивые крылья ледяной коркой, бушевала лютой стужей и первобытным ветром. А сколько птиц погибло в зубах зверя, прежде, чем они научились ускользать от него! Но вопреки всему глухари, тетерева и рябчики выжили, обретая в этих зимах своё имя.

Имя так же, как тело и душа птицы, выпестованное веками, подходило ей как нельзя лучше. Со временем осталась лишь прекрасная и простая суть: любовная страсть глухаря повергала его в слепую околдовывающую глухоту; рябящая в глазах и мерцающая меж ветвей дымчатая пестрота рябчика спасала его от врагов; забавное квохтание тетерева, одиноко сидящего на березе и ничего не замечающего вокруг, необыкновенно оживляло унылый зимний пейзаж. Разве можно было обойтись тут без убаюкивающих зим и снов, в которых птицы забывались и копили свою будущую силу, обаятельную пегую окраску и завораживающее бормотание?

Лежат птицы под снегом большую часть зимнего времени, вылетая только на утреннюю или вечернюю кормёжку. Иногда захочется им промяться, и они выбираются на свет, но никуда не улетают, а бродят

поблизости от лунки. Радуются птицы, наверное, свежему зимнему воздуху и возможности опять залечь в свою тёплую снежную постель.

В предвкушении скорых снов птицы неторопливо обходят родную опушку, изредка склёвывают снег и при малейшем шорохе настораживаются, чуть приподнимая лапу. Успокоившись, вновь неспешно продолжают свою прогулку. Сны ещё не совсем покинули их разыгравшееся за ночь воображение, и птицы тихо переживают увиденное про себя.

А бывает, ты сам окажешься виновником их внезапного пробуждения. Натолкнувшись на взлетевших из-под снега птиц, вдруг ощутишь всю радугу чувств, так невидимо живущих в твоей душе, преданной природе. И будешь благодарен и птицам, и лесу, и зиме, что бережно сохранила их в своих сказочных чертогах.

Наша зима

Кажется, из каких-то далёких веков приходит однажды наша зима, и вокруг становится уютнее, чище. В деревнях топят печи, и густые дымки белёсыми столбами поднимаются из труб к морозному небу. Словно растопившись от солнца, они вскоре растекаются синеватым облачком над умиротворёнными домами. Их берестяной запах приятно щекочет ноздри, и сразу хочется попасть в натопленную избу, смотреть на выстуженные узором окна, и слушать жаркое потрескивание дров.

Затёртые до блеска полозьями саней дороги весело бегут между домами. Воображаешь, как взвизгивает под ними усыпанный клочками сена снег, переливаясь по обочинам голубоватыми прозрачными тенями. Лошадка всхрапывает невпопад, шерсть на её крупе сияет от солнца, и колкие ледышки брызжут из-под подков в разные стороны. Долго ещё смотришь ей вслед, пока не замечаешь, как снег кисейной пеленой повисает между стволами берёз, с увала на увал с криком скатываются на санях ребятишки, а на горизонте розовеет пронизанный косыми лучами солнца еловый лес, в который непременно хочется войти.

Снег чудно поблескивает на солнце, и воздух будто околдован этим радостным зимним светом. Восторженные сороки не устают перелетать с крыши на забор, ныряют в морозной синеве, озабоченно стрекочут. Необыкновенные среди этой яркой белизны алые снегири деловито сыплют с рябины под окном мёрзлую ягоду, а поля за околицей кажутся безграничными.

В самые первые дни зимы, кажется, что она приходит как бы для забавы. Так в ней много обаяния и веселья, какой-то милой несерьёзности происходящего. Не будучи ещё захваченным ею, наслаждаешься окружившим тебя волшебством, и восторженно про себя недоумеваешь: неужели всё это торжество никогда не кончится, а душа не устанет восхищаться? В самом своём начале зима полнит сердце радостным и безоглядным упоением.

«Зюзя» - так зовут на деревне белого по цвету волос и кожи человека. Так же шутливо величают и зиму: она на Руси никогда не заставляет себя долго ждать. Чуть Покров на двор, а зима уже вместе с ним на пороге стоит, белые пряди свои охорашивает. Вроде бы, ещё и босая, а уже крепкой рукой по окнам стучит, про скорую стужу весть деревенскому люду подаёт.

Трём временам года приходится, не покладая рук, работать для того, чтобы зиме было и сытно, и тепло, и уютно. Зима потребляет и уничтожает то, что было именно для неё припасено и заготовлено, и дай Бог, чтобы еще хватило! Недаром говорят: «У зимы поповское брюхо». Но есть в том своя исконная зимняя правда.

Идёт зима, крепкими снеговыми сугробами сёла-деревни огораживает, буранами-метелями заносит дороги торёные. Как не внимать ей человеку и зверю, не замирать в покорном оцепенении птице! Ко всем, без исключения, сурова зима во имя их блага.

Ни одно время года не заявляет о себе с такой предрешённой неизбывностью, как зима. Она заранее у всех на устах, потому как несёт с собой долгожданное успокоение. Колченогая осень сиротливо плетётся где-то неподалёку, по старой привычке не в силах скрывать свою незавидную судьбу: такой бы приговор, да на чужой двор!

Все таинства леса за весну, лето и осень, как будто иссякли, и не верится, что зима принесёт что-то новое. Жизнь застыла, как это бывает перед волной новых устремлений, а занесённые снегом черты былого уже не выступают так ясно. Глубоко скрытое, но непреклонное движение жизни совсем, кажется, не ощущается в начале зимы, потому как отмякшая от первого снега душа ещё не привыкла трудиться.

Стылая предзимняя немота охватывает всё вокруг, и сердце замирает от предощущения нескончаемости зимы. Что-то тоненькой стрункой тихонечко грустит в тебе, сонно проплывают неясные мысли, но никто их не слышит. И возникают тогда из полузабытого лета, кажущегося таким невероятно далёким, отрешённо-ласковые тёплые воспоминания…

Чудится тебе, словно опять ты идёшь сквозь августовский рассвет с перекосившейся корзиной в руках, и шаги утопают в его непроглядно затаенной тиши. Розовато-блёклый свет робко западает где-то за чёрным лесом, кругом не слышно ни звука, и воздух, в предвкушении рассвета, насторожен и глух. Лето незаметно уже перевалило за свою макушку, и кажется каким-то остановившимся, немножко заплутавшим, но ещё радостным.

Шаги мягко отдаются в замершей тишине, и ты со сладким томлением в сердце предвкушаешь этот погожий день с выцветшим от солнца небом, приятной усталостью и запашистыми тёмными ельниками, где из-подо мха лезут сухими серовато-зелёными шляпками настырные чёрные грузди. Хочется не спеша опускаться перед ними на колени, с удовольствием вдыхая их терпкую пряность.

Дорога по-летнему упруга и легка. Вьётся невидимой лентой посреди леса, и кажется нескончаемой. Вот у самого её края испуганно вспорхнёт разбуженный тобой дрозд, пискнет что-то невнятно спросонья, и тотчас забудется в своих птичьих сновидениях, а ты несёшь в себе его неловкое пробуждение, и чему-то улыбаешься. Будто это был маленький ребёнок, что от твоей неосторожности встрепенулся ото сна, и тут же погрузился в него.

Свет быстро прибывает, и дорога уже не кажется такой таинственной. Белой лентой выплывает она посреди разросшейся за лето зелени, открывая любознательному человеку вполне обычные, но приятные неожиданности. Мне повезло со случайно обронённым глухаркой пером, как будто ожидающим кого-то на дороге.

Опрятное и тёплое, оно выглядело воздушно, так что невозможно было его не взять. Не ощутимое на руке, перо имело свой вес, и я немного рассмотрел кофейно-кремовые пятна на нём, и погладил. Не зная, что делать с ним дальше, долго нёс с собой, не решаясь отбросить, и всё время думал о том, какое оно живое. Когда же почувствовал, что перо стало совсем самостоятельным, осторожно положил его под придорожный лопух.

Таким августовским утром жизнь ощущается повсюду: в неуловимых следах, чьих-то травянистых поползновениях и шорохах. Под каждым листочком кроется мир самого ценного для тебя, и ты вслушиваешься с замиранием духа, всматриваешься в надежде увидеть что-нибудь необычное, и, конечно, не помышляешь о зиме. Только три кряквы, с хрустом поднявшиеся в разросшихся камышах, выводят тебя из приятного оцепенения. Быстро удаляется их пронзающее слух беспокойное кряканье, и на душу опять ложится лёгкое умиротворение.

Какое-то время ты бредёшь в неясных раздумьях, пока тропинка не выводит тебя к знакомой опушке. Где-то здесь, в укромной тени пахучего ельника и вольных берёз, тянут к свету свои запечённые на солнце головки крепкие боровики. И вновь отрешённая радость охватывает твоё сердце, и ты забываешь обо всём, и с онемелым восторгом полнишь старенькую корзину. Благословенная августовская пора как будто замирает, чтобы человек не пропустил её, и прочувствовал до конца.

Вскоре грибная тяжесть становится ощутимой, и приятная усталость обволакивает твоё тело. Пряный жар струится над разомлевшей землёй, подпирает бледно-голубое небо, и ноги нетерпеливо несут тебя к роднику. Переступая выцветшее замшелое бревно, вдруг заметишь юркую ящерицу с изумрудно-коричневой спинкой, и сразу что-то встрепенётся в душе и по-особенному настроит её. После родника ты уже никуда не спешишь: вспоминаешь обо всём, что случилось за этот день, и что когда-нибудь всплывёт в воспоминаниях хмурой зимой, и, может быть, обогреет твоё сердце.

Вообще, всё остальное время, кроме зимы, кажется почему-то недолгим, быстротечным. В нём исподволь копится что-то огромное, всё то, что оседает потом на его дне, в надежде когда-нибудь проявить накопленное богатство.

Так происходит до появления первого снега, когда время приобретает размеренную поступь, но истоки его умудрённого истечения непонятны, пока не наступает зима.

Беспрерывно налетая из-под низких серых облаков, и плавно кружа, снег поначалу украдкой присаживается на успокоенную землю, но уже не успевает растаять. Затем он идёт, не переставая, несколько дней, и его наваливает столько, что, кажется, хватило бы до самой весны. Прикрывая своей приятной, лёгкой тяжестью, словно мохнатой гигантской подушкой, окружающие деревья, дома и дороги, снег постепенно приглушает собой все звуки, целиком вбирая их своей невесомой белой плотью.

С приходом зимы белая укромная тишина заснеженного леса у самой деревни не нарушает затаенной естественности всего происходящего, а наоборот, вселяет в людей спокойную уверенность после бурного весеннего рождения, неугомонного лета и осенних неурядиц. Полноправно вступая в свои владения, зима освобождает всех от ненужных тревог, мягко закружив в своем сонном танце, ласково утихомиривает и, не нарушая установившегося в природе покоя, ненавязчиво побуждает заняться неспешными делами. Потихоньку вовлекая людей в свой мудрый круговорот жизни, зима помогает им понять истинную цену опустившегося на землю молчания, и люди целиком отдаются во власть её сменяющих друг друга заботливых переживаний.

Поначалу зима появляется как бы из небытия, и как-то незаметно проходит по земле. Немножко тревожно становится на душе у людей, что невольно забываются в своих обустроенных на зиму домах. В предвкушении ещё неведомой долгой жизни, что им предстоит одолеть до весны, они настороженно вглядываются в отражённую в небе застывшую белизну, не сразу примечая, как всё вокруг окутывает пленительный белый сон.

Зима приходит на землю, чтобы той не сгореть летом от его жарких поцелуев, и не пресытиться осенью от её нескончаемого дождливого неустройства, а сохранить свою красу, почивая под снеговым покровом. А ещё – чтобы не угасло вековечное торжество жизни, и не лишило человека тепла и света, но приняв этот природный дар, он должен дойти до всего остального сам.

Как нужна России зима! Когда она настаёт, всё как будто успокаивается и начинается новый круговорот жизни. Для всей русской земли наступает обновление.

Трескучие морозы расшевелили людей, вывели из осеннего оцепенения, заставили поёжиться. Какое-то другое солнце - не то, к которому уже давно привыкли и перестали замечать, а словно подменённое, радостно выкатилось над помолодевшим под его лучами лесом. От него, как в сказочном сне, торжественно растеклись повсюду искрящиеся солнечные брызги, что будто застывали в морозном воздухе, не успевая долететь до земли.

Пронзительный скрежет снега из-под валенок прохожих восторженно утверждал всеобщее пробуждение. Во всех направлениях побежали проторённые людьми тропы, готовя между ними новые встречи-разговоры. По головокружительному от синевы небосводу радостно поплыли взбудораженные всем происходящим вороны…

«Зима пришла, не зевай, братва!» - слышится в их отрывисто-звонком карканье, от чего по всему телу бодро пробегают мурашками, и уже совсем, кажется, не страшен мороз. Побагровевшие лица с заиндевевшими усами, бровями и ресницами излучают радостное возбуждение. Не успевшие замёрзнуть слова стремительно вырываются изо рта, и, вперемешку с вязкими облачками пара, вызывают только улыбку…

Как всё это близко и присуще русскому человеку!

Некогда ему было скучать круглый год, и самое бы время завалиться на печь, да душа не велит. Что русский Бог – авось, да небось, а русский час - невесть сколько, - это про плохого русского сказано. Досужему до всего человеку хочется, чтобы день не кончался как можно дольше, и он старается наполнить его вдумчивой неторопливостью самых простых и замечательных дел.

Главная забота для него зимой - телом и душой отмякнуть, по родимой земле и её запахам без ума стосковаться. Чтобы приступить к ней по весне с не истраченным в зимних праздниках желанием и любовью трудиться. Праздники-то эти как не лучше, чем в самое тёмное время года устроить, когда можно жить - не тужить, да по чужим закромам не ходить - свои полны.

А и как взгрустнётся вдруг такому человеку в лихую непогоду, когда бередит душу тоска безотрадная, то понапрасну надрывать себя он не станет: погрустит-погрустит, да и утешится. У Бога день благой для себя лишний раз вымолит - не заплачет. Зима же ему, между тем, будни свои заснеженные примечать велит, чтобы ростки будущей жизни в труде кропотливом выпестовать.

В этом - вся цена русской зиме, её невидимый для человека подвиг!

Когда приходит зима, ты начинаешь про себя неторопливый разговор о том, что происходит с человеческой жизнью. Такое наслаждение слушать в снег длинные рассуждения сердца. Вполоборота сидя у окна, глядишь, не отрываясь, на двор, и кажется, будто из глубины мягкой снеговой завесы кто-то направляется к твоему дому. Всматриваясь напряжённо, никого не замечаешь, но ощущение легкого волнения уже не покидает, и на сердце ложатся приятные думы.

Веяние той беззаботной свободы, какое исходит от падающего снега, тотчас охватывает и тебя. Нечто не совсем понятное начинает твориться в твоей душе. Хочется хотя бы ненадолго вырваться с помощью снега на волю, на свежий морозный воздух из опутывающих душу сомнений, испытать, как в детстве, счастье постижения окружающей тебя сказочной жизни.

Приложившись лбом к холодному стеклу, воображаешь, будто что-то главное сжимается в тебе, подобно исчезающему на его поверхности влажному пятну. Несколько мгновений ничего не говоришь и не думаешь, а только ощущаешь, как оно постепенно замирает. И ещё знаешь почему-то, что ему никуда не деться, и что оно большое и надежное, как зима.

Мысли легкими облаками плывут в тебе, под стать этому зимнему разговору со снегом, что неслышно полнит мудрым знанием. Кажется, так хотят все кругом: и деревья, и земля, и небо. Их переживания беспамятны от счастья, как и твои, потому что охвачены общей принадлежностью к чудесному воскрешению благодаря ниспадающему с небес снегу.

Мысли о зиме, когда бы они ни родились, роятся в тебе как-то туманно, сонно, словно ты без страха блуждаешь в ночном лесу и ничего, кроме его тишины, не слышишь. Скорее даже - только чувствуешь что-то и не противишься ему. Но постепенно сердцу становится всё простым и понятным, и душу согревает неведомое зимнее тепло, и она будто освобождается от всего ненужного с приходом зимы. С воодушевлением взглядываешь в ясный морозный день на высокие облака и посверкивающие на солнце сугробы, заснеженный лес возле деревни и укатанную санями дорогу, и в этой размеренной протяжённости зимы спокойно постигаешь, что уже не останешься прежним. Ты ещё долго будешь хранить в себе это выстуженное небо и солнце, а предстоящие испытания долгими морозами и метелями, знаешь, помогут тебе увидеть однажды желанные проблески долгожданного весеннего света.

Но когда застигает такой мороз, что птица мерзнёт на лету и падает на землю уже окоченевшей, взброшенная с ладони вверх вода возвращается оледенелыми брызгами, а еле прикрытая снегом земля может промёрзнуть чуть ли не на сажень, задумываешься ты о хрупкости жизни. С трудом в такую пору пробиваешь лёд на реке, постепенно угнетаясь душой, и в отчаянии не достигнуть воды, чувствуешь себя одеревенелым. Опустошённо глядишь потом, как тяжелыми сгустками бьёт она из-под ледяной коры, широко затопляя рваную прорубь.

Порой подступают такие дни, что кажется - не сможешь вдыхать этот пронзительно жгучий воздух. Повальные недуги застигают всех людей без разбору, и не сомневаешься, что обезумевшая зима вот-вот иссушит и твою душу. Но всегда неожиданно наступает перелом в природе, что дарит отдохновение в давно ожидаемых новогодних праздниках.

Господь не зря устроил зиму так, чтобы вдумался человек в самого себя, нашёл для жизни необходимый свет и силы. И хотя блуждающая в небе луна кажется ему одинокой, мерцающие в бесконечной дали звезды остывшими, а ночной небосвод, склонившийся над притихшей землей, безучастно согбенным, именно зимой наше сердце не устаёт за кого-либо болеть. Не уснувшее до конца, оно всех готово обнять, окутывая своим неистребимым теплом, только потому, что вокруг утверждается зима.

Каждый год возвращаешься ты в зиму, как на ночлег, и её завораживающее одиночество охватывает тебя больше, чем восторженная память о весеннем чуде. Его надо непременно заслужить, чтобы с большей глубиной постигнуть радость человеческих встреч и поступков.

Зима только на первый взгляд замыкает собой жизнь. На самом деле она ширит кругозор, но и понуждает заглянуть вглубь себя. Декабрь, январь и февраль - это самая дальняя страна, куда человеку суждено отправляться каждый год, неизменно, и потому приход зимы для него есть не что иное, как новый стук судьбы в дверь.

Человек же не понимает тех ценностей, что несёт с собой зима. Он упорствует в том, что издавна всё ему известно, и, конечно, никогда не признает себя за невежду. Но зима неумолимо будет стучаться во все человеческие двери, пока сердце людское не откроется для радости познания её несокрушимо здорового смысла.

Не надо забывать, что когда глухой зимней порой мы думаем, что всё в природе угасло, мы всё-таки живы. Неиссякаемый источник сил ищет себе верную дорогу, и напоминает нам о себе чаще всего именно зимой. Зима для человека - это очень важное испытание на пути возвращения к самому себе.

Бывает, в предвкушении морозного зимнего утра всё дрожит и поёт ослепительной радостью внутри тебя. Большое красное солнце быстро взбирается над лесом, что-то вдруг обрывается в душе, придавая тебе дикую силу, и будто срывает с места. С каким-то душевным облегчением устремляешься ты вперёд, по ухоженной морозом белой дороге, кажется, готовый ко всему на свете, необыкновенно просветлённый. И чудом не сходишь с ума от клокочущей в груди радости, всего тебя переполняющего восхищения.

А иной раз вдруг всё исчезает, и снежная пелена покрывает небо. И ты идёшь по нескончаемости этой тусклой белизны, ощущая в себе только неутомимую волю. Какая-то неведомая музыка безголосо звучит в тебе, но ничуть не мешает. Она сродни стелющейся впереди зимней дороге.

Снег налипает на одежду, леденит лоб и щёки, а ты движешься навстречу ветру, и видишь одну белую муть. Снег бьёт наотмашь по открытым глазам, из мутной пелены вырастают колючие вихри, и чем больше пуржит эта туманная метелица, тем темнее становится вокруг. Смежив глаза, протягиваешь вперёд руки, будто уже некуда идти, а лес, склонившись над тобой, зловеще замирает. И ты забываешься в этой волшебной отрешённости зимы…

Оказавшись дома, с удовольствием вспоминаешь про завывающую за окнами метель, и на душе опять становится зябко и хорошо. Будто охотничий рог призывает тебя к неотложному и радостному сбору. Трубный зов его мягко истаивает в верхушках деревьев, и кровь горячо ударяет в голову. В воздухе слышится сладкий гул, он полнит смутными видениями твоё растревоженное сердце, и не даёт успокоиться. Зимняя дорога постижения

вновь влечёт тебя за собой: непредсказуемая в своей красе и силе, бесконечная и дорогая.

Туда, где по замёрзшим лесам молчаливо упорствует ветер, а среди заснеженных полей возникает печаль безотчётного отчуждения. Блёклым кажется сонное лесное царство, но оно не означает наступления бездушья. Это наша зима, которой мы никак не поймём, и которой безнадёжно дичимся.

А между тем, каждый год неизменно живём мы под её холодным, блестящим вниманием, что объединяет всех нас неуловимым теплом своей сказочной тайны, залёгшей от рождения до смерти. Зима – в нас и вокруг, она одно их всех времён года, что открывает для человека истинный путь: без неё он самим собой не станет.

Как легко нам становится дышать морозными тихими днями! Словно мы оказываемся невольными свидетелями иной, более достойной жизни. Но вот студёный ветер заунывно завывает в замерших лесах и день, и два, и неделю, необъяснимо терзая наши души, и начинает казаться, будто мы опять что-то теряем, не обретая долгожданного покоя. Мы чувствуем себя уже обездоленными, не замечая при этом, как стремительно протекает мимо удивительная жизнь, наша чудесная зима.

Настоящая воля человеку в зиму - это простор в мыслях и поступках, отсутствие какой-либо несвободы. И хоть всякому воля своя, русскому она - едина. Воля у него и до боли, и до безудержного веселья, так что умереть - не встать.

Независимость и отсутствие над ним какой-либо власти - рождены только его бескрайней волею. Но может волюшка обернуться и горькой долюшкой. Отпусти её тогда, да не кайся на судьбу: выйдет срок - будет воля и твой Бог. Но почему-то замирает он душою в зиму, что единолично вершит свой суд.

А воли зимы, как говорится, не переборешь: снежится ей по-своему, как ни у кого самобытно и раздольно. Но, не без Господа она в голове: есть у неё и свой бог.

Только порой грешит зима своим слишком вольным поведением. Вседозволенность, с какой она врывается в мир человека, бывает им непостижима. Даже иной раз задумаешься: имеет ли зима на то какое-то право, ибо если ей всю волю дать, добра тогда не видать. Но не спрашивает зима у человека совета, она сама его ему даёт.

Когда утонет его сердце в глубоких снегах, а душа забрезжит еле приметным огоньком в ранних потёмках, так и сподобится зима на свой подсказ. Припорошенный снежком да взнузданный крепким морозцем, подсказ этот мужика исподволь настоящей жизни учит, к вольному весеннему свету готовит. Русскому человеку честь, если такая воля в нём есть.

По воле зимы и Бога человек живёт и держит перед самим собой ответ: то ли ему его сердце велит, что он в своей судьбе находит? Ибо не зря говорят, что вольному - воля, спасённому - рай, но не всегда воля человеком владеет. Разум, бывает, скорее дорожку свою в душе прядёт, жалуя человека крестом и верным спутником, а ещё – вечной свободой, в ней всякий себе хозяин.

Помимо зимней воли, в человеке должна звучать и песня зимы. Те звуки, что рождают музыку неподражаемо волнительных видений и чудных снов, самых сокровенных сказок и предсказаний. Песня эта мягко длится в человеческой душе всю снежную пору, убаюкивает его и пеленает.

Музыкальна зима необыкновенно. Выводя морозами мелодию без слов, она обращается за помощью к ветру. С ним зима поёт давно им обоим известную песню. Про возвышенные порывы живой души и то время, когда она – в тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь её потерять. Обо всём может догадаться зимний ветер, потому как горазд до самых неожиданных перевоплощений.

Ветер слагает из зимнего воздуха такие песни, что по силе своей ни с чем несравнимы. Их называют русскими, дующими только с России, и они всегда приносят с собой душевное тепло. Хорошо внимать им где-нибудь посреди зимы, когда ни о чём другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выводит ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь какой-либо опрометчивости или непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость и усталость, или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далёких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землёй и чувствовал себя одиноким.

С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как будто сковывает его восприятие, и кажется, что оно умирает. Ещё ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, которые не прилетели, и иногда его дуновения становятся удивительно схожими с их нежными переливами. Он так же, как и птицы, трогателен и настойчив в достижении своих непревзойдённых никем, жизнеутверждающих желаний.

Сладостны песни зимы, что рождаются, кажется, под сказку. И ветер поёт, и птица, и человек, но у зимы это получается особенно проникновенно. Уютно, по-доброму, слышится её грудной голос, похожий на голос бабушки. Глаза слипаются в благостном полусне, и мысли незаметно тоже превращаются в сказочные сновидения. Зима поёт в тебе.

Песню эту слышишь все зимние месяцы, и бережно несёшь в себе. Она уравновешивает твои разбушевавшиеся за год настроения, и в тоже время окрыляет. Голоса вроде бы нет, но душа поёт. А поётся, как известно, там, где воля. Зимняя, бескрайняя, родная…

Но иногда зимой совсем не хочется петь. Не поётся на душе в заунывные январские метели, когда зима ещё глубока и строга. Не идёт тогда к сердцу разудалое веселье. Грусть робкого прозрения живёт в каждом окошке, или то бьётся в неустанной молитве чья-то судьба, что кажется неодолимой?

Зима же всё равно поёт свои песни: иногда хорошо и искусно, а порой даже не своим голосом. Ей, видать, от того легче становится, когда она себя во всеуслышание изливает. Про свои непроходимые снега и гибельные заносы, про невыразимую тоску непрекращающегося обретения ею вечной жизни.

Певуча на Руси и чистая правда, что обретает в зиму белоснежные крылья. Напевы её приятны русскому человеку. Не смущают его ни зыбкость, ни неуловимость, что часто оказываются присущими самой желанной и искомой на земле истине. Правда помогает застрявшему в снегах человеку, а их чистота утверждает в нём несгибаемость.

Голос у правды протяжный и мягкий, он как будто зачаровывает всех, кто её слышит. Нараспев она читает человеку свои божественные строки, никогда не сбивается. Если долго её искать - угадаешь и чудную песню, но не слышно при этом, как правда волком воет! Ведь сколько ни выть, а так и быть, ибо за такой заунывной мелодией наплачешься, пока богатым станешь.

Но уж верно говорят: либо ткать, либо песни слагать. А ещё лучше - их слушать, наслаждаясь музыкой Вселенной, ибо происходит правда людская оттуда. Ведь песню петь не тот мастер, у кого голос хорош, а кто душой красив. Зима её человеку потихоньку отбеливает, и тем самым чудную сказку свою вершит.

Не дождаться её конца - сколько ни живи! Правда со сказкой всегда около да рядом колесит: вроде бы, и потрогать можно, а не возьмёшь! Остаётся человек один-одинёшенек, пока, наконец, не понимает, что всё это в нём живет. И что долгая песня у русской правды, и что не у всякого она допевается. Но именно в зиму следует искать её, и тогда она открывается в разломе девственных снегов, и окрыляет.

А если не можешь правду найти или, того хуже, потеряешь, зимние небеса преподносят её тебе в виде снега, - благоволение Господа. Истина, говорят, от земли возносится, а правда с неба слетает. Словно непорочной рукой лба касается, сердце твоё успокаивая. Охладит снежной дланью кровь, да на путь земной наставит: будто бы и жить без неё легче, но умирать тяжело.

Без правды даже настоящая сказка, что светлее снега и солнца, не сказывается. Не одна она у Бога праведного, что в себе силу небывалую содержит. Не скоро она и родится. Вместе с зимой они одно важное дело творят: душу человека блюдут, и от невзгод оберегают.

А разве сравнимо с чем-либо обаяние русских зимних слов?! Валенки, рукавицы, полати, русская печь, закуты… Печёные жаворонки, что хрустят

на зубах, словно ледок под ногой, звёзды бархатные по ночам, народные праздники и лесная глушь. И, конечно, волчий вой, колокола, лисий мех и - до одури надоевшая за зиму стылая позёмка. Все они снежны и легки, мягко витают над головой русского человека, и не падают.

Как хорошо ему размышлять зимой о замершей вокруг него сказочной жизни! О том, как на славу постаралась зима, заботливо намела для человека великие сугробы, чтобы не застудил он свою душу и не разуверился в ней, если вознамерился вдруг переживать морозную пору вне дома, где-нибудь в глухом лесу, в зимовище, добывая пушного зверька или боровую птицу. И ещё намечать - как будет тропить свой первый зимник, пролагая его через снега к расставленным по путикам кулёмам, и как возвратится в родной дом, наслаждаясь после мороза его теплом и уютом. А потом, где-нибудь около Крещения, примется снимать с овец «зимнину» - шерсть, неспешно переделывая в течение долгой зимней стужи ещё много чудесной и нужной работы.

Обаяние замечательных зимних слов при этом никогда тебя не покидает, так же, как ни на миг не оставляет ненадоедливое ощущение всеобъемлющего снега. Он повсюду: им устланы дороги и поля, занесены леса и деревни, снег, кажется, улёгся и в твоей душе. Она думает его белой чистотой и дышит, постепенно постигая необъятные российские просторы.

Снег, по народным поверьям, зима из своего правого рукава сыплет, когда приезжает на своей пегой кобыле. Из левого же - иней. Там, где промчится она со своею упряжкою, следуют за ней метели да вьюги снежные, что всё заметают на своём пути. Милостивая и казнящая, добрая и бросающая в озноб, зима всех своим гладом морит, но и грехи людей исцеляет.

Летят её снежинки вещими птицами, свои заговорные приметы людям нашёптывают. Словно из Господних уст слова слёзные, с мольбою, доносятся: «Расступись, земля, на все четыре стороны, не дай, человек, замёрзнуть своей душе. Это совершается чудо зимы по её святому усмотрению, для очищения от грехов человеческих. Весь этот белый чистый снег - тебе на славу! Да будет твоя воля воистину крепка, и не возгордишься ты понапрасну!»

Так, незаметно, белое полымя зимы захватывает всех, кружит и несёт куда-то, а мы послушно отдаёмся ему и наслаждаемся его снежной тишиной. Впитывая лунный свет, мерцание звезд и солнечное сияние, снег отражает наши несбывшиеся желания и возносит их к недосягаемому небу. В падающем же снеге - мы сами поднимаемся вверх.

Когда выпадает первый снег, всё погружается в приятные думы. В этот день почему-то не светит солнце, и небо кажется таким бесконечно высоким. Скорее, оно хмуро, хотя и безоблачно, а лес вдали стоит присмиревший. Как бы долго ты ни желал снега, он всегда приходит нежданно.

Ты открываешь глаза поутру и сразу ощущаешь, что всё вокруг изменилось и стало новым. Вот чего так долго не хватало тебе - этого

большого чистого света, с которым хорошо и спокойно становится жить. Можно отдыхать, молча, от всех ненужных слов, что сказал вчера, позавчера и ещё когда-то давно. И от тех дел, которые совершил. Их было так много, и все они почти ничего не выражали.

Только вот это ощущение чистоты, пришедшее с первым снегом, кажется, чего-то стоит. С ним незаметно наступает время осуществления желаний. Всё остальное оказывается ни к чему не пригодным.

Подойдя к окну, с замиранием духа убеждаешься: там все бело и красиво. Чистыми кажутся оконные стекла, воздух за ними, тишина. Радость и свет исходят от только что народившейся белизны, ещё никем не тронутой, чудесной.

Не одеваясь, стоишь и смотришь на это волшебство, и не можешь отвести взгляд. Сонная теплота комнаты уступает место приятному ознобу. Спрятав ладони под мышками, кому-нибудь из родственников восторженно и тихо бросаешь через плечо: «Снег… Сколько же его навали-ило-о!»

Лёгкая дрожь в теле скоро унимается, и снежная умиротворенность заполняет тебя до краёв. Тебе хочется жить с этого дня по-новому, и верится, что именно так всё и будет. Давно задуманное, но по разным причинам не осуществлённое, ты намереваешься воплотить в ближайшем будущем. И ещё помириться с родными, сделать для них что-нибудь запоминающееся и доброе. Кажется, такое утро сотворено только затем, чтобы на него взглянули однажды в окно, и ощутили бесконечную простоту и ясность жизни, когда она оказывается не использованной так, как того заслуживает.

Бывает, случится тебе зимой попасть в самый снег, только не тот, что по земле метёт, а что сверху идёт. Когда он как будто растекается вокруг, ниспадая откуда-то лёгкими растворяющимися хлопьями, и ненавязчиво приносит с собой свет, что льётся вместе с ним отовсюду.

Что-то необъяснимое касается твоей души, так что даже не можешь какое-то время различить: хорошо ли это? Всё увиденное необыкновенно очаровывает тебя, и ты уносишься вместе со снегом и тишиной в поднебесную серую тьму, где теряется ощущение времени и пространства. Снег летит со всех сторон, и тебе не найти никак ответа: куда и зачем улетаешь и ты вместе с ним?

Порой ясное ощущение от присутствия снега воцаряется в душе с самого пробуждения. На дворе ещё темно, и снег в остановившемся воздухе валит пуще, чем накануне. Пушистые хлопья лениво кружатся в воздухе, как будто не желая ложиться на землю, и кажется, будто всё это тёмное зимнее пространство пронизано неописуемой радостью. Ты чувствуешь её в редких пешеходах, поскрипывающих валенками, в замороженных вскрикиваниях воронья за окном, в собственной, только начинающейся простуде, представляющейся очередной зимней роскошью, когда можно болеть не в ущерб, а во благо.

Такое утро дразнит тебя просыпающимся любопытством: а ну как покажется солнце да зажжёт снежную гладь блеском, от которого можно

ослепнуть! Линия сугробов тогда околдует своей вытянутой закругленностью, захватит морозно-искрящимся загляденьем на происходящее, и от всего этого захочется жить долго и радостно.

Иной же раз снег падает так, как будто две женские руки, полные и белые, видимые только тебе одному, протягиваются откуда-то сверху, обнимают, и от этого объятия никогда не бывает плохо. Просто так должно происходить, так тебе суждено жить и чувствовать.

Небо всей своей необъятностью, вместе со снегом, кажется, спускается на землю, проявляя ко всему только нежность и внимание. Как хорошо отдаться этой неведомой природе и неслучайной зависимости от неё, перестать всё время чего-то добиваться и бороться. Белые руки зимы расточают восхитительную милостыню и счастье.

Воздух от падающего снега кажется прелестным, и дышит вдумчивым шепотом. Он полон нерастраченного значения.

А то ещё снег закрутит, да ровно как разыграет, вмиг прекратившись: словно бы замер ты над пропастью, и одна нога уже в пустоте. Страшно тебе станет, и когда перед тобой такая нетронутая снежная поверхность откроется - даже удивишься. Предчувствие того, что всё в жизни поправимо дарил тебе первозданный снег, а тут вдруг всё это надвинувшееся, белое вдруг остановилось и заставило сжаться сердце. Ошарашенный, застыл ты перед снежной равниной, боясь истоптать её чистоту.

И вспомнишь неожиданно детство, как любил бродить по глубокому снегу под старыми яблонями, оставляя за собой непрерывные следы. Белые груды его воздушно нарастали выше коленей, и это сопротивление снега было приятно. Когда же оно становилось непреодолимым, ты начинал изо всех сил пробираться, орудуя ногами и руками, так что шапка сползала на самые глаза. Мокрыми варежками, то и дело, поправляя её, тебя не покидал сладковато-стылый запах снега и той новизны, которую ты будил с каждым шагом.

Снег лежал повсюду так ровно, что казался неощутимым и каким-то живым. Как будто он появлялся только ради тебя, чтобы ты смог преодолевать его и радоваться тому, какой он доступный, лёгкий и нежный. Снег повторял все деревья, кусты и горки, но это было неинтересно: необыкновенным представлялось утопать в нём, в этом сладком зимнем сновидении.

Вот это отсутствие боязни снега с тех дальних времён куда-то ушло, но если ты надолго оказывался посреди белого пространства, когда перед тобой вдруг возникали заснеженные поля, деревья и стога сена, ощущение, переживаемое в детстве, возвращалось. Прямо на твоих глазах зима становилась тебе дорога не только своим настоящим, но и прошлым, и с тобой случалось что-то очень важное, чего не могли дать осень, весна или лето. Глубокое и тихое счастье от переживания зимнего пейзажа опять оказывалось неощутимым: словно воспаряя куда-то вверх, ты становился

одинаковым со снегом, испытывая к нему только нежность, и совсем не боялся оставаться с этой всеохватной белизной наедине.

К середине зимы жизнь повсюду будто бы замирает. Дома немотствуют, деревья стоят посеребрённые, и белая тишина располагается так тихо, что слышны лишь мягкие удары дятлов. Во мрак зимы ушли берега рек, овраги, ложбины, но не бередит душу белое безмолвие. И птица, и зверь, и человек проникаются им, и отдыхают.

Налёт чудесного отдохновения лежит на всём. Он передаётся сиреневым сумеркам, как бы нехотя прикасающимся к замершей земле. Сердобольным сорокам, то и дело отряхивающим с ветвей морозный иней. Всему оврагу на окраине деревни, превращённому в сплошную ледяную горку и сделавшемуся оттого таким открытым, доступным для ребятни. И ещё - заснеженным домам, замкнуто поглядывающим на это приглушённое зимней тишиной время-истечение.

Зимний лес не видит, говорят в народе, поле не слышит, вроде бы, ни за что не отгадаешь эту настороженную тишину. Но входит в неё человек, растворяется в обволакивающем белом помутнении зимы, и обретает в душе Бога. Настроившись на эту божественную тишину, душа уже не теряет себя никогда, может быть, только на время забываясь…

Нелегко бывает различить свой земной путь в занесенной снегами России, в самую глухую зимнюю пору. Лишь к её исходу ты жаждешь для себя и всего света перемен к лучшему, в нетерпении ожидая чего-то нового. И всё же, редкие вспышки чудесного озарения иногда посещают твоё замершее сердце, и ты радуешься, что посреди зимы оно живо.

Когда солнце поворачивает на лето, а зима - на мороз, и день незаметно отбирает у долгой ночи неуловимые мгновения, в лесу зарождается зимнее эхо. Ни один звук не пропадает в зимней тиши: он тает и - остаётся. Может быть, незаметно ускользает к небесам, но пребывание его обязательно насыщено чарующим смыслом.

Ночью и на рассвете трещат повсюду деревья: тоненькая осина щёлкнет невпопад, более солидное дерево ударит уже как следует, вроде бы по сухому бревну обухом стукнули, а старая липа так крякнет - за километр слышно. Из рек уходит понемногу вода, оседает под собственной тяжестью вытесняющая её смёрзшаяся толща, и от берега к берегу прокатываются гулкие раскаты: это трещит лёд. Лютая зима берется за дело серьезно и, наваливаясь на всё живое своими скрипучими морозами, кажется, останавливает время.

И только вороны черкают в замершем воздухе над узорчатыми сводами заснеженного лесного храма. Крун-дон... Крун-дон... Крун-дон-н...

Как хочется самому сказать что-то громогласное и величественное, так же громогласно и проникновенно отдающееся в зимнем воздухе. Но ничего не получается: ты - нем. Должно пройти какое-то время, чтобы в душе

воскресло самое главное, а для этого следует обратиться лицом к жизни, которая затихла ли?

Нет, она жива. Ею проникнуто всё заснеженное пространство, о необъятности которого даже не хочется думать, но почему-то им хочется жить. Проникновенно и честно, словно ты переживал это в себе не однажды. И так оно и было.

Как хорошо это знание, дающее покой. Оно обязывает тебя быть более свободным и сильным, когда тоже хочется лететь и кричать: «Крун-дон, крун-дон, крун-дон…»

А то вдруг послышится в этом завораживающем крике воронов отдалённый звон колокола… И вот увидишь, как посреди глухого леса кроется неведомая церковь с луковками заснеженных куполов. Протяжный зов её колоколен проносится над землёю, вливается в душу, и тоже завораживает. Ничего более тревожащего и одновременно убаюкивающего ты в жизни не слышал.

Задираешь голову к небу и хочешь уловить этот неминуемо ускользающий звук, а он безнадёжно истаивает где-то в недосягаемых далях. Несмотря ни на что долго вслушиваешься в отдалённое эхо, и звон от воображаемой колоколенки, не смолкая, стоит в ушах. То он возносит тебя к небу, то ввергает в чёрную холодящую пропасть. А то может околдовать бесконечно белым кружением над замершей в снегах землёй. Нет ему преград и мыслимого предела, как и в твоей душе, которая пьёт проистекающую повсюду тревожащую радость.

Ведь зима не может заглушить пламя сердца, а оно не в силах говорить о ней ледяными словами. И тогда приходит черёд сказке, что ведёт за собой человека через всю зиму, убаюкивает и воскрешает. Хорошо внимать её вкрадчивым речам, сладко...

Сладко и сонно становится жить под незапятнанным зимним небом, всегда с горячими воскресными пирогами и добрыми замыслами. Сама жизнь превращается в сказку, без конца и без края, и нет предела той затаенной радости, что может преодолеть любую, самую приевшуюся действительность.

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна в скорых сиреневых сумерках горят живым оранжевым теплом. Там, за окнами, живёт вдумчивая людская озабоченность и нежность.

Кто-то маленький сидит на коленях у своей бабки и с замиранием сердца слушает, как давным-давно, в тридевятом царстве-государстве, жил-был… Голос у бабки тихий и печальный, но ты знаешь, что всё это - родное, своё, как старая сказка, которая льется зачарованно рядом, а её волшебные образы не перестают волновать твоё разыгравшееся воображение.

Великий покой окутывает всё на земле, и только волков голод бросает в нескончаемую дорожку среди сугробов и ущербных теней. И вой стоит над всей заснеженной Россией, вой неистовый, пугающий и манящий. Круто заварена снежная каша русской зимы.

Русская зима - это русская печаль без видимой причины, без конца и края снега. Неизбывная необходимость жить, когда всё умерло до весны, уснуло.

Но человеку не дано забыться. Надо блюсти свою душу, не умирать в безысходной тоске, с пользой проживая отпущенное природой время. Нужно заботиться о людях и собственной жизни. Чувствовать не отупело, а радостно. Обжигаться морозом, угорать от печного дыма, но прорываться в гибельную пургу навстречу розовеющему свежему утру.

А ветер сплетает косматые снежные пряди, бросает их оземь, стонет, гудит. Колючие снежинки шаркают о дверь дома. Под столом, в углу, попискивают в темноте мыши. Неуловимыми тенями они проскальзывают вдоль стены, играют с хлебными катышами, создают уют. Наверное, мыши радуются присутствию человека, и вьюга за окном не кажется такой устрашающей. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, сладко потрескивают в печке дрова, и сердце ровно бьётся в груди для дальнейшей жизни.

И вот уже дивный сон наваливается на плечи, так что слипаются веки, и тогда всплывает посреди зимы её самая волшебная сказка – Рождество, вместе со всеми чудесами, что оно в себе несёт.

Выйдешь в рождественский вечер на крыльцо - дух в груди перехватит: такой весёлый озноб по телу пробежит, что и слова не вымолвить. Каково!

Звёзды в напружиненном небе, кажется, съёжились от мороза, а так и играют разноцветными каменьями, задорно вспыхивая в торжественной вышине. Если голову не опускать, и всё вверх глядеть, то начнёт казаться, что они – живые.

Среди поблескивающих сугробов тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая к колодцу тянется, взвизгивая, словно поросёнок. Деревья в снегу по пояс застыли, но тоже всему происходящему тихо радуются, сопереживают.

Морозный воздух от фонарей искрится, осыпая восторженным блеском шапки, валенки, шубы, и они мгновенно смерзаются, отчего во всём теле – удивительная приподнятость, бодрость. Так бы и полетел прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку, а на душе тепло от счастья, празднично.

Плывёт кругом рождественское сияние, не утихает! Мечта одна другую перегоняет, в звонкую тишину тянется: от предвкушения того, что всё задуманное сбудется, даже как-то неловко становится. А как если самое сокровенное загадать – будет ли тебе отрада?!

Святой вечер, и такое необыкновенное настроение, что не передать словами. Окна в домах совсем замёрзли, тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом. Где-то там, в уголке, замерла отогретая с мороза ёлка: распушив густые лапы, сладко дышит хвойным жаром. Золотые и серебряные шары слабо прокручиваются в ней на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой…

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под мерцающие звёзды, а с мороза – к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном инее, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме её метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо длится рождественский вечер, и, кажется, ему не будет конца. В такую сказочную пору всё представляется нерассказанным, и его хочется передать: спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору.

Сказки, словно таинственные сны, украшают жизнь, воплощая в ней наши несбывшиеся мечты и надежды. Они – сама многообразная и красочная жизнь, в которой человека не покидает стремление доискаться, наконец, желанной правды. Сказки не оставляют нас в течение всей жизни, будто манящая своими чудесами загадочная лесная тропка, и мы верим в то, что всё хорошее в ней не только когда-то было, но и есть, и ещё обязательно будет. Сказано - сделано, и значит придёт пора, что сказка сбудется.

А что творится в эту пору в лесу, знают лишь тёмная ночь да яркие звёзды. Под их таинственным свечением бесследно исчезают в нём и человеческая радость, и слёзы, и сердечная боль.

Но молчит над головой загадочное небо, безмолвно сияет месяц, и только необъятный простор зимы звенит в ушах. Ночной воздух то ли околдовывает этой замершей пустотой, то ли просто обескураживает: нет предела его сковывающему могуществу. Темна вкрадчивая ночь в лесу – татю родная мать, да черны и людские дела.

С затаенной набожностью взирает человек в эту нескончаемую морозную черноту в надежде на избавление от всего, что полнит душу страданиями. Славит звёздное знамение, воскрешая исстрадавшуюся душу, ему одному вверяя самое сокровенное.

Оттого, наверное, и звёзды в сочельник Божьим повелением к ягодам горят, которых вдоволь должно уродиться. То-то загуляет в лесах народ да возрадуется! А пока тихо в лесу, степенно: всякий зверь знает в нём своё место и время, на себя одного надеется. Кажется, так далеко до Божьей милости - через долгую зиму счастья своего вовек не достать.

Хорошо поутру просыпаться в какой-нибудь лесной избушке задолго до восхода, встречая зимний рассвет лишь при слабом отсвете разгорающейся печки. За окном в такие часы стоит совершенная тишина. Воздух мягок, душист, и зазевавшиеся снежинки изредка вспархивают в нём ослепительными блестками.

Выйдя ненадолго на крыльцо, чтобы умыться снегом, весь находишься в предощущении того, когда звёзды начнут постепенно гаснуть, а возвращаясь

в избу - чувствуешь, что переполнен их чарующим светом. Но долго ещё нельзя заметить какой-либо перемены. Лишь печь, украдкой, потрескивает в тишине, и, кажется, больше звуков нет на целом свете.

Но вот воздух словно сдвинулся, и слабо заалело окно с востока. Затем неожиданно обозначились рукомойник, полотенце на нём, а вскоре и печка, чью белизну ещё недавно нельзя было различить. Всё как будто ожило, стало неторопливо занимать свои места, и тотчас улетучилась тайна, ради которой с замиранием духа сидел ты в одиночестве, посреди этих забытых снегов и невменяемого леса.

В зимнем лесу ты непроизвольно ищешь тайну, и она всегда застигает тебя врасплох, сколько бы ты за ней ни гонялся.

Когда холодный месяц сияет над крышей твоей избушки, на душе становится как-то отрешённо, даже - грустно. Простодушная жизнь в зимнем лесу начинает казаться тебе печальной и, может быть, никому ненужной.

В каком отдалённом краю живёт сердце зимы, думаешь ты, и если место ему не здесь, то где тогда его настоящая обитель? Таится оно сокровенно в дремучем лесу, или своевластно витает над своими неведомыми заснеженными просторами? Существует ли, вообще, где бы то ни было?!

А что поделать тебе со своим сердцем, часто западающим в морозном крошеве зимы? Вот как сейчас, когда ты хочешь постигнуть её сердце, вроде бы - чужое, но без которого твоё существование оказывается просто невозможным.

Святость таких лесных откровений, тем более – зимой, всегда волшебна. Сказочным представляется то, что зимнее сердце бьётся и в твоей груди.

В заснеженных лесах нет разбора нескончаемым дням. Стелются они суховатою позёмкой, заметают и околдовывают память. Кажется, никому из них во всю зиму хода никуда нет: забыты они всеми, на самих себя обречённые.

Но неравнодушному человеку в зимнем лесу нечего бояться. Чисто и как будто даже свято становится там. До самой весны эта белоснежная чистота пронизывает лесное пространство, и никуда не уходит.

Ещё с детства полюбил ты пронизанный сусальным огнём зимы лес. В такие минуты точно что-то живое входило в тебя, незаметно заливая душу радостной снежной глазурью. Это не было светом, а скорее скрытым ароматом жизни, неуловимо проистекающей в природе, тем, что вынуждало зимний лес, всё существующее в нём, чудесно преображаться.

Ощущение от этого впечатления ненавязчиво напоминало всеохватывающее чувство переживания первозданности мира и его нетронутой чистоты. Но страшно бывает в суровую зиму войти в дремучий заснеженный лес. Таким одиноким и беспомощным чувствуешь ты себя в нём.

Холодный, северный ветер носится где-то в верхушках деревьев, и нет желания внимать ему. Об этом даже не помышляешь, так же, как не

замечаешь и тяжёлого, низкого неба, растворённого в непогоде. Весь ты обращён к лесу, его неприступности и силе.

Не сразу разберёшь, что именно пугает в нём. Словно что-то чужеродное и необъяснимое касается тебя своим невидимым крылом. Оно как будто ничего не имеет против твоего присутствия здесь, и только исподволь наблюдает: что ты предпримешь?

Ты ощущаешь это для себя достаточно ясно, поскольку давно усмирил разыгравшееся воображение, но, то неведомое, что скрывается в заснеженном лесу, не перестаёт тревожить. Чем дальше удаляешься ты вглубь леса, тем сильнее воздействует оно на тебя. Если вовремя не взять себя в руки, дикое беспамятство может овладеть тобой.

Чего уж говорить о проведённой в таком лесу ночи, может быть даже - не одной, когда ты будто попадаешь в другую, неизведанную жизнь, в которой живёт какой-то давно забытый всеми, страшный смысл. Сквозь её мутное, тяжёлое существование не пропадает ощущение чьего-то дурного глаза, что пристально наблюдает за тобой и наслаждается твоей растерянностью. Ты словно пробуждаешься от неприкаянного северного ветра в своей душе, и мучаешься от этого.

Ветер этот, кажется, начисто готов выстудить твоё сердце. Мощно и глубинно гудит он где-то во тьме лесов, не забирает тебя с собой, но и не ослабевает, разрастается, так что тело будто становится ничейным и ненужным. Его уносит вместе со всей заснеженной землёй какая-то чужая, неведомая непогода, грозная, как Страшный суд.

А потом опять всё исчезает, кроме этого жуткого ветра, и ты не можешь пошевелить даже пальцем, скованный распространившимся повсюду холодом и страхом. Как будто кто-то неживой возвращается из прошедшей ночи, и безобразно заглядывает тебе в душу. Ты лежишь, затаившись на нарах лесной избушки, и ждёшь чего-то важного, что вот-вот должно произойти, но не происходит, и ты не можешь избавиться от охватившего тебя забвения посреди сурового января, на дне этого застылого зимнего безумия. Лежишь и ждёшь раскрытия сокрушающей твоё сердце тайны зимы, которую всегда почему-то боишься вспугнуть.

И всё же, что-то в душе всегда противилось этому лесному забвению и страху. Безоглядная одичалость твоего лесного существования вдруг приятно засвербит где-нибудь под лопаткой, отпустит, и ты опять остаёшься наедине со своим одиночеством, но только уже неустрашимым, подобно дикому зверю, неуловимым и свободным от всех губительных наваждений, как безудержный ветер.

Ты – покоен, твёрдо зная: путь твой лежит во мраке лесов, среди бесконечно простирающегося волшебного снега... Это - твоя неразделимая с русской зимой судьба.

Когда кончается зима, ты словно становишься богом. Не сразу: должен ещё стаять снег, солнце разгорится ярче, пойдут первые дожди и от земли запахнет стылой сыростью. Тогда почувствуешь ты себя каким-то особенным и восторженным, так что захочется лететь безоглядно ввысь, дотрагиваясь взглядом каждой травинки или ручейка.

Наступает благословенная пора, и ты забываешь обо всём на свете, и только живёшь. И не вспоминаешь больше зиму, её морозы с метелями и нескончаемую ночь. Хочется тебе веселого пения птиц, свежести и солнца.

Утопающие в весеннем мареве дороги влекут тебя вдаль, и вот уже, кажется, совсем не осталось в твоей душе зимы. Неведомо где потерялся её завьюженный след - не отыскать теперь ни за что, как бы ни старался. Да и нет про то печали: сердце охвачено другим восторгом.

Но зима всё-таки жива, и не покинула тебя. Она живёт в тёмном уголке души невидимым и важным присутствием, напоминая в самую незабываемую весеннюю пору о том, что начало радости рождено ещё в декабре, когда задувают несмолкаемые ветры, землю укутывают непролазные сугробы, и пока только во снах тебе видится будущий весенний полёт.

И тогда отчего-то взгрустнётся на сердце, и опять захочется ощутить нежную снеговую мякоть. Выбираешь самую живую её часть, что ещё дышит зимой, где-нибудь в затенённой части огорода, за дровяником, и осторожно дотрагиваешься: ощущение поразительное, но уже не такое глубинное, как в начале зимы!

И всё же снег снова, так что на миг замирает сердце, обжигает твоё восприятие уже полузабытым о нём воспоминанием. Руки приятно сведёт от резкого холода, когда ты, зачерпнув горсть слежавшегося снежного крошева, протрёшь им лицо, и улыбнёшься. Какой же снег невероятно терпеливый, даже – настойчивый, что не сдаётся, продолжая удивлять!

Да сколько снегу ни лежать - к весне его солнце всё равно растопит. Помогают ему в этом ветры с дождями. А снег растает - и ничего, кроме воды, не останется. Необычайно живительна эта влага, потому как в ней вся сила и удаль зимы заключена.

Правда, преждевременное таяние снега не обещает ещё скорого окончания зимы. В народе говорят: рано затает - долго не растает. Закрутит ещё мартушка свою вертушку, заметёт всё пушистым снегом, ровно не видать никогда весны!

Но не радует уже человека такой снег, а больше печалит. Хочется ему поскорей от наскучившей зимы избавиться, вдохнуть весеннего воздуха и света.

Но пока снег не весь растаял, всегда весной можно ожидать его вновь. Оттого меж людей сказывали, что раньше времени успехом хвалиться ни к чему. Известная поговорка - под снегом не жни, как раз напоминает об этом.

И всё-таки, суждено зиме уступить. Тихо рассказывая волшебные сказки, убаюкивая лютыми метелями и незаметно поддерживая в человеке

здоровье, она уходит, оставляя после себя свет и надежду. Мудрая зима терпеливо копит силы для будущей непрекращающейся жизни, и наставляет до капли выпить буйную весну, раздольное лето и умудрённую жизненным опытом осень. Наша зима дарована нам небом в благое наследство: таков её обычай.

Оглавление

Предисловие 2
Первая часть. Зимний месяцеслов 6
Студень 6
Просинец 13
Сечень 21
Вторая часть. Матушка-зима 29
Декабрь 29
Январь 31
Февраль 35
Третья часть. Самобранная скатерть зимы 39
Студень ..... **Ошибка! Закладка не определена.**
Четвертая часть. Наша зима 119
Царство белого цвета 119
Обитель снегов 122
Первый снег 131
Следы на снегу 133
Переступы 137
Сакма 138
Оконца 142
Нарыск 145
Малик 148
Побежка 150
Наброды 152
Зимняя сказка 155
Вороний суд 164
Косой чёрт 166
Весёлые кабаны 168
Лисичка-сестричка 171
У полыньи 176
Заячья забава 177
Милые лоси 182
Незнакомый зайка 190
Лисий хвост 194

Одинокий волк 195
Сердце зимы 196
Зеркало души 206
Розовая, голубая, зеленая 215
Воевода зимы русской 228
Снегурочка 235
Под сенью нашего детства 238
Воробьиный скок 256
Под рождество 257
Ясный месяц 258
Весна в январе 259
Зимняя картинка 259
Ночная электричка 260
Войдя в морозный, зимний лес… 261
Линии леса 266
Синий вечер 269
Февраль-бокогрей 273
Верба 281
Чело 282
Дух деревьев 284
Народное дерево 287
Мудрая сосна 292
Лесной доктор 297
Сны леса 301
Медведь 303
Барсук 306
Белка 308
Ёж 311
Пчёлы 312
Муравьи 315
Змеи 317
Птицы 319
Наша зима 322